

Артем Мичурин Ренегат

Аннотация

Человечество. Когда-то давно это слово многое значило. Когда-то оно произносилось гордо. Шесть миллиардов представителей рода людского заселяли планету. Белые, жёлтые, чёрные, с широким и с узким разрезом глаз, высокие и низкорослые, сытые и голодные. Они работали, строили, спаривались, растили детей, читали книги, летали в космос, двигали вперёд цивилизацию и считали себя венцом творения природы. Справедливо считали. Но... всё изменилось. Добро пожаловать в заокские пустоши.

Женщины, дети, подростки, люди с тонкой душевной организацией, ОСТОРОЖНО! Текст содержит ненормативную лексику, описания людоедства, уродств и сцены жёсткого насилия (не сексуального).

Артем Мичурин Еда и патроны Книга вторая Ренегат

Глава 1

...Кровь. Багровая, липкая на стынувшей бархатной коже. Вытекает из её тела на бетонный пол, смешивается с занесённой подошвами грязью... Кругом грязь. Бурая, жирная. Набухает, разрастается, перекатываясь осклизлыми комьями, заполняет собой всё. Пол, стены, город, весь мир тонет в вязкой мерзости. И только кристально чистые серо-голубые глаза печально взирают посреди этого кипящего моря грязи, но они тоже скоро будут поглощены.

— Ты опоздал...

Стас поёжился, плотнее кутаясь в служащую одновременно и подстилкой и одеялом шинель.

Небольшая канавка, давшая укрытие на ровной, хорошо просматриваемой заокской пустоши, к утру ощутимо промёрзла и теперь, даже сквозь толстый войлок, со всех сторон пробирало холодом. Между редкими деревцами гулял ветер, шурша коричневой листвой и трепля длинные сухие лохмы травы, иногда вырывая их из земли и унося в неизвестном направлении.

Стас открыл глаза и, вытянув из-под шинели левую руку, одёрнул манжет — семь сорок. Нужно подниматься. Пять часов тревожного сна, дважды нарушенного раздававшимися поблизости странными шипящими звуками, особого эффекта не возымели. Глаза слипались, озябшее тело вяло реагировало на приказы мозга, всячески противясь изменению положения с горизонтального на вертикальное. Он с силой потёр ладонями лицо, крепко зажмурился, поморгал, будто пытаясь расклеить тяжеленные веки, и, откинув верхнюю половину шинели, сел.

Как много удалось пройти со вчерашней переправы, Стас не знал. Знал он только то, что шагал долго, пока ноги не начали заплетаться. Шагал, как казалось, по-прямой, от реки на восток, но, бредя в крошечной темноте безлунной ночи, трудно быть уверенным в точности следования выбранному маршруту.

Стас глянул на розовеющий полукруг восходящего светила и повернулся в

противоположную сторону — западного берега Оки с прожекторами муромских сторожевых башен видно не было — это хорошо. Впрочем, и ни одного сколь либо надёжного ориентира, кроме солнца, вокруг так же не наблюдалось, что было уже совсем не замечательно. Карта отсутствовала, а сориентироваться на незнакомой территории по небесному светилу... Он вздохнул и, гоня подальше дурные мысли, полез в рюкзак.

Оставшиеся с ужина копчёная рыба и картошка товарный вид за ночь утратили совершенно, слежавшись, придавленные коробками семёрок, в малоаппетитный на вид комок из мяса, костей и крахмала. Но внешний вид блюда Стаса сейчас мало волновал. Он разложил походный нож с удобным лезвием-вилкой и, ловко выуживая рыбы рёбра из отхваченных кусков, за пару минут уничтожил ещё пахнущую дымком биомассу. После чего глотнул воды из фляги и приступил к инвентаризации обновлённого имущества.

Спешное бегство из заваленного трупами магазина не оставило времени на особые раздумья, и теперь, за перебиранием трофеев, в голове крутились скорбные мысли о безвозвратно упущенных возможностях. Две РГО, топор, сапёрная лопатка, походный нож, два ПБСа, сапоги с портянками, плащ-палатка, аптечка, ружейная смазка, патроны, шинель, ну и сам рюкзак. Всё. А ведь как бы пригодилась сейчас горелка на сухом спирте, да и котелок с кружкой тоже были бы не лишними. Десять, а после оплаты переправы и вовсе девять, пачек стандартных семёрок здесь, посреди земель печально известных навашинских бригад, уже не казались достаточным боезапасом, как и пять пачек картечи.

«Кстати...» — подумал Стас и вытащил из рюкзака недавно обретенный гладкоствольный инструмент. С виду новёхонький. Полиамидные цевьё, рукоять и приклад, оканчивающийся удобным резиновым затыльником. Короткий ствол в тридцать пять сантиметров на глаз, с фосфатным внешним покрытием серого цвета. Четырёхзарядный трубчатый магазин практически на длину ствола. Неподвижное цевьё упирается в ствольную коробку, с правой стороны которой на блестящем воронении металла проштамповано: «BENELLI ARMI-URBINO-MADE IN ITALY», слева — «12 ga.-M1 SUPER 90 ENTRY-BENELLI-ITALY».

— Ишь! — подивился Стас, дёрнул затвор и взял на изготовку.

Ружьё легло, как влитое. Правая ладонь обхватила рукоять, левая — цевьё, щека упёрлась в слегка шершавый пластик приклада. Крайняя фаланга указательного пальца погладила ребристый металл крючка и плавно нажала, выбирая спуск. Затвор, освобождаясь и пошёл вперёд, радуя слух мягким клацаньем в конце своего недолгого пути.

Прекрасное оружие. Тяжеловато немного для своих габаритов, но ради возможности быстро садануть картечью в шустрю псину, не тратя попусту основной боекомплект, Стас готов был потерпеть лишних три кило. «Вот только работает ли сия красотища? Не выстрелишь — не узнаешь». Шуметь, однако, совсем не хотелось, а таскать нестреляный дробовик на шее мёртвым грузом было глупо. Посему Стас, покрутив напоследок ладно скроенную машинку, убрал её в рюкзак «до лучших времён». А в том, что времена эти скоро настанут, он не сомневался.

Небо прояснилось, ветер немного утих, и дикие пляски опавших листьев в жухлой траве сменились размеренным вальсом. Своеобразная природа заокской пустоши абсолютно не походила на муромские сосновые леса, вечно тёмные и траурно величественные. Река словно делила своим руслом землю на два мира, имеющих так мало общего, что казалось, будто они только недавно сошлись, обступив Оку берегами, а до этого лежали в разных полушариях. Чахлые низкорослые деревца с раскидистыми, стелящимися параллельно земле кронами, не тянули ни то, что на лес, их жиденькие группки и рощей-то назвать можно было с большой натяжкой. Песочного цвета выжженная трава покрывала красноватую глинистую почву драным ковром. Там, где иссушенный солнцем «ворс» редел, образуя проплешины, взвивались с каждым новым порывом ветра миниатюрные смерчи, кружились над скупой породившей их землёю и таяли, развеиваясь вокруг мириадами песчинок. Почти лишённая сколь-нибудь заметных низин и возвышенностей равнина простиралась во все стороны и расплывалась далеко-далеко на горизонте в бурое от пыльной взвеси марево.

Стас поднялся, отряхнул шинель, накинул её поверх рубахи с разгрузкой, нахлобучил за спину вещмешок, проверил, спокойствия ради, патроны в рожке и двинул вперёд, навстречу восходящему солнцу.

Пытаясь восстановить в памяти не раз виденную карту нижегородщины, и прикинуть своё хотя бы примерное местоположение, он шагал и делал руками указующие жесты: то прямо, то влево, но чаще всего вправо, туда, где по всем прикидкам должно было находиться Навашино. Минувшие с переправы пять часов пешего хода должны были уже, если не привести его в сей рассадник человеческих пороков, то, по крайней мере, подвести очень близко, а это грозило большими неприятностями.

Натянутые отношения между Муромом и Навашино имели давнюю и насыщенную событиями историю. Территориальная близость двух городов, разделённых всего шестнадцатью километрами и Окой, едва ли не с первых послевоенных лет стала причиной столкновения интересов в обширных накладывающихся друг на друга ареалах. Муром, руководствуясь собственными интересами, не без оснований претендовал на часть ещё не сильно разворованного железнодорожного имущества аж в шести километрах за рекой. Навашинские с таким раскладом были категорически не согласны и считали, так же не без оснований, что раз здания, машины и рельсы со шпалами находятся на их берегу, то и никаких разговоров о дележе быть не может.

Поначалу, как рассказывали старики, разграбление проходило относительно мирно — стрельба в воздух, мордобой, взаимные угрозы. Но когда муромские отцы города решили обнести жилую зону стеной, дело приняло совсем иной оборот. Непомерно возросшие аппетиты на всё, что только можно было использовать для строительства циклопической фортификации, столкнулись с явным неодобрением заокского соседа, тоже смекнувшего, что мирная жизнь кончилась и, похоже, навсегда, а растущие как на дрожжах банды скоро перестанут ограничиваться деревенским мародёрством. При этом разбирать на стройматериалы собственные «законсервированные», а по правде говоря — брошенные, здания, коих уже тогда вокруг жилой зоны было хоть отбавляй, муромское начальство категорически отказывалось. Конфликт накалялся. Словесные перепалки очень быстро затихли. Никто уже не стрелял в воздух. Начали стрелять во врагов. Сначала изредка. Дальше — больше. Скоро дошло до того, что стройотряды уже носа не казали из городов без сопровождения автоматчиков. Но рост количества вооружённых людей с обеих сторон только подогревал страсти. Каждый выход на спорные территории заканчивался перестрелкой. Сёла, коим «посчастливилось» оказаться в зоне дележа, вырезались и горели. Началась война — Первая Окская, продлившаяся с весны по осень две тысячи двадцать пятого. Результатом её стало отеснение навашинских вглубь территории и окончательное разграбление железнодорожного добра на протяжении трёх с лишним километров от Оки. Но этим дело не закончилось. Спустя всего восемь лет конфликт разгорелся с новой силой. В этот раз Муром уже не ограничился тремя километрами, и его отряды добрались почти до самых пригородов Навашино, где встретили жёсткое сопротивление и скоро были отброшены назад, потеряв в ожесточённых схватках едва не половину бойцов. Оставшихся сил хватило лишь на то, чтобы сдержать навашинское контрнаступление, призванное продемонстрировать несостоявшимся оккупантам кузькину мать во всей красе. Именно тогда был взорван автомобильный мост через Оку, а железнодорожный превращён в стальную, подвешенную над рекой крепость. После этого установилось продолжительное статус-кво, лишь изредка нарушаемое мелкими потасовками на границе, и продолжалось оно вплоть до семьдесят второго года.

За это время обеим сторонам вялотекущего конфликта пришлось пережить две страшные засухи, из-за которых большинство окских притоков пересохло, и нашествие саранчи. Но пережить по-разному. Стоящий на самом берегу Оки и не испытывающий особой нехватки в воде Муром вышел из передраг с минимальными потерями. А вот Навашино... Для него череда широких чёрных полос обернулась настоящей катастрофой, которая завершилась принесёнными со стороны руин Нижнего Новгорода кислотными

дождями. Да и заречный сосед в усугублении проблем оказал максимум содействия.

Посылаемые к обмелевшей Оке навашинские подводы безжалостно расстреливались муромскими пулемётными расчётами и снайперами, расквартированными в спешно возводимых по западному берегу гарнизонах на протяжении десятков километров в обе стороны от Муром. Поля высыхали, скот погибал. Голодающие, отчаявшиеся навашинцы шли к мосту в надежде получить хоть кусок хлеба за рабский труд на непрекращающихся муромских стройках, и умирали десятками, становясь кормом для падальщиков, расплодившихся вдоль хорошо пристреленной дороги.

Так прошёл месяц, другой, и поток обречённых «переселенцев» иссяк. Не стало и подвод, воровато качающих в баки воду под покровом темноты. А скоро по Мурому поползли занесённые торговцами и наёмниками слухи о свирепствующих за рекой бандах каннибалов. Тогда они казались не более чем выдумками охотливых до «приврать» бродяг. Но в семьдесят втором жители Муром, и особенно его пригородов, поймали возможность лично убедиться в кристальной честности рассказчиков, оставивших даже, как выяснилось, многие живописные подробности недосказанными.

Голод не выкосил Навашино подчистую, как рассчитывали за рекой, и не рассеял оставшихся в живых, вынуждая искать пропитание на более плодородных землях. Он лишь... подкорректировал их гастрономические пристрастия.

Разделившиеся в первое время на группы по шкурным интересам оголодавшие навашинцы образовали несколько кланов, позже красиво поименованных бригадами. Бригад этих, судя по рассказам, было много, слишком много, чтобы мирно сосуществовать. Начались междоусобицы, переросшие потом в уже откровенные бои за... мясо. В результате оных количество бригад через пару-тройку лет сократилось до пяти, зато качество возросло на несколько порядков и с каждым годом только повышалось. К чёрному в истории Муром семьдесят второму это были уже не скопища плохо организованных, свихнувшихся от голода людей, а высококомобильные отлично вооружённые боевые формирования хладнокровного и не знающего пощады зверья, численностью от трёхсот до пятисот особей в каждом, включая женщин и, способных держать в руках оружие, детей, сражающихся наравне с мужчинами.

Рваные Раны, Железнодорожники, Дети Пороха, Навмаш и Святые Люди — пять стихий, рождающих животный ужас в душах всего окрестного населения своими кровавыми рейдами, после которых выжившие больше не боялись смерти.

Опустошительные набеги, сопровождающиеся грабежом, убийствами и захватом рабов, постепенно стёрли с карт не только мелкие деревушки и небольшие форты вокруг Навашино, но даже такие крупные поселения, как Выкса и Кулебаки. Затравленное население вынуждено было оставлять дома и перебираться в Мухтолово и Ардатов, подальше от страшных соседей. Но скоро беда и туда пришла.

Единственным населённым пунктом в окрестностях Навашино, которого еще не коснулись омытые в крови руки бригад, оставался Муром. Слишком хорошо был он укреплен. А вот пригороды... Конечно, сторожевые башни с их «Кордами» способны были накрыть перекрёстным огнём всё в радиусе полутора километров от стены, и подавить их силами одной бригады не представлялось возможным. Но что если объединиться?

Как раз таким вопросом и занялся однажды глава самой крупной и влиятельной бригады Навмаш — Игорь Гнёт. В течении полугода ему удалось объединить, пусть и на время, все пять кланов. А весной семьдесят второго около двух тысяч человек форсировали Оку в тридцати километрах севернее Муром. Вначале на западном берегу высадились передовые отряды, которые вырезали подчистую три близлежащих села, и установили контроль над дорогами. В течении двух дней с восточного берега плотами переправлялись люди и техника. На третий день они вышли к подступам северного района. И рано утром четвёртого дня эта дикая армада кровавой бороной пронеслась с севера на юг через муромские пригороды.

Тогда погибло больше пяти с половиной тысяч человек в северном, западном и южном

районах. Их тела, зачастую сильно урезанные, хоронили в общих ямах, потому как большинство погибших не имело живых родственников. Выкашивались целые семьи. Около тысячи жителей пригородов, в основном молодые мужчины и женщины, угодили в рабство прямо из собственных домов, которые, казалось, так надёжно были прикрыты крупнокалиберными пулемётами со стен Мурома. На деле же «Корды» не сильно выручили. Наибольший урон бригады понесли в северном районе, но и там пулемётным расчётам удалось отправить в небытие меньше полусотни, пока их не подавили огнём из РПГ и двух установленных на броневиках ЗУ-23, чьи спаренные пушки дырявили броню пулемётных гнёзд, как бумагу. А в плотной застройке западного и южного пригородов огонь со стен оказался и вовсе бесполезен. От него гибло больше мечущихся в панике жителей, чем знающих своё дело налётчиков.

Спустя семь часов адского разгула бригады ушли, забрав с собой новоиспечённых рабов, скот, трофейное шмотьё и мясо. Муром всё-таки накормил страждущих.

Много воды утекло с тех пор и крови немало. Муром окреп, навашинские бригады чуток поутихли. Но эти пыльные красные земли к востоку от Оки всё так же не сулили путникам ничего хорошего.

Стас шагал вперёд уже минут сорок, по-прежнему не отмечая вокруг никаких наземных ориентиров. Солнечный диск оторвался от линии горизонта и висел над пустошью раскалённым пятном, заставляя длинные тени ползти на запад, словно даже этим жалким раболопным созданиям было не уютно на дышащей смертью равнине. Время от времени не знающий преград ветер приносил невесть откуда облака пожирающей солнечные лучи пыли, и тогда тёмные беглецы умеряли прыть, испуганно бледнея и мечась в разные стороны потерявшими чёткость аморфными телами. Но облака пролетали мимо, и тени снова возобновляли с каждой минутой слабеющие попытки обрести свободу, лишь для того, чтобы к полудню выдохнуться, будучи притянутыми хозяином «к ноге», а после с новыми силами устремиться на восток, к темнеющему горизонту, и умереть там.

Иногда в светлеющем небе пролетали вороны. Большие, чёрные, они кружили над пустошью, ловя потоки воздуха широкими крыльями, и присматривались. Деловито крутили головами, неспешно, обстоятельно прикидывали что-то, оценивали и летели дальше, посчитав видимо, что время ещё не пришло, нужно подождать. Терпение — вот главная благодетель падальщика, всегда и везде дарующая ему кусок подгнившего мяса, так славно и легко, почти самотёком, проскальзывающего в горло.

Очередное пыльное облако, возникшее, казалось, из пустоты в полусотне метров, зависло, неспешно кружась, и со следующим порывом ветра метнулось вперёд, окутав Стаса бурой пеленой глинозёмной взвеси. Пыль моментально набилась в глаза, рот, нос, вынудив захваченную врасплах жертву пригнуться, а потом и вовсе упасть на четвереньки, отплёвываясь и фыркая. Облако заложило вираж над головой и, подпитывая своё стремительно разрастающееся тело мириадами песчинками с ржавых земляных проплешин, устремилось дальше.

Стас откашлялся, выплюнул мерзко хрустящую на зубах слюну и, часто моргая слезящимися глазами, поднялся. Но не успел он и пары раз хлопнуть по шинели, выбивая пыль, как уже лежал брюхом на земле и сослепу водил стволом в поисках невидимых целей.

Громкий и будто дробный звук выстрела в нарушаемой доселе только завываниями ветра тишине врезал по ушам не хуже звездюля наотмашь. Стас сильно зажмурился и вытер тыльной стороной ладони обволакивающую раздражённые глаза влагу. К мутным силуэтам деревьев, ставших похожими на гигантские грибы с развесистыми шляпками-кронами присоединилось движущиеся в некотором отдалении пятно. Всё ещё слезящийся глаз припал к оптике. Пятно резко увеличилось и обрело вид человека в длинном песочного цвета плаще и больших защитных очках. Голова была непокрыта. Русые волосы обрамляли лицо короткой стрижкой сверху и окладистой солидной бородою снизу. В руках лежал, — Стас пригляделся, — «Абакан?».

Человек сделал ещё несколько шагов, остановился и присел.

Стас опустил ствол чуть ниже и разглядел лежащее на земле тело в неопределённого цвета лохмотьях. В том, что это было именно тело, а не раненый или просто мирно отдыхающий, сомнений не возникло. Лицо трупа уткнулось в землю, правая рука неестественно вывернута за спину.

Бородатый склонил голову, что-то неслышно произнёс над мертвецом и, поднявшись, осенил его висящим на шее распятием.

— Что за херня? — вырвался у Стаса тревожный шёпот.

Справа в окуляре ПСО появилась ещё одна фигура в точно таком же плаще, ведущая под уздцы лошадь. Второй бородач снял с седла уложенную кольцами верёвку и, опустившись на колено рядом с трупом, принялся обматывать её вокруг щиколоток бездыханного тела.

— Поднимайся! — вдруг проорал первый раскатистым басом.

Стас, не веря собственным ушам, приготовился уже было засвидетельствовать таинство воскрешения мёртвых, но бородач, не оборачиваясь, снова подал голос, зародив сомнения по поводу адресата.

— Я тебя видел. Поднимайся.

Внутри сразу сделалось как-то нехорошо и до жути неуютно. «Выстрелить? А вдруг там ещё кто заныкался? Эти-то двое как из-под земли выросли. Чёрт! Может, на прицеле держат. Уж больно козёл борзо раскомандовался. Демонстративно спиной встал. Смелый, бя. Ну ладно, а мы не такие, мы подождём».

Стас молча продолжил глядеть через прицел в спину бородача, пока тот, наконец, не повернулся и, подняв на лоб очки, сделал сердитое лицо.

— Мы не причиним вреда. Я просто хочу поговорить, — крепкий мужик с массивным крестом на цепи поверх застёгнутого под горло кожаного плаща смотрел прямо в окуляр нацеленного ему в грудь ПСО, и сомнения на счёт адресата отпали.

— Вы кто такие? — проорал в ответ Стас, не двигаясь с места.

Второй бородач меж тем закончил обматывать верёвкой ноги безвременно почившего и, привязав другой её конец к седлу, тоже повернулся лицом в сторону незваного гостя.

— Кто мы такие? — ответил он вопросом на вопрос и ухмыльнулся. — Мы слуги Господни, а это, — рука держащая за цевьё АЕК-971 широким жестом обвела вокруг, — приход наш, и все, кто прибывают в нём — паства наша.

«Ну ни хера себе! А где кадило?», — подумал Стас и медленно, не опуская ствола, поднялся на ноги.

— Ладно, «отцы», аккуратно кладём валыны на землю, и пять шагов назад. Будете дурить — запишу в мученики без очереди, — прокричал он и сделал несколько шагов в направлении святош.

Бородачи переглянулись, но оружие из рук не выпустили.

— Это никак невозможно, сын мой, — взял слово первый «отец», нарочито бережно, почти как ребёнка, держащий возле груди странного вида «Абакан»: уродливый родной приклад и криво приляпанная акашная рукоятка были заменены деревянными в едином блоке, на манер СВД, украшенными к тому же резьбой; на оксидированной ствольной коробке поблёскивала гравировка. — Сие есть орудие Господа, — продолжил «отец», — великодушно вложенное им в руки наши. Негоже дар оный по земле валять.

Стас замер метрах в пятидесяти от несговорчивых поборников веры и сделал последнюю попытку ненасильственного разоружения.

— Ещё раз прошу по-хорошему. На счёт «три» стреляю.

Ситуация не изменилась.

— Раз...

Что-то больно ударило по затылку, и мир вокруг потемнел. Некто тихий и невидимый за спиной вёл собственный счёт, оказавшийся куда короче трёх.

Голова покачивалась и мягко стучалась обо что-то тёплое. В правое ухо, будто через

паклю, пробивался неспешный ритмичный топот. Левое — слушало дробь пульса.

Стас разлепил веки, глубоко вдохнул и поморщился от ударившего в нос запаха конского пота. Перед глазами плыли мелкие камни на красноватой, подёрнутой остатками травы земле, и размерено ступающая меж ними нога чубарой лошади. «Правая» — машинально отметил он и попытался придать телу вертикальное положение, но смог только потереться щекой о жёсткий ворс. Руки были привязаны к сбруе и нежно обнимали шею ароматного животного. Ноги примотаны к стременам. Все мышцы, особенно те, что пониже поясицы, жутко болели, голова раскалывалась, да ещё и лука седла упиралась в брюхо, норовя вытолкнуть завтрак из желудка на свет божий.

«Божий... — прокрутил Стас в голове обрывок мысли. — Ах ты ж ёпт!».

— Эй! — обратился он к невидимым спутникам. — Вы кто? Куда меня везёте?

— Опять заладил, — недовольно проворчали слева.

— Я против вас ничего не имею, мне в Арзамас нужно. Давайте всё обсудим.

Но вместо ответа Стас получил упёршийся за ухо пламегаситель. Холодная сталь надавила, вынуждая пригнуться, и отошла, дав ясно понять, что разговор окончен.

Пейзаж справа никаких изменений за время пути не претерпел — всё те же чахлые деревца на выветренной земле, уходящие к горизонту и тонущие там в пыльной дымке, подсвеченной заходящим уже солнцем. Виды слева и сзади оставались загадкой, но не особо сильно интригующей. А вот прямо по курсу вырисовывалось нечто интересное — метрах в трёхстах, или чуть меньше, посреди пустоши стояла самая что нинаесть натуральная крепость. Почти точь-в-точь такая, какую Стас давным-давно видел на картинках из книжки. Правда, у той рисованной крепости габариты были чуток повнушительнее. Или это только казалось? Стена фортификации издали напоминала муромскую с поправкой на масштаб, но по мере приближения стало видно, что в отличие от заокского монстра она сооружена в основном из дерева. Форты с такими стенами были не редкостью в лесных районах. Обычно они строились из двух-трёх параллельных срубных стенок, пространство между которыми засыпалось землёй или песком — простая и очень прочная конструкция, позволяющая удержать выстрел из РПГ. Но то в лесу. Здесь же, посреди редких приземистых недодеревьев, такое сооружение выглядело, как минимум, инородно. Стас невольно проникся уважением к работягам, умудрившимся допереть тонны леса в эту лишённую естественного стройматериала пустошь.

В плане крепость, вероятно, представляла собой квадрат или другой прямоугольник с башнями по углам. Стасу видна была только одна сторона. Древоземляные стены, в основании укреплённые разногабаритными бетонными блоками, сверху венчались навесом, под которым в брёвнах виднелся ряд узких вертикальных прорезей-бойниц. По центру располагались большие двустворчатые ворота с врытыми перед ними в шахматном порядке сваями, расстояние между которыми было вполне достаточным, чтобы пропустить телегу или даже грузовик, но не по-прямой, а с двумя поворотами. Это делало невозможным осуществление тарана на полной скорости.

Однако больше всего Стаса впечатлили башни. Квадратные, где-то три на три метра в сечении и около десяти метров высотой, чуть выступающие боковинами за общий контур стены, они так же представляли собою бревенчатый сруб, обшитый, правда, стальными листами. Конечно, ни в какое сравнение с муромскими гигантами местные фортификации не шли, но, тем не менее, выглядели очень внушительно, даже не столько из-за своих размеров, сколько из-за вооружения. Под жестяным навесом левой башни красовалась двадцатитрёхмиллиметровыми стволами ЗУшка с двумя приваренными по бокам от стрелка бронепластинами. А правую башню украшала и вовсе невиданная металлоконструкция, представляющая собой усечённый конус, или скорее многогранную пирамиду, чуть выше человеческого роста, с длинной горизонтальной щелью по центру, открывающей сектор обстрела градусов в сто шестьдесят. Из щели этой грозно взирал на окружающий пейзаж ствол, принадлежащий, судя по виду, тридцатимиллиметровой автоматической пушке 2А42. И, будто орудий, коим сам Муром бы позавидовал, казалось недостаточно, стену украшало

пулемётное гнездо с «Кордом», полукругом нависающее над воротами.

Такое изобилие тяжёлой скорострельно аргументации навевало мысли о непрекращающихся атаках отчаянного и многочисленного врага на эту небольшую крепость. Однако ни стреляных гильз на земле, ни разорванных главным калибром тел вокруг не наблюдалось. Да и поведение бойцов на башнях вряд ли можно было охарактеризовать как напряжённое. Стрелок ЗУшки сидел на рабочем месте, расслаблено привалившись к бронешитку, а второй разминал ноги, прогуливаясь вокруг пушечной пирамиды. Двое часовых у ворот излишней бдительности так же не демонстрировали.

— Отловили таки? — скучающим тоном поинтересовался один из них и кивнул на предмет своего внимания, когда группа таинственных пленителей с волочащимся позади трупом приблизилась к крепостной стене.

— С Божьей помощью, — ответили слева.

— А это что за стрелок? — часовой — бородатый мужик в кожаном жёлтовато-коричневом плаще уже знакомого фасона и с АК-74 на плече — подошёл к Стасу и принялся внимательно рассматривать амуницию пленника. — На нашего не похож.

— Какого ещё «нашего»? — решил вклиниться в беседу сам объект обсуждения, немного приподнявшись в седле, чем вынудил недовольно захрипевшую лошадь сделать шаг назад. — Вы кто такие?

— Хе, — усмехнулся часовой, — точно не наш.

— Пришлый, — снова зазвучал голос слева. — Вынюхивал что-то. Не иначе шпион муромский.

— Я не шпион, я zde... — начал было оправдываться Стас, но резко замолчал и вопросительно уставился на часового, взявшегося самым бесцеремонным образом щупать его за бедро. В голову сразу полезли нехорошие мысли.

— Жилистый. Работать сможет, — заключил тот после краткого осмотра, и на сердце у Стаса немного отлегло. — Ну, храни Господь. Жене привет, — махнул часовой, глядя за лошадь, и трижды дёрнул выходящую из отверстия стены верёвку. С противоположной стороны гулко ухнул колокол, и створки ворот со скрипом поползли вовнутрь.

— Передам, — ответили слева.

Кляча фыркнула и, увлекаемая невидимой рукой за уздечку, поплелась вперёд.

Внутреннее устройство крепости особыми затеями, насколько Стас успел заметить, не отличалось. По сути дела это была деревня или скорее средних размеров посёлок за хорошо укреплённой стеной. Единственное, что сразу же бросалось в глаза — план застройки. Не какая-то его неординарность, а само наличие. Обычно форты возникали на месте деревень, поредевшее население которых кучковалось ближе к центру — чем больше вокруг соседей, тем спокойнее. Брошенные окраинные избы разбирались и превращались в строительный материал для возведения стены по периметру скомпонованного поселения. Если дела в форте шли неплохо, то со временем туда начинал стягиваться народ от окрестных сёл, положение которых оставляло желать лучшего. К уже существующим пристраивались новые избы. Если места не хватало, переносили стену. Форты расширялись. Разумеется, ни о каком плане и речи не шло. А здесь, за параллельно-перпендикулярными крепостными стенами, он читался явно. Вплотную к фронтальной крепостной стене располагалось большое высокое сооружение, чья крыша, будучи метра на полтора ниже бойниц, служила одновременно и помостом, с ближнего края которого выглядывала труба, сильно похожая на восьмидесятидвухмиллиметровый миномёт. Само же сооружение напоминало гараж машин эдак на пять, судя по габаритам. Прямо от ворот вглубь поселения вела широкая улица с рядами длинных изб, срубленных, казалось, по единому образцу. Параллельно ей справа тянулись ещё две линии построек, видимые Стасу в одинаково ровных просветах между домами. И все они сходились, должно быть, на некоем подобии центральной площади. Впрочем, другая площадь здесь вряд ли могла разместиться. Представляла она собой небольшое свободное пространство вокруг массивного приземистого здания в два этажа, увенчанного башенкой с зелёным жестяным куполом.

Народу на улице встречалось немного, в основном хлопчущие по хозяйству бабы да вездесущая ребятня. Ничего необычного. Но всё же что-то было не так. Стас присмотрелся к сидящим на корточках возле крыльца детям: трое мальчишек и девочка, все примерно одного возраста, лет девяти-десяти, чистые, опрятно одетые, увлечённо чертили палочками по земле, деловито обсуждая затем результат и растолковывая друг-другу собственную точку зрения. Со стороны игра выглядела забавно, будто маленькие командиры сошлись на военный совет. Но сами юные стратеги явно относились к этому занятию со всей серьёзностью. Стук копыт по жёсткой каменистой земле отвлёк их внимание, и четыре пары глаз разом сфокусировались на шествующей мимо конно-пешей процессии. Причём волочащемуся по земле трупу внимания совсем не досталось, зато вид пленника тут же подстегнул к началу ещё одного активного обсуждения. Ребятишки внимательно присматривались к разгрузке и со знанием дела комментировали практическую ценность её элементов, показывая на себе что, где и как.

Такая нешуточная осведомлённость явно не вязалась с обычными познаниями обычных детей. У Стаса и самого, конечно, в их возрасте глаза блеснули при виде настоящего автомата, и крутые дядьки в камуфляже будоражили зависть: «Тоже так хочу». Но никогда при этом в голове не рождался вопрос — как сподручней выхватить нож, с плеча или с пояса. Да и мертвецы вызывали куда больше эмоций.

Память, откликнувшись на эти невесёлые рассуждения, всколыхнула и подняла из глубин фальшивомонетчика. О да. Стас его помнил. Как будто и не было тех двадцати лет, что минули с утра казни на Соборной площади Владимира. Отец тогда привёл его, восьмилетнего пацанёнка, чтобы показать, как заканчивают жизненный путь люди, возмнившие себя выше общества и посягнувшие на одну из немногих избежавших низвержения ценностей — на веру в чистоту. Чистоту золота. За такие преступления не вешали, не расстреливали и не топили, ни тогда, ни сейчас. Это всё полумеры. Они лишь устраняли человека, не устраняя проблему. А нужно было дать толпе прочувствовать, позволить ей ощутить всю чудовищность совершённого злодеяния, и главное — наказания. Нужно было заставить толпу участвовать в процессе. Ведь участие всегда продуктивнее созерцания. Для Владимира таким способом единения горожан в порыве праведного гнева стала бесхитростная и не требующая особых затрат экзекуция — забивание камнями. Осуждённого привязывали к деревянному столбу на невысоком эшафоте, перед которым стояли корзины с булыжниками. Казнь проводилась обычно в семь часов утра, так людям было удобнее выполнить гражданский долг по дороге на работу. Но и без того недостатка в желающих покарать не ощущалось. Когда Стас за руку с отцом пришёл на площадь там собралось уже более чем достаточное количество народу, так-что организаторам в срочном порядке пришлось подтаскивать дополнительные корзины. Отец подвёл его к одной, взял увесистый булыжник себе, а потом выудил ещё один, поменьше, и вложил его в ладонь сыну. Стас кожей запомнил эту холодную гладкую поверхность округлого камня со слегка выпуклыми шершавыми пятнами. Двое конвоиров выволокли на эшафот трясущегося человека в мокрых штанах. Толпа загудела. Стас, сидя у отца на плечах, видел взметающиеся к небу кулаки с зажатыми в них орудиями правосудия. Человека поставили спиной к столбу, завели руки назад, связали. Один из конвоиров снял с плеча моток верёвки и, морщась, обвязал конец вокруг столба и щиколоток приговорённого, после чего, виток за витком, обмотал всё тело, каждый раз туго затягивая, пока не добрался до шеи. Здесь он не так усердствовал, просто сделал три витка и пропустил оставшийся конец сквозь вбитое вверху столба кольцо, зафиксировав приговорённого. На эшафот поднялся обряженный в чёрную мантию представитель власти и зачитал приговор, последними словами которого были: «...И подвергнуть публичному осуждению». Именно их запечатлела детская память, отфильтровав лишнюю протокольную болтовню. Публичное осуждение — вот что страшнее расстрела с повешением вместе взятых. Фальшивомонетчик стоял перед толпой, абсолютно беззащитный, обездвиженный, смертельно бледный и трясся. Трясся так, что верёвка скрипела. А толпа уже нетерпеливо перекладывала камни из руки в руку, ощущая их

приятную тяжесть, которая скоро должна обрушиться на преступника. Глашатай закончил с чтением приговора и покинул эшафот. Последнего слова фальшивомонетчику не полагалось, равно как и отпущения грехов. Впрочем, от него вряд ли можно было бы услышать что-то связанное. Слезающиеся глаза метались из стороны в сторону, губы дрожали, нити слюны, будто вожжи, свисали с подбородка и падали на грудь, да и наличие кляпа во рту не предполагало исповедей. «Приговор привести в исполнение!» — вдруг прозвучало откуда-то со стороны, и из толпы в огороженный металлическим заборчиком коридор шагнули первые поборники закона. Коридор был узким и поперёк вмещал пять человек. Они вразнобой вскинули руки с камнями, и булыжники полетели в цель. Тум — тяжёлый глухой удар, словно двинули по мешку с овсом, и тупой деревянный «тук» следом — камень отскочил от тела и упал на доски эшафота. А потом ещё и ещё... Тум-тук, тум-тук... Бросившие камень отходили в сторону, и их место занимали следующие. Толпа двигалась, будто песок сквозь узкую перемычку часовой колбы, напирала сзади, просачивалась в коридор, бросала камни и распылялась. Стас вместе с отцом тоже медленно продвигался к месту свершения гражданского долга. Ему не хотелось видеть трясущегося под ударами смертника, и он всё больше глядел по сторонам, глядел на лица людей. Разные лица: грустные, тревожные, весёлые, задумчивые, разгневанные, безразличные. Но обладатель каждого из них крепко сжимал в руке камень. И вот очередь подошла. Отец со Стасом на плечах шагнул в коридор вместе с другими четырьмя. «Бросай» — сказал он и замахнулся сам. Пять монотонных «тум-тук» прозвучали уже знакомой дробью. Стас взглянул на привязанного к столбу человека и оторопел. Тот ещё не был мёртв, но уже явно находился присмерти. Голова разбита, правая щека превратилась в сплошной синяк, холщёвые рубаха и штаны расцвели алыми пятнами, кляп насквозь пропитан кровью, та, перемешанная со слюной и соплями, болтается длинными тягучими нитями, левое нижнее веко протiwоестественно дёргается на совершенно неподвижном лице. «Ну что же ты?» — спрашивает отец. — «Бросай». Но руку будто парализовало, она плетью висит вдоль туловища, и маленький кулачок вот-вот разожмётся. «Бросай, Стас» — повторяет отец и в родном голосе слышатся металлические нотки. — «Ты должен». Это выводит из ступора. Кулачок плотнее обхватывает камень, поднимается, идёт по дуге и... Гладкий округлый булыжник с чуть выпуклыми шершавыми пятнами летит в цель вместе с другими. Вместе... А левое нижнее веко на застывшем лице больше не дёргается.

Нет, маленький испуганный мальчик с Соборной площади не чета здешним «ребятишкам». Эти раздумывать бы не стали. Размозжили б башку первым же камнем, быстро, точно, педантично. Для них человек — лишь трофей, дичь. А, может, и еда. О последнем думать не хотелось, но выкинуть гадкое предположение из головы было невозможно.

Компания таинственных пленителей меж тем свернула влево, не доходя до «центральной площади», и остановилась возле длинного примыкающего к стене барака, напоминающего скотный двор, с грязными узенькими оконцами под самой крышей. Здание напротив тоже не выглядело жилым. Вообще этот закуток, г-образным аппендиксом ответвляющийся с параллельной улицы производил крайне неприятное впечатление. В воздухе, хоть и не сильно, ощущался кислый запах гниения и помоев, а на изрытой копытами земле виднелись пятна подозрительно напоминающие...

— Отвяжи, — распорядился тот же голос, что беседовал с часовым у ворот.

Перед лошадью появился бородач с АЕКoм. Ласково потрепал скотину по морде, и достал нож.

— Баловать не станешь? — обратился он к Стасу. — А то больно уж ты злобный.

Подобная характеристика из уст человека недавно привязывавшего труп к лошади и как ни в чём не бывало тянувшего истерзанное тело по улице на глазах у детей звучала дико, даже для здешних мест. Но от дискуссии на тему злобности Стас решил воздержаться.

— Не стану, — процедил он.

— И правильно, — одобрил бородач, после чего перерезал путы на стремянах и на

сбруе. — Слазь.

Стас разогнулся, поморщившись от боли в затёкшей пояснице, и неловко спрыгнул, после чего смог, наконец, оглядеться.

Остальные два «отца» тоже были на месте. Один, уже знакомый, с «Абаканом», и второй — высокий худощавый мужик с густой аккуратно постриженной бородою на суровом лице и украшенным резьбой РПК-74 в руках, чей полированный приклад, должно быть, и явился причиной временной отключки, теперь напоминающей о себе жуткой головной болью. А за плечом у пулемётчика виднелся пламегаситель АК-103. Шинель и рюкзак лежали на земле рядом.

— Жилетку сыми, — кивнул на Стаса владелец пулемёта и стряхнул пыль с плаща расшитого слева, от сердца и выше, чёрными крестообразными узорами, выполняющими, видимо, роль знаков отличия. Вёл он себя по-хозяйски. Приказы раздавал привычно и уверенно.

— Забирай, — разгрузочный жилет, клацнув магазинами, упал под ноги бородачу.

Пулемётчик поднял трофей, перекинул его через плечо и кивком головы подозвал «отца» с «Абаканом».

— Проверь его.

Тот подошёл к Стасу и, тщательно пробежавшись снизу доверху, выскреб из карманов всю мелочёвку.

— Ты глянь, — протянул он пулемётчику поблёскивающие на ладони четыре золотых.

— Хм, богато снарядили.

— Вы о чём опять? — встрял в разговор Стас. — Никто меня не снаряжал. Я не шпион. Я...

— Уймись, — поднял руку пулемётчик и снова вернул её на цевьё РПК. — Кто ты, что ты — всё узнаем в свой черёд, коли воля Его на то будет. Брат Николай, — окликнул он владельца АЕКа, отвязывающего верёвку от ног трупa, — а не много ли им целиком-то? Стухнет ведь. Ты возьми на день, а остальное в ледник кинь.

Брат Николай кивнул, поднял конец уже отвязанной верёвки, затянул его вокруг правой щиколотки мертвеца, откинул полу плаща и извлёк на свет божий весьма нехилых размеров мачете. Перебросил левую ногу трупa через правую, крест-накрест, выкрутив нижнюю часть туловища на сорок пять градусов, и трижды с силой рубанул в районе тазобедренного сустава, да так точно, что бедро практически отделилось от таза. Осталось лишь разрезать лоскут кожи и штанов.

— Хватит? — поднял Николай откромсанную ногу.

— Вполне, — ответил пулемётчик.

Глава 2

— Пошёл, — ствол РПК упёрся под лопатку и направил Стаса вслед за открывшем дверь барака «братом» Николаем.

За свои двадцать восемь лет, что худо-бедно удалось продержаться среди живых, Стас понюхал разного, но такого... Едва он приблизился к дверному проёму, как в лицо шибанула волна смрада, сравнимого разве что с духом разлагающегося трупa обильно сдобренного экскрементами. Однако и это сочетание не могло в полной степени раскрыть неповторимый букет. Было в нём ещё что-то, трудно выразимое, но отчётливо воспринимаемое — болезненное и скотское.

— Двигай, — раздалось за спиной, и Стас шагнул вперёд.

Картина внутри барака соответствовала запаху — земляной пол, устланный сгнившей в зловонных лужах соломой, минимум света через грязные жёлтые стёкла крошечных оконц, и клетки вдоль стены. Клетки металлические, большие, человек на тридцать каждая, если, конечно, они предназначались для людей. И таких Стас насчитал шесть, разделённых перегородками, навроде здоровенных тюремных камер, плюс ещё одна, небольшая, в

дальнем конце барака. На полу за толстыми прутьями были разложены кучки соломы, как раз где-то по двадцать пять-тридцать на камеру, стояли в дальних углах ржавые вёдра, а по центру каждой «апартаментов» располагалось большое деревянное корыто с остатками того, что здешним обитателям, видимо, предлагалось употреблять в пищу. Вот только самих постояльцев не наблюдалось. Хотя нет. Стас прошёл мимо предпоследней клетки и заметил движение на полу, но, как следует, рассмотреть не успел.

Шедший впереди Николай снял с пояса ключ и открыл дверь маленькой камеры.

— Располагайся, — пулемётчик надавил стволом посильнее и пропихнул Стаса в его новое место обиталища. Клетка закрылась, лязгнул замок, и «служители господни» с чувством выполненного долга направились к выходу.

— Эй! — крикнул Стас им вслед. — Дайте с главным поговорить! У меня дело есть к нему! Слышите?

Но никто не ответил. Свет жёлтой трапецией упал из дверного проёма на грязный пол и снова потух.

— Суки! — он пнул валяющееся рядом ведро. То раскатисто гроыхнуло о прутья и, откатившись назад, уставилось на обидчика проржавевшей дырой в боку.

— Тише, — донёсся откуда-то испуганный женский голос. — Тише. Не нужно шуметь. Не нужно. А то накажут.

Стас пригляделся и рассмотрел шевелящийся во второй от него клетке бесформенный объект. Собственного цвета он не имел, а потому вначале показалось, будто в движение пришёл кусок загаженного земляного пола. Бурые, чёрные, коричневые пятна, перемежаясь, выстроились в нечто напоминающее стоящего на коленях человека.

— Шумных бьют палками, — продолжил объект. — Насмерть забить могут. Не нужно шуметь.

Стас прикрыл ладонью глаза от падающего из оконца и мешающего всматриваться в полумрак света. Очертания говорящего женским голосом объекта стали немного чётче. Теперь уже можно было различить едва поблёскивающие глаза на заросшем грязью и обрамлённом спутанными волосами лице.

— Кто ты? — задал он первый пришедший в голову вопрос.

— Маша, — ответил объект и, увеличившись в высоту, сделал несколько шагов навстречу. Подойдя к перегородке, Мария остановилась и села. — Ты откуда?

Стас хотел ответить «из-за Оки», но, подумав, решил, что не стоит откровенничать. Не известно, какие чувства питает эта Маша к заречным обитателям. Лучше будет сначала расспросить самому.

— Издалека, — выбрал он нейтральный ответ.

— Ты торговец? — продолжила Маша демонстрировать неожиданную любознательность.

— Да, торговец.

— Чем торгуешь?

«Ну какая тебе нахрен разница, чем? Свинцом!»

— Тканями.

— Тка-анями... — мечтательно повторила Маша. — Я люблю ткани. У меня раньше много платьев было. Красивых. Одно — самое красивое — голубенькое, с белыми ромашками, маленькими-маленькими. Папа мне любые ткани покупал, какие только захочу, а потом платья из них шили... — Она вдруг замолчала и всхлипнула.

— Маша, — позвал Стас, спеша отвлечь «прекрасное» и готовое разреветься создание от деструктивных мыслей, — Маша, что это за место? Где мы?

— Место? — переспросила она и шмыгнула носом. — Ну, как же? Это крепость имени Святого воина, защитника земли русской, преподобного Ильи Муромца.

— Чего?!

— Чего слышал! — произнёс совершенно неожиданно старческий мужской голос, принадлежащий непонятно кому. — Отвяжись от неё со своими расспросами.

— Кто это? — обратился Стас в темноту.
Маша вскочила и, звеня кандалами, потрусила к противоположной перегородке.
— Тихо, тихо, деда Захар, тебе много говорить нельзя, а то опять кашлем зайдёшься.
На-ка, попей, — она подняла с пола миску и протянула её к куче подрагивающего тряпья.
— Кто здесь главный? Как с ним поговорить? — не унимался Стас.
Маша повернулась и взглянула с упрёком.
— Не надо деда Захара тревожить, хворает он.
— Тогда сама ответь. Ты можешь ответить?
— Э-эх-хе, — куча тряпья поднялась и прислонилась к стене.
— Что же ты? Лежи, нельзя тебе...
— Цыц! — осадил Захар не в меру беспокойную сиделку. — Сам знаю, без сопливых.
Он же не отстанет, так и будет гундеть. Не отстанешь?
— И не подумаю, — ответил Стас.
— Отец Фома за главного тут, к нему тебе надо, если разговор имеешь, — начал излагать Захар, но тут же умолк и затрясся в приступе сухого кашля.
— Я же говорила, что нельзя, — снова залепетала Маша. — Отец Фома, — переключилась она на Стаса, — с рабами не говорит, и с тобою не станет.
— А какой разговор-то у тебя к нему? — продолжил Захар сиплым голосом, так и не откашлявшись. — Важное что?
— Важное, — кивнул Стас. — Для меня, по крайней мере. А далеко монастырь этот от Арзамаса?
— Километров восемьдесят должно быть, — вставила Маша, пытаясь уберечь своего пациента от нового приступа, и дед Захар кивнул в знак согласия.
— Угу, а всего сто тридцать семь. Далеко я забрался, — прикинул Стас и сам не заметил, как озвучил свои расчёты.
— Так ты из Мурома, что ли, шёл? — снова подал голос Захар.
— Из... Да, из Мурома. Останавливался там по дороге, запасы пополнить.
— А сам-то родом откуда?
— Из Владимира.
— Бывал я там, — кивнул дед и снова закашлялся, чем вызвал неодобрительные Машины вздохи, — хороший был город, да зачах.
— Скажите, — вернулся к расспросам Стас, — а у монахов этих с Арзамасом отношения как?
— Отношения? Торгуют они там. Рабов да награбленное, что самим не нужно, продают, а чего не хватает — покупают. Кожи возят ещё. Вот и все отношения.
— Маша говорила, что крепость, вроде, Ильи Муромца имя носит?
— Так и есть.
— Уж не те ли это монахи, которых из Муромы выгнали?
— Они самые. Братьями да отцами себя кличут. Пришли сюда лет тридцать назад. Шестьдесят человек, или около того. Заложили посёлок, хозяйством обзавелись, храм выстроили. Маленькая община была, но сильная. Автоматы, пулемёты... — Захар глотнул из миски и прочистил горло.
— Это у них вроде культа, что ли?
— Точно. Они каждому своему стволу имя дают. Живым считают его. Письмена всякие гравировкой наносят, приклады мастерят резные. Говорят, что души их, стволов-то, со стрелком завязаны неразрывно. Что будто бы сам Господь через это дело суд справедливый творит, пули волею своею направляет. Ну и прочая херня в том же духе.
— Да, — покивал Стас, — слышал. Только вот не знал, что в навашинских землях они осели. А бригады как же? Неужели у себя под боком пригребли и не трогают?
— Бригады промеж собою уж давно не воюют, — с искренним удивлением в голосе пояснила Маша.
— Что значит «промеж собою»?

Старик с девчонкой недоумённо переглянулись.

— Так ведь, — продолжил Захар, — монахи эти, как ты их называешь, и есть бригада навашинская, одна из пяти — Святые Люди. Не слыхал?

Стас взял долгую паузу и сделал в воздухе несколько спиралевидных движений указательным пальцем.

— Та-ак... Это... Значит бывшие монахи, верой и правдой Мурому служившие, детей крестившие, теперь рабами торгуют и человечину жрут?

— Во славу Господа, — сыронизировал старик. — Раньше-то навашинские человечинкой без особых затей пробавлялись, а теперь у них под такое дело целая наука имеется, — он невесело посмеялся и снова зашёлся в приступе кашля. — Они ж, «святые» эти, как за реку перебрались, отстроились только, корни на новом месте пустили, а тут раз тебе и все тридцать три несчастья на их монашеские головы. Молитвы молитвами, а жрать-то хочется. Уж я не знаю, как там на самом деле было, но слыхал, будто держались они долго. Соседи, что в Навашино, что в деревнях поодаль, уже кушали друг-другу вовсю, а эти постились, пока сами дохнуть не начали. Вот тогда и задумались, как быть дальше — молиться и сгинуть, или убивать и есть? Какой вариант выбрали, ты догадываешься, наверное. Ну, а раз вера, вроде как, человечину жрать не позволяет, так значит поменять её надо. Они и поменяли. И до того... — кашель снова прервал рассказ, Захар поднял миску и отхлебнул. — До того, значит, хороша новая вера вышла, что через пару-тройку лет в неё все местные обратились. А единоверцев кушать — грех. Ну и понеслась кровавая баня по окраинам веру их не принявшим. Потом, правда, со съестным положение выправилось маленько. Опять харч привычный в рацион вернулся. Сейчас они людьми не часто закусывают. Да и к выбору придирчиво подходить стали. Им теперь здоровых и сильных подавай, да еще, чтоб соперником был достойным, с оружием умел обращаться, и вообще... Торгаши с фермерами их в плане еды не интересуют. А вот на тебя, — Захар сметил Стаса взглядом, — могут и соблазниться. Раз в отдельную клетку посадили, значит виды имеют.

— Нет, — подала голосок Маша, — его не станут есть, он же как раз торговец, тканями торгует. Сам говорил.

— Конечно, — усмехнулся старик, — а я Матерь Божья, только по мне не видать.

— Вас тут двое всего? — решил Стас перевести разговор в новое русло.

— С утра и до вечера двое, — ответил Захар, — а к ночи ближе остальных пригонят.

— На работах все, — подключилась Маша.

— Что за работы?

— Обычные, — вздохнула она. — Кто на фермах, кто в кожевенном. На фермах лучше. За коровами смотреть, за свиньями. Коровы хорошие. Я когда работала, даже имена им давала. Там одна рыжая была — Нюрка, умная-умная. Ей сена в кормушку подкладываешь, а она тебе руки лижет. Добрая была. Свиньи не такие. Только и жрут постоянно. Могут и человека сожрать. Помнишь, деда Захар, как Алёна Плетнёва с голодухи в обморок упала, прошлой зимою, да прям в загон, так её и съели? Потом только кости обглоданные нашли, когда помёт стали вычерпывать. Но на кожевенном ещё хуже. Там шкуры в растворе вымачивают. А раствор вонючий такой, — Маша сморщилась, всем видом демонстрируя отвращение, — хуже дерьма свиного, и едкий. У тех, кто работает там, руки язвами покрываются и чесотка по всему телу.

«Удивила, етить твою, — подумал Стас. — Да у вас тут и без растворов через неделю живьём сгниешь».

— Хворают много, — продолжила Маша совсем упавшим голосом, — кровью кашляют. Вот и деда Захар приболел, — словно в подтверждение её слов, старик опять зашёлся надрывным кашлем. — Совсем худо ему, уже и работать не может.

— А ты почему не работаешь? Сиделкой приставили?

Кашель Захара участился и перешёл в некое подобие каркающего смеха, завершившегося смачным отхаркиванием.

— Сиделкой? — спросил он, отдышавшись. — Ага. Ещё доктора из Арзамаса

выпишут и цыган с медведями, чтоб скучно не было. Ты чего, сынок, лепишь? Меня подыхать оставили, а Маша... На сносях она, нельзя ей работать.

Стас присмотрелся и только сейчас разглядел под тряпками в районе Машиного живота большую округлость.

— Понятно, — заключил он после долгой молчаливой паузы. — И как же ты здесь с ребёнком?

Маша, услышав вопрос, вздрогнула и отвернулась.

— Не донимай её с этим, — попросил Захар, — без того девке не сладко.

— Ладно, не буду.

— Расскажи лучше, что там, на воле, делается. Как Муром живёт? До нас новости-то, сам понимаешь, редко доходят.

— Да нет особо новостей никаких, — пожал Стас плечами. — Муром цел, торгует, стену строит, за бандами охотится.

— Стену, говоришь? — удивился Захар. — Вторую что ли? Первую-то они уж почитай как... и не помню сколько лет назад закончили.

— Почему вторую? Первую укрепляют и надстраивают. Давно уже. А вы сами-то здесь сколько?

— Четырнадцать лет.

— Четырнадцать?!

— Да, — кивнул Захар, — Господь здоровьем не обделил. Надолго хватило, но, видно, и ему конец пришёл.

— Как попали сюда?

— А прям из дома своего и попал. Да. Я ж в Выксе жил, сыроварню держал там. И ведь не на окраине даже, а в самом центре почти. Думал, что уж до меня-то не доберутся. А вот... Навашинские к нам и раньше наведывались, но по краям только пощипывали. Город большой был, тысяч в пять, наверное. Ну, придут раз в месяц, а то и реже, разорят десяток дворов — не страшно вроде. Попервости-то они ещё здорово вобратку получали, те, что местные, навашские там, железнодорожники... С оружием да патронами у них хреново обстояли дела. И поджиги мастерили, и арбалеты. Бывало, что в рукопашную с топорами кидались. Эх-кхе... — старик откашлялся и стёр рукавом кровь с подбородка. — Да. Это уж потом они поднаторели в разбое, стволами серьёзными обзавелись. Тогда вот тяжело нам стало, и всё равно отбивались худо-бедно. Но в тот раз, когда Святые пришли, никакое ополчение не помогло. Я, по правде сказать, и не сообразил вначале, что произошло-то. Проснулся от треска автоматного. Глядь в окно, а там полыхает уже вовсю, люди по улице носятся в исподнем. Я за ружьё быстрее. Вертикалка у меня была старая, ижевская, всегда возле кровати держал. Ну, думаю, хер вы сюда, суки, зайдёте, пока мы не выйдем. Смотрю — жена уже вещи пакует, молодец она, атаман-баба. Я в одних портках бегом вниз, к дочкам. Собирайтесь, ору, уходим! А сам по лестницы-то слетел, в коридор метнулся, не глядя, и тут мне прикладом в лоб. Очнулся уже под утро, на земле, связанный. Огляделся — люди кругом, сидят, лежат, руки за спиною у всех. Одеты — кто как, что успели набросить, в том и взяли. Мне потом рассказали уже, что паника страшная ночью была. Святые дозорных сняли тихонько, вошли в город несколькими отрядами, и по общей команде начали. Сразу до чёрта пожаров вспыхнуло, взрывы, стрельба. Народ с перепугу опешил, что делать не знает. Так эти по домам ходили и просто всех без разбору на улицу вышвыривали, а потом окружали и гнали, как скот. Кто чуть дёрнется — казнили на месте. Много тогда, говорят, народу полегло, ещё больше в рабство взяли, а остальные, кому подфартило, ушли, да так и не вернулись. Года два назад был тут у нас один с Теньгушево, помер, правда, быстро. Так он рассказывал, что нету больше Выксы. Разобрали, говорит, Выксу вашу до кирпича, одни подвалы остались, да и те скоро землёй зарастут.

— А дочери, жена? С ними что?

— Не знаю я, — вздохнул старик и снова закашлялся. — Рассказывали, будто народ весь, что удрать не успел, на две группы поделили. В нашей — мужики по большей части

остались, а баб с детьми повезли в сторону Арзамаса. Там на рынке и продали, наверное. Не зря ж они ещё ночью уехали, к открытию торопились. С нами так не спешили, не до того было, грабили весь день. Хабара вывезли много. Все грузовики, телеги, что в наличии имелись, забили доверху, для нас места не осталось, полтора суток чесали пешкодёрмом на привязи. И раненые в общей упряжке. Умидали по дороге, так их отвязывали и бросали, даже землёй не позволяли присыпать. Вороны, мол, да собаки с кошками отпоют и похоронят.

— Выбраться не пробовали отсюда?

— Пробовал, — усмехнулся Захар. — Как же за четырнадцать-то лет и не попробовать? Но, сам понимаешь, впустую. Чудом жив остался. Очень уж сила рабочая тогда нужна была, вот и пощадили. А вообще с беглыми тут не церемонятся, пулю в лоб да... — он запнулся и не слишком убедительно взялся кашлять. Правда, растревоженные лёгкие скоро отозвались настоящим приступом.

Стас дождался окончания этого душераздирающего зрелища и вернулся к прерванному разговору.

— А дальше что?

— М? — старик глянул исподлобья, демонстрируя полнейшее непонимание вопроса.

— Что после пули в лоб?

— Ах, это. Ну... сам скоро узнаешь. Димку-то чувашина отловили ведь?

— Димку?

— Беглеца, — пояснила Маша. — Сбежал он вчера с фермы. А утром сегодня, как на работу повели всех, его и недосчитались. Брат Константин очень злой стал, кричал, дрался. Никите, дружку Димкиному, зубы выбил. А потом с улицы топот конский слышать было. Видно, охоту учинить решили. Поймали его?

— Да, — Стас поднял ведро, перевернул кверху дном и сел, — поймали Димку.

— Жалко, — расстроилась Маша. — чувашин не плохой был, весёлый. Истории всякие рассказывал. Хорошо у него выходило, складно. Про города разные говорил, про вещи диковинные. Всё домой к себе, в Шумерлю, вернуться мечтал, — она протяжно вздохнула и покачала косматой головой. — Не вернётся уже.

— Хорошо причитать, — прохрипел Захар. — Вернётся, не вернётся...

— Вы говорили, — решил уточнить Стас, — что братья человечину не едят почти, а если и едят, то вовсе не каждого.

— Ну.

— А я видел, как от Димки вашего, здесь, возле барака, изрядный такой кусок отхватили.

Услышав это, Маша закрыла уши ладонями и принялась мотать головой, что-то неразборчиво нащёптывая.

— Остальное, — продолжил Стас, — собирались в ледник убрать. Так вот я что-то не понял, за каким хером им этот доходяга понадобился. Не знаете?

Захар, игнорируя вопрос, вытянул руку и пихнул Машу кулаком в плечо.

— Хватит, я сказал.

Она вздрогнула, но, вместо того чтобы прекратить трясти лохмами и успокоиться, начала раскачиваться всем туловищем.

Стас прислушался и разобрал в сбивчивом бормотании только два повторяющихся слова — «Не буду, не буду, не буду...».

— Голодать станешь? — просипел Захар. — Пять дней воду хлебать? О дите подумай лучше. Димка помер, ему теперь всё равно, а ты живая пока.

— Это... — вклинился Стас. — Я не слишком помешаю, если спрошу, о чём вы тут толкуете? Чего она не будет? Что за хуета у вас вообще здесь творится?

— Не надо дурочку ломать, — переключил, наконец, своё внимание Захар. — Всё ты верно понял — на ужин сегодня мясом побалуют. А Маша вот Диму есть не желает, хочет с голоду подохнуть и ребятёнка заморить. Правильно я говорю, Маш?

— Хватит! — Маша согнулась и спрятала лицо между коленями, не прекращая раскачиваться взад-вперёд.

— Понятно, — кивнул Стас. — И частенько это дело практикуете?

— Нет, — ответил Захар, — не часто. На корм обычно беглые идут, да смутьяны, а такие здесь редкость, приходится картошкой мёрзлой, капустой, свеклой, отрубями и прочим гнильём залежалым пробавляться. Я за четырнадцать лет, — старик задумался, что-то прикидывая, — от силы десятка два всего человечков-то и употребил. В первый раз брезговал тоже, а потом ничего, приелся. Вот ты рожу кривишь, а чего кривишь и сам не знаешь, не пробовал ведь никогда. Хорошее мясо, съедобное вполне, чуть свинины пожётче. Не скажут — не отличишь, если опыта нет. Бараку нашему повезло — остальные будут воду хлебать с шелухой капустной, а мы сегодня по-царски отужинаем, и не только сегодня. Одного мертвяка обычно дней на пять хватает. Наварят из него бульону чан, — Захар ненадолго умолк и мечтательно закатил глаза, — арома-а-атного. Знаешь ты, как мясо пахнет, ежели его пару раз в год хавать? Не-е-ет, не знаешь. Запах такой, будто... будто в кущи райские попал. Аж слюною давишься. Если ещё и горяченькое, так просто... Плеснут в миску, а от бульона парок поднимается. К лицу её поднесёшь и дышишь, дышишь... Рукам горячо, а не можешь оторваться. Потом к губам прислонишь, отхлебнёшь и кажется, что жил ты всё это время не зря. Не зря помой жрал, не зря говно месил, терпел не зря. Потому как вытерпел, а вот он, чей шмоток в миске твоей бултыхается — нет.

— Угу. Поучительно.

— Ещё как, — старик потянулся за водой, сдерживая кашель, отхлебнул, прохаркался и сплюнул в сторону. — Хозяева-то здешние не дураки, доходчиво объяснить умеют. Когда с человеком бок обок годик хотя бы поживёшь, пообщаешься, а потом тебя им же и кормят, сразу очень хорошо понимаешь, где твоё место. Жрёшь, причмокиваешь, а у самого в башке такая херня крутится, что не приведи господи. Ведь сейчас его, бедолагу, уминают, а выкинь фортель какой, и эти твари, что вокруг с мисками сидят, будут тебя за обе щеки трескать. Начинаешь на всех волком смотреть, авансом каждого ненавидишь, а это в деле разобращения шибко полезно. Нет единения — нет и бунтов. Святым ведь капусты гнилой не жалко, они не из экономии мертвяков рабам скармливают, а профилактики ради.

— Что ж вы тогда бульёничек-то расхваливаете, если видите сами, ради чего вас им подкармливают?

— Зачем расхваливаю? — переспросил Захар и пожал плечами. — Да вкусный он потому что. Вкусный и питательный. Отказываться раньше надо было, а теперь уж смысла нет. Устоялось всё, утряслось, не переделаешь.

— Неужели так больше о побеге и не думали, за четырнадцать-то лет?

— Думал, конечно, поначалу. Только думами одними из пустошей не выберешься. Да и куда мне идти? Дома нет, семья... Что здесь подыхать, что на воле — разницы никакой.

— А в чём трудность состоит из пустоши выбраться? Я сюда меньше чем за сутки дошёл. Не всё своим ходом, правда, но тем не менее. А ведь наверняка и поближе Мурوما поселения имеются.

— Навашино только, — усмехнулся старик. — В сторону Нижнего пусто всё. В тех краях если кто и живёт, так уж точно не люди. К востоку — Арзамас, к северу — Тенгушево, а промеж ними пустошь сплошная. Но проблема-то не в этом даже. Здесь до Оки рукой подать, километров тридцать всего. Если плаваешь хорошо, то в ней твоё спасение. Только до Оки ещё добраться нужно, а пешком да с голыми руками шансов на это мало совсем.

— Почему?

— Ну, во-первых, фору тебе давать не станет никто. Димке повезло неслыханно, что его ещё вечером не хватились. Так он, видишь, и с везением не далеко ушёл. Заплутал, наверное. Здесь это немудрено. Бури пыльные иной раз поднимаются, аж небо закрывают. Споткнулся, упал, всё — потерял направление. Через час буря миновала и — опа! Куда забрёл? Поди разбери. А сидеть, ждать — тоже не выход. Нагонят быстро. Вот если б удалось лошадь раздобыть, тогда другое дело — будет шанс уйти. Да и кошки на такую

крупную животину не позарятся. Но от лошадей нас всегда на расстоянии держали.

— Что за кошки такие?

— Не видал никогда?

Стас помотал головой.

— Ну, — продолжил Захар, — кошку-то обычную видеть приходилось? Или во Владимире всех уже пожрали?

— Кошку видел.

— Так вот представь себе эту тварь, но не мелкую да костлявую, а чтоб килограмм под двадцать-двадцать пять. И морда у них ещё вытянутая такая, на манер собачьей. Резвые, заразы, будто скипидаром подмазаны. Когтями мясо до кости располосовать могут. Поодиночке обычно не нападают, чаще стайками небольшими. Смышлёные, под пули не лезут. Охотятся ночью в основном. Четыре-пять кошек человека раздирают в миг. Ты, видно, сильно фатовый, если от самого Муромы чесал, а так с ними и не познакомился. Их тут не сказать, что много, но не редкость.

— А собаки?

— Есть и собаки. Правда, те к Арзамасу ближе обитают. В сторону Муромы, говорят, мало их осталось. Добычи нет. Кошки-то и на птицу охотятся, и яйца из гнёзд таскают, а собакам тут уже ловить нечего. Но эта живность не самая страшная. Куда хуже, если с коренными повстречаешься.

— С навашинскими что ли?

— Ага. С ними, голубчиками. Это зверьё любой стае фору даст. А «святые» наши и впрямь сущими ангелами покажутся. Мимо меня за четырнадцать лет много народу прошло всякого. Попадались и такие, кому из одной кабалы посчастливилось выбраться да сразу в другую угодить. Ты вот усмехаешься, а они рады были радехоньки. Бригады-то меж собой не воюют, но чужих рабов присвоить завсегда готовы. Что упало, то пропало, подобрал — моё. Так эти двое ухитрились от Навмаша удрать. Вот уж наслушались мы тогда страсти всякой. Верно говорят — всё в сравнении познаётся.

— Неужели ещё хуже может быть?

— Может, оказывается. Здесь ведь к нам отношение какое?

— Скотское, — без раздумий ответил Стас.

— Верно. Мы скотина рабочая. Но нас, как скотину, всё ж таки берегут, без надобности не расходуют. Рачительно, одним словом, к имуществу относятся. Издевательства всяких не практикуют. А для коренных, зверства — норма. Они развлекаются так. Выберут, скажем, пяток рабов порезвее и охоту устраивают. Дают времени отбежать минут десять, а потом садятся на лошадей, биты берут, пруты стальные, и пошла потеха. А то ещё бои промеж рабов затевать любят, или с собаками. Но хуже всего с этим дела у Рваных Ран обстоят. Там народ, говорят, вообще отмороженный. Фанатики полоумные. Рабы у них не задерживаются почти. Либо сразу сожрут, либо в жертву принесут, а потом сожрут.

— В жертву?

— Ну.

— А религия как же, она ж, вроде, общая для всех?

— Общая, да не совсем. Был у Рваных некто Антип, пастырем себя величал, но вере новой не противился и со Святыми отношений не портил. Те на него тоже зла не держали — ну, пастырь и пастырь, да и хрен бы с ним, главное чтоб друг-другу не резали. Тогда голод ещё в полную силу лютовал, человечину хавали и в будни, и в праздники. Не росло ничего, даже трава сорная и та вся погорела. Земля иссохла, что аж трещинами шла. Так Антип этот, не знаю уж с какого хера, предложил жертвы земле приносить. Дескать, все эти напасти с засухой и дождями кислотными за грехи им посланы, будто бы прогневили люди Землю-матушку жадностью своей безбожной, и что теперь хорошо б должок-то вернуть.

— Кровью? — уточнил Стас.

— Ну не говном же. Так вот... — Захар набрал воздуха для продолжения разговора, но перетруженные лёгкие опять саботировали процесс, заявив о себе выворачивающим душу

кашлем, — вот тогда и начали они жертвы приносить, — продолжил старик, спустя минуту. — Вешают человека за ноги, ждут немного, пока кровь к голове вся подступит, и разбивают черепушку булавой. Землицу поят. А имя своё получили за ритуал крещения. Им, видно, пленных в глину сцеживать мало показалось, так они и себе кровопускание делают. Берут крюк специальный и на теле у себя мясо рвут, кто где, обычно на груди и спине, но иные, бывает, и рожу порвать умудряются. Раны такие очень долго кровоточат и заживают медленно, потом шрамы жуткие остаются. Чем больше шрамов — тем почётнее. Засуха со временем отступила, а эти маньяки от ритуалов своих так и не отказались. На полном серьёзе думают, что это они напасть отогнали, землю умилировали, а если ритуалы прекратить, то засуха вернётся. А жертвоприношения с тех пор, говорят, ещё страшнее сделались. Вроде как соорудили эти отморозки пресс жертвенный и давят им рабов не реже раза в неделю. Ублюдки полоумные. Так-что ты радуйся, повезло тебе с хозяевами.

— Да уж, — усмехнулся Стас, — как у Христа за пазухой.

В это время с улицы послышался неразборчивый гомон, покашливание и звон цепей.

— О, — Захар убрал поднесённую к уху ладонь, — идут работнички, ужин скоро.

Дверь с лязгом отворилась и впустила немного свежего ветерка. Но счастье было кратким. Буквально тут же весь пригодный для дыхания воздух растворился в волне смрада, предваряющей появление недостающих обитателей барака. Обитателей весьма многочисленных. Их лишённые чётких контуров, замотанные в лохмотья фигуры нестройными рядами просачивались внутрь, текли по проходу и заполняли собой клетки. Почти однородная землисто-серая масса, будто грязевой поток, неотвратимо надвигалась, звеня кандалами. Вонь, многократно усилившаяся, стала почти осязаемой. Казалось — ещё немного и она начнёт оседать едким конденсатом, прожигая кожу гнойными смердящими язвами. Всё было наполнено ею. Ноздри щипало, глаза слезились. Стас поднялся со своего импровизированного стула, отошёл к стене, будто это могло помочь, и прикрыл нос ладонью. Обижать местных постояльцев, конечно, не хотелось, но и соблюдать приличия уже не было никакой возможности.

Благоухающая толпа меж тем завершила обманчиво нескончаемое копошение и, расфасовавшись по клеткам, заняла сидячее-лежачие позиции. Следом вошли двое бородачей с автоматами наготове, пошурудили ключами в замках, приводя в движение неподатливые скрежещущие механизмы, и молча удалились.

Стас проводил их взглядом, а, когда посмотрел на клетки, обнаружил, что неожиданно превратился в объект всеобщего внимания. Не меньше полутора сотен пар глаз были обращены в его сторону. Молчаливая пауза заполнила пространство барака, отодвинув на второй план даже нестерпимую вонь. Раньше Стасу не приходилось единолично купаться в лучах столь масштабной популярности, и от этого на душе сделалось очень неудобно. До такой степени неудобно, что он даже почувствовал себя виноватым перед всеми этими людьми, которые, судя по озадаченному выражению немых лиц, чего-то от него ждали, а чего, он не знал.

— Здравствуйте, — решил, наконец, Стас нарушить молчание. — Меня зовут Стас. Я у вас тут, — он запнулся и почесал подбородок, ища достойное завершение фразы, — поживу немного.

Предательский нервный смешок сорвался с губ вслед за «немного». Стас вдруг чрезвычайно отчётливо представил себе, как, должно быть, глупо всё это действие выглядит со стороны и, не в силах больше сдержат хохота, повис на прутьях решётки. Так продолжалось секунд десять.

— Нет, этот не жилец, — со знанием дела констатировал из глубины человеческого стада грустный задумчивый голос, обладатель которого, видимо, как следует подумав, записал новичка в умалишённые.

От этого диагноза Стаса пробрало ещё сильнее, и он вынужден был присесть, дабы не надорвать живот спазмами полуистерического смеха.

Такое неадекватное поведение склонило на сторону вынесшего диагноз «мудреца» ещё

несколько человек. Из разделённой решётками толпы стали доноситься сочувственные охи-ахи, снисходительное «бедолага», осуждающе-покровительственное «баба сопливая, подбери нюни» и, наконец, плотоядно-расчётливое «драпанёт, как пить дать».

— Ну всё! Прекратить пиздёж! — неожиданно рывкнул Стас, выведенный из состояния абсурдной весёлости последней репликой. Народ, стоящий возле ближней решётки вздрогнул и отпрянул, рефлекторно пригнувшись. — Умники, блядь. Если и драпану, то уж вам с меня хуй чего перепадёт. Я не... — он поднял ведро, отнёс его в дальний угол камеры, поставил кверху дном и сел, привалившись спиной к стене.

Ненадолго в бараке воцарилась почти абсолютная тишина, нарушенная, спустя несколько мгновений, вопросом.

— А чего? Захар, Димку что ли поймали?

Тот ничего не ответил, но, судя по нарастающему и расходящемуся кругами гулу, кивнул. В толпе тут же начались перешёптывания. Кто-то оперативно переключил фонтан деланной жалости с новичка, оказавшегося злобным придурком, на безвинно убиенного и всеми нежно любимого Димку чувашина. Кто-то взялся строить гипотезы о возможных причинах неудачи бедного парня, старательно заглушая бессмысленным трыванием урчание желудка. А иные, наиболее честные, не скрывая радости, щерились и глотали обильно выделявшуюся слюну.

Спустя минут пять их ожидания были вознаграждены. Входная дверь открылась, и двое «святых» в кожаных фартуках поверх смоченных потом холщёвых рубах втащили здоровенную бадью. Мясной аромат, настолько крепкий, что ясно ощущался даже сквозь плотную завесу вони, моментально распространился по бараку, вызвав, как по команде, дружное ответное «м-м-м-м-м».

— Подставляй посуду, — зычным басом проорал один из разливающих, — Димка чувашин угощает!

Второй раз просить не потребовалось. Полторы сотни мисок загремели о прутья в трясущихся от вожделения руках. Пара больших деревянных черпаков попеременно опускалась в бадью и отработанным размашисто-щедрым движением справа-налево заполняла бульоном чаши страждущих. Многие из получивших свою порцию гурманов не спешили отходить, они на карачках проползали между ног к решётке и старались поймать в миску ещё хоть немного ароматной наваристой жидкости, что расплёскивалась сверху.

Бадья, проталкиваемая разливающими, медленно и неумолимо двигалась вглубь барака пока не достигла финиша, остановившись возле клетки Стаса.

— Ну-у-у... — многообещающе начал упитанный и покрасневший от усердия бородач, — тебе, мил человек, как новосёлу, сегодня самый навар.

Он опустил черпак на дно и, пошурудив там, плеснул в миску тёмного от мясной взвеси бульона, после чего расплылся в благодушной улыбке, переворачивая свой рабочий инструмент, из которого под многочисленные завистливые вздохи в бульон упал серовато-коричневый, разделяющийся от долгой варки на пряди, шмат.

— Кушай на здоровье. Оно тебе понадобится.

Кормильцы, исполнив свою горячо приветствуемую народонаселением барака обязанность, удалились, а Стас всё так и продолжал стоять около решётки, задумчиво глядя на плавающий в бульоне Димкин кусок. Тот безмятежно колыбался среди набухающих жировых пятен, сливающихся, разделяющихся, липнувших к стенкам миски...

— Эй, — прервал созерцательную медитацию неуверенный окрик.

Стас перевёл взгляд с останков горе-беглеца на источник звука и увидел жмущегося к ближней перегородке мужичонку. Этот субтильной наружности индивид с бледной осунувшейся физиономией обвился вокруг прутьев и раболепно скалился, демонстрируя ряд гнилых, торчащих наружу зубов. Голос подавал именно он, в то время как остальные, вылизав посуду, жадно пялились на нетронутую порцию в руках Стаса.

— Чего?

— Ты ведь это, — индивид указал грязным пальцем на миску, — есть не будешь?

Стас демонстративно покрутил объект вожделения, рассматривая переливающуюся жировую плёнку, и задумчиво помычал.

— Ну-у-у... Даже не знаю. Не решил пока.

— Дай мне, — дрожащим голосом попросил индивид. — Зачем продукт зря переводить? Новичков с этого варева наизнанку выворачивает, а я привычный уже. Дай.

Но зловредный новичок продолжал молча перекачивать миску в ладонях.

— Ну пожалуйста, — взмолился индивид. — А хочешь... я тебе отсосую? Да. Я хорошо умею. Хочешь?

Стас брезгливо покосился и хотел уже в порядке изощрённой мести выплеснуть бульон на землю, но передумал.

— Держи, — протянул он индивиду желанное лакомство.

Тот левой рукой вцепился в посудину, правой — молниеносно запихал в рот кусок мяса и принялся жевать, прихлёбывая через прутья из миски.

— Храни тебя господь! Добрый... добрый человек! — полились благодарности, прерываемые чавканьем и сглатыванием. — Я сейчас, скоро, доем только и...

Стас вздохнул, сделал круг по камере, набрал соломы почище, уселся в дальний угол и со словами: «Идите вы все на хер» отошёл ко сну.

Глава 3

«Жарко. Чёрт! Почему так жарко? Что это за место? Зачем я тут?»

Стас попытался встать, но не смог. Руки и ноги не слушались. Он попробовал оглядеться, однако и это простое действие выполнить оказалось не под силу. Тело не отвечало на приказы мозга.

«Да что за херня?»

— Подсоли чуток, — донеслось откуда-то сзади.

— Ничего, — басовито возразили левее, — и так сожрут.

— Кто это? Кто здесь?! — крикнул Стас, но себя не услышал, лишь тупое ватное «ух-ух, ух-ух» в голове. И жужжание. Нет, жужжание не в голове. Сверху.

Жирная зелёная муха заложила вираж под чёрным дощатым потолком и начала снижаться. Один круг, второй. Маленькие полупрозрачные крылья бьют по воздуху в бешеном темпе, заставляя его гудеть, тонко и мерзко. Третий. Гул усиливается, приближаясь. Настырно, монотонно. Четвёртый. Всё ближе и ближе. Перламутрово-зелёное брюшко блестит в скупом подрагивающем свете керосиновой лампы. «Ж-ж-ж-ж-ж» — словно миниатюрный дизель-генератор на крыльях. Муха пролетает возле лица. Близко-близко. Так, что колебания воздуха ощущаются кожей. Последний вираж. Села. Шесть грязных лапок приземлились Стасу на лоб. Задняя пара приподнялась, и лапки начали тереться друг о друга, издавая сухое отвратительное шуршание.

«Пошла прочь!»

Но муха не реагировала.

Стас попытался наморщить лоб. Не вышло.

Мохнатые лапки пришли в движение. Потоптались немного на месте и засеменили в сторону лица.

«Тварь!»

Грязное насекомое пробежалось до переносицы, запустило хоботок в набухшую капельку пота и повернуло к брови.

Раз-два-три, раз-два-три — перебирают лапки, оставляя за собой зудящий след. И вот они уже взбираются по волосам. Чёрная мохнатая тушка с зелёным брюшком ползёт дальше, через заросли к новой поляне. Она ползёт к глазу. Она уже на веке. Мерзкие крошечные лапы карабкаются по ресницам. Муха переваливается и падает прямо на глазное яблоко. Бум!

«Твою мать! Да что же это такое?!»

Стас изо всех сил зажмуривается, но... веки, будто каменные. Они неподвижны. И глаз неподвижен. Всё так же паялится в потолок, наполовину закрытый теперь мутным подёргивающимся пятном.

Муха устраивается поудобнее. Она чувствует себя вольготно. Немного влажная слизистая оболочка — то, что нужно сейчас. Вот здесь, в самом уголке скопилось чуть больше влаги и маленькое нагноение, очень кстати. Чудесное место. Муха пристраивается брюшком к слёзному мясцу, и перламутрово-зелёная плоть начинает конвульсивно сокращаться, производя на свет микроскопические, покрытые слизью яйца. Они, переваливаясь в желтоватых сгустках, растекаются, заполняют бреши между глазом и веками. Проскальзывают в глазницу, под яблоко, туда, где им будет безопасно и сытно, когда станут личинками. Залезут поглубже, зароятся и будут жрать, откусывая частички подгнившей мякоти своими аморфными рыльцами. Жрать...

— У тебя готово? — зычный голос отвлекает Стаса от наблюдения за копошащимся пятном.

— Нет ещё, — отвечает второй.

— Так чего ж ты телишься?

— Сейчас-сейчас, не шуми.

Стук подошв по скрипучему полу возникает сзади и неспешно приближается. Лязг металла о металл звучит уже совсем близко, словно надфиль ходит по лезвию. Вжи-и-ик, вжи-и-ик.

«Блядь! Это ещё зачем?»

Тёмное пятно резко дёргается и, вновь обернувшись жирной зелёной мухой, с пронзительным жужжанием взмывает к потолку.

— Ну, что тут у нас?

В поле зрения появляется человек. Круглая, блестящая лысиной голова, жирная харя, раскрасневшаяся от стоящей вокруг духоты, борода лопатой, широкие плечи под влажной холщёвой рубахой и лямками кожаного фартука.

Человек обходит Стаса справа и, остановившись, внимательно осматривает.

— Мясистый.

«Да какого хуя?!»

Правая рука бородача поднимает топор с тяжёлым широким лезвием. Он на секунду замирает в верхней точке и резко опускается.

Тук!

Стаса легонько встряхивает, и потолок перед глазами сдвигается.

Бородач левой рукой упирается Стасу в бок и дёргает правым плечом назад. Слышно чавканье выходящей из мяса стали. Топор снова поднимается. И падает.

Хрясь!

Треск ломаемой кости дополняется влажным шлепком лезвия о разваленную надвое плоть. Сочащиеся вязкой багровой жижей края липнут к металлу и нехотя отпускают его, издавая жадное хлюпанье.

«Не может быть. Этого, блядь, просто не может быть!»

Бородач снова поднимает топор, но замирает и медленно переводит взгляд на лицо Стаса. Он смотрит прямо в его немигающие остекленевшие глаза.

«Неужели слышит? Чёрт! Он услышал! Эй! Эй, мужик, слышишь меня?!»

— Подъём! — орёт бородач и замахивается топором уже в сторону лица. Раскатистый металлический гул вторит его голосу.

«Что?!»

— Оглох, едрить твою? Вставай!

Стас, пытаясь уберечь лицо от нависшего топора, дёрнулся всем телом и с удивлением обнаружил, что это ему удалось. Он перекатился набок, упал, и стремительно кружащаяся перед глазами картинка с бороатым мясником исчезла, уступив место расплывчатым желтоватым пятнам на чёрном фоне. Под ладонями что-то захрустело.

«Солома, — Стас быстро огляделся. — Клетка. Вот чёрт. Я в клетке. Слава богу!»

— Задремал что ли? Язвительно поинтересовался разбудивший его голос.

Стас поднялся на ноги и посмотрел в сторону источника звука.

Возле камеры, держа керосиновый светильник, стоял брат Николай, а за его плечом из полутьмы коридора проступал силуэт покрытой капюшоном головы с двумя янтарными точками, поблёскивающими в свете пламени.

Силуэт чуть дёрнулся, и недолгая тишина нарушилась гаденьким хриплым смешком.

— Коллекционер?! — Стас даже пошатнулся от удивления.

— Здравствуй, дружище! — охотник расплылся в улыбке, подошёл и протянул через решётку ладонь для приветственного рукопожатия. — А я уж и не чаял.

Стас чисто рефлекторно сделал шаг назад и с подозрением глянул на протянутую руку, не спеша отвечать взаимностью. Но охотник продолжал настойчиво тянуть пятерню, активно показывая мимикой, что не время сейчас ломаться и демонстрировать рудиментарную принципиальность.

С этим Стас был согласен. Положение действительно не располагало к капризам, а столь необычное поведение Коллекционера хоть и удивляло вплоть до лёгкого ступора, но всё же было лучше, чем поведение обычное. По крайней мере, его появление здесь давало шанс на... Неизвестно на что. Однако отсутствие всяких шансов делу тоже не помогало.

— Рад видеть в целости, — Стас радушно улыбнулся и пожал протянутую руку, добавив про себя: «А вот сохранность не на высоте».

Вид у арзамасского головореза действительно чуть изменился с момента последней встречи: плащ внизу разодран, красная пыль, покрывающая высокую худую фигуру с ног до головы, облепила правый рукав многочисленными шершавыми кляксами, костяшки пальцев содраны в кровь, на левой скуле даже в тени капюшона видна длинная подсыхающая ссадина, но ехидная ухмылка не пострадала и как всегда радовала окружающих, а из-под полы выглядывает ствол «Бизона» — точь-в-точь как у муромских безопасников.

— Что со мной сделается? — продолжил Коллекционер разыгрывать сцену встречи двух старых друзей. — Сам-то как? Нечего пока не откусили? А то ведь народ здесь ушлый, только зазеваешься и — цап! — он расплылся в плотоядном оскале и хлопнул Николая по плечу. — Ну ладно, открывай давай. Так и будем, что ли через решётку разговаривать?

— Не-не, — помотал головой бородач, — без приказа нельзя.

— Да ты чего, Колян? Это ж друг мой, Стас, — охотник развернулся вполборота к собеседнику и указал на объект притязаний. — Мы ж с ним вместе пуд соли сожрали, он мне жизнь спасал, а ты его как скотину в клетке...

Обитатели барака, разбуженные посторонними звуками, зашевелились и скоро уже в полном составе с интересом наблюдали за развитием событий.

...какой шпион? Ты чего говоришь-то такое? — Коллекционер продолжал усиливать натиск. — Чтоб мой кореш под муромских прогнулся? Ну бяка... — он развёл руками с выражением полного недоумения.

— Да я им объяснял уже, что в Арзамас иду, что у меня там дела, — подключился Стас. — Они не слушают.

Но брат Николай был непреклонен.

— Без приказа нельзя, — отрезал он. — Иди и разговаривай с отцом Фомой.

— Ночью? — спросил Коллекционер.

— Жди утра.

— Ну что ты будешь делать, — охотник повернулся к Стасу и виновато пожал плечами. — Такие вот порядки.

— Ничего, — ответил тот, — я подожду.

— Ага. Не уходи никуда, — погрозил пальцем Коллекционер и направился в сторону выхода. — Упрямый ты человек, Николай Михалыч, — посетовал он бородачу.

— Служба такая.

— Ладно, служба... Как жена-то, родила уже?

- Двойню.
- Да ты что? Пацаны?
- Если б.
- Ну, девки — тоже хорошо.

Дверь барака закрылась, возвращая его обитателей в темноту, и Стас вновь почувствовал на себе пристальные взгляды. По клеткам побежал шепоток. Общее возбуждение нарастало, пока самый смелый представитель местной общественности — коренастый мужик в изодранном бушлате — не решился обратиться к герою дня.

— Это... Стас, — начал он осторожно, — ты вроде говорил, что дела у тебя в Арзамасе.

— Говорил.

— Стало быть, туда и двинешь?

— Если получится.

— Слушай, Стас, — парламентёр подошёл ближе и заговорил доверительным тоном, — коли в те края идёшь, может и в Первомайск заглянешь? Брат у меня там. Андреем звать. Терещенко. Возле «пневматики» живёт. Ты ему передай, чтоб денег собрал на выкуп. А, дружище? — глаза просителя увлажнились, голос задрожал. — Выручи. Подохну я тут. Руки гнить начали уже, — он вытянул пятерни с кровотокающими трещинами промеж пальцев и всхлипнул. — Скоро работать не смогу, и тогда всё, хана мне.

Не успел Стас рот открыть, чтоб аргументировано отмазаться, как прошения хлынули со всех сторон.

Сидельцы принялись горланить, наперебой выкрикивая имена родственников, названия деревень, фортов, городов. Каждый надрывался, что есть мочи, стараясь переорать разом вскипевшую толпу. В ближней камере началась драка за место у решётки. Люди отпихивали друг друга, протискиваясь поближе к своей единственной надежде на спасение. Падали на колени, рыдали, умоляли...

Худющий парнишка лет семнадцати оказался прижат к прутьям напиральной сзади людской массой, но всё равно продолжал беззвучно шевелить губами, глядя на Стаса, как на спасителя рода людского.

Пожилая женщина во вторых рядах, лопочущая что-то про сыночка Лёшаньку, резко отшатнулась назад, получив локтём в зубы, бухнулась на пятую точку и заревела, размазывая кровь по морщинистому лицу.

А толпа продолжала гудеть, обрушивая на Стаса нескончаемый поток бессмысленной информации.

— Заткнулись все! — проорал он так, что у самого в ушах зазвенело.

Сначала примолкла ближняя клетка, за ней вторая. Оставшиеся три, насторожившись затишьем на передовой, тоже сбавили громкость. И, наконец, в бараке снова воцарилось молчаливое тревожное ожидание.

— Я иду в Арзамас и никуда больше, — заговорил Стас, дождавшись тишины. — У меня нет ни малейшего желания носиться по округе с вашими весточками, — толпа разочарованно вздохнула. — Да и кто сюда пойдёт вас, людоедов, выкупать? Думаете, в Первомайске или в Тенгушево об этом не знают ничего? Так что сидите уж, жрите свой бульон, да помалкивайте.

Услышав это, народ совсем приуныл. То тут, то там зазвучали всхлипы, переходящие в плач.

Парламентёр, утирая сопли, раздосадовано покачал головой и одарил Стаса недобрым взглядом.

— Ну и сука же ты, — произнёс он пустым, лишённым эмоций голосом. — Ведь мог хотя бы соврать.

Стас не нашёл, чем ответить на эту инсинуацию и, решив закончить бесперспективное общение, удалился обратно в угол. Но спать уже расхотелось. Все мысли были заняты неожиданным визитом Коллекционера. «Скользкая тварь. Как он ухитрился из застенков муромских выбраться? Как меня разыскал? И самое интересное — что у этого гада на уме?

Зачем ему меня отсюда вынимать? Грохнуть и перед заказчиком отчитаться? Сложновато будет. Это ты, паскуда, раньше из засады шмалял, а сейчас-то хер. Главное не с пустыми руками за ворота выйти. Да. Ту подумать нужно. Добровольно он мне ствол не выдаст — это факт. Себе заберёт? Но как? Мы же друзья — не разлей вода. Не красиво получится друга закадычного, словно раба перед собой гнать. Эхе, — Стас улыбнулся, довольный ходом мысли, — первую оплошность ты, поганец, уже допустил. Тебе бы меня выкупить и проблем не знать, а с деньгами-то, видать, облом, не разжился по дороге. Вот и приходится теперь спектакль разыгрывать. Но с другой стороны... — улыбка исчезла, сменившись хмурым выражением. — Нет-нет, такого допускать никак нельзя. Думай, Станислав, думай, если не хочешь чтоб этот выродок у тебя в печёнке ножичком ковырялся».

За разработкой будущей стратегии время пролетело незаметно, и только скрип дверных петель вырвал Стаса из хитросплетения мыслей.

Брат Николай в сопровождении ещё одного «блюстителя веры» подошёл к клетке и звякнул ключом о прутья.

— Вставай, — обратился он к Стасу тоном чуть менее презрительным, нежели ранее. — К стене.

Стас послушно выполнил приказ.

Ключ в замке повернулся, и дверь камеры открылась.

— Выходи.

Столь ранняя побудка, ещё до выгона рабов на трудовые подвиги, Стаса немного обеспокоила, хотя он и сомневался, что неугодных здесь принято на заре расстреливать. «Нет, вряд ли. Захотят пришить, пришьют без затей, прямо в клетке, а может, забьют до смерти, чтоб патроны не тратить, или мачете свои в ход пустят. Ну вот, двор прошли — уже хорошо. Значит, жить будем, вопрос только в сроках».

— Куда идём-то? — решил Стас прояснить ситуацию.

— Отец настоящий говорить с тобой будет, — ответил Николай.

— На какую тему?

— Придём — сам узнаешь.

Г-образный тупик меж тем остался позади, и троица свернула налево.

Монументальное сооружение, занимающее центр площади, оказалось храмом, как Стас и предполагал. Николай отворил тяжёлую резную дверь и мотнул головой, приглашая зайти. Изнутри потянуло мягко обволакивающим ноздри запахом ладана. Оштукатуренные стены первого этажа и потолок были украшены росписями, не слишком искусными, но сделанными явно с душой и большим старанием. Сюжет их вращался по большей части вокруг батальных сцен. Одна фреска изображала богатыря верхом на могучем коне крушащего супостатов пудовой палицей. На другой — кисть художника запечатлела отпевание убиенных русских витязей. Третья — повествовала о воздаянии по заслугам пленным басурманам. И далее в том же духе. При этом автор явно не чурался кровавых подробностей, и не особо стремился следовать церковным канонам. Красные тона превалировали в общей палитре, струясь из отрубленных голов и конечностей. У центральной стены размещался небольшой иконостас, заполненный сплошь новоделом. Наиболее интересный экземпляр демонстрировал прихожанам лик святого-воина. Ошибиться в том, что с иконы на паству взирает именно воин, а не какой-нибудь бесполезный великомученик, не представлялось возможным. Суровое лицо, обрамлённое седой бородою и искрящимся нимбом, хранило печать военной мудрости, багровая мантия собиралась в складки на могучих плечах, а руки сжимали АК, расписанный золотом. Судя по тому, что эта икона занимала центральное место в храме, запечатлён на ней был никто иной, как Илья Муромец. Об этом свидетельствовал и текст молитвы, выведенный на стене чуть выше иконостаса. Молитва была весьма длинная, да к тому же ещё и на церковнославянском. Стас пробежался по диагонали, выхватив из середины текста довольно любопытный фрагмент: «...да познаем согрешения наша и покаемся во гресех наших и восприимем силу духовную, да и крепость телесную обрящем, еже и в привременном веке возможи нам житие свое исправите и Русь Святую возродити...».

Но в суть вникнуть не успел, будучи препровождён через молельный зал к ведущей наверх лестнице.

Преодолев вместе с конвоирами три пролёта, Стас обнаружил, что здание храма имеет и второе назначение. Верхний этаж был явно жилым. Об этом свидетельствовало всё, от чистых ковровых дорожек на полу до разливающегося по коридору запаха еды.

— Стоять, — скомандовал Николай возле предпоследней двери, обошёл подконвойного и постучал.

— Заходи, — прогудел в ответ мощный командный голос.

Николай открыл дверь, шагнул в комнату и подал Стасу знак входить продублированный сзади тычком приклада для лучшего усвоения.

Общее убранство комнаты напоминало рабочий кабинет, богато обставленный и хорошо освещённый. Слева на улицу выходили три окна, обрамлённые парчовыми шторами. По правой стене разместились несколько книжных шкафов забитых до отказа, так что некоторые фолианты лежали даже на полу возле двери, собранные в высокие стопки. О храме, расположенном прямо под ногами, напоминала лишь одна иконка, скромно приютившаяся в уголочке у окна. Основную же площадь кабинета занимал огромный, прямо-таки монументальный стол. Он тянулся от центра комнаты и заканчивался возле дальней стены, образуя букву «Т» с «ножкой» окружённой многочисленными стульями, на одном из которых вполоборота к двери восседал Коллекционер, а за «перекладной», поглаживая роскошную седую бороду, развалился в массивном кресле мужик весьма солидных габаритов. Прямо перед ним стоял поднос с тремя источающими божественный аромат блюдами и хрустальным графином. В правой руке здоровяк сжимал вилку с нанизанным куском жареного мяса, часть которого уже активно пережёвывал.

— Поклонись отцу-настоятелю, — шепнул Николай.

Стас вежливо кивнул богатырю, рассудив, что падать ниц пока что рановато.

— Ну, — осклабился отец Фома, — рассказывай, кто таков, что в наших краях делаешь.

— Да он... — взял было слово Коллекционер, но тут же замолчал, увидев здоровенную ладонь у себя перед носом.

— Обожди, — прогудел Фома. — Тебя я уже слышал. Пускай сам говорит.

— Охотно расскажу, — выразил Стас готовность к сотрудничеству. — Мне скрывать нечего. Зовут меня Станислав. Можно просто Стас. Я наёмник. В края ваши попал транзитом. Мне вообще-то в Арзамас нужно.

— Продолжай-продолжай, — кивнул Фома и стянул зубами кусок с вилки.

— А чего продолжать-то?

— Ну, расскажи, какие дела у тебя в Арзамасе.

— С Хромым мне встретиться надо, — выпалил Стас, чем заставил Коллекционера вдохнуть поглубже. — Работёнку одну хочу обсудить.

— С Хромым? Слышь, Кол? — обратился отец-настоятель к охотнику и мотнул головой в сторону допрашиваемого. — Конкурент твой.

— Да ну что вы? — осторожно возразил Стас и мило улыбнулся. — Какой же я конкурент? Так, по мелочи. До Кола мне высокогато.

— Скромничает, шельмец, — подыграл Коллекционер. — Притрётся в Арзамасе, ещё и меня за пояс заткнёт.

— Угу, — Фома смерил обоих взглядом и остановился на Стасе. — А на кой тебя понесло-то в такую даль? В Муроме, что ли, работы не нашлось?

— В Муроме работы всегда хватает, — ответил тот. — Но не для меня.

— Почему?

— Конфликт у нас с гвардейцами тамошними вышел. Не хорошо получилось, грязно. Теперь вот умения своим новое место приложения ищу.

— И чего не поделили, с гвардейцами-то? — Фома хитро прищурился, видимо, готовя уже следующий каверзный вопрос.

— Бабу, — ляпнул Стас, не особо раздумывая.

— Бабу?! — переспросил отец-настоятель и, получив в ответ утвердительный кивок, ненадолго задумался. — Что, так хороша?

Стас слегка подался вперёд, будто хотел шепнуть сокровенную тайну Фоме на ухо.

— Если сравнить её, блядей из доков и Деву Марию — бляди с Девой Марией одинаково невинными покажутся.

В воздухе повисло неопределённое молчание через пару секунд разорванное богатырским хохотом. Двое конвоиров, после одобрения шутки отцом-настоятелем, тоже осторожно посмеялись.

— Да, — заключил Фома, отдышавшись, — за такую можно и пободаться. Ну а с Колом у вас что? Как познакомились? Он мне тут все уши о тебе прожужжал.

— Давно это было, — покачал головой Стас. — Забыл уже, что мы там вместе первый раз обстригали. Помню только — доставал он меня сильно бредом своим про полезные мутации. Как привяжется — хоть вешайся.

— Это точно, — подтвердил Фома и снова заржал.

Коллекционер тоже посмеялся, но вышло это у него как-то неискренне.

— Хорошо, что я терпеливый, — продолжил Стас, улыбаясь, — Другой плюнул бы да свалил, а я остался. Зато теперь знаю, что Кол — отличный мужик. Настоящий профессионал. Работает — залюбуешься. Не без странностей, конечно. Но кто нынче не грешен?

— И то верно, — согласился настоятель, тут же перейдя к следующему вопросу: — Слышал я, что на Лёньку Самовара вам заказ давали, и будто бы до самого Александрова его пасти пришлось. Неужто правда? Или приврал Кол? — Фома бросил на охотника косой взгляд и продолжил: — Вроде ж под Гусём Самовара уgomонили. Как на самом деле-то было?

Коллекционер открыл, было, рот но, памятуя о предыдущей бесплодной попытке, лишь цыкнул сквозь зубы и промолчал.

Стас нахмурился, делая вид, что силится вспомнить былые подвиги. «Вальнули мы Самовара под Гусём или в Александрове? Пятьдесят на пятьдесят или заведомая лажа? Неужели Коллекционер такой дурак, что настолько подробными рассказами стал бы уши заливать настоятелю? Не похоже».

— Самовар, говорите? — почесал Стас затылок. — М-м... Нет, что-то не припомню такого. Да и в Александрове я сроду не был. Напугал Кол, с другим напарником ходил, наверное.

— Да? — Фома задумался. — Или это я уже путаю? Говорил ты мне такое? — обратился он к Коллекционеру.

— Нет, не говорил, — ответил тот.

— А и точно, — хлопнул настоятель ладонью по столу. — Это ж Серёга Губа рассказывал. Помнишь его?

— Помню, — кивнул Коллекционер. — Редкостный мудака.

— Не без этого. В прошлом месяце под телегу угодил в Арзамасе. Пьяный шёл, споткнулся и был таков. Весь ливер, говорят, отдало. Как оно бывает-то. Столько лет со смертью в обнимку хаживал, а тут... Да, неисповедимы пути господни, — Фома вздохнул и снова поглядел на Стаса испытующим взглядом. — Ну а братьев наших почто в прицел брал?

— Так ведь, — Стас пожал плечами, — они же не представлялись. Откуда я мог знать, что у них на уме? Вот и взял в прицел, на всякий случай.

Фома нахмурился и указал пальцем в сторону Николая.

— А он говорит, что не только в прицеле держал ты их, но и убить грозился, если оружие своё на землю не положат. Было такое?

— Было, — признался Стас.

— Так что, и впрямь убил бы, не слови прикладом в дыню?

— Разумеется. Я стволом попусту махать не приучен.

Коллекционер ухмыльнулся и кивнул, сигнализируя о правильности данного ответа.

— Смотри-ка, — погладил бороду настоятель, — не тонка кишка оказалась. Молодец. Не зря с Колом дружбу водишь. У этого нелюдя глазастого живых напарников ведь совсем мало. Больше всё одноразовые, — Фома с Коллекционером заговорщически переглянулись, — Но уж раз ты жив, значит не только попиздеть годишься. Ладно, Кол, забирай друга своего.

Дежурящий рядом брат Николай сделал шаг в сторону, будто освобождая подопечного от невидимого поводка.

Коллекционер поднялся со своего места, подошёл к Стасу и, положив руку ему на плечо, сориентировал «товарища», в направлении выхода.

— Ну, пойдём, что ли, дела не ждут.

Однако вытурить Стаса из кабинета оказалось не так-то просто. Он упёрся и, выравнявшись из цепких «дружеских» объятий, адресовал настоятелю вопрос:

— Простите, а не подскажите, где я вещи свои могу получить?

Фома даже бороду перестал гладить, поджал нижнюю губу и перевёл вопросительный взгляд на Коллекционера. Тот, вздыхая, развёл руками и шагнул к несговорчивому «товарищу».

— Станислав, ты чего? Какие вещи? Люди и так с тобой намаялись, хлопоты сплошные. Совесть-то поимей.

— Я не за барахло давлюсь, — продолжил Стас, игнорируя порицания. — Прошу только разгрузку с магазинами вернуть и автомат. Мне этот ствол очень дорог, по наследству, можно сказать, от друга его получил. Сроднились мы уже. Понимаете?

— Кончай херню пороть, — Коллекционер схватил напарника за рукав и потянул к двери.

— Обожди, — пробасил Фома. — Пусть скажет, — он перевёл взгляд на Стаса. — Ощущаешь ли ты, Станислав, связь духовную с оружием оным?

— Пожалуй, — Стас задумался. — Я с ним даже разговариваю, бывает. Вроде железяка-железякой, а так вот побеседуешь, душу изольёшь, и легче становится. Иногда кажется, что понимает он, думает там себе о чём-то, только ответить не может. Ни разу ещё меня сто третий не подводил, а мы ведь семь лет уже вместе.

— Вот как? — Фома снова погладил бороду и многозначительно помычал. — Автомат у тебя и впрямь хорош. Да и встретишь такой не часто. Я ведь не из жадности отбираю-то его. Стволов у нас в избытке. Но, понимаешь какая закавыка, — он вздохнул и потёр ладонью о ладонь, — страсть я одну имею. Дюже сильную страсть. Каждый день Бога молю силы даровать мне, дабы он её, проклятой, избавиться. Стволы собираю редкие. Да. Стыдно признаться — собираю и на стенку их вешаю. Целую комнату под это дело богопротивное занял уже. И чего там только нет. Пятьдесят два образца! Можешь себе представить? А вот сто третий мне до сих пор не попадался. Давай так сделаем — ты мне сто третий, а я тебе взамен... — Фома ненадолго ушёл в раздумья. — Ну, не знаю даже. Хочешь АЕК дам под семёрку? А хочешь — СВУ-АС и восемь магазинов к ней полных в придачу? Или сто седьмой отрядить могу, у меня их аж три штуки. А?

«Вот ведь разводит, сука, — подумал Стас, одновременно делая печальную мину. — Ну уж нет, надо дальше продавливать, а то, глядишь, вообще без штанов выставят».

— Я крайне благодарен вам за щедрое предложение, — начал он упавшим полным скорби голосом, — но прошу всё же оставить мне мой автомат. Не могу я без него. Это всё равно, что руку себе отрубить.

Фома расправил могучие плечи и глубоко вздохнул.

— Ведомо ли тебе, Станислав, что означает чувство сие? — голос настоятеля принял серьёзный и даже слегка возвышенный тон.

— Нет, — соврал Стас и изобразил чрезвычайную заинтересованность.

— Сие означает, — продолжил настоятель, — что ствол оный самим Господом в руки твои вложен, дабы нести в мир волю его, коя нам, простым смертным, неведома и уму

скудному недоступна. А теперь ответь мне, Станислав, веруешь ли ты в Бога всемогущего и сына его — Иисуса Христа?

Стас потупил глаза и делано замялся.

— Трудно ответить. Иногда кажется, что верю, особенно если пули над головой свистят, а как полегче станет, так вроде и не особо. Странное дело. Наверное, чем больше шансов с Богом встретиться, тем крепче вера в него.

— Понимаю, — нахмурился Фома. — Горестно мне слышать такое. Однако же путь к Господу тернист и самопознания требует основательного. Я буду молиться за укрепление веры твоей. А когда достаточно крепка она станет, возвращайся. Мы всегда рады будем принять в ряды свои стрелка божьего.

— Благодарю, — Стас слегка поклонился, краем глаза наблюдая плохо скрываемую досаду на лице Коллекционера.

— Только вот просьба у меня к вам двоим будет, — продолжил настоятель. — Просьбочка-то в сущности пустяковая, но подхода определённого при выполнении требующая.

— Я слушаю, — «взял под козырёк» Стас.

— Разговор у нас всё о том же пойдёт, о страсти моей постыдной. Занесло тут недавно попутным ветром новость одну, будто разжился Бульдозерист ценным стволом. «Эм Же три» называется. Пулемёт германский. Не слыхал?

— Мои познания в оружии не столько обширны, как ваши, — отвесил Стас комплимент хозяину.

— Ну, не беда. Я вам картинку дам, чтоб распознать сумели, — настоятель выудил из-под стола журнал и, раскрыв его в нужном месте, вырвал страницу. — Держи. Так вот, пулемёт этот нужно у Бульдозериста заполучить и мне передать. Какими средствами — это уже на ваш выбор.

— А в чём же суть проблемы кроится? — спросил Стас, разглядывая фотографию диковинного пулемёта. — Ведь, как я понял, заполучить нужный ствол при обычных обстоятельствах для человека с вашими возможностями труда не составляет.

Фома загоготал и потряс указательным пальцем в направлении собеседника.

— Да, ты парень не глупый. Проблема и впрямь имеется. Состоит она в том, что отношения у нас с Бульдозеристом несколько, скажем так, натянутые. Не любит он меня за что-то.

— Может, за то, что ты сестрёнку его живьём в кипятке искупал? — предположил Коллекционер.

— И верно! — стукнул Фома кулаком по столу, сотрясая воздух богатырским хохотом. — Запомнявал уже.

— А кто он, этот Бульдозерист? — поинтересовался Стас.

— Глава клана Потеряных, одиннадцатым микрорайоном в Арзамасе заправляет, — подсказал охотник. — Мутант, наркоман, параноик и садист. Одним словом — достойный гражданин родного города. Чуть что, хватается за тесак. Больше чем рубить любит только давить. На заднем дворе специально под эти цели держит двадцатитонный бульдозер. Неудобных раскладывает на земле и медленно-медленно, — Коллекционер, будто смакуя вино, облизал губы, — утрамбовывает заподлицо. Перед экзекуцией обычно наркотой страдальцев угощает, дабы не отрубались раньше времени. Говорят, что один потерпевший чуть ли не по шею спрессовался, требуха уже через рот лезла, а он всё ещё в сознании прибывал и даже руками барабал.

— Ага. — Радостно подтвердил настоятель. — Это он, поганец, любит.

— Ещё он любит за мелкие проступки разные части тела ампутировать в полевых условиях. Тесаком. Здоровенный такой тесачище при себе носит, — Коллекционер развёл руки в стороны и продемонстрировал примерные габариты «хирургического» инструмента, после чего, сам проникнувшись данной характеристикой, обратился к настоятелю: — Слушай, Фёдор, а может ну его, пулемёт этот? Давай я тебе лучше парочку рабов подгоню

взамен.

— Ишь! Нашёл чем удивить. Ты бы мне ещё говна свиного предложил, — отмахнулся Фома. — Нечего тут обсуждать боле. Через неделю жду оговоренного. Ну а если нет, так позже сочтёмся. Ты меня знаешь.

— Я знаю, — кивнул охотник, невесело усмехнувшись.

— Вот и славно. Николай, выдай бойцу его вещи, — распорядился Фома.

— Ну, теперь совсем другое дело, — Стас облачился в разгрузочный жилет и повесил на шею АК-103, не забыв проверить наличие патронов в рожке. — Друзья снова вместе, — погладил он автомат и подмигнул необычно молчаливому Коллекционеру.

Беглый осмотр снаряжения показал, что комплектация не изменилась, все вещи были на месте. Только четыре золотых бесследно исчезли. Деньги на территории крепости, видимо, под классификацию «вещь» не подпадали. Но о недостатке Стас предпочёл умолчать. Брат Николай уже и без того недобро косился при проверке магазинов, а степень субординации и исполнительности подчинённых Фомы оставалась под вопросом.

— Ладно, пора в путь-дорогу, — невесело пробубнил Коллекционер и пожал руку Николаю.

— Куда теперь двинешь? — поинтересовался тот.

— В Арзамас. Куда же ещё? Покажу другу достопримечательности местные, — Коллекционер хлопнул Стаса по плечу и улыбнулся, растянув губы в пакостном оскале. — Бухнем, как следует за встречу, старые добрые времена вспомним. А потом уж и за дело возьмёмся.

— Нам ещё по дороге будет что обсудить, — добавил Стас, поправляя кобуру на ремне.

— Ну, ладно, бывайте.

Николай дал отмашку дежурным у ворот, и тяжёлые обитые железом створки открылись, выпуская двух «друзей» в озаряемую рассветным багрянцем пустошь.

Глава 4

— Так зачем тебе на самом деле в Арзамас понадобилось? — спросил охотник, когда ворота остались метрах в пятистах за спиной.

— Я же говорил, с Хромым встретиться нужно.

— Угу. С Хромым. Так ты, значит, сдаваться идёшь? — Коллекционер глянул на шагающего рядом попутчика и осклабился. — С повинной?

— Вроде того, — кивнул Стас без тени иронии.

— Вроде того, — повторил охотник и хмыкнул. — А я вроде как поверить должен?

— Это уж сам решай. Мне, честно говоря, насрать.

— Грубо, Станислав, грубо. Не на такую благодарность я рассчитывал, из рабства тебя вызволяя. Головой рисковал, можно сказать, а ты за всё хорошее ещё и обидеть норовишь. Не по-людски это.

— Хромой за меня живого больше обещал, чем задохлого?

— К чему вопрос?

— Да просто интересно, как долго мне бы прожить удалось, иди всё по твоему плану.

— Какой же ты, однако, мнительный, — Коллекционер печально вздохнул. — Стоило один раз подранить легонько, и уже обиделся. Нельзя так, Станислав. Нельзя в себе злобу носить. Нужно давать ей выход, а то превратишься в параноика.

— Да? И как предлагаешь это сделать?

— Очень легко. Чтобы выпустить накопившуюся злобу достаточно кого-нибудь убить. Вон птичку, например, — охотник кивнул в сторону вороны, любопытно глазающей с ветки на двух путников. — Мелковата, правда, но какая-никакая, а всё тварь божья, — он ухмыльнулся и подмигнул ничего не подозревающей птахе.

Стас вопросительно глянул на попутчика, хмыкнул, вытащил из-за спины дробовик,

достал патроны из подсумка, зарядил и передёрнул затвор.

— Ну не здесь же, — предостерёг Коллекционер, оглядываясь назад. — Я понимаю, что злоба через край прёт, но километра полтора надо потерпеть. Там на башнях ребятки сидят ещё более припизднутые чем ты. И злобы у них в достатке, и калибр покрупнее.

Стас убрал автомат за плечо, оставив дробовик висеть на груди.

— Я в подобной разрядке не нуждаюсь.

— А что такое? Разрядился уже?

— Нет. Просто я здоров.

— Не бывает здоровых людей, Стас. Бывают плохо осведомлённые о собственном здоровье.

— Новая теория?

— Это аксиома.

— Понятно. В какой стороне Арзамас?

— Прямо, — Коллекционер зашёл немного вперёд и, прищурившись, заглянул Стасу в глаза. — Не пойму я что-то, ты, в самом деле, к Хромому собрался, или это временное помутнение рассудка?

— В самом деле. Есть возражения?

— Нет, — охотник задумался и снова помотал головой. — Нет возражений. Даже наоборот. Но перед тем как Хромой твою башку отрежет, ты мне с заказом поможешь.

— С каким заказом?

— Нда-а-а... — Коллекционер цокнул языком и поскрёб щетину. — Знаешь, Станислав, чем больше я с тобой общаюсь, тем сильнее меня удивляет сам факт твоего существования. При такой выборочной памяти ты, по всем раскладам, нежизнеспособен как представитель своего вида. И тем не менее...

— Про пулемёт что ли? — небрежно поинтересовался Стас.

— Да, про него. И, если только не собрался взаправду распрощаться с головой, советую отнестись к делу без похуизма. В конце концов, это ты меня подписал, так что расхлёбывать вместе будем.

— А если нет?

Огоньки в полутьме капюшона сузились, превратившись в мерцающие прорези на серой коже.

— Не надо злить Святых. Это чревато проблемами со здоровьем. Да и меня расстраивать не стоит — вкрадчиво произнёс Коллекционер.

— Угрожаешь? — спросил Стас как можно более спокойным тоном.

Из рта охотника вырвался короткий смешок.

— Ну что ты? Просто даю дружеский совет. Фома, он, хоть и выглядит увальнем туповатым, мужик весьма злобный. Да и память у него не в пример твоей будет. А человечка из Арзамаса вытащить ему проблемы не составляет. За тобой долг теперь. Отрабатывать надо.

— За меня не беспокойся. Я о долгах помню. Расскажи лучше, как из Муромы выбраться сумел.

— О-о-о, это длинная история. Тебе будет неинтересно.

— Ничего, я потерплю.

— Тронут вниманием, но всё же предпочту умолчать.

— Хм... Уж не оттого ли, что муромские тебя сами за ворота вывели?

Коллекционер покачал головой, сипло хихикая, и нарочито сокрушённо вздохнул.

— Вынужден огорчить, но увы, — развёл он руками. — Твоё невебенное самомнение, Станислав, снова не находит подтверждения реальными фактами.

— А о чём говорят факты?

— Самое забавное, — продолжил охотник, игнорируя вопрос, — это слышать такую вот хуету от подсадного крысюка. Я ж с тобой тогда как со жмуром остывающим базарил. Купился на брехню твою и давай языком молоть. А на утро увели смертничка. Может

расскажешь как вздёрнули? Шея не затекла?

— У тебя, как я погляжу, с недостатком самомнения тоже проблем не наблюдается, — парировал Стас, с показной ленцой кладя руку на дробовик, поближе к рукояти. — Думаешь, меня специально подсадили, чтоб секреты твои страшные выпытывать? Ай-ай-ай, — сделал он возмущённое лицо. — Это ж надо так коварно обработать великого и ужасного Коллекционера. Прямо, етить твою, целый заговор. Так вот я тебя тоже огорчу. Причина нашей встречи всего лишь в нехватке посадочных мест. Много, понимаешь, ворья мелкого в «Чёрном закате» томится, плюнуть некуда. Вот и сунули где посвободнее. А задержали меня на сутки. Имел глупость продать информацию эсэсовцам местным, они и заперли до выяснения обстоятельств. Обидно, правда? Ну а про казнь я тебе, ясен хрен, наврал. Не каждый же день удаётся со своим душегубом за жизнь потрындеть. Такие вот мои факты. А твоих я пока не слышал.

— Складно поёшь, — прошипел охотник. — Интересно было бы ещё узнать, что ты за инфу толкал.

— Она к тебе отношения не имеет. Но, если так уж интересно, скажу. Может, слышал о банде, которая возле Муромы на Владимирском тракте промышляла?

— Ну.

— Я узнал, где их база находится, и прямо Бурову инфу эту продал.

— Хе... — Коллекционер недоверчиво осклабился. — И чего? Эта сука заплатила?

— Пять золотых. Я бы оставшиеся четыре продемонстрировал, да друзья твои их к рукам прибрали.

— А с бандой что? Нашли?

— Нашли, как я слышал. Только ничем путным это не кончилось. Покоцали эсэсовцев сильно, а банда ушла.

— Вот как? И кто ж у них за главного, башковитый такой?

— Точно не знаю, но Буров про Звягинцева говорил. Очень сильно удивился, когда я ему имя с отчеством назвал, а уж когда о кинжале рассказал в серебряных ножнах, так он вообще на месте подпрыгнул.

— Да, бля, интересные дела.

— А кто такой этот Звягинцев? Откуда с ним Буров знаком, да и ты тоже?

— Эта паскуда в своё время руководила ковровским СОБРОм.

— Ни хера себе!

— Да. Я с ним пару раз... работал.

— Подельников сдавал?

— Не доёбывайся, — скривился охотник. — Звягинцев всегда сучарой был знатной, но башка у него неплохо варила. И у начальства городского он на хорошем счету числился. Проблемы решал быстро и радикально. Вот уж не подумал бы, что этот говнюк решится так круто род деятельности поменять. Видно мозги у него в тот раз сильно заклинило.

— В тот раз?

— Ну, давнишняя история, уж и не помню, когда слышал. Поехал, короче, Звягинцев с отрядом, недовольных на место поставить. В деревню какую-то подконтрольную. Там, понимаешь, передумали картошку отгружать, мол — цена их больше не устраивает и на договор они посрали с горкой. Такое случается иногда, ну, ты и сам, наверное, знаешь. Рядовое дело-то, приехать, автоматами потрясти, старосте в рыло прикладом выписать, если шибко туп, и всё, мир да порядок. Но что-то там пошло не по плану и вместо зуботычин выезд закончился разудалой бойней. По слухам, Звягинцев приказал расстрелять десять деревенских, а потом застрелил своего помощника, когда тот начал возмущаться его методами. Всё это действие театральное происходило на главной площади при полном стечении народа. Началась паника, бузотеры колхозные бросились врассыпную. Звягинцев приказал шмалять по бегущим на поражение. Из деревенских кто-то начал отстреливаться, убили одного СОБРовца, и тут началось. Ковровские просто озверели. А озверевшие СОБРовцы под руководством пизданутого командира — дело страшное. Пошёл натуральный

геноцид. Автоматчики ходили по деревне и расстреливали всех подряд. Заходили в избы, вырезали целыми семьями. Перебили всех, кто в лес уйти не успел. Ну, а потом-то пелена кровавая с глаз спала, глянули brave вояки на дело рук своих и решили, что в Ковров возвращаться теперь, наверное, не стоит. Больше про Звягинцева ничего слышно не было. А теперь, поди ж ты, объявился в новом амплуа.

— В чём?

— В амплуа, — повторил Коллекционер. — В роли то бишь, серость неграмотная, — он поглядел на Стаса и усмехнулся. — Поражаюсь, бля. Как тебе так ловко удаётся врагов заводить? Твоя голова просто нарасхват. В Арзамасе за неё платят, в Муроме платят, так ещё и рейдеры с бывшим собравцем во главе мечтают тебя за кишки повесить. Звягинцев ведь догадывается, кто его базу слил?

— Не догадывается. Он это точно знает.

— Молодец.

— А что и в Муроме уже награду объявили?

— О да-а-а, — многозначительно протянул охотник. — Весьма немалую награду.

— Сколько? — Стас посмотрел на ухмыляющуюся физиономию под капюшоном, не без интереса дожидаясь оглашения суммы.

Но Коллекционер с ответом не спешил. Он продолжал ухмыляться, изучающее разглядывая попутчика, и тянул время.

— Ну давай уже, колись. Сколько? — повторил Стас, не выдержав.

— А-а-а, — охотник цокнул языком и поднял указательный палец, тыча им в небо. — Чуешь? Вот оно. Прекрасное новое ощущение собственной ценности. Ни какая-то абстрактная хуета, типа полезности для общества или доброй памяти, а вполне конкретный ценник. Как на базаре. Есть барахло, за которое и «маслёнок» отдать жалко, а есть товар редкий, штучный, и цена на него соответствующая.

— И?

— Десять золотых, — озвучил, наконец, Коллекционер размер денежного эквивалента принадлежащей Стасу головы. — Ну как? Самооценка выросла?

— Признаться да, — утвердительно кивнул тот, поджав нижнюю губу.

— Это за мёртвого. А за живого...

— Не томи, — Стас невольно улыбнулся, почувствовав азарт растущих ставок.

— Сорок. Сорок золотых монеток, украшенных гербом Мурома. Признаюсь, даже позавидовал слегка, листовку прочитав. За меня меньше давали. Но по совокупности... там, конечно... — Коллекционер замолчал, углубившись в подсчёты.

— Не прихватил?

— Чего? Листовку-то? На, — он вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист жёлтой бумаги. — Не выбрасывай. Скоро, может, коллекцию соберёшь.

Стас развернул свой «ценник» и удовлетворённо хмыкнул, оценивая портрет. Растиражированный типографским способом карандашный рисунок выглядел не слишком искусным, но вполне узнаваемым. Хотя подбородок был великоват, что придавало лицу разыскиваемого слегка дебелое выражение, а не в меру злобные глаза указывали на серьёзное расстройство психики. Над портретом жирным не жалеющим краски шрифтом было отпечатано: «Внимание! Властями города Муром разыскивается убийца. Известен как Стас. Рост 1 м 82 см. Вес 80–85 кг. На вид 25–30 лет. Русский. Волосы тёмные с проседью. Глаза карие. Вооружён». А ниже образа врага всего прогрессивного человечества шли расценки: «За поимку, обезвреживание или информацию о нахождении преступника гарантируется вознаграждение. За мёртвого — 10 золотых. За живого — 40 золотых. Размер вознаграждения за предоставленную информацию оговаривается отдельно». И заканчивался этот вполне делового содержания проспект леденящим кровь напоминанием: «Будь бдителен! Он может прийти и в твой дом!».

— Понравилось, — спросил Коллекционер, когда герой листовки, дочитав, сложил её и убрал в карман.

— Весьма занимательно.

— Кого мочканул-то?

Стас, прищурившись, взглянул на охотника и усмехнулся.

— Так я ж говорил уже — эсэсовца оприходовал.

— Из-за бабы?

— Ну да.

Коллекционер покачал головой и сплюнул.

— Не люблю я, Стас, когда меня за долбоёба держат. Страсть как не люблю. Ну ладно ещё Фоме эту херню втирать, он-то тебя первый раз видит и листовок не читал. А мне зачем? Ты на полном серьёзе думаешь, что я поверю, будто эсэсовцы вот так от нехуй делать оценили твою говорящую голову в четыре раза дороже, чем молчаливую. Что они услышать-то хотят? Рассказ о том, как вы бабу не поделили? Нет, ты, конечно, можешь не говорить, если не хочешь, — развёл Коллекционер руками. — Но только не нужно мне всякую туфту гнать. Меня это, понимаешь, оскорбляет.

Стас продолжал молча улыбаться, глядя на эту демонстрацию праведного негодования.

— И чего ты скалишься?

— Да так, — пожал он плечами. — Представил себе, как глупо ты будешь выглядеть перед Хромым. Чёрт. Это ж, наверное, страшный позор для охотника за головами, когда цель сама, при оружии и в полной сохранности к заказчику приходит? Нда-а-а... Тяжёлый удар по репутации. Аванс-то большой получил? Придётся вернуть.

Коллекционер слегка наклонил голову и глянул так, что Стас в первые мгновения этой молчаливой сцены успел пожалеть о сказанном, а его указательный палец сам собою придвинулся ближе к спусковому крючку.

— Придётся, — процедил охотник. — Если только не... — он вдруг замолчал, и угрожающе сведённые к переносице брови приподнялись.

— Что?

— Тише. Пригнись, — Коллекционер в три размашистых шага подскочил к ближайшему деревцу и, сев возле перекрученного ствола, достал из-под плаща бинокль.

— В чём дело? — шёпотом спросил подсевший рядом Стас.

— Ты не слышишь?

— Чего?

— Гул.

Стас напрягся, стараясь различить ещё хоть что-то кроме шелеста жухлой травы и завываний ветра.

— Вроде слышу. Двигатель?

— Два. В нашу сторону едут.

Практически неразличимый на общем фоне рокот быстро усиливался, дополняясь глухим дробным стуком.

— Какие предложения?

— Пока никаких. Жди. А потом повторяй за мной.

Коллекционер поднял бинокль, всматриваясь в красное песчаное море километров в двух от их наблюдательного пункта. Громадное облако глинозёмной взвеси двигалось с севера на юг под терзающими ударами ветра. Безудержный властитель пустошей налетал то с одной, то с другой стороны, вырывая клочья из своей нерасторопной жертвы и швыряя их вперёд, навстречу одному ему ведомой цели.

И вдруг эта клубящаяся аморфная масса будто взорвалась изнутри, пробитая навывлет несущимся во всю прыть грузовиком. Средних размеров трёхосный агрегат с тентованным кузовом, какими обычно любят пользоваться торговцы, вылетел из песчаной бури, оставляя позади закрученный спиралью шлейф, и, ещё поддав газу, продолжил свой безумный полёт. Оторванное правое крыло, волочилось по земле, то и дело подпрыгивая на ухабах и вышибая искры из-под колёсной ниши.

Не успел Грузовик вырваться из пыльного плена, как за ним тут же вылетел ещё один

моторизованный аппарат. Этот имел габариты помельче и для торговых нужд был явно не приспособлен. Зато отлично соответствовал другим потребностям, в здешних условиях куда более насущным. Четыре его колеса с широкими толстыми шинами были сильно вынесены по сторонам от каркасного трубчатого кузова, узкого и относительно короткого, укрепленного спереди и по бокам грубо наваренными металлическими листами. Роль лобового стекла выполнял бронешиток с прорезью на уровне глаз водителя. Собственно только водителя он и защищал. Стелку, который размещался справа, приходилось довольствоваться «активной защитой», предоставляемой закрепленным на «капоте» ПКМом. Двигатель, разгоняющий это чудо техники до весьма внушительных скоростей, тархтел сразу за спинами наездников, разбавляя красную взвесь клубами черной копоти.

— Кто это? — спросил Стас, убрав от лица оптический прицел.

— Дети Пороха, — с налетом таинственности ответил Коллекционер и сплюнул. — Беспредельщики. Никого в хуй не ставят. Хорошие ребята, — он убрал бинокль и взял автомат. — Но сегодня не их день, и территория не их. Как с нами поравняются, стреляй. Может, колесами разживемся.

Два железных монстра тем временем, продолжали гонку, выжимая всё что можно из своих пламенных сердец, а расстояние между ними и местом стихийно организованной засады неумолимо сокращалось. Когда до машины таинственных преследователей осталось полсотни метров, охотник выстрелил. Короткая очередь резанула правый борт автомобиля, и стрелок, вздрогнув, завалился вперед. Стас сделали ещё три выстрела вдогонку. Две пули высекли снопы искр, угодив в моторный отсек, но одна, пробив спинку сиденья, достигла цели. Машину повело. Она по сбивчивой траектории пролетела ещё три десятка метров вслед за удаляющимся грузовиком и, взвизгнув тормозами, развернулась на двести градусов.

Теперь автомобиль стоял вполоборота к огневой точке, демонстрируя оскалившийся буксировочными крюками передок и неровную линию пулевых отверстий на правом борту. Водителя видно не было.

— Сдох или прячется? — задал Коллекционер риторический вопрос. — Ну-ка пиздани ему под щель.

Стас красноречиво посмотрел на охотника, выражая имеющиеся сомнения относительно уместности приказного тона, но, учитывая разумность идеи, решил быть дружелюбным. Впрочем, глядя в окуляр прицела, левый глаз он предпочёл не закрывать, а дистанцию от напарника соблюдать превышающую длину вытянутой руки с ножом.

Грохнул одиночный выстрел. Пуля легла сантиметров на десять ниже смотровой щели, но щиток не пробил.

— Что там? — спросил Коллекционер, доставая бинокль.

— Броня толстая. Не берёт.

— Плохо. Вот зараза! Ты глянь!

Стас снова припал к оптике и увидел, что мирно лежащий до этого на капоте в обнимку с пулемётом труп совершает активные телодвижения с явным намерением перекинуть себя за борт. Посильную помощь в этом деле ему оказывала нога водителя.

Поймав ботинок в перекрестие прицела, Стас нажал спуск, но промазал. Пуля ушла левее. На песочного цвета бушлате мёртвого стрелка образовалось белое пятно, скоро расцветшее красным.

— Сука, — выругался охотник. — Отсюда его не достанем. Держи поганца на мушке, постреливай, не давай высовываться, а я обойду справа. Главное — не пускай к пулемёту.

— Я тоже не люблю, когда меня принимают за долбоёба, — поделился мнением Стас.

Коллекционер улыбнулся и, сняв с плеча автомат, отправился реализовывать коварный план. Он пробежал с десятков метров вправо, не отводя взгляд от машины, пригнулся и, стараясь держаться ближе к деревьям, начал свой обходной манёвр.

Труп стрелка меж тем демонстрировал немалые успехи в акробатике. Он уже сумел наполовину перевалиться через борт и висел теперь задницей кверху, провоцируя Стаса поупражняться в стрельбе. Тот не посчитал нужным лишать себя этой маленькой радости.

Когда заботливая рука водителя потянулась к сиденью мёртвого тела, пуля вошла точно в центр левой ягодицы и заставила бесстыдника, чертыхаясь, отпрянуть.

Коллекционер тем временем уже осилил треть пути и даже сделал попытку выцелить гада никак не желающего расставаться с транспортным средством, правда, безуспешную.

Труп к несчастью долго на борту провисеть не сумел и свалился таки, освобождая место стрелка.

Водитель дернулся было подняться с четверенек и открыть шквальный огонь по обидчикам, но чиркнувшая о капот пуля охладила пыл. Решив, видимо, что вставать с колен пока рановато, он высунул одни только руки. Правой взял рукоять, а левой ухватил приклад и вслепую дал длинную очередь, ориентируясь по звуку неприятельского выстрела. Все пули ушли выше, не попав даже в дерево.

Стас прицелился в руку, маячащую за кронштейном крепления пулемёта, и нажал на спуск. От покрытого ржавчиной металла брызнул сноп искр. ПКМ вздрогнул и клюнул стволом, лишившись поддержки сзади. Однако новоиспечённый пулемётчик так просто сдаваться не собирался. Руки снова появились из-за капота и, мужественно выдержав лязг свинца в непосредственной близости, направили разящий пулемётный огонь в сторону врага. В этот раз направили куда точнее предыдущего. Очередь, рождая на земле полосу красных фонтанчиков, легла не дальше чем в двух метрах от Стаса.

Угольник прицельной сетки, попрыгав немного в такт учатившемуся сердцебиению, остановился чуть выше правой кисти пулемётчика, дёрнулся и сквозь возникшее на секунду перед объективом марево, глаз различил небольшую алую вспышку, сопровождаемую отборным матом.

— Береги пальцы, — злорадно процедил Стас, надеясь, что больше патроны тратить не придётся. Но ошибся.

До крайности раздосадованный и утративший веру в справедливость Сын Пороха решил взыскать с обидчика по счетам. Наплевав на все предосторожности, он схватил пулемёт и уже вполне зряче собрался мстить за причинённые увечья, но не успел. Треск «Бизона» нарушил его планы. Бушлат на пулемётчике взорвался множеством белых пятен, и мёртвое уже тело сползло вниз припорошенное кружащимся, будто снег, пухом.

— Готов! — крикнул охотник и повесил «Бизона» на плечо.

— Ви-и-ижу, — еле слышно протянул Стас, но автомат в его руках по-прежнему смотрел в сторону машины. — «А, может, и тебя заодно приготовить? От греха подальше».

— Уснул там что ли? — снова прокричал Коллекционер, не дождавшись реакции. — Всё, говорю. Иди сюда, никто тебя не обидит.

«Шутник, бя. Ладно, это ещё успею. Посмотрим на твоё поведение».

— Да-да, иду, — Стас поднялся и, не спеша, пошёл к автомобилю, в любую секунду готовый прижаться брюхом к земле и продолжить бой, но уже с другим неприятелем.

Однако переживания оказались напрасны. Коллекционер враждебности не проявлял. Окинув беглым взглядом агрегат, он забрался на водительское место и принялся копать под рулём, периодически высовываясь и слушая звук странно рыкающего двигателя. Наконец охотник вылез, подошёл к моторному отсеку и откинул металлический кожух.

— Ебёна ма-а-ать! Вот и покатались.

— Из-за чего сокрушаемся? — поинтересовался Стас, без особого интереса разглядывающий сложную и малопонятную конструкцию.

— Скажи, дорогой мой человек, — обратился Коллекционер голосом, полным холодного презрения, — ты, когда в носу ковыряешь, никаких жизненно важных органов не протыкаешь себе?

— А в чём собственно дело?

— Вот, — указал охотник на разорванную пополам спиралевидную трубку. — Вот в чём дело. И из-за этого дела наша приятная во всех отношениях автомобильная прогулка идёт на хуй, — он тяжело вздохнул и ткнул пальцем в массивную металлическую деталь с множеством рёбер. — Ведь ты же мог попасть сюда, или сюда, или вот сюда. Но нет. Попал

в единственно верное место. Три выстрела, и отличный автомобиль превращён в тонну бесполезного хлама. Зуб даю — больше так никто не сможет.

— Я же не нарочно.

— Да, — согласился Коллекционер. — Не нарочно. Чего теперь об этом рассуждать? Пулемёт-то хоть не испортил? — он захлопнул кожух и обошёл машину справа, перешагивая через трупы. — Цел вроде. А коробка почти пустая. Говорил же тебе, не пускай к пулемёту. Жмуров пока обшмонай, снайпер, мать твою ети.

Стас демонстративно замер и молча уставился на охотника.

— Чего встал-то? — спросил Коллекционер, продолжая осматривать пулемёт.

— Да вот думаю, а не борзовато ли ты себя ведёшь. По шестёркам своим одноразовым соскучился? Между прочим, хочу напомнить, что это ты за мной увязался, а не наоборот.

— Ой-ой, — покачал головой охотник, копаясь во внутренностях ПКМа. — Какие мы нежные. Дай-ка я тебе кое-что растолкую. Арзамас — это, брат, не деревня и даже не город вроде Муром. Арзамас — это семья. Неблагополучная, со своими тёрками, уродами и грязью, но семья. И чужаков в ней не жалуют. Если Муромский приём показался тебе не достаточно радушным, то в Арзамас лучше и вовсе не соваться. Особенно в одиночку.

— А ты, значит, покровительство своё предлагаешь? — усмехнулся Стас.

— Можно и так сказать.

— Угу. А оно мне сильно нужно?

Охотник защёлкнул крышку ствольной коробки, вытер руки о плащ и серьёзно посмотрел Стасу в глаза.

— Оно тебе не просто нужно. Оно тебе жизненно необходимо. Иначе ты и дня не проживёшь. Ну так что, жмуров будем шмонать?

Арсенал Детей Пороха оказался весьма скромным. На трупе стрелка удалось разжиться только АПСом, да тремя магазинами к нему. У водителя под бушлатом обнаружился «Кедр» с боекомплектom в восемьдесят патронов. Между сиденьями примостился выдавший виды СКС и коробка с десятью полными обоймами. Короткоствол Стас запихал в свой рюкзак, а СКС с пулемётом взял на себя Коллекционер. В ящике под сиденьем очень кстати были найдены обёрнутый бумагой шмат сала и восемь печёных картофелин. Трофейную провизию единогласно решили ликвидировать на месте без отлагательств.

— Слушай, а что там за конструкция такая хитрая? — поинтересовался Стас, указывая испачканным в сала ножом на моторный отсек. — Я в движках не сильно разбираюсь, но этот вроде необычный какой-то.

— Необычный, да, — кивнул охотник, дожевав. — Угробил ты, Стас, сегодня редкий образец, плод ещё более редких прогрессивных идей — пороховой двигатель.

— Пороховой? Это как же, он прямо вот так на порохе что ли работает?

— Ну, не совсем. На чистом порохе только реактивные двигатели работать могут, твердотопливные. А тут это... — Коллекционер задумался. — Бля, вылетело из головы. Раствор... Раствор... Водонитратный раствор, — вспомнил он, наконец. — Или азотное топливо, как они его ещё называют. Башковитые ребята, — Коллекционер легонько попинал голову мёртвого водителя. — Замечательный движок смастерили. Помощнее бензинового будет, и греется меньше. Одна беда — жрёт много. Бак нужен в два раза больше обычного. Но зато от нефтяников никакой зависимости. Пришёл караван, не пришёл — насрать. Машины всегда на ходу.

— А что же кроме них никто такие движки не делает?

— Хе. Сделать-то не проблема. А заправлять его чем? Эти ж суки, — голова водителя качнулась, получив уже более увесистый пинок, — рецептурой топлива делиться не хотят. Всё в тайне держат.

— Зря мы, наверное, их грохнули, — посетовал Стас. — Надо было живьём брать, да расспросить, как следует.

— Думаешь, ты один такой умный? Пробовали уже. Молчат. Им за разглашение четвертование у себя полагается. При чём четвертуют не только предателя, но и всю его

близкую родню. И не поймёшь главное, — развёл охотник руками, — чего им с этой тайны. Ладно бы там планы какие строили грандиозные. Танки на пороховом движке, к примеру. Но какие на хрен планы могут быть, когда их брига не больше четырёх сотен человек имеет? Вот и получается, что ни себе, ни людям. А всё жадность блядская. Жадность и трусость — главные тормоза прогресса. Ну ладно, — Коллекционер встал, стряхнул крошки со штанов и взвалил на плечо пулемёт. — Хорош лясы точить, выдвигаться пора. Нас ждёт город мечты.

Солнце, не спеша, продолжало ежедневный обход своих владений, и пустошь менялась, равняясь на него. Розовато-бурая, предрассветная, вспрыснутая багрянцем рождающегося в крови светила, она постепенно освобождалась от ошметков небрежно сброшенной плевры и обретала новое лицо. Суровое, обветренное, покрытое шрамами. Мягкая дымка рассеивалась, обнажая её сухую, истерзанную язвами кожу, сточенные гнилые зубы, торчащие каменными обломками, забитые тромбами старческие вены, выходящие наружу корявыми деревянными изваяниями. Солнце катилось к горизонту, и пустошь следовала за ним, тянулась к своему уставшему божеству уродливыми длинными тенями, горестно хмурилась, покрываясь глубокими резкими морщинами в бессильной печали и злобе, оттого, что не может вечно сохнуть в его обжигающих лучах, наслаждаясь бесконечным процессом самораспада. Пустошь темнела и... оживала.

Стас шагал, хрустя перекатывающимся под окованными подошвами гравием, и периодически матерясь. Не успевшие ещё усесться по ноге сапоги сбивали намотку, чем немало досаждали при ходьбе, однако берцы уже не спасали от усиливающегося с каждым днём холода, а потому отправились на заслуженный отдых в рюкзак.

— Твою мать! Как же вы задрали! — Стас уселся на ближайшую кочку, скинул сапог и, бубня себе под нос страшные проклятия, принялся в очередной раз перематывать портянку.

— Ничего-то вы, нормальные, током не умеете, — посетовал Коллекционер, между делом прохаживающийся вокруг, но резко остановился, заметив торчащий у Стаса из-под локтя насадок ПБ. — Опять?

— Я, кажется, уже просил не заходить мне за спину?

Охотник отвесил издевательский реверанс.

— Простите великодушно. Не поспеваю за вашей паранойей.

— Это ведь очень просто, — Стас дождался пока Коллекционер вернётся в зону прямой видимости и сунул пистолет в кобуру с самого утра остающуюся не застёгнутой, после чего снова взялся наматывать портянки. — Нужно всего лишь держаться на виду, не шурудить руками под плащом, не играть с ножиком без надобности и не направлять как бы невзначай пулемёт в мою сторону.

— Он тяжёлый, — попытался Коллекционер ещё раз объяснить причину недавнего инцидента едва не закончившегося стрельбой. — У меня плечо затекло...

— Ладно-ладно, слышал я уже. Далеко до Арзамаса? — Стас вставил ногу в сапог и пару раз топнул, плотнее вгоняя её в неразношенную толстую кожу.

— Такими темпами часов восемь плестись будем.

— Далековато.

— А вот если бы не чья-то треклятая меткость...

Стас исподлобья взглянул на охотника и скрипнул зубами.

— Да-а, — протянул Коллекционер задумчиво, делая вид, что не заметил раздражения. — Сидели бы уже в кабаке. Эх, жратва, бухло... — он шумно втянул носом воздух, будто старался распробовать ароматы далёких блюд, и мечтательно мурлыкнул. — А то, глядишь, пожрамши, и девок бы сейчас тискали. Соскучился я по девкам. У-у-у, какие там крали есть. Загляденье. Наливные, сдобные. Особенно Зойка рыжая. Вот Сатана-баба! Прямо возьмёшь так её за бока, и аж жар прошибает. Хороша стерва, — Коллекционер довольно хохотнул, прокручивая в голове незабываемые моменты, но весёлость быстро сошла с его лица, как только он повернулся к Стасу. — А вместо этого роскошного времяпрепровождения мне приходится целый день пешком тащиться по долбанной пустыне

— Ну, у кого рожа краше — это ещё вопрос. А вот девки тебя сегодня точно не согреют, — Стас постучал ногтем по стеклу часов. — Нужно место искать для ночлега. В темноте через пустошь шагать мне как-то совсем не улыбается.

— Темнота — вещь относительная, — философски заметил охотник. — Хотя живность здешнюю дразнить, конечно, не стоит, — он посмотрел на багровеющую линию горизонта и, перекинув ПКМ на другое плечо, свернул влево от текущего направления.

— Куда? — окликнул его Стас.

— Есть здесь место одно. Для ночёвки, думаю, сгодится.

Стас провёл ладонью по листу жести, окрашивая кожу в охристый цвет, потом ухватился за металлическую дугу над головой и осторожно попробовал её на прочность.

— А вся эта халабуда на бошки нам не свалится? — поинтересовался он, недоверчиво осматривая предполагаемое место ночёвки.

— Обязательно свалится, если не прекратишь её раскачивать, — заверил Коллекционер.

Громадная, но чрезвычайно хлипкая на вид конструкция, выбранная охотником в качестве временного убежища, оказалась ни чем иным как остовом давным-давно отжившего свой век автобуса. Изъеденный ржавчиной скелет машины врос в землю. Днище, если оно вообще уцелело, покоилось сейчас глубоко под слоем глинозёма. Пластиково-дермантиновое убранство салона безвозвратно кануло в лету. О крыше теперь напоминали лишь каркасные дуги, обглоданными рёбрами торчащие по обе стороны от прогнувшегося «позвоночника». Единственное, что более-менее сохранилось в этом некогда представительном и даже, как казалось Стасу, величественном транспортном средстве, были борта. Коррозия, разумеется, и их не пощадила, кое-где истончив жёсть и сделав её не толще бумаги. В нескольких местах зияли дыры. Но всё же стены этой жестяной коробки ещё способны были отражать каждодневные штурмы не знающих усталости ветров.

— Я вообще-то рассчитывал на более капитальный вариант, — посетовал Стас. — А тут не намного безопаснее, чем в открытом поле. Ну, смотри, — он указал рукой на поблёскивающее уже первыми звёздами небо. — И в чём смысл?

Коллекционер сложил собранные ветки шалашом вокруг комка жухлой травы.

— Огонька не найдётся? — обратился он к Стасу.

Тот вынул из кармана зажигалку и передал её охотнику.

Чиркнул кремьень. Голубоватое спиртовое пламя лизнуло траву и, быстро распробовав приготовленное ему блюдо, принялось пожирать, жадно фыркая в темноте наступающей ночи.

— Смысл очень простой, — продолжил охотник, дождавшись пока костёр займётся как следует. — Вокруг нас, какие-никакие, но стены. То есть — закрытое пространство. Плюс огонь. Ни одна тварь, за исключением прямоходящей, не сунется в закрытое пространство с огнём. Ясно?

— Ясно, — Стас подошёл к костру и сел на корточки, протянув ладони к жаркому пламени. — А какая здесь ещё живность кроме кошек водится?

— Что, — хмыкнул охотник, — успели уже баек порассказать об убийц пу-у-устоши? — он растопырил пальцы на манер когтей и сверкнул широко открывшимися глазами.

— Почему баек?

— Ну а чего тебе про них рассказывали? Что когти пятисантиметровые, как бритва? Что человека в пух раздирают? Что появляются невесты откуда, будто призраки, и быстры как черти?

— Примерно так, — кивнул Стас.

— Херня, — охотник махнул рукой и, поёрзав на месте, уселся удобнее. — Не так они и страшны. Коготки у них мелкие совсем, для лазания, а не для убийства. Жертву они не

рвут, а душат. Вот что быстры — это правда. Тут главное из виду бестий не упустить. Они хороводы водить любят, отвлекать фортелями разными, а сами горло выцеливают. Как только замешкался, так котяра прыг, и готово. Но на вооружённого человека редко нападают, разве что совсем уж оголодавшие. Они по четвероногой дичи больше специализируются, подсвинка там завалить, или телёнка. Овец с ферм крадут часто. Шпана, в общем, не убийцы. Есть тут звери и посерьёзнее.

— Это какие? — заинтересовался Стас.

Охотник чуть подался вперед, и пламя костра заплесало в его прищуренных глазах.

— Про гусяра не слышал?

— Нет. Что ещё за чудо такое?

— Хе. Кабы знать. Гусяра и издали-то мало кто видел, а те, кому вблизи «посчастливилось», не расскажут теперь. Объявился в пустошах меньше года назад, а про него уже легенды ходят. Но толком никто ничего не знает. Говорят, что чаще всего возле песчаного карьера он появляется, ночью. Стоит неподвижно, будто человек в плаще длинном замер, голову склонив. И звуки странные такие от него доносятся, словно на гусях кто играет. Не то чтобы мелодия, так, переборы. Долгие, тягучие. А потом — раз! — Коллекционер резко дёрнулся, заставив Стаса вздрогнуть. — И нету его уже. Только пыли столб из земли вьётся. Между прочим, карьер этот отсюда недалеко.

Стас попытался усмехнуться, но в горле совсем некстати запершило, и смешок натужным.

— Ну так чего же в гусяре этом страшного, помимо жу-у-утких исчезновений? — поинтересовался он, стараясь придать вопросу оттенок беззаботно-пренебрежительной скуки. — Может, ещё и детей крадёт?

— Про детей не знаю, врать не буду, — ответил охотник без тени иронии. — А вот двоих братьев Святые из-за этого уroda лишились не так давно. Один просто исчез во время патрулирования. Стрельбу услышали, бросились к нему, да поздно уже было. На месте только автомат нашли кровью забрызганный и круг рыхлой земли, около метра в диаметре.

— А второй?

— Со вторым примерно такая же история вышла. Тоже в патруле ходил, не дальше километра от крепости. Группа из четырёх человек. Поссать отошёл в сторонку. На этом его жизненный путь и оборвался. Правда, из дыры его успели вытащить. Он ещё живой, говорят, был. Бормотал что-то про серпы, про страшный суд, жатву кровавую. Ну, ты же знаешь этих умоленных. Они все на сказках своих повёрнуты. Но вот раны у него и впрямь необычно выглядели.

— Так ты что же, труп видел?

— Да, — кивнул охотник. — И, скажу тебе, остался впечатлён. Раны очень на осколочные похожи. Сначала даже подумал, будто пострадавший этот на mine подорвался. Только что за мина такая, которая человека под землю затаскивает? К тому же осколки снизу вверх секут, а тут наоборот всё, дыра сверху, борозда рваная вниз тянется, словно и впрямь серпом вспорота. Его ведь из земли втроем тащили и насилиу вытащили. Значит, держало что-то. Но это ещё не самое интересное, — Коллекционер растянул губы в садистской ухмылке. — Страдалец наш, пока его до крепости везли, всё на живот жаловался, мол, болит страшно, жжёт, будто пламя адское в брюхе развели. А когда на стол-то его положили, да в прореху на пузе глянули, там уже вместо кишок месиво было. Каша гнойно-сизая, говном приправленная. Через пару часов настолько разжижилась, хоть половником черпай.

— И о чём это, по-твоему, говорит? — Стас прокашлялся, невольно бросая взгляд на рожу в свете костра землю.

— А ты подумай? — предложил охотник. — Вспомни, кто из добычи пюре делать любит.

— Бульдозерист?

— Сейчас обоссусь со смеху, — вяло отреагировал на шутку Коллекционер. — Тебе бы клоуном в балагане. Ну что, никаких гипотез больше не выдвинешь?

— Кроме Бульдозериста только паук на ум приходит.

— Во-о-от, — охотник ткнул в Стаса длинным костлявым пальцем, — Молодец. А то я уж совсем было в тебе разочаровался.

— Так ты думаешь, что этот гусяр — насекомое?

— Точно, — с готовностью подтвердил Коллекционер. — Здоровенное хреново насекомое. И, возможно, не одно.

Стас вопросительно посмотрел на довольно ухмыляющегося охотника.

— И чему ты, собственно, радуешься?

— Как чему? Торжеству эволюционного процесса, разумеется.

— Да? А если это торжество сейчас из-под земли выскочит и тебя за жопу схватит?

— Значит, так тому и быть, — ответил Коллекционер, приняв серьёзный и даже слегка торжественный вид. — И я, и ты, и эта тварь из-под земли, все мы участники одного большого состязания под названием «Естественный отбор». И в этом состязании правила для всех едины, — он запнулся и, поджав нижнюю губу, задумчиво повёл бровями, — кроме, разве что, тех чертей, которых ты ищешь.

— Не понял.

— Перестань, — охотник махнул рукой, будто отгоняя враньё. — Ты же в Арзамас только ради этого и идёшь, чтобы с ними встретиться. Точнее, с бугром ихним.

— Бред собачий. Нахрена мне это?

— Стало быть, есть причина. И причина веская. Но вот почему именно к ним? — Коллекционер пытливо заглянул в глаза Стасу. — Почему не в Ковров, не во Владимир? Почему не к бригадам? Зачем тебе Железный Легион? Срубить побольше? Нет. Это можно было в том же Коврове сделать, легко и безопасно. Жизнь свою выменять? Сомнительно. У тебя врагов и так дохера. Одним больше, одним меньше — не принципиально. Тогда зачем? Давай думать. Ты бежал из Муром. Бежал спешно. И не куда-нибудь, а через Оку. Туда, куда муромские не суются. Это логично. Но самоубийственно. Без проводника, без карты, на незнакомую территорию полную кровожадных отморожков. Нужно быть в отчаянии, чтобы решиться на такое. Ты был в отчаянии, Стас? Молчишь. Ну ладно, будем думать дальше. Итак, весь Муром, все эсэсовцы и безопасники подняты по тревоге. Они кого-то ищут. Чужака. Опасного чужака. Но кого конкретно — не знают. У них есть просто список подозреваемых. Но вдруг, ближе к ночи, что-то происходит, и становится известно имя негодяя — Стас. Наёмник-психопат, убийца. Правда, кого он убил и почему вообще его ищут, рядовым муромским служакам не известно. Я спрашивал. Настоячиво спрашивал. Не говорят. Их не посчитали нужным проинформировать. Или намеренно засекретили информацию? Думаю, второй вариант ближе к истине. А раз так, значит случилось что-то очень плохое, из ряда вон выходящее. В Муроме всю ночь работает типография и на утро в городе и пригородах всё обклеено листовками с твоей рожей. Сорок золотых за возможность поговорить с доселе никому не известным тихим наёмником Стасом, превратившимся теперь в цель номер один. Что нужно украсть у Муром, чтобы за тебя давали сорок золотых?

— Пятьдесят золотых, — предложил Стас вариант ответа.

— Не-е-ет, — покачал головой охотник. — Не думаю. Будь эта хреновина просто ценной, такой шумихи бы не возникло. Равно как не возникло бы особой шумихи и из-за убийства, тем более что все высокие чины, на сколько мне известно, живы. Тут дело в другом. Муром потерял нечто не только ценное, но и опасное. Опасное, в первую очередь, для себя. И он хочет это вернуть. Или похоронить, если вернуть не получается. Ты знаешь, где оно лежит и можешь рассказать, если взять тебя живым. Но если живым не даёшься, тогда, по мнению отцов города, тебя следует убить, пока ты не поделился информацией с плохими ребятами. С теми, у кого хватит ума и амбиций, чтобы положить конец муромской гегемонии по ту сторону Оки. И, судя по недавним событиям в Кутузовском, Железный Легион с его Старшими Братями как раз подходит на роль таких плохишей.

Коллекционер замолчал и впился глазами в Стаса, ожидая реакции на изложенные аналитические выводы.

— Ух! — театрально всплеснул тот руками после небольшой паузы. — Какой блестящий ум пропадает. Тебе бы не по пустошам рыскать, а лекции читать в университете владимирском. Я слышал, он ещё функционирует. Вот только не уверен, есть ли там кафедра высасывания из пальца пустопорожней херни.

— Ну давай, колись, — продолжал допытываться охотник, не обращая внимания на сарказм. — Что ты заныкал? Атомную бомбу? Парочку канистр сибирской язвы? Или, может быть, пикантные фото Грицука с мальчиками?

Стас язвительно усмехнулся, но на душе сделалось отнюдь не весело.

«Дотошная скотина. Ты даже не представляешь себе насколько прав. Или представляешь?».

Холодок нырнул ему за шиворот вёртким полозом и проскользил от шеи к пояснице, рождая мелкую знобливую дрожь, которая не осталась незамеченной.

— Ну же, — Коллекционер доверительно улыбнулся, склонив голову. — Я не спрашиваю, где ты её спрятал, а всего лишь интересуюсь предметом торга.

— Торга?

— Разумеется. Ты ведь рассчитываешь получить что-то взамен от Легиона?

— Возможно. А ты, значит, хочешь долю?

Охотник изобразил на лице трогательно смущённое выражение и пожал плечами.

— Не подумай плохо, Стас, ты мне, конечно, нравишься, но не настолько, чтобы помогать тебе даром.

— И какова она?

— Думаю... половины хватит.

Стас молча округлил глаза и поправил выпавшие из костра ветки.

— Что скажешь? — спросил охотник после минутного ожидания.

— Я скажу — нет. Твоя помощь столько не стоит.

— Станислав, Станислав... — расстроено покачал головой Коллекционер. — Ты, видно, чего-то не понимаешь. Хочешь сделать всё сам? Ну так давай я ещё раз обрисую тебе ситуацию, чтобы никакие иллюзии не мешали увидеть реальную картину твоего кошмарного будущего. Итак, после совместного дела по добыче пулемёта для Фомы, на которое ты нас подписал, мы разбегаемся и каждый идёт своим путём. Ты идёшь к Хрому. Поправь меня, если ошибаюсь.

— Нет-нет, всё верно. Продолжай.

— Ага. Вот, значит, приходишь ты в его заведение, подходишь к охране и говоришь: «Здорово, мужики. Мне бы с Хромым перетереть. Дельце одно наклонулось архи важное». А они тебе: «Кто такой?». Но ты же парень — не дурак, именем своим громким щеголять не станешь. Сообразишь чего-нибудь типа: «Не местный я. Шариком кличут». Охрана плечами могучими пожимает, тебя шмонает, берёт под руки и тащит к шефу. Вот ты уже в логове Храмого. Глядит он на тебя и... А вот дальше возможны два варианта. Начнём с простого и короткого. Глядит он на тебя, берёт со стола бумажку, на бумажку глядит, потом опять на тебя, опять на бумажку, и — бах! У тебя в башке дыра. У него-то на бумажке под портретом написано совсем не Шарик, а очень даже Стас. Ведь могла листовочка муромская до Храмого за это время добраться?

— Не исключено.

— Да. Не исключено, — согласился охотник. — Но маловероятно. Так что на этот чудесный безболезненный вариант лучше не рассчитывать. Хромым — особь старая, подслеповатая. О тебе только из описания знает — без мутаций, среднего роста, среднего телосложения, на вид около тридцати лет, волосы короткие тёмные с проседью, глаза карие, черты славянские, одет в камуфляж цвета хаки, при себе АК-103, — Коллекционер указал на Стаса пальцем и покивал. — Запоминай-запоминай. Это я тебе пока бесплатные консультации оказываю. Комок ты уже сменил, молодец. Осталось «калаш» на время визита заныкать подальше. А без сто третьего, да без хаки... Мало ли таких средних кареглазых славян без мутаций в Арзамасе? Ладно, предположим — вид твой у Храмого подозрений не

вызвал. Вот стоишь ты перед ним и с присущей тебе интеллигентностью спрашиваешь: «Дяденька Хромой, а как бы мне с начальством Железного Легиона парой словечек перекинуться? Слыхал я, будто водятся тут мутанты дюже мощные, к Легиону этому отношение имеющие самое непосредственное. А вы с ними, вроде как, корешитесь». И Хромой, кто бы мог подумать, не стреляет тебе в башню без дальнейших разговоров, а вполне дружелюбно интересуется: «Об чём ты, выблядок, с ними базарить собрался? Ну-ка излагай всё мне по быстрому, а уж я передам кому надо». А ты ему: «Никак не можно, дяденька Хромой. Только для избранных ушей информация моя бесценная предназначена». И так, клычки чутка показывая, чтоб старый мудак не хорохорился, добавляешь: «Вы же не хотите расстроить больших дядь их Железного Легиона, воспрепятствовав донесению до их ушей бесценной информации?». И тут уж, конечно, придётся Хромому призадуматься. Нахмурит он брови свои косматые, подумает-подумает, и скажет: «Да на хую я вертел твой Легион. Они про тебя не знают, стало быть — ты мой, и всё мне сейчас расскажешь, если попрошу, то даже в стихотворной форме». А просить старый пень умеет аргументировано. Хоть и аргументов у него всего три — клещи, топор да паяльная лампа. Но как же трудно с ними спорить. Ты даже не представляешь, — Коллекционер ненадолго умолк и на лице его заиграла блуждающая улыбка. — Дааа... Вспомнился мне, Станислав, случай, на твой очень похожий. Было это лет пять назад, а может и больше, но неважно. Суть в том, что пришёл к Хромому щегол один с взаимовыгодным предложением. Он так думал. Посчастливилось щеглу этому схрон навашинский отыскать, ещё со времён окской грызни затерявшийся. Случайно, вроде как, наткнулся, а там — мама дорогая! — чего только нет: и патроны ящиками, и мины, и выстрелы к РПГ, стволы нулёвые в масле. Короче — не схрон, а сказка. Только вот с вывозом добра найденного проблемы возникли. Во-первых, много его слишком, добра-то, а во-вторых, боязно. Схрон на территории Железнодорожников отыскался. А там не то, что ящики телегами возить, ночью ползком передвигаться небезопасно. Каким уж ветром щегла в те края занесло, и как он выбраться сумел, история умалчивает. Но всё, что дальше расскажу — чистая правда. Предложение он Хромому такое сделал — «С тебя машины и бойцы на случай, если пострелять придётся, с меня указание места схрона. А барыш поделим». И ведь немного попросил, всего-то четверть. Но Хромому такой расклад показался малопривлекательным и, разумно посчитав, что сто процентов лучше, чем семьдесят пять, он пустил в ход свои любимые аргументы. Щегол, правда, не сразу принял точку зрения оппонента. Нужно отдать ему должное, стойко оказался. Но любая стойкость рано или поздно кончается. Кончилась и тут. Согласился щегол место схрона указать совершенно безвозмездно. Такая вдруг в нём щедрость проснулась. Но поздновато. Осталась от щегла одна тушка без ручек, без ножек. А вместо четверти барыша в награду ему теперь обещалась скорая смерть. Ну, после того, как все разногласия были улажены, собрал Хромой команду, отрядил пару грузовиков, и обрубок этот говорящий бойцам выдал в качестве провожатого. Только вот кампания окончилась не столь успешно, как можно было рассчитывать. Боя избежать не удалось. Машины сильно покоцали. А наполнение схрона оказалось куда скромнее, чем щеглу на радостях привиделось. Хромой тогда сильно на партнёра своего делового обиделся, и награду обещанную не выдал.

— Не убил щегла?

— Не убил.

— А что же с ним стало?

Коллекционер хмыкнул и злорадно ощерился.

— Придём в Арзамас, сможешь лично с этим предприимчивым гражданином познакомиться. Для этого нужно посетить бордель «Загнанная лошадь» и попросить там Куклу. Так теперь его зовут. Трудится на любовном фронте не щадя себя. Поизносился, говорят, сильно, поистерся. И глаза грустные-грустные.

— Пять, — сказал вдруг Стас, глядя в лицо довольно ухмыляющегося охотника.

— М-м?

— Я готов дать тебе пять процентов от выручки.

— Ты, наверное, не расслышал. Я говорил о половине. Половина — это пятьдесят процентов, — Коллекционер растопырил ладонь и потряс ею у Стаса перед носом. — Десять раз по столько. Ты же вроде грамотный, должен понимать, что к чему. Сам ведь знаешь — мне Хромому аванс возвращать. А он наверняка ещё и неустойку потребует.

— Пяти процентов будет более чем достаточно, — заверил Стас. — На сдачу сможешь безбедно встретить старость.

Недоверчивые полосы янтарного мерцания под капюшоном медленно приняли округлую форму.

— Что же ты такое спёр? — лицо охотника обрело предельно серьёзный вид. — Я не из праздного любопытства интересуюсь, Стас. Пойми, коли дело стоящее, то я помогу тебе выйти на Легион, сам обо всём расспрошу Хромого и других, если понадобится. Но дальше предстоит беседовать уже с куда более серьёзными людьми. И если твой товар окажется не таким уж и привлекательным, то мы с переговоров, как пить дать, не вернёмся. Предложение должно быть таким заманчивым, чтобы клиенту не пришлось в голову рисковать, пытаясь выдавить информацию силой.

— Заманчивее не бывает.

— Мне нужно знать, — настаивал охотник.

Стас вытащил из костра ветку и сосредоточено уставился на её играющий алым пламенем обугленный конец.

«Тебе нужно знать... Да, расклад действительно скверный, что не говори. На рожон лезть глупо. Может, конечно, и выгореть, но, скорее всего... сценарий с тремя аргументами более вероятен. Тут Коллекционер прав. Искать выход на Легион в другом месте? Но где? По кабакам расспрашивать? Быстро окажешься в канаве со вспоротым брюхом. Пытаться выследить членов Легиона? Шарить по округе в надежде на случайную встречу. Идиотизм. Да и чем ещё эта встреча закончится? Нет. Здесь подход нужен, связи. И у Коллекционера они есть, это без сомнений. Сказать? А что я теряю? Даже если он пришёл за головой, то после этого должен будет передумать», — Стас поднял взгляд и увидел на сером, обычно украшенном надменной ухмылкой лице охотника выражение нескрываемой заинтересованности. — «Обязательно передумает».

— Это бомба, — нарочито легкомысленно обронил Стас.

— Бомба? Ты серьёзно?

— Авиационная стокилограммовая бомба с боевым отравляющим веществом.

— Ебануться. Ты спёр у Муромы бомбу?! Один? Как?!

— Не один. У меня тоже бывают одноразовые напарники. Но это тебя уже не касается.

— Да и насрать, — Коллекционер расплылся в совершенно не свойственной улыбке, лучающейся мальчишеским задором. — Чего в ней? Какой дрянью заправлена?

— А ты что, в отравляющих веществах разбираешься?

— Кой с какими знаком теоретически — зарин там, зоман всякий. Да и на практике случалось отдегустировать, дышал разок хлором — впечатления сильные.

Стас усмехнулся и покачал головой.

— Нет, это не хлор и даже не зарин.

Лицо охотника тут же отразило резко упавший энтузиазм.

— Только не говори, что собираешься Легиону перечный газ впаривать.

— Нет. Там A232.

— Это что такое?

— БОВ последнего поколения. Ты такого не пробовал, уверяю. В противном случае у тебя были бы выкрученные агонией суставы, завязанные в узел кишки, и большой, красный, распухший язык, не позволяющий нести всякую чушь.

— Краси-и-иво, — протянул Коллекционер, возвращаясь в приподнятое расположение духа. — А бомба, говоришь, стокилограммовая?

— Да.

— Значит отравы там килограммов на тридцать-сорок?

- Около того.
- Не так уж и много.
- Если грамотно распылить — достаточно.
- Для чего достаточно?

Стас выдержал паузу, глядя настырному собеседнику в глаза, и медленно членораздельно произнёс:

- Для победы. Ещё вопросы будут?
- Припрятал бомбочку надёжно?
- Завязывай. Ты хотел узнать про предмет, я рассказал. Остальное — не твоя забота.
- Ладно-ладно, — охотник примирительно поднял руки. — Я на всякий случай спросил.

- Ну так мы договорились?
- Почти.
- Что ещё за «почти»?

Коллекционер задумчиво помычал и цокнул языком.

— Понимаешь... товар у тебя, конечно стоящий, но вот пять процентов... Как-то не ложится оно на душу. Давай округлим хотя бы до сорока, — он увидел, как глаза потенциального компаньона медленно расширяются, и поспешил аргументировать озвученное предложение. — Согласен, что половина — слишком жирно. Как-никак товар твой, а я лишь содействую в его реализации. Но пять процентов — это не справедливо. Мои риски не меньше твоих выходят, а кое где и несоизмеримо больше. По сути дела я всю работу на себя беру, головой рискуя, а тебе остаётся только показать место и получить гонорар.

- Хорошо. Пусть будет десять.
- Издеваешься? Тридцать пять — край.
- Ты вообще представляешь себе, сколько это денег?
- Честно говоря... — Коллекционер задумался, — нет, не представляю. И это тоже нужно обсудить.

- Ладно, — устало вздохнул Стас. — Твоя взяла. Пусть будет тридцать пять.
- Вот и славно, — охотник довольно потёр ладони. — Сколько просим?
- Сам решай. Мне не деньги нужны.
- Не деньги? — лицо под капюшоном заметно вытянулось, приняв озадаченное выражение. — Так какого ж хуя ты здесь спектакль разыгрывал?

Стас улыбнулся и вернул потухшую ветку в костёр.

— Навыки твои дипломатические проверял. Результатом доволен, так что можешь считать себя зачисленным в мой отряд.

Глава 5

Ночь прошла относительно спокойно. Стас заступил на вахту первым и, отдежурив, благополучно сдал её Коллекционеру, немилосердно растолкав того в три часа. Сон, вопреки ожиданиям, сморил почти моментально. Накопленная за день и первую половину ночи усталость окутала мозг пуховым одеялом, отодвинув далеко на задний план все переживания и опасения. Несколько раз Стас просыпался, разбуженный эхом далёких выстрелов, получал от скушающего за поддержанием огня Коллекционера объяснения типа: «Детишки балуются», и снова проваливался в забытие, наполненное туманными образами.

- Хорош дрыхнуть, — что-то легонько ударило по ноге.

Стас открыл глаза и увидел хмурое тёмное небо, забранное в клеть стальных рёбер сгнившей крыши автобуса. Было холодно и влажно. Не успел он подумать о надвигающемся дожде, как на щёку упала первая крошечная капля.

— Пора выдвигаться, — Коллекционер стоял рядом с потухшим костром, лениво двигая челюстью.

Стас сел, потёр глаза кулаками и зевнул.

— Жрёшь чего-то? — спросил он поднимаясь.

Охотник протянул ладонь, демонстрируя лежащие на ней три сморщенных коричневых предмета полукруглой формы и неизвестного происхождения.

— Яблоки сушёные, — пояснил он, закинув в рот очередную порцию.

— Ещё есть?

— Нет, это последние.

— Ясно, — Стас достал флягу, отпил немного, прополоскал рот и сглотнул. — Тихо всё было?

— Постреливали изредка, — охотник водрузил на правое плечо ПКМ в дополнение к уже висящему на левом СКСу. — И ты ещё бубнил про Катюшу какую-то. А в остальном — без происшествий.

— Что... что я бубнил?

— Да херню всякую нёс. Про обед чего-то там пиздел, за дровами идти собирался, про детей каких-то... Бред короче. Это у тебя, наверное, от недоедания, — Коллекционер сунул в рот последний ломтик засушенного яблока и продолжил жевать.

— Наверное, — согласился Стас, облачаясь в плащ-палатку. — Дождь собирается — хорошо, пыль прибьёт.

Минут через десять робкая едва заметная изморось сменилась полноценными осадками, не только прибившими к земле вездесущую пыль, но и превратившими её в скользкое липнущее к подошвам глиняное месиво. Холодный пропитанный влагой воздух обжигал гортань, отбивая всякую охоту к разговорам. Две закутанные в плащи фигуры понуро брели по раскисшей красной равнине.

Трижды на пути им встречались останки давно покинутых деревень. Занесённые глинозёмом фундаменты возвышались едва различимыми бугорками. Кое-где под слоем почвы угадывались очертания печей. Небольшие впадины наполненные дождевой водой — всё что осталось от погребов. Укрытые землёй надгробия минувшей эпохи тянулись целыми улицами. Кто жил здесь? Что с ними стало? Сейчас это было уже не важно, а по прошествии нескольких лет не останется даже и причин для вопроса.

За три часа небо выцедило из свинцовых туч последние капли, и дождь закончился. Спустя ещё четыре — на горизонте замаячил приземистый силуэт города, усеянный чёрными нитями дыма струящегося из многочисленных труб и пригибаемого к земле порывами ветра.

— Ро-о-одина, — Коллекционер набрал полную грудь, втягивая доносящийся со стороны Арзамаса запах гари и чего-то ещё, кисло-сладкого, сильно напоминающего аромат гниющих помоев. — Что может быть чудеснее? Ну, если только хорошая жратва и стаканчик забористого пойла в тёплом сухом кабаке. Кстати, — он перевёл мечтательный взгляд с панорамы города на Стаса, — денег у тебя, я так понимаю, нет?

— Пожертвовал все, что было, церкви святого Ильи Муромца, — напомнил тот.

— Ну да. У меня тоже голяк. Значит первым делом двинем в лабаз, трофеи сдавать. И это, — охотник указал на торчащий из-за плеча приклад сто третьего, — ты бы припрятал что ли валыну свою палёную от греха подальше.

— Тут стрелять можно? — поинтересовался Стас, оглядываясь.

— Да хоть из гаубицы. А зачем?

Он молча взял на изготовку дробовик и, прицелившись в торчащую из земли полусгнившую бочку метрах в пятнадцати, нажал на спуск. Грохнул выстрел.

— Работает, — констатировал Стас, разглядывая россыпь свежих дыр в полуистлевшей жести.

Удовлетворённый результатом полевых испытаний он достал из подсумка карточный патрон, поместил его на вакантное место в магазине и, щёлкнув предохранителем «Бенелли», временно взявшего на себя обязанности основного ствола, принялся упаковывать сто третий в рюкзак.

— Ну вот, больше я и не Стас, — усмехнулся он, поправляя лямки.

— А кто?

— Хм. Даже не знаю. Может, Андрей?

— Не-е-ет, Андрей — не солидно, — поморщился охотник. — Нужно тебе кликуху придумать запоминающуюся. Я вообще удивляюсь, как ты ей до сих пор не обзавёлся.

— Да как-то не приклеилось.

— Не может такого быть. В детстве-то наверняка имелось погонялово.

— В детстве? — Стас улыбнулся, окунаясь в воспоминания. — В детстве имелось. Карандаш.

— За что же тебя так?

— Сам не знаю. Может, за то, что тощий был, а может, из-за того, что рисованию обучался.

— Ты? — удивился Коллекционер. — Рисованию? Охренеть. Но Карандаш всё равно не вариант. Такая кликуха только для шестёрок годится. Художник? Банально, — он оценивающе посмотрел на Стаса. — И рожа какая-то не выразительная, и увечий заметных нет. Давай тебе носотрежем, будешь Буратиной.

— Не звучит.

— Ну, тогда сам придумывай.

— Кстати, а почему ты вчера жмурам пальцы не отрезал? Ты ведь, насколько я слышал, за эту милую слабость кличку получил свою.

— Нахрена мне их пальцы? — охотник брезгливо скривился. — Я Коллекционер, а не барахольщик. В моё собрание попадают фрагменты тел лишь заслуживающих внимание покойников.

— М-м... По каким критериям отбираешь?

— Как по каким? По цене, разумеется. Нижний край — десять золотых.

— И много набралось экспонатов?

— Двенадцать.

— Не густо.

Коллекционер смерил Стаса взглядом, изобразив на лице снисхождение к глупости, продиктованной невежеством.

— Не густо? Напомни-ка, за что тебя муромские разыскивают? Ах да, ты спёр у них бомбу с химическим говном, способным похоронить враз кучу народа. Если бы я работал на Муром, твой палец занял бы тринадцатое место, став пятым в числе аутсайдеров коллекции.

Стас усмехнулся, но уязвлённое самолюбие всё же легонько кольнуло, потребовав более высокого места в рейтинге отрезанных пальцев. «Да, прекрасное новое ощущение» — вспомнил он слова охотника. — «Кто же, интересно, меня обошёл?».

— И кто же меня обошёл?

— Какая разница? — флегматично отмахнулся Коллекционер. — Они уже мертвы.

— Ладно-ладно, признаю — я заинтригован? Кто у тебя в первой тройке?

Нарочито безразличное выражение на лице охотника сменилось довольной улыбкой.

— Хм, дай-ка вспомнить за кем у нас третье место, — он задумался, беззвучно шевеля губами, — Шомпол? Да, точно — Тарас Шомпол. Двадцать пять золотых я за него выручил. Но побегать пришлось хорошо. Почти три недели угробил на козла.

— А кто это?

— Ты не знаешь Шомпола?

— Ни разу не слышал о таком.

— Станислав, Станислав... — Коллекционер разочарованно вздохнул. — Ты же вроде из Владимира, а с историей родного края не знаком совсем. Стыдно должно быть. Имя Тараса Шомпола лет семь-восемь назад у торгашей ваших на слуху было прочнее собственного. Много он им нервов испортил со своей бандой. И не только нервов. Так вот эти самые торгаши решили скинуться и заказать Тараску. Ещё условие поставили — чтоб подход душегуб от автоматного шомпола в ухо, как сам любил с потерпевшими расправляться.

Стас недоверчиво хмыкнул.

— И что же, удалось подобраться вплотную к главарю банды и во сне его ухайдакать?

— Нет, конечно. Грохнул засранца из «Винтореза» метров с пятидесяти.

— А как же пожелание клиента?

— Ну, пожелание клиента — дело святое. Пришлось ещё двое суток ждать, чтобы откопать покойника, отрезать ему палец, башку, и шомпол в ухо вставить. В таком виде он перед клиентом и предстал. Этого хватило.

— Понятно. А остальные победители?

— Про вицечемпиона я тебе уже как-то рассказывал.

— Муромский безопасник с семьёй?

— Он самый. Сорок золотых. Хотя второе место его пальцу, конечно, не совсем честным путём досталось. Как-никак заказ- то на пятерых был.

— Сам, жена, двое сыновей и дочурка лет двенадцати.

— Точно, — подтвердил охотник. — Хорошая у тебя память.

Стас нахмурился, глядя вниз, туда, где слегка подсохшая грязь расходилась трещинами от подошв сапог.

— Это правда? — спросил он, оторвавшись от созерцания попираемого ногами глинозёма.

— Не понял.

— Ну, та история с девчушкой. Ты что, в самом деле трахал умирающего ребёнка?

Коллекционер повернул укрытую капюшоном голову, и солнце на мгновение ярко вспыхнуло, отразившись в жёлтых глазах.

— У тебя с этим проблемы? — поинтересовался он невозмутимо.

— Так это правда или нет?

Охотник помолчал немного, улыбнулся и пожал плечами.

— Сам решай.

— Значит трахал.

— Как тебе будет угодно.

— Бля, это же просто пиздец. Нахрена такое делать? Получил заказ — убей. Убийство можно понять. В конце концов, у каждого своя работа. Но зачем глумиться над полумёртвым дитём? Будь хоть нормальная, хоть мутант — она этого не заслужила. Не успела заслужить. Какая необходимость? Трахать что ли больше некого?

Коллекционер терпеливо выслушал обличительную речь, вздохнул и поскрёб подбородок, скрепя щетиной.

— Это риторический вопрос?

Стас хотел было ответить, но передумал и, сплюнув, молча продолжил путь.

Западная окраина Арзамаса впечатление производила гнетущее. Даже издали. В первую очередь этому способствовал смрад. Кисло-сладкий, удушливый, он заплывал в ноздри, обволакивая их помойной слизью, настолько глубоко, что даже во рту чувствовался тошнотворный привкус целого набора непотребных ингредиентов, обычно далёких от языка, но хорошо знакомых носу. Стелящаяся над крышами дымная пелена, формировавшая ранее основу «букета», всё больше пасовала перед гниlostным напором, способная теперь лишь разбавить его острыми нотками печной копоти.

Но запах был не единственным виновником создания общей неприглядной картины. Он, скорее, удачно дополнял её, ложась яркими масками поверх монотонной чёрно-бурой гаммы кособоких лачуг и заросших грязью проулков. Трущобы муромских пригородов на здешнем фоне представлялись Стасу не иначе как чистыми и опрятными.

— У вас везде такая благодать? — спросил он, пряча нос под воротник куртки.

— Что, пробирает? — усмехнулся Коллекционер и с шумом заполнил лёгкие ядовитым смрадом, будто не в силах надышаться. — Это Тёша. Здесь она ещё чистая относительно. Вот ниже по течению, там да-а-а. Привыкнешь.

Скоро показался и сам источник зловония, обозначенный полусгнившим деревянным мостом над круто уходящими вниз берегами.

— Твою же мать, — прогундосил Стас, идя по осклизлым брёвнам вслед за охотником. — Что сюда сливают?

— Всё, — ответил тот лаконично.

Сие ёмкое определение подтверждалось как запахом, так и внешним видом реки. Её мутные воды, омывающие опоры моста метрах в двух под ногами, были окрашены в цвет, не сразу поддающийся определению. Желтовато-землистый с чёрными, извивающимися, будто черви, прожилками. Скопившаяся вдоль берегов коричневая пена укрывала груды разнокалиберного мусора, и не только.

— Что это? — указал Стас на крупный белёсый предмет, выглядывающий из-под слоя отходов жизнедеятельности. — Труп? Едрёна мать, точно. Это ж утопленник!

Коллекционер подошёл к краю моста и, не проявляя особой заинтересованности, глянул вниз.

— Не знаю, утопленник или нет, но что труп — точно. Уже дня три как, — заключил он со знанием дела.

— Это нормально? — Стас, борясь с тошнотой, продолжал внимательно изучать колышущуюся вдоль берегов массу.

— М-м?

— Нормально, что трупы в реке рядом с жилыми домами плавают?

— Как тебе сказать? Вообще, разумеется, ненормально. Покойников тут сжигать принято. Но случаи-то всякие бывают. Пырнули да в реку бросили. А кому его оттуда доставать хочется? — охотник потянул Стаса за рукав. — Ладно, пойдём. Больно ты впечатлительный.

— Кошмар, бля. У вас когда последняя эпидемия чумы была?

— Хрен знает, — пожал Коллекционер плечами. — Дизентерия случается, а про чуму не слышал. Тут народ закалённый. А ты, кстати, поменьше удивляйся. Всякого ещё насмотришься. И на местных не глазей. Не любят они, когда пялятся.

— Они? — Стас вопросительно поднял брови. — С чего вдруг такая отчуждённость? Я думал, что все мутанты — братья.

— Тебя с детства учили к словам цепляться?

— А тебя — вопросом на вопрос отвечать? Ты, случайно, не еврей?

Охотник вытаращил глаза и зашёлся каркающим смехом.

— Еврей? — переспросил он, отдышавшись. — Может быть, может быть... Я бы ответил точнее, если б папа с мамой не забыли крошку-мутанта в помойной яме.

— У-у... Сирота... — делано огорчился Стас и смахнул невидимую слезу. — Я растроган.

— Только не разревись.

Смердящая Тёша осталась позади, наедине со своими мертвецами. Охотник молча шагал по безлюдным проулкам и Стас, пытаясь не наступать в особо подозрительные лужи, шёл за ним. Вонь по мере отдаления от реки ослабевала, но об окончательном её исчезновении не могло быть и речи. Судя по цвету и запаху жидкостей, хлюпающих под ногами на раскисшей земле, помой, а так же содержимое ночных ваз жители Арзамаса имели обыкновение выливать прямо на улицу. Стас мысленно поблагодарил судьбу за то, что встреча с этим дивным местом была уготована ему не в разгар лета.

Чёрные, изъеденные гнилью коробки домов, казавшиеся издалека жалкими сараюшками, вблизи выглядели гораздо внушительнее, но не менее уродливо. Большинство имело два яруса. Фасады сверху украшались одним-двумя крохотными оконцами, нижние ярусы окон были лишены. Цельность стен там нарушали только низенькие двери, метра в полтора высотой. Многие дома были вымазаны странным чёрным веществом с матовой поверхностью испещрённой каплями подтёков. Иногда только снизу, реже полностью. Эти отталкивающего вида сооружения нависали с двух сторон над узким проулком, сдавливая

его, будто тиски.

— А куда люди все делись? — поинтересовался Стас, оглядывая мрачные ряды плотно закрытых дверей.

— Люди? В этом районе людей нет. Только братья-мутанты, — усмехнулся Коллекционер. — А они по домам сидят. Кто бухой сутра, кто под наркотой, а кто и подох уже в конуре своей тихонько. Чего им тут зря говно месить? У кого работа есть, так они все к центру ближе двигают спозаранку, возвращаются за полночь. Так что если увидишь здесь днём прохожего — держи палец на спуске. Это либо нарик выполз дозу заработать, либо другой какой маргинал голодом к лихому делу принужденный.

— Мило.

Проулок сделал крутой заворот, и впереди показались развалины типовых многоэтажек, радующие глаз относительной белизной. Впрочем, об их изначальной многоэтажности судить можно было лишь по знакомым очертаниям, возвышающимся от силы на десяток метров выше земли. Кое-где стены и вовсе сходили на нет, оползая вниз горами колотого кирпича и бетона. Для жилья тут были пригодны разве что первые этажи да подвалы.

— Хреново сохранились, — кивнул Стас на белеющие впереди руины.

— А чего же ты хочешь? — удивился Коллекционер. — Полмегатонны — не хрен собачий. Удивительно, что это ещё стоит.

— Какие мегатонны?

— Ну, ёпт... Стас, ты не устаёшь поражать меня своим невежеством. Это ж каждый ребёнок знает. Бомбили Нижний, одна ракета отклонилась от курса и ебанула отсюда неподалёку. По крайней мере, я так слышал. Хотя, может и специально целили. Кто его теперь разберёт?

Коридор из чёрных халуп закончился, и охотник махнул рукой направо.

— Нам туда.

Стас замедлил шаг, глядя на открывшуюся панораму. Забранный в чёрные клещи трущоб перед ним лежал пейзаж не виданный ранее.

Рушащиеся довоенные многоэтажки были не редкостью. Такие покинутые людьми и медленно умирающие без должного ухода дома «украшали» окраины любого более-менее крупного города. Они дряхлели год за годом, покрывались трещинами, кренились, осыпались, хороня нижние этажи под прахом верхних. Но здесь всё выглядело иначе. Огромная площадь была усыпана кирпичным крошевом, гигантскими веерами расходящимся от торчащих, словно гнилые пни, руин. Эти каменные барханы наслаивались один на другой, перетекали, сбивались кучами, встретив на пути железобетонную помеху фундамента. Десятки домов, целые улицы были попросту сметены ударной волной и развеяны, как сухой песок.

Но и тут жизнь, однажды сведённая под корень, снова дала ростки. Первые этажи, как и предполагал Стас, были жилыми. Из заложенных на две трети кирпичом окон торчали печные трубы, дымя и оставляя на стенах чёрные полосы копоти. Местами квартиранты обосновались и повыше, там, где это позволяла сохранность несущих конструкций. Ненужные стены разбирались, нужные — ремонтировались. Так многие дома-башни, скошенные обычно градусов под тридцать, приобретали вид пологой выщербленной лестницы из пары, реже тройки ступеней. Многоподъездным домам повезло меньше, особенно тем, что были обращены к эпицентру взрыва фронтально. Сейчас о них напоминали лишь длинные прямые курганы.

— Мясо, — прозвучало вдруг из-за спины.

Стас вздрогнул и резко повернулся, большой палец машинально щёлкнул предохранителем.

— Мясо, — повторил стоящий в двух метрах карлик, трясая связкой крыс, нанизанных сквозь глаза на проволоку. Некоторые зверьки ещё подёргивались. — Пять «маслят» за одно мясо. Бери. Свежее.

Стас выдохнул и перевёл взгляд с крыс на крысолова.

Чуть выше метра ростом, карлик был одет в странное подобие шинели из тёмно-серого сукна с кожаными вставками. На широком поясном ремне справа висел подсумок, а слева кистень с деревянной рукоятью и шнуром, оканчивающимся массивной цилиндрической гирей. Непропорционально сложенное лицо коротышки напоминало овощ. «Кабачок» — немедленно пришла Стасу на ум подходящая аналогия. Округлый лоб и тяжеловесный подбородок выпирали наружу, в то время как приплюснутый нос, рот с толстыми губами и близко посаженные к переносице глаза довольствовались вторым планом. К тому же карлик был абсолютно лыс. Это касалось не только бугристого черепа, но и надбровных дуг с веками, лишённых какой либо растительности.

— Бери, — повторил он и ещё раз потряхнул крысами, заставляя живучих бестий шевелиться в подтверждение свежести товара. — Два мяса за пять «маслят» отдам. Два.

— Почём, говоришь? — рядом с предприимчивым недомерком нарисовался Коллекционер и с видом заправского ценителя крысятины пощупал одну из тушек.

— Пять «маслят» за два мяса, — проблеял карлик уже менее бойким голоском.

— Ишь ты. А ебальник красивый не треснет от жадности?

Толстые губы дрогнули и растянулись в заискивающей улыбке.

— Э-э... эхе... Один... Один «маслёнок» за два мяса.

— Ну это другое дело. А то я уж перепугался. Думал, с голоду подохну при таких-то расценках, — Коллекционер щёлкнул осматриваемого зверька по носу и оскалился, наблюдая, как тот клацает зубами. — Вот этого мне дай и этого ещё, — он опустил пулемёт на землю, передёрнул затвор «Бизона», и «маслёнок» вылетел из экстрактора в ловко подставленную ладонь.

Карлик довольно крикнул, бросил патрон в подсумок и, ухватившись за выбранного клиентом грызуна, резко дёрнул его вниз. Проволока с хрустом разломала крысиный череп, оторвав часть морды. Второй купленный зверёк повторил судьбу первого и обе кровоточащие тушки перекочевали в руки нового владельца.

— Славно, — Коллекционер поднёс всё ещё дёргающих лапами грызунов к лицу, запрокинул голову и две темно-красные струйки ударили ему в рот. — Славно, — повторил он, вытирая ладонью губы, и повернулся к Стасу. — Не хочешь? Осталось ещё чуть-чуть, нужно только надавить посильнее.

— Благодарю, — ответил тот, борясь с тошнотой. — В другой раз.

— Как знаешь, — охотник снова поднял трупки несчастных животных, и кровь под аккомпанемент хруста сломанных рёбер и позвонков потекла ему на язык.

— У вас тут всё такое аппетитное? — негромко спросил Стас, глядя в спину удаляющемуся карлику-крысолову.

— Нет, не всё, — Коллекционер выщедил, наконец, своё «лакомство» и теперь старательно вынимал изо рта попавшие туда вместе с кровью крысиные волоски. — Если бы ты увидел что местные жрут, не умничал бы сейчас, — он ухватил остатки пиршества за хвосты и, размахнувшись, со словами: «Эй, голодьба», запустил их в сторону трёх вяло копошащихся на небольшом удалении фигур.

Фигуры моментально оживились и наперегонки поспешили к месту падения крысиных трупов. Первым прибежал долговязый тип с не в меру длинными конечностями и физиономией дауна. Он тут же схватил обе тушки, однако подоспевшие товарищи с не менее выразительными лицами, но росточком поменьше, возмутились и совместными усилиями ополовинили добычу долговязого. Скоротечный яростный бой сопровождался рычанием и ухающими звуками.

— Дети, — произнёс Коллекционер, с печальной улыбкой глядя на грызущихся задохлую крысу вырождков. — Что они хорошего в этой жизни видели?

— Благородно, — оценил Стас широкий жест охотника.

— Ну... Сердце-то не каменное.

Он закинул ПКМ на плечо и, повздыхав ещё немного о судьбах родины, зашагал к

магазину.

Заведение с многозначительным названием «Отходная молитва» располагалось на первом этаже одной из рухнувших многоэтажек. Два квадратных окна были полностью заложены кирпичом, третье, продлённое книзу, превратилось в широкий дверной проём, надёжно прикрытый шестимиллиметровой сталью. На крыше магазина, неспешно вращал лопастями древний ветряк.

Коллекционер поднёс губы к просверленным в двери отверстиям и нажал расположенную рядом кнопку.

— База, база. Вызывает штаб. Ответьте. Приём.

— Какого хера надо?! — заорал из динамика искаженный помехами голос. — Что за ублюдок там опять балуется?! Сейчас выйду, по соплям надаю! Я вам... — гневная речь прервалась треском статики с неразборчивым фоном: — Бля... отье... на... ещё тут со своими... не видишь, су... занят?!

— Эй, Жопа! — крикнул охотник в микрофон. — Ты чего там, с бабой что ли? Открывай давай. У нас товар.

— Кол?! — скрипнуло из динамика.

— Я.

— Вот мудак! Ты один?

— Нет. Вдвоём мы. Товар, говорю, принесли. Открывай.

— Ладно.

В двери что-то щёлкнуло. Между шестью миллиметрами стали и бронированным косяком образовался зазор. Где-то наверху зажужжал двигатель, отодвигая тяжеловесную конструкцию в сторону.

Охотник сделал шаг внутрь и кивком головы пригласил Стаса следовать за ним. Как только оба перешагнули порог, двигатель снова завёл свою надрывную песню, завершившуюся громким щелчком вошедших в пазы штырей.

Полутёмное помещение, освещаемое возле входа тусклой люминесцентной лампой, походило скорее на бункер, нежели на магазин. Необлицованные кирпичные стены по всему периметру были укреплены вертикально вмурованными в бетонный пол и соединёнными арматурой рельсами. Буквально в полутора метрах от двери посетителей негостеприимно встречала решётка из толстых перекрещенных прутьев, дополненных мелкой проволоочной сеткой. Слева в решётке имелась необычно широкая дверь, угадывающаяся по массивным петлям и громадному замку. Посреди заграждения от пола до потолка возвышалась чудовищная конструкция из стальных листов, напоминающая пулемётное гнездо, только без пулемёта. Чуть выше уровня пола конструкция имела широкий выдвигающийся лоток, а на уровне глаз — смотровую щель.

— Э-хе-хе! — из темной глубины магазина-бункера появился странный силуэт.

Огромный, грушевидный, он, неуклюже раскачиваясь из стороны в сторону, начал приближаться. Свет ртутной лампы облизал блестящую испариной голову, сразу же переходящую в сутулые плечи. Такие излишества как шея у здешнего обитателя были не предусмотрены конструктивно. Синий комбинезон с лямками, мешковато висящий на груди книзу уже топорщился, распираемый животом, а ещё ниже...

— Мама дорогая... — прошептал Стас, глядя на необъятную желеобразную массу, колышущуюся над короткими, ступающими, будто ходули, ногами.

— Не пялся, — напомнил Коллекционер и расплылся в приветственной улыбке.

Желеобразная туша, кряхтя, повозилась с ключами, открыла дверь и махнула рукой, приглашая зайти.

— Ну здравствуй, сучара! — толстые, словно шпалы, лапищи обхватили плечи охотника и, встряхнув, прижали его к мокрой от пота груди. — Давно я тебя не видел, — чудовище сделало шаг назад, отстранив Коллекционера от своих телес, и смерило его взглядом. — Всё такой же тощий. И ебальник опять разукрашен.

— Пусть хоть что-то в нашем сраном мире будет постоянным.
— А чего это за лац с тобою? — кивнуло чудовище на Стаса.
— Да так, прибился по-дороге. Э-э... — охотник сделал жест рукой предвещающий процедуру знакомства и запнулся.

— Вдовец, — подсказал Стас.

— Точно, — усмехнулся Коллекционер. — Никак в голове не держится. Знакомьтесь. Жопа, это Вдовец. Вдовец, это Жопа.

Стас постарался скрыть удивление, но брови всё равно предательски поползли вверх.

— Глянь-ка, — Жопа хохотнул, тыча пальцем в нового знакомого. — Воспитанный. Небось, думает сейчас, как же ко мне обращаться.

— Не заморачивайся, — хлопнул охотник Стаса по плечу. — Жопа, он и есть Жопа. Ничего уж тут не поделаешь.

— Да, — подтвердил толстяк и нахмурился. — Как там говорилось в книженции-то? А, Кол?

— Видовое разнообразие — залог выживания популяции, — ответил тот.

— О! — Жопа поднял вверх указательный палец. — За это нужно выпить. И за встречу, конечно, — он достал из кармана плоскую бутылку с прозрачной бесцветной жидкостью, отвинтил крышку. — Мой собственный рецепт. Ну, пошла родимая. Ай, хорошо! Держи.

Коллекционер принял из рук хозяина сию чашу, отхлебнул и потряс головой, шипя сквозь плотно стиснутые зубы.

— Угощайся, — протянул он бутылку следующему дегустатору.

Стас поднёс горлышко к носу и невольно отпрянул.

— Давай, лац, пару глоточков залпом, — подначивал Жопа. — Или крепче простокваши ничего не употребляешь?

Коллекционер с серьёзным видом покивал, давая понять, что «надо», и тут же расплылся в дурацкой улыбке, едва сдерживая смех.

Стас собрался духом, приложил бутылку к губам и сделал два больших глотка. Дьявольское пойло обожгло язык и хлынуло в гортань, словно кипящий свинец. Дыхание остановилось. Распахнувшиеся глаза моментально наполнились слезами. Организм содрогнулся, панически сигнализируя об опасности самовоспламенения и распада в голубых языках спиртового пламени. Но паника быстро унялась. На смену ей пришла горячая, разливающаяся по телу нега, а следом — необъяснимая бодрость духа и веселость, граничащая с эйфорией.

— Ты глянь! — кивнул хозяин на довольно улыбающегося Стаса. — Крепкий лац оказался. Другие, бывает, на карачки бухаются, слюни пускают, а этот ничего.

— Кто такой лац? — спросил Стас, продолжая сиять лучезарной улыбкой.

— Это по-мордовски, — ответил Коллекционер. — Так здесь нормальных называют.

— Лац Вдовец — молодец! — симпровизировал Жопа и принялся заразительно хохотать, провоцируя на это дурацкое занятие и посетителей.

— А ты всё укрепляешь берлогу свою, электрификатор? — поинтересовался Коллекционер, осматриваясь. — Щит, гляжу, какой-то прихерачил.

— Да, — кивнул Жопа и указал на тёмный угол под потолком. — Без щита никак. Вон, видишь? Новая охранная система. Три ствола справа от двери, три слева. Залпом картечи между стеной и решёткой всё накрывает снизу доверху. Правда, рикошеты случаются.

— Опробовать приходилось? — спросил Стас, пытаясь рассмотреть диковинную многоствольную конструкцию.

— А как же? Подопытных в избытке. Вот буквально на днях один заявился. По коммутатору сказал, что патронов прикупить хочет. Я впустил. Так этот пидорас достал из-за пазухи бутылку с керосином, зажигалкой, сука, чиркает и орёт: «Гони, бля, лавэ, а то спалю тут всё к ебене матери!». Ну откуда долбаёбу знать, что бетон со сталью не горят? Нажал я на гашетку. Разметало паразита — будь здоров. Ещё и на керосине своём поджарился. Перед дверью до сих пор пятнище чёрное.

Данное обстоятельство почему-то показалось всем очень забавным, и магазин снова наполнился раскатистым хохотом.

— Ну ладно, — Жопа первым взял себя в руки, продышавшись. — Поржали и хватит. Кажите, чего припёрли.

Коллекционер, всё ещё глупо хихикая, разрядил СКС с ПКМом и водрузил их на привинченную к стене полку.

— Всё? — спросил Жопа.

Охотник тронул Стаса за плечо.

— Доставай.

Тот вытер наворачивающиеся от сдерживаемого хохота слёзы, скинул рюкзак и, выудив АПС с «Кедром», присовокупил их к остальным трофеям.

— Э нет. Пистолетик я себе заберу, — Коллекционер сунул «Стечкина» за пояс и, рассовав по карманам его магазины, принялся разряжать «Кедр». — Чего? — поймал он на себе вопросительный взгляд Стаса. — Мне к «Бизону» «маслята» нужны. А ты бери «семёрки» от СКСа, остальное поделим.

Жопа меж тем увлечённо копался в механизме пулемёта, прикидывая его рыночную стоимость. Наконец, он захлопнул крышку и тяжело вздохнул.

— Не ахти как машинка сохранилась. Ствол менять надо, потроха тоже изношены не слабо. Короче, на полтинничек тянет, и то по дружбе.

— Прибавь ещё пол-ленты в коробе, — напомнил Стас.

— Ну, за ленту десятку накинута.

— А СКС? — спросил охотник, опорожня в подсумок уже третий кедровский магазин.

— Карабинчик так себе, покоцанный, — наморщил Жопа мясистую физиономию. — А если честно, то просто в хлам убитый. Больше двадцатки за него дать не могу.

— Без ножа режешь, — посетовал Коллекционер. — Ну а что про «Кедр»?

Торговец ухватил миниатюрный пистолет-пулемёт, кажущийся в его лапах совсем крошечным, и весьма ловко разложил на шесть составных частей, бегло осмотрев каждую.

— Хороший ствол, — кивнул он удовлетворённо. — Новый почти. Тридцать монет за него дам.

— Сорок.

— Тридцать две — красная цена.

— Ладно, жмотяра. Сколько там всего получилось? Сто двадцать две?

Жопа осклабился и погрозил Коллекционеру пальцем.

— Я считать не разучился ещё. Сто двенадцать ваши. Чем возьмёте?

— Серебром, — ответил Стас.

Хозяин кивнул и полез в висящий на поясе подсумок.

— А, может, прикупить чего желаете? — поинтересовался он, едва пальцы коснулись монет. — У меня ассортимент богатый.

— Ты отбашли сначала, — напомнил Коллекционер.

— Чего сразу отбашлять-то? — расплылся Жопа в добродушной улыбке. — Вдруг подберёте себе игрушку какую, а там и рассчитаемся.

Он открыл дверцу электроцита и щёлкнул тумблером.

В глубине магазина послышалось лёгкое жужжание, и свет ртутных ламп сотнями бликов отразился от холодного гладкого металла.

— Нихрена! — Стас, потеряв на секунду дар речи, сделал шаг к открывшемуся глазам великолепию, словно мальчишка-босяк к витрине кондитерской лавки. — Откуда?!

— Отовсюду помаленьку, — не без гордости пояснил Жопа. — И местные несут, и бригады иногда, а то и вовсе странные клиенты появляются. Вон, видишь болт? Второй справа в пятом ряду. Эм двадцать четыре. Мне его года три назад лац какой-то приволок. Худюший, как смерть, еле на ногах держался и, что самое интересное, по-русски ни бум-бум. Лопочет что-то, хер поймёшь. Кое-как сторговались на пальцах. Я ему за болт АКМ дал с четырьмя рожками и десять монет ещё. Он сильно рад был. А на другой день этот самый

АКМ опять ко мне вернулся. Видать так и не нашёл тот лац с местным населением общего языка. А вот с этим стволом, — Жопа подошёл к сплошь завешанной огнестрельным счастьем стене и взял в руки коренастый 9А-91, - вообще смешная история приключилась. Святой Фома... Знаешь такого? — он взглянул на Стаса и получил кивок в подтверждение. — Так вот, он время от времени посылает отряд за товаром. Чаще всего в Саранск или в Сергач. А тот раз, уж не знаю, чего Святым понадобилось, но поехали они аж в Чебоксары. По такому случаю, Фома дал старшему отряда — Кириллу — десять золотых с поручением оббежать тамошние лабазы и купить ему автомат. Ты же знаешь, что он пушки собирает? Кстати, лучший клиент мой. Так вот, заказал не абы что — СР-3 «Вихрь». Очень редко встречается. Габаритами похож на этот, и калибр у них одинаковый — девять на тридцать девять. А чтобы брат не ошибся, Фома снабдил его картинкой. Только картинка та до Чебоксар не доехала. Пала, так сказать, жертвой поноса. Ну, а вместо «Вихря» настоятель получил... Правильно, вот этот самый агрегат, которых у него было уже два. Причём брат Кирилл не жадничал и проебал на это дело аж восемь золотых. Фома, ясен хрен, огорчился и велел деньги вернуть. Пришлось Кириллу спешно расстаться с большей частью имущества. А сей недешёвый экземпляр достался мне от него за символические два золотых. Но всех денег, как я слышал, собрать ему так и не удалось. Был он порот и разжалован в надзиратели. Сейчас за рабами следит на свиноферме. Легко отделался.

Коллекционер тем временем, абстрагировавшись от давно знакомых баек, присмотрел среди разложенных на столах орудий холодного смертоубийства нож с узким обоюдоострым лезвием, и теперь увлечённо им игрался, выделявая такие фортели, что Жопа боязливо отошёл в сторонку.

— Нравится? — спросил толстяк, наблюдая за кульбитами изящного кинжала, сверкающего отточенным клинком.

— Не то слово. Почём?

— Тебе дороговат будет. Это «Ферберн-Сайкс». Английская сталь. Сороковые года прошлого века. Четыре золотых прошу за него.

Кинжал тут же замер в руке охотника и был аккуратно возвращён на место.

— Могу предложить замену подешевле, — продолжил Жопа и взял нож лежащий рядом с только что опробованным. — Марк два. Американский. Высокоуглеродистая сталь. Рукоятка из алюминиевого сплава, удобная. Навершием можно по башке врезать не хило. Похож на «Сайкса», только немного шире и с серейтором в корне. Ещё «Шайтан» есть. Почти то же самое, но короче. Рукоять пластиковая. Марк за тридцать отдам, «Шайтана» за двадцать пять.

Коллекционер покрутил в руках оба предложенных кинжала и вернул «Шайтан» Жопе.

— Американский возьму. Противно, конечно, но он лучше.

— Хороший выбор, — одобрил торговец, вручая покупателю пластиковые ножны. — Видать сильно тебя жизнь побила. Чтоб Коллекционер и без пера...

— Не сгущай. До этого ещё не дошло, — охотник сунул руку под плащ и извлёк массивный чёрный нож с широким лезвием.

— Ого! Эн Эр два, — продемонстрировал Жопа эрудицию. — Продашь?

— Нет. Оставлю, — Коллекционер подбросил увесистое оружие на ладони и сунул обратно. — Лишним не будет. Один для работы, а второй... — он прицепил ножны к разгрузке слева, поместил туда обновку рукоятью вниз и защёлкнул клипсу держателя. — Второй для удовольствия.

Жопа понимающе хохотнул и переключился на другого клиента.

— Выбрал чего?

Стас заворожено рассматривал оружейное великолепие и глотал слюни, прикидывая, во сколько может обойтись роскошная МЦ-116М или модернизированный РПК-74, сверкающий оксидированной сталью, будто только вчера сошёл с конвейера.

— Да, выбрал. Возьму, пожалуй... ремень трёхточечный. Вот этот. Ещё две коробки «семёрок» дозвуковых и пулевые к ружью.

— «Беня»? — кивнул торговец на дробовик. — Продать не хочешь? Пятьдесят монет дам и «калаш» с тремя рожками. На выбор, вон из того ящика, — он указал в сторону последнего из четвёрки выстроившихся вдоль правой стены коробов с торчащими наружу стволами СКСов, АКМов и семьдесят четвёртых.

— Почему именно из того? — удивился Стас.

— Там самые свежие, — пожал Жопа плечами с таким видом, будто сей факт являлся общеизвестным и не требующим пояснений. — Пойдём, покажу. Вот в этом ящике всякий хлам от пятнадцати до двадцати монет. Но всё рабочее. Здесь — нирыба-нимясо, до тридцати. Тут у меня экземпляры ухоженные, из хороших рук, до сороковничка. А это уже почти новье, — он вытащил один «почти новый» автомат, с прикладом изуродованным нелепыми резными узорами, и грубо выструганным самодельным цевьём с тактической рукоятью. — Ты глянь, какая красотища! Судя по резьбе, аж с самого Урала к нам добрался. У них там, говорят, на Урале-то, этого добра хоть жопой ешь, — толстяк звонко хлопнул себя по ляжке и заржал над удачным, по его мнению, каламбуром.

— Ага, — улыбнулся Стас из вежливости.

— Так чего, согласен?

— Нет. Я чисто из любопытства про ящики спросил.

— А, — Жопа, чуть опечалившись, вернул уральский «калаш» на место, но тут же взбодрился и, приобняв Стаса тяжелой лапищей, направил его обратно к витрине. — Ну, любопытство не порок. Я бы даже сказал — благо. И, раз уж «беню» продавать не желаешь, покажу сейчас то, что наверняка тебя заинтересует, — он, кряхтя, присел и вытащил из-под стола коробку с десятью немаркированными патронами двенадцатого калибра, вскрыл один из них, вынул пыж, и продемонстрировал две сферические пули, соединённые мотком тонкой стальной проволоки. — Встречал когда-нибудь?

— Слышал. Их, кажется, вязанками зовут или волкобоем ещё. Сам, правда, не пользовался.

— Ну, ты скажешь тоже, — отмахнулся Жопа. — Вязанка — это когда пять картечин проволокой соединены: одна, крупная, по центру, и четыре мелких по бокам, в виде креста. Штука занятная, но картечь — не пуля. А это, — он растянул леску, в которой оказалось примерно сорок сантиметров, — настоящая мясорубка! Руки, ноги, головы отрезает, как бритвой. Захерачешь в пузо — покрошит кишки вместе с позвоночником. Ею дрова рубить можно. И всего две монеты за коробку.

Стас уже подобрал слова для вежливого отказа и повёл головой в сторону, но Жопа оказался не из тех, кто привык легко сдавать позиции.

— Ты погодь башкой-то трясти. Давай я тебе лучше мясорубку эту в деле продемонстрирую. А, что скажешь?

— Бесплатно?

— Ну ёпт! Тут не балаган, чтобы за представление деньги брать, — Жопа, не дожидаясь ответа, скрылся за витриной. — Нюрка! Нюрка, етить твою налево! Оглохла что ли? — раздался приглушённый стеной рёв. — Принеси ногу в подвал! Нет, другую! Ай, едрёна мать! Нихера сама...

Хлопнула дверь, и звуки стихли.

Через минуту из-за витрины появилась сперва самая видная часть тела, а затем и голова Жопы со всеми остальными принадлежностями.

— Пойдём, — махнул он рукой Стасу. — Патроны захвати. Кол, давай тоже с нами. Будем сейчас мясорубку испытывать.

Подвал магазина встретил гостей холодом и запахом солидола. Ближний конец этого длинного, метров в двадцать, помещения с низким потолком был занят разными ящиками. Возле правой, завешанной всевозможным инструментом, стены расположился огромный верстак с покоящимся на нём, будто на операционном столе, телом «Корда». Слева в окружении ящиков приютились два станка: токарный и фрезеровочный. А в дальнем конце подвала над аккуратно расстеленной тряпкой висела проткнутая крюком нога, по всем

приметам идентифицированная Стасом как человеческая, хоть и изрядно потрёпанная.

— Тот самый визитёр? — поинтересовался он на всякий случай.

— Ага. Чего, думаю, зря добру пропадать? Сам-то я это дело не ем, Нюрка тоже брезгует, избаловалась. И выбросить жалко. А тут видишь как кстати пришёлся. Любому говну применение найти можно. Ну, отстреляй парочку, — кивнул Жопа в сторону обречённого куска плоти.

— Что за мясорубку-то испытывать собрались? — поинтересовался Коллекционер.

— Вот, — Стас показал чудо-боеприпас и сунул его в магазин «Бенелли», на место извлечённых патронов с картечью. — Есть мнение, что наша мишень сейчас сильно пострадает. Хочу это мнение проверить.

— От чего пострадает?

— Две пули с проволокой, — пояснил Жопа и внимательно уставился на останки горе-покупателя, расслышав лязг затвора.

— А-а. Так это боло называется. Херня. И пробовать...

Звук выстрела громовым раскатом сотряс барабанные перепонки, не дав охотнику закончить мысль. И тут же повторился.

На крюке раскачивалось бедро с дырой посередине и ровным сквозным разрубом слева от пулевого отверстия. Голень со стопой лежали на предусмотрительно расстеленной тряпице, аккуратно отсеченные в районе колена.

— Е-е-еба-а-ать... — выдохнул Коллекционер.

— Итак, — Жопа стоял возле витрины, раскладывая на полке стопочки монет, — Колу по итогам нашей встречи причитается пятьдесят шесть, минус тридцать за ножик — двадцать шесть.

— Негусто, — охотник сгрёб серебро и рассовал по карманам.

— Вдовцу — пятьдесят шесть, минус четыре за ремень, минус двенадцать за шесть пачек «мясорубки», минус восемь за УС — тридцать два.

— Жить можно, — Стас забрал свою долю и, положив десять монет в карман разгрузки, спрятал остальное в подсумок.

— Будет ещё товар, или деньги лишние заведутся — милости прошу, — Жопа довольно ослабил, провожая клиентов к выходу. — А ты, Вдовец, если «беню» продать надумаешь, сразу ко мне неси. Лучшей цены здесь никто не предложит. Кстати, я и под заказ стволы достаю. Так что обращайся, коли экзотика какая понадобится.

Стас остановился и медленно перевёл вопросительный взгляд с толстяка на Коллекционера. Тот, уловив молчаливый посыл, на секунду задумался и помотал головой.

— Чего? — недоумённо спросил Жопа, сверля глазами попеременно, то одного, то другого посетителя. — Чего в гляделки играете, как два пидора?

— Ладно, — вздохнул охотник. — Спрошу.

— О чём? — занервничал толстяк, и рука, лежащая у Стаса на плече потяжелела.

— Слушай, Жопа, среди твоих клиентов Бульдозерист не числится? — осторожно начал Коллекционер.

— Да в рот тебе насрать! — взревел толстяк полным негодования голосом и сплюнул в сердцах. — Чтоб я с Бульдозеристом дела имел?! Он же невменяемый! Ты знаешь, что этот уёбок сотворил с Карасём, когда трёх патронов в цинке недосчитался?! Руку отрубил нахуй! Пока левую, но всё ещё впереди. Нет уж, в пизду таких клиентов!

— Тихо-тихо, не заводись. Я просто спросил.

— Просто? Просто так даже мухи не ебутся! — резонно возразил Жопа. — Чего вам надо от этого наркомана?

— Есть кое-что, — подключился к разговору Стас. — Пулемёт нас германский интересуется. Эм Жэ три. Слышал про такой?

— Слышал ли я? Разумеется. Я слышал обо всём, что стреляет, и почти половину из этого держал в руках.

— Охотно верю.

— А в чём проблема?

— Проблема в том, что он нам сильно нужен, а, судя по информации из достоверного источника, есть этот пулемёт только у Бульдозериста.

Суровая раскрасневшаяся морда Жопы плавно разгладилась и поползла вширь, озаряемая улыбкой.

— Дай-ка угадаю, что это за источник. М-м-м... Неужели Фома?

— Точно, — подтвердил Стас.

— Сколько времени дал?

— Неделью. Со вчерашнего дня считая.

— Да, — почесал Жопа затылок, — дело-дрянь. Такая пушка даже через мои руки не проходила. А раз так, значит Бульдозерист и впрямь вам на роду писан, — он нахмурился и поднял кустистую бровь. — За Урал перебраться не думали?

— Не до подъёбок, — процедил Коллекционер.

— Извини. Ну, что вам ещё предложить? Выкупить нереально. За шесть дней вы столько не наскребёте. Да и не продаст он. А если узнает, что от Фомы пришли, так вообще в грязь утрамбует без разговоров. Украсть? Самоубийство чистой воды. Там охрана — будь здоров. Хотя...

— Что? — спросили Коллекционер со Стасом на два голоса.

— Есть у меня одна идеяка.

Глава 6

— Эй, зёма, — охотник щёлкнул пальцами. — Ну-ка подрули сюда.

Рахитичной наружности служка с заячьей губой и сальными нечёсанными волосами вздрогнул и на полусогнутых юркнул к столу.

— Слуфаю, — прошепелявил он, утирая слюни.

— Чего у вас тут пожрать можно?

— На пелвое сefодня уха, солянка. На втолое — сфинина жаленая и клольчатина. Из галнилов — калтофка.

— Мне уху и свинину с гарниром, — заказал Стас, но тут же передумал, вспомнив о Тёше. — Хотя нет, не надо уху, солянку давай. С чем она, кстати?

— Солянка как солянка, — пожал плечами рахит. — С тлебухой.

— Ладно, — махнул рукой Стас. — Неси.

— А я ухи похлебаю, — взял слово Коллекционер. — Крысятина свежая?

— Клольчатина, — боязливо поправил рахит, и ощерился под прицелом неподвижных жёлтых глаз. — С... свежая. Фсё свежее. Фто пить будите?

— Спирт с перцем. Есть?

— Как не быть? — ответил служка. — А фам чего? — обратился он к Стасу.

— Шиповника заварить можно?

Глаза охотника и рахита синхронно округлились, в воздухе повисла немая пауза.

— Что? — недоумённо развёл Стас руками. — Ну, если нельзя... давай спирту тоже. Какая-никакая, а профилактика.

Служка кивнул и юрким полозом шмыгнул на кухню.

Стрелка настенных часов приближалась к трём. В кабаке было немногочисленно. Двое случайных посетителей отталкивающей наружности стучали ложками, доедая похлёбку в углу. Ещё один — глодал мосол возле окна. Бледный солнечный свет падал сквозь мутные стекла, едва освещая внутренности заведения общепита — относительно небольшое квадратное помещение в одноэтажной хибаре, меблированное массивными столами и скамейками, почерневшими от времени и грязи. Обшитые грубыми досками стены, как, впрочем, и все деревянные предметы интерьера, включая пол, были превращены в полотно, на котором нашли выход скромные творческие амбиции местных завсегдатаев.

Доминировала эротическая тема в самом раскрепощённом её проявлении. Кое-где изображения возжеланных материй перемежались каракулями призванными пояснить отдельные моменты композиций или же сообщить зрителю имена вдохновивших художника особ. Изредка встречались самодостаточные надписи, служащие либо памятками, как «Пыру хуем по губам», либо констатацией героического свершения, как «10.06.2070. Пять зарубок на приклад». Из приоткрытой кухонной двери тянуло затхлостью и прогорклым жиром.

— Шиповника... — задумчиво выговорил Коллекционер. — Ты, Вдовый...

— Вдовец.

— Да какая нахер разница? Бросай, короче, закидоны лацевские. И так в твоей компании вынужден светиться — уже беда — так ты ещё и спиздануть норовишь постоянно херню какую-нибудь. Дискредитируешь меня в глазах общественности. То трупы в реке его не устраивают, то шиповника-хуёвника ему подавай. Накличешь беду на мою голову.

— Ладно-ладно, — согласился Стас. — Постараюсь вести себя естественнее, по здешним меркам. Разбужу низменные инстинкты.

— Не перестарайся только.

— Первое, — оповестил подоспевший рахит и плюхнул на стол две тарелки, изрядно набрызгав.

Стас побултыхал ложкой содержимое, заявленное как солянка, и после небольшого раздумья приступил к трапезе, стараясь пореже смотреть вниз, дабы не вникать в происхождение мелко порубленных ингредиентов.

Уха Коллекционера выглядела тоже не слишком аппетитно — желтовато-серая, мутная и отдающая к тому же совсем не характерным для этого блюда духом.

— Что за зверь? — кивнул Стас на тарелку с рыбьей головой, островом возвышающейся посреди бульона.

— Хрен знает, — охотник поддел зубастую голову ложкой. — На окуня похож.

— А глаза где?

— Нету, — Коллекционер повертел предмет обсуждения, рассматривая его со всех сторон. — Атрофировались, наверное, — сделал он вывод, оторвал жаберные щитки и, приложившись губами, с шумом засосал разбредающуюся мякоть.

— Нда... — глубокомысленно вздохнул Стас. — Знаешь, чем больше думаю, тем меньше мне нравится эта идея, — продолжил он, понизив громкость до шёпота.

— А ты не думай. Другого решения всё равно нет.

— Жопа с этой войны дивидендов снимет — мама не горюй. А мы? Игрушку Фоме новую притараним, если повезёт.

— Ты, Вдовый, неправильно акценты расставляешь. Мы сейчас не пушку ржавую будем тягать, мы шкуры свои выкупаем, — охотник уронил обсосанную рыбью голову на стол и ткнул в напарника грязным пальцем. — По большей части твою шкуру. И выкупаем, хочу заметить, относительно дёшево.

— Может сначала основной вопрос закроем, а там уж легче будет разобраться?

— Можем не успеть. То, что у Хромого нужные выходы имеются — лишь догадка. Шесть дней промудохаемся без толку, на седьмой Фома за расчётом пришлёт. Ему ведь не объяснишь, что тут дела поважнее его игрушек имеются. Вынь да положь. А нет, так... Придётся бой принимать. Я от драки никогда не бегал, но со Святыми... Со Святыми не хочу, — Коллекционер посмотрел на безглазую рыбью морду, оттянул вниз её челюсть и резко захлопнул. — Уж лучше как Жопа предлагает.

— Да, — усмехнулся Стас. — Сам-то в пекло не полезешь.

— Почему сразу в пекло? Ты ж наёмник. Вот и наймёшься. Бульдозеристу скоро много бойцов понадобится, не до выбора будет. Возьмёт любого. Твоя задача — примелькаться и дело сделать. А в большую войну лезть никто не заставляет.

— Всё равно, дикость какая-то. Из-за пушки...

— Чего? — охотник перестал жевать и, поморщившись, заглянул в глаза собеседнику. — Гуманист что ли? Грязных мутантов пожалел? Это ты зря. Проколешься —

они тебя жалеть не будут. Разберут на запчасти, а то ещё и схарчат за милую душу. Мы такие.

Из кухни вырулил служка с подносом и, провальсировав между столами, занялся сменой блюд.

— Я не доел, — буркнул Коллекционер, глядя, как уплывает неопорожненная тарелка.

— Финоват, — брызнул рахит слюнями, ставя уху на место, к только что принесённому второму и двум наполовину заполненным стаканам. — Фто-нибудь ещё?

— Нет. Сколько?

— Дфе монеты и... — взгляд рахита упал на «Бизон», — пять мафлят.

— Охренеть. Что так дорого? — возмутился Коллекционер, уже отсчитывая патроны.

— Неуложай.

— Неуложай... — передразнил охотник. — Держи.

Рахит сгрёб наживу и беззвучно удалился.

Стас полез в карман.

— Угощаю, — небрежно махнул рукой Коллекционер, расстелил коричневый лист бумаги, в какую обычно упаковывают патроны, сложил в центр рыбы останки, добавил несколько кусков «крольчатины» и, аккуратно завернув, спрятал за пазуху.

— В дорогу?

— Ага.

— Когда приступим?

— Да прямо сегодня, вечером. Чего телиться-то? — охотник поднял стакан. — Ну, за успех начинаний.

Дорога от кабака до берлоги Коллекционера шла через центр города. Так, по крайней мере, сказал сам провожатый, и Стас склонен был ему верить. Плотность населения здесь резко возросла, а сохранность довоенных построек говорила о том, что ударная волна пришла с окраин основательно погашенной. Высотность многих домов тут уже достигала девяти этажей. Состояние их было далеко от идеального, трещины в руку толщиной ползли от окна к окну, некоторые стены обвалились, но это уже не напоминало песочный замок, снесённый ударом лопаты. Просто время брало свое.

Вокруг кирпичных башен и коробок, словно муравьи вокруг поверженного жука, толпились одно-двухэтажные чёрные хибары, со всех сторон облепившие умирающих гигантов. Многие примыкали к их стенам вплотную, сливались друг с другом, образуя длинные кособокие бараки. И всё это лоскутное, бессистемное скопище кишело жизнью, столь же дикой и отвратительной.

Говоря о царящем в Арзамасе празднике видового разнообразия, Коллекционер не соврал. Стас, шагая по грязным улочкам этого оставленного Богом города, вынужден был прилагать нешуточные усилия, чтобы удержать челюсти сомкнутыми, а глаза полуприкрытыми. Местная живность — никак не люди — поражала воображение. Видеть мутантов Стасу доводилось, и не раз, но в таком количестве они производили совсем иной эффект. Опухоли и деформации, наросты и изъязвления, сросшиеся конечности, складки обвислой кожи, лица, обезображенные до полной потери человеческого облика, неслись вокруг безумным хороводом, источая смрад и ужас.

— Сколько их здесь? — спросил он в полголоса.

— Тысяч сорок-пятьдесят, может и больше, — ответил Коллекционер, не оборачиваясь. — Это единственное место, где они не изгой. Хотя, я слышал, за Уралом тоже есть поселения. Но Арзамас по любому крупнейшее. Ещё десяток-другой лет в том же духе и здесь будет новая столица мира, — он хмыкнул, глядя на окружающее убожество, и повернулся к собеседнику. — Только представь себе — прекрасный новый мир, где нет места предрассудкам и ханжеству, где люди и мутанты живут бок обок, дополняя друг друга. Мир, построенный на принципах терпимости, сотрудничества и взаимоуважения. Как думаешь, это возможно?

— Утопия, — покачал головой Стас.

— Точно, — согласился охотник. — Хренова утопия. Кто-то должен будет сдохнуть.

— Непременно.

— Уже решил кто?

Вместо ответа Стас замедлил шаг и принялся.

— Мы возвращаемся к реке?

— Нет. Это другой водоём.

Спустя минуту чёрные стены расступились, открывая вид на раскинувшееся посреди трущоб озеро. Его неподвижная тёмная гладь, укрытая дымкой, едва виднелась за обрамляющими берега горами мусора. Густые испарения колыхались над водой, расплзались клочьями желтоватой пелены и таяли, оставляя в воздухе удушливое едкое зловоние.

— Озеро Смирное, — представил Коллекционер местную достопримечательность. — Точнее — бывшее озеро Смирное, а теперь просто Яма. Ближе лучше не подходить.

— Почему? Неужели в нём что-то водится?

— Это вряд ли, — охотник кивнул на прибрежные лачуги, и Стас заметил, что двери многих заколочены, а некоторые и вовсе сняты с петель. — Туман. Полгода-год, и лёгких как небывало. Говорят, неподалёку от города могильник есть. Размыло его вроде грунтовыми водами, и вся дрянь прямиком сюда натекла. Так что местные апартаменты надолго не занимаются.

Стас присмотрелся к маслянистой набухающей пузырями воде.

— Почему не засыплете?

— Яму? Кому это надо?

— Ну, не знаю. Мэру.

— Мэру? — охотник сделал удивлённое лицо. — В Арзамасе нет мэра. Здесь тебе не Муром. Нет Грицука, нет Букова, ни эсэсовцев, ни стен. Городом правят банды. А они... — Коллекционер развёл руками. — Да нахера им?

Стас с охотником обогнули Яму, держась на приличном расстоянии от берега, и снова углубились в хитросплетение улочек. Через десять минут шлепанья по грязи Коллекционер остановился напротив убогой одноэтажной лачуги, похожей скорее на сарай, чем на жилое помещение и постучал в дверь. Внутри послышалась возня, а затем скрежет снимаемого засова и возбуждённое сопение.

— Ну что? Что такое? — охотник потянул гнутый гвоздь, заменяющий ручку, и шагнул в темноту дверного проёма. — Соскучился, балбес?

В носшибануло тяжёлым звериным ароматом.

Стас, немного помедлив, рискнул переступить порог, но едва занёс ногу, как шарахнулся от метнувшейся навстречу твари.

— Тихо, — рука охотника легла на уродливую голову существа, отстраняя того назад в темноту. — Свои.

— Едрёна мать! — Стас опустил дробовик, возвращая неожиданно утерянное самообладание. — Предупреждать надо!

— Струхнул? — Коллекционер вытащил из кармана свёрток с костями и бросил его в угол, откуда незамедлительно раздалось жадное чавканье. — Он послушный, не тронет, если не прикажу. Красавчик, иди погуляй.

На свет, перебирая кривыми узловатыми лапами, выползло нечто отдалённо напоминающее восьмидесятикилограммового младенца и в то же время, сильно смахивающее на собаку. Короткое мускулистое тело было покрыто розовой складчатой кожей и опиралось на все четыре конечности, передние чуть длиннее задних, каждая увенчана пятью пальцами очень похожими на человеческие, если не считать когтей. Мощная жилистая шея оканчивалась шарообразной головой лишённой волос. Крохотные плотно прижатые уши, низкий лоб и морщинистое лицо.

«Или всё-таки морда?» — Стас задумался, разглядывая диковинную тварь.

Высокие скулы, приплюснутый мясистый нос, широченный рот, обозначенный лишь

идушей чуть ли не от уха до уха прорезью, скошенный подбородок, и глаза — большие, зелёные...

Тварь подошла к Стасу, дожёвывая свёрток, остановилась, взглянула с явным неодобрением, устрасаясь рыкнула и вышла прочь, не забыв прикрыть за собой дверь.

— Что это? — произнёс Стас механическим голосом.

— Домашний любимец, — обронил Коллекционер небрежно, пошарил в углу и нащупал керосиновую лампу. — Совсем крохой его подобрал. Кто же мог подумать, что такая скотина здоровая вымахает?

— Он разумный?

— В меру.

Язычок пламени заплясал под колбой, освещая небольшую комнатку — грязный дощатый пол, мало чем отличающиеся от него стены, узкий топчан, накрытый дерюгой в правом углу, стол с единственным стулом — в левом, посреди задней стены проём, занавешенный рваной тряпкой.

— Ты в этой дыре живёшь? — поинтересовался Стас, не утруждая себя приличиями.

— Изредка, — Коллекционер поставил лампу, уложил на место засов и вытащил из ножен НР-2. — Отойди.

Чёрное лезвие углубилось в щель между досками пола и, действуя как рычаг, потянуло вверх одну из них. Короткие гвозди легко вышли наружу. За первой доской последовала вторая, за ней — третья, открывая квадратный стальной люк в бетонном полу.

Охотник убрал нож, повозился немного с кодовым замком и, ухватившись за ручку, поднял массивную дверь убежища.

— Добро пожаловать, — сделал он театральный жест и потянулся к рычажку у кромки лаза, но вдруг замер, втянув голову в плечи. — Пардон. Чуть не забыл, — длинные пальцы совершили несколько лаконичных движений, отсоединяя едва заметную проволочную растяжку от спрятанного в нише сюрприза, — Нда... Нужно чаще домой наведываться, а то и дорогу скоро забудешь.

Рычажок щёлкнул, и раздвижная лестница опустилась вниз, глухо ударившись о пол цокольного этажа.

— Неплохая подборка, — оценил Стас развешанный по стенам подвала арсенал состоящий из АК-74М, карбонового арбалета, СВУ-АС, «Винтореза», «Грозы» с оптикой и глушителем, «Каштана» явно не послевоенного производства, и двух пистолетов, в одном из которых был опознан МР-443 «Гроч», а вот второй попался Стасу на глаза впервые. — Что за агрегат? — поинтересовался он, разглядывая крупный тяжёлый ствол с угловатыми формами и надписью «ОЦ-33» на кожухе затвора.

— «Пернач», — ответил Коллекционер, занятый инвентаризацией содержимого разгрузки. — Автоматический, под девять на восемнадцать. Жопа говорил, что Стечкиным разработан, на замену АПСу. Но этот подшаманен чуток. Резьба на стволе под глушитель АПБэшная сделана.

— Так ты не только пальцы коллекционируешь?

— Только пальцы, — охотник застегнул ремень и, забрав «Пернач» из рук Стаса, сунул пистолет в кобуру. — Не имею привычки на стволы дрочить. Это всё для работы. Периодически обновляется. Что-то уходит, что-то приходит. А вообще я к пушкам не привязан. Мне нож ближе.

— Кстати, а что там по поводу чемпиона? — Стас уселся на приютившуюся в дальнем углу кровать и опробовал мягкость панцирной сетки.

— Какого чемпиона?

— Первое место в пальцевом рейтинге.

— Хм, — Коллекционер замолчал ненадолго, подтягивая шнурки. — Об этом тебе знать не обязательно.

— Что так? Секрет?

— Угу.

— Не иначе своего замочил? Кого-то из местных?

Охотник лишь наградил Стаса кривой ухмылкой, так и оставив вопрос без ответа.

— Мешок не бери. Всё равно возвращаться.

— Не боишься, что выдам бункер твой тайный? — Стас скинул рюкзак и, поднявшись, оправил снаряжение.

— Боюсь. Поэтому лучше молчи, а то начну задумываться о правильности сделанного выбора и хер его знает, чем всё кончится, — охотник легонько погладил большим пальцем лезвие Марк-2, проверяя остроту заточки и, удовлетворившись результатом, сунул клинок в ножны. — К рейду по вражеским тылам готов?

— Всегда готов.

— Ну, тогда вперёд.

К вечеру на улице похолодало, и сверху опять заморосил дождичек.

— Погодка — что надо, — Коллекционер шмыгнул носом, поднимая ворот плаща. — Разгонит бездельников по норам. Нам лишние глаза ни к чему.

— А клиенты в тёплый угол не залезут? — поинтересовался Стас, огибая лужи.

— Вряд ли. Под Бульдозеристом особо не забалуешь. Поставили в патруль — значит будут стоять до смены. Лучше с мокрыми ногами, чем вообще без них. А раз уж Потерянные теперь с Центром на ножах, так и вообще башки лишиться можно за неисполнение приказа.

— Много их в патруле?

— Обычно по двое ходят. Шесть-семь пар на район. Валить надо тихо и быстро, чтоб ни вздохнуть, ни пёрнуть не успели. И сразу когти рвать к Центровым. Там операцию повторяем. Потом в берлогу. Сидим, ждём новостей. Думаю, долго ждать не придётся.

— Надо было «Винторез» взять, — запоздало предложил Стас, разглядывая вооружение охотника, состоящее лишь из «Пернач» в поясной кобуре, и пары ножей.

— К нему патронов нет. Да и тесновато здесь с «Винторезом». Сам видишь. Придётся работать накоротке.

— Насколько близко.

— Вплотную. Ты с ножом-то как, дружишь?

— Не настолько чтобы автоматчиков резать.

— Я-я-ясно, — протянул Коллекционер с ноткой презрения в голосе. — ПБ в боевом?

— Да.

— Хорошо. Действовать будем по моей команде. Команда звучит так — «Здорово, Сыч!». На её произношение у меня уходит две секунды. Столько же должно хватить тебе на осознание, изготовку и выстрел. Как только последний звук приветствия обласкает ухо нежным шипением, пуля должна покинуть череп ближнего к тебе бойца. Второго я беру на себя. Ясно?

— Предельно.

Дождь постепенно набирал силу, и улочки в подтверждение догадок Коллекционера совершенно обезлюдили.

«Обезлюдили», — повертел Стас на языке такое простое и обыденное слово. — «Нет, здесь они всегда безлюдны, а сейчас просто пусты».

Ориентироваться в лишённой всякого плана застройке было тяжеловато. Спустя десять минут лавирования среди безликих халуп и таких же похожих друг на друга руин, обратная дорога начисто стёрлась из памяти. С одной стороны чёрные лабиринты давали неплохие возможности для отхода. Путаные кривые улочки позволяли моментально затеряться в случае возникновения непредвиденных шума и пыли. Но с другой...

«Главное — не терять Кола, — проскочила у Стаса в голове тревожная мысль. — Потеряю — пиздец. Заблужусь, как пить дать».

— Не отставай, — будто услышав его размышления, позвал Коллекционер. — Мы уже близко.

Узкая, петляющая среди лачуг, тропа сделала крутой поворот и влилась в идущую параллельно улице. Здесь было уже посвободнее, но тоже не бульвар — относительно прямой отрезок тянулся не больше чем на десять метров, а потом резко уходил в сторону, как спереди, так и сзади. Дома, строго выдержанные в местных архитектурных канонах, радовали отсутствием окон. А разошедшийся не на шутку дождь прогнал с улицы даже последних забулдыг и тунеядцев.

— Чудесное место, — констатировал охотник, бегло осмотревшись. — Тут и подождём.

— Прямо вот так? — повертел головой Стас. — Посреди улицы?

— Именно, — Коллекционер присел и развязал шнурок на ботинке. — Я смотрю налево, ты — направо. Увидишь патруль — шмыгни носом. Дальше как договаривались. И без самодеятельности.

Ожидание патруля оказалось делом не быстрым, а учитывая нервозность ситуации при полном бездействии, время и вовсе замерло, в отличие от дождя, настырно барабанившего по плечам и капюшону. Стремительно растущие лужи оставляли всё меньше пространства для переминов с ноги на ногу, и Стас даже посочувствовал терпеливо сидящему над развязанным шнурком Коллекционеру.

По субъективным ощущениям прошло уже не меньше пятнадцати минут, а патруль себя так и не обнаружил. Стас взглянул на часы — без двадцати шесть. Ощущения обманули, почти в два раза зависив время, однако это не успокаивало, и он решил нарушить молчание. Но как только первые звуки фразы — «Надо менять место», готовы были сорваться с языка, за правым поворотом послышалось чавканье раскисшей грязи под сапогами и негромкая брань в адрес небес, бесцеремонно разверзших свои хляби аккуратно к заступлению в смену. Из-за угла вырулили двое. Один высокий, второй пониже и покореннее. Оба закутаны в брезентовые плащи с капюшоном. На плече по АК-74 стволом вперёд.

Стас поёжился и артистично шмыгнул носом.

— Вот блядь! — возмущился Коллекционер и активно заработал пальцами, создавая видимость неравной борьбы со шнурком. — Гнильё на гнилье. И ведь торгует сука без зазрения совести! Удавить его мало говном этим!

Патрульные завершили беседу о погоде и неспешно приближались, переместив озябшие руки из карманов на рукояти оружия.

Стас продолжал топтаться на месте, делая вид, что дожидается своего нерасторопного товарища.

— Ну ты подумай, а! Чистая, нахуй, синтетика! Какая ж это синтетика?

Охотник сидел спиной к патрулю и затягивал узел на берцах. Расстояние между ним и целью сократилось до пяти метров.

— Нет, сейчас же вернусь в лабаз и прямо в глотку паскуде гниль его затолкаю! Пусть в следующий раз, сука, думает, прежде чем наёбывать, имени не спросив!

Разделавшись, наконец, с якобы гнилыми шнурками, он поднялся, обернулся и вздрогнул от «неожиданности», встретившись глаза-в-глаза с «как из-под земли выросшими» в метре от него автоматчиками.

— О! — Коллекционер отклонился назад и указал пальцем на коренастого, привлекая к себе всё внимание слегка опеших патрульных. — Так это ж... Здорово, Сыч!

Справа раздался негромкий хлопок, и мёртвое тело высокого начало движение к земле. Ещё до того, как оно плашмя бухнулось в грязь, нож, словно по-волшебству возникший в ладони охотника, мелькнул перед коренастым, оставляя свой лаконичный росчерк. Правая рука с рассечёнными сухожилиями безвольно повисла вдоль туловища ещё живого патрульного. Левая — рефлекторно обхватила перерезанное горло. Кровь заструилась между пальцами.

Коллекционер сделал шаг навстречу пошатнувшемуся автоматчику и одним молниеносным движением отхватил ему ухо.

— Это ещё зачем? — полушёпотом окликнул Стас, уже разминая перед рывком напружиненные ноги.

— Так надо, — охотник обошёл упавшего на колени крепыша и повторил ту же операцию с телом долговязого, после чего отцепил с разгрузки мертвеца гранату, сунул её под бездыханное тело рычагом вверх и осторожно вынул чеку. — Всё, сваливаем.

Подошвы обоих почти синхронно зачерпнули протектором грязи и зашлёпали по лужам, штампуя расползающиеся в тот же миг следы.

— Стоп, — ладонь Коллекционера упёрлась Стасу в грудь, после того как за спиной остался четвёртый проулок. — Дальше пешочком.

— Это точно был патруль? — спросил тот, переведя дыхание.

— Точно. В этом районе никто кроме Потерянных автоматами не богат.

— Ловко ты, — Стас махнул по воздуху сложенными на манер клинка пальцами, — с ножом управляешься. Учил кто?

— Жизнь научила.

— Да, она умеет. Как думаешь, скоро придут в движение?

— Скоро. И лучше чтобы к этому времени Центровые тоже пылали праведным гневом. Для надёжности.

— Часто они собачатся?

— Постоянно. Но большая война случается примерно раз в три года, когда обиды за критическую массу переваливают. Сейчас как раз срач идёт капитальный, нужно только подзадорить, — охотник замедлил шаг перед развилкой и махнул рукой направо. — Вроде туда.

— Много стволов в банде?

— Двести-триста. Может и больше. Когда война начинается, запах горелого мяса по всему городу стоит от костров погребальных. На улицу носа не высунуть.

— Стреляют?

— Нет, — усмехнулся Коллекционер. — Жрать сразу хочется с таких ароматов.

— А сколько в городе банд?

— Крупных — восемь, ну и так ещё по-мелочи, шушера всякая на отшибах. Есть, короче, где разгуляться. Бля!

— В чём дело?

Коллекционер притормозил на очередном перекрёстке, крутя головой по сторонам.

— Что-то не узнаю я тут нихера.

— Этого ещё не хватало, — Стас огляделся, почувствовав себя неуютнее обычного.

— Дом здесь стоял двухэтажный, — кивнул охотник на угол с ветхой сараюшкой. — Козырёк у него ещё здоровый такой...

— Заблудились, мать твою ети.

— Да не ссы, разберёмся. Не был я тут давно. Может, подзабыл уже, а может и перестроили. Сейчас, — он ещё раз внимательно обвёл взглядом безликие чёрные стены и махнул налево. — Туда.

— Уверен?

— Уверен я только в одном — все когда-нибудь сдохнут. Живее.

Пролетев без задержек шесть прогонов, Коллекционер снова остановился и задумчиво поскрёб подбородок.

— Опять не узнаёшь? — Стас втянул носом воздух, пытаясь различить ароматы главных ориентиров, но унюхал лишь хлюпающие под ногами нечистоты.

— Да нет, теперь узнаю, — губы охотника недовольно скривились. — Заррраза.

— Что опять не так?

— Надо было раньше поворачивать. Далековато углубились.

Он уже развернулся, чтобы нырнуть обратно в проулок, как вдруг...

— Эй! — послышалось справа.

Коллекционер со Стасом обернулись на окрик. Из-за угла, метрах в двенадцати,

появились четверо. Впереди плечистый детина под метр девяносто ростом, в длинном застёгнутом под горло плаще из некрашеной кожи. Коротко стриженная голова с расписанной шрамами бульдожьей мордой. На правом глазу бельмо. На ногах высокие сапоги со стальными шипастыми носами. Поперёк широченной груди АКМ. Остальные трое, одетые на тот же манер и лишь немного уступающие габаритами первому, несли АКСУ, «Сайгу» 20К и «Витязь».

— После меня, — чуть слышно произнёс охотник, разворачиваясь.

Стас кивнул.

— Твою же мать! — бульдожья морда расплылась в довольном оскале. — А я думаю: «Он, не он?». Кол, бродяга, давно не видал тебя в наших краях. Какими судьбами?

— Фара! — охотник развёл руки «обрадованный» случайной встречей. — Вот уж не ожидал увидеть, — он сделал три шага вперёд и пожал протянутую шестипалую лапищу. — Ты же вроде на восток хотел перебраться. В леса. Ох и здоров же стал, чертяга.

— Хотел. Да как-то всё... То одно, то второе. А потом, видишь, десятником назначили. Жизнь наладилась слегка. Сам-то как?

— Всё также. На моей службе повышения не дождёшься, — Коллекционер дружелюбно посмеялся и, будто невзначай, сделал шаг в сторону, заходя выстроившимся линией Центровым в правый фланг, так, что непосредственно перед ним остались только Фара и один из его подшефных, загораживающий спиной остальных двух.

— Надо бы встретиться как-нибудь вечером, по стаканчику пропустить. А? У меня завтра после восьми свободно вроде. Заглянем к Борову, посидим, поболтаем. Что скажешь?

— Само собой, — охотник хлопнул здоровяка по плечу. — Где тебя найти-то можно?

— Так и искать нечего. Рядом тут переехал в башню, — Фара на секунду отвернулся и махнул рукой в сторону полуразрушенной многоэтажки.

Этого мгновения хватило на то, чтобы громадный ОЦ-33 покинул кобуру и прочертил диагональную линию пулевых отверстий через грудь Фары и голову стоящего рядом бойца, оглашая округу надрывным треском.

Всё произошло настолько быстро, что два оставшихся стрелка даже не успели поднять оружие.

Ушедший кверху ствол «Пернач» поравнялся с лицом счастливого обладателя «Сайги», в тот же миг изрыгнув сноп пламени. Короткая очередь легла аккуратно промеж глаз, оставляя в голове бойца опалённую дыру на месте переносицы и извергающийся кровью вулкан на месте затылка.

Стас, промедливший лишнюю секунду, вскинул дробовик и, не целясь, выстрелил в ближайшего и единственного оставшегося на ногах противника, когда тот уже поднял свой «Витязь».

Раскатистый грохот двенадцатого калибра слился с треском автоматной очереди. Тело Центрового оторвалось от земли и, пролетев метра полтора, бухнулось в грязь, разметав вокруг чёрные брызги. Левая рука, отсечённая выше локтя, осталась лежать на том месте, где он только что стоял.

— Пассскуда, — завалившийся на спину Фара тщетно пытался дрожащей рукой справиться с автоматом. — Чтоб ты сдох!

Вероломный убийца сделал шаг вперёд и грязным ботинком прижал АКМ к кровоточащей груди. Единственный глаз Фары заглянул в дымящееся дуло «Пернач».

— Непременно, — пообещал Коллекционер, и багровый нимб расцвёл вокруг головы десятника.

— Сваливаем! — Стас загнал патрон в магазин ружья.

— Погоди.

— Да хрен с ними, с ушами! Уходить надо!

Будто в подтверждении только что озвученной мысли метрах в ста левее послышались возбуждённые голоса и приближающиеся звуки шлёпающих по грязи сапог.

— Блядство! — Коллекционер сунул приготовленные для членовредительства клинок

обратно в ножны и рванул в ближайший проулок. — За мной!

— Вон они, суки! — раздалось буквально за спиной, и автоматная очередь размолотила дверь угловой халупы. — Твари Потерянные! Сюда все! Они здесь!

Охотник пробежал ещё десяток метров и развернулся, резко затормозив.

— Встретим, — направил он в узкое пространство между домами пистолет с торчащим из рукояти длинным двадцатисемизарядным магазином.

Стас присел рядом, взяв наизготовку дробовик.

Залп грохнул, как только в проёме между чёрных стен появились два силуэта. Правый, доставшийся Коллекционеру, кувыркнулся назад со вспухшей на груди кожанкой. Левый поймал две связки пуль и совершил замысловатый пируэт, лишившись крупной части тела. Какой конкретно, Стас рассмотреть не успел.

— Туда, — сказал охотник ровным голосом, и подошвы замелькали, вздымая грязь.

Сделав ещё один поворот, он остановился напротив двухэтажной постройки и кивнул на дверь.

— Выноси.

«Мясорубка» отлично справилась и с этой задачей, оставив на месте замка дыру, сантиметров пятнадцать в диаметре.

Коллекционер вошёл первым и, походя нафаршировав свинцом заспанного хозяина, шагнул к лестнице.

За окном второго этажа простиралась широкая лента крыш, все примерно на одном уровне. Гнилая рама выдержала первый удар ботинком, но со следующим не справилась, вылетев вон.

— Идём тихо, пригнувшись.

Охотник вылез наружу. Стас следом.

Залитые битумом деревянные крыши стонали под ногами, но шум дождя надёжно скрывал предательский скрип, делая его неразличимым уже в паре метров.

— Оцепить всё! Туда и туда по трое! — разносился над трущобами поставленный командирский бас.

— Фара! Да! И ещё пятеро! — орал кто-то, видимо по рации. — На пересечении Кольцова с Нижегородской! Высылай!

Звуки шлёпающих по воде сапог донеслись с параллельного проулка. В непосредственной близости было тихо. Центровые явно потеряли след. Но надолго ли? Думать об этом сейчас не хотелось, да и не получалось. Все мысли были заняты вопросом — куда поставить ногу, чтобы не провалиться на головы «гостеприимных» арзамасских обывателей.

Марш-бросок по верхнему ярусу закончился неожиданным провалом между крышами. Идущий первым Коллекционер остановился и поднял руку. Расстояние было не особо большим, перемахнуть труда не составляло, но охотник замер на месте.

Стас, максимально осторожно переставляя ноги, подошёл ближе и прислушался.

— Да хер там, — донеслось сквозь перестук дождя. — Небось уже гостинцы получают от Бульдозериста. Ёбанные твари, совсем обнаглели. Давно надо было их порвать. Мразота поганая.

Коллекционер, опираясь на руки, подполз к краю и тут же дал задний ход, вытянул два пальца, сигнализируя о численности неприятеля, кивнул на висящий у Стаса в кобуре ПБ, а затем в сторону источника глубокомысленных звуков.

Стас кивнул в ответ, перекинул дробовик за спину и, вооружившись пистолетом, шагнул вперёд.

— Точно, — согласился второй. — Не пойму, какого хуя Вар всё это терпит.

Оба Центровых стояли вполоборота к облюбованной нарушителями спокойствия хибаре и, зябко переминаясь с ноги на ногу, глядели в пустой проулок.

Мушка поравнялась с целиком на фоне укрытой капюшоном головы. Раздался хлопок выстрела, и алая струя брызнула под ноги несостоявшемуся мстителю. Не успело мёртвое

тело обмякнуть, как ствол ПБ ещё раз «чихнул», отсылая свинцовый презент в голову следующего получателя.

— Есть.

— Давай вниз. Обойдём по краю.

Стас спрыгнул и, перешагнув труп, заглянул в соседний ответвления.

— Чисто.

Коллекционер последовал за ним.

Они уже свернули влево, когда позади раздалось невнятное мычание. Охотник обернулся и увидел поднимающегося на ноги Центрового. Закатив глаза и шатаясь, тот обеими руками цеплялся за стену. Сползший с плеча автомат лежал на земле. По вымазанной грязью щеке струилась кровь, а из-под капюшона выглядывал козырёк каски.

— Ах ты ж... — охотник в три прыжка подскочил к контуженному бойцу, и клинок вонзился под перехваченный ремнём подбородок. Нож вошёл по самую рукоять, упёрся гардой чуть выше кадыка и вышел, окрасившись алым.

Центровой дёрнулся, будто под током, оттолкнулся от стены, сделал пару коротких неуклюжих шажков и упал на колени, глядя остекленевшими глазами сквозь своего убийцу.

До бункера оба добрались мокрыми, грязными и смертельно уставшими, потратив около часа на крюк по отшибам.

В лачуге их опять встретил Красавчик, совершенно непостижимым для Стаса образом проникший внутрь, учитывая, что Коллекционер перед уходом запер дверь своей берлоги навесным замком. Внятных объяснений этому феномену охотник не дал, ограничившись пространной фразой: «Жизнь найдёт выход».

— За каким хером нужно было валить именно этих четверых? — поинтересовался Стас, зашнуровывая сухие берцы. — Шуму, как в горящем борделе.

Коллекционер вздохнул и, одёрнув занавеску, скрылся в тёмных недрах чулана. Вернулся он с литровой банкой тушёнки, мешком сухарей, двумя кружками и канистрой. Водрузив всё это на стол, развинтил горловину и плеснул в кружки прозрачную жидкость, моментально наполнившую воздух запахом спирта.

— Не чокаясь, — передал он Стасу порцию горячительного и тут же залпом опустошил свою. — За каким хером... Если ты, мой проницательный друг, не заметил — меня узнали. А я не привык оставлять живых свидетелей на рабочем месте. Согласись, смерть двух патрульных Центра после нашей встречи с Фарой могла бы вызвать ряд ненужных вопросов. Не знаю как ты, а я на ненужные вопросы отвечать не люблю. Пей.

Стас набрал полную грудь воздуха, выдохнул и залил содержимое кружки в горло.

— Понятно, — ответил он севшим голосом. — Профессиональное кредо.

— Жизненное кредо, — поправил Коллекционер. — А что шума много, так это даже хорошо. Скорее эффект будет. Ладно, — он хлопнул в ладоши и потёр руку об руку. — Жратва на столе, бухло в канистре, вода в бадье. По нужде — знаешь куда. Подстилку с одеялом в сундуке найдёшь. Наверх не суйся. А у меня дела ещё имеются.

Охотник развернулся и пошёл к выходу.

— Погоди, — окликнул Стас.

— Что ещё?

— Этот Фара... Ты его хорошо знал?

— С детства.

Глава 7

Спал Стас этой ночью паршиво. Температура в подвале навряд ли превышала градусов восемь. От холода не спасали ни шинель, ни натянутое на голову стёганое одеяло. Сквозь бетонный потолок просачивались жутковатые звуки, издаваемые Красавчиком. Но больше всего беспокоили Стаса раздумья. Они настырно лезли в голову целым скопом, моментально

там укоренялись и не под каким предлогом не желали покидать насиженного места.

На общем фоне особенно выделялись две мысли: первая — о Коллекционере, вторая — о Бульдозеристе. Одна, запуская свои мерзкие щупальца глубоко в мозг, питала его картинками кровавых пузырей, раздувающихся на вскрытом горле. Другая — рисовала фантасмагорический натюрморт из сломанных костей и лопающихся под траками внутренних органов. Оба «художественных полотна» конкурировали за звание главного ночного кошмара, чаще остальных мелькая в череде багровых всполохов, растерзанного мяса, выныривающих из темноты уродов, Старших Братьев, и прочей чертовщины, мешающей здоровому сну.

Стас несколько раз за ночь вставал с кровати и мерил шагами подвал, в надежде пустить мысль по оптимистичному руслу. Но как только подготовленное сознание окутывал Морфей, вся жизнеутверждающая концепция рушилась и тонула в крови.

Закончился этот кошмар ближе к девяти утра. Люк открылся, и голос охотника донёс благую весть:

— Собирайся. Война началась.

— Как я их отыщу? — Стас шагал вслед за Коллекционером, на ходу пристраивая за спину вещмешок. — Доведи хоть поближе, чтоб не плутать.

— Может ещё прямо к Бульдозеристу за ручку отвести? Найдёшь, не маленький. Большущий забор с вышками и колючкой. Мимо не проскочишь. В крайнем случае, спросишь у кого-нибудь. Как доберёшься, охране скажешь, что наниматься пришёл. Мол, слышал, что бойцы требуются. Тебя должны будут проводить к Гематоме — это правая рука Бульдозериста. Станут расспрашивать — держись своей легенды, дескать, занесла лихая в ваши края, на мели, покажите кого убивать. Особо не завирай. Мутаций себе никаких не выдумывай. Ну, лац и лац. Им теперь не до чистоты рядов.

— Соображу. Ты лучше скажи, где этот пулемёт сраный искать.

— Ну ёпт! Ясное дело — не в казармах. Скорее всего, в кабинете Бульдозериста. Так что старайся быть ближе к штабу. Мелькай там при любом удобном случае, но так, чтобы лишних подозрений не вызывать. Пусть охрана к тебе привыкнет. Заведи знакомства среди тех, кто вхож к начальству. Расспроси ненавязчиво. Чего, тебя всему учить что ли?

— Бля, да на это месяц уйдёт.

— У нас нет месяца, только пять дней. Жить захочешь — уложишься. Вот не упрявился бы с автоматом, не надо было бы и напрягаться. Кстати, чем он тебе так дорог?

— Я уже рассказывал. По наследству получил его от хорошего человека.

— Где ж ты такого нашёл?

— Судьба свела.

— А потом развела, как видно? Дуба дал человек?

— Не знаю, — раздражённо огрызнулся Стас.

— Это как так, не знаешь?

— Пропал он. Вышел покурить и пропал с концами. Ясно?

— И давно? Ах да, семь лет назад, ты же говорил. А звать как?

— Лёха Москва.

Ухмылка застыла на лице охотника и плавно сошла на нет.

— Слышал о таком? — спросил Стас, не дождавшись от Коллекционера новых инсинуаций.

— Никогда, — покачал тот головой и остановился. — Ну всё, дальше один пойдёшь. Толай в этом же направлении, никуда не сворачивай, и минут через пятнадцать упрёшься в забор. Повернёшь налево, обойдёшь угол и увидишь ворота. Дальше знаешь.

— А ты что будешь делать?

— Хромого навещу. Ну а там видно будет, — охотник повернул назад, но, сделав несколько шагов, притормозил и оглянулся. — Да, вот ещё что, если проколешься, про меня забудь. Так твои шансы будут выше. Начнёшь трепаться, и они станут равны нулю. Бывай.

— Бывай, — обронил Стас вслед удаляющейся фигуре и продолжил путь.

Фраза об «этом же направлении» звучала как натуральное издевательство. Через пятнадцать минут ныряния из проулка в проулок Стас ни к какому забору так и не вышел, оказавшись посреди улицы полной торговых лавок и мастерских.

День выдался погожий, и вокруг царило оживление. Шатались взад-вперёд зеваки, проезжали мимо подводы с товаром, зазывали покупателей торгаши. Жизнь города шла своим чередом. Но обыденная в любом другом месте картина, здесь виделась совершенно иначе. Стас шагал вдоль торговых рядов и не мог отделаться от ощущения, будто попал в какой-то сумасшедший балаган, в цирк уродов, где скопище омерзительных тварей корчится и гримасничает, стараясь походить на людей. Вот перекошенный лилипут с огромной, напоминающей жабий зоб, опухолью, торгует подтухшей кониной. Рядом костлявый дед с жиденькой бородкой, слипшейся от текущего из чёрных язв гноя, нахваливает шкуры воняющие мочой. Чуть поодаль рыхлая, похожая на гигантскую картофелину туша вытянула руки-отростки, потрясает, звеня, упряжью. Пошлая, гротескная пародия на жизнь здесь заменила свой прообраз, вытеснив его полностью. И Стас вдруг почувствовал... Почувствовал кожей. Взгляды. Косые, исподлобья, полные неприязни и злобы, они жгли спину, кололи затылок. Кто-то позади смачно прохаркался и сплюнул.

— Лац ёбаный.

Стас предпочёл не реагировать и, на всякий случай, ускорил шаг, выискивая среди омерзительных харь лицо. Просто лицо. Сейчас и этого было достаточно без каких-либо уточнений. Обычное, человеческое, обладателю которого можно было бы задать вопрос о местонахождения базы Потерянных, без риска нарваться на грубость.

«Твою мать. Ну и зверинец. Ух ё. Этот хоть говорить-то умеет? Да и не больно хотелось. Ага, мудило сопливое, я тебя тоже люблю. Животное, животное, ещё одно. Ну-ка, ну-ка... Ой, блядь. Пожалуй, не стоит. Вот ведь злобучая сила атома. Урод на уроде. В бандах-то народ попрличнее, а тут одни калеки. Или нет? Вот этот вроде более-менее на человека похож. Рискнём».

Стас собрался духом и решительно направился к скобяному лотку, за которым хозяйничал тип, чертами лица сильно напоминающий рыбу, но, к счастью, разумную.

— День добрый, — поприветствовал он торговца.

— Как сказать, — хамовато ответил тот и поочерёдно моргнул сначала левым, а потом и правым глазом.

— Почём термос? — указал Стас на небольшой сосуд, напоминающий гильзу из-под артиллерийского снаряда.

Торговец сразу оживился и заморгал с удвоенной интенсивностью.

— Отличная штука! Колба стальная. Корпус латунный. И самое главное — воздух между ними откачан. Чистый сука вакуум! Тепло держит мёртвой хваткой! Бери, не прогадаешь. Всего за три монеты отдаю. Считаю даром.

Стас повертел в руках рекламируемое изделие, отвинтил крышку, заглянул внутрь, даже понюхал.

— За две возьму.

— Две?! Совесть поимей! Что в наше время две монеты? На полпраза поебаться! А тут вещь добротная, годами служить будет! Накинь «маслят» десяток.

— Ладно, уболтал. Две монеты и три «маслёнка». Больше не дам.

«Рыба» вперился в Стаса выпученными зенками, причмокнул, и толстые губищи поползли вширь.

— Ах, шельма! Повезло тебе! Забирай!

— И ещё кое-что, — продолжил Стас, отсчитывая требуемую сумму.

— Слушаю.

— Подскажи, как до базы Потерянных добраться.

— Работу ищешь?

— Да.

— Правильно. Сейчас самое время. Небось, тоже слышал, какой вчера Центровые тут пропиздон устроили? — спросил «Рыба», приглушив звук.

— Насчёт этого не в курсе.

— Да ты что? Прилетели, рыл сорок, а то и больше. И через нас к базе прямо. По дороге патруль расстреляли и двух барыг. Видишь? — он расстегнул пуговицу на груди и, оттянув куртку, постучал ногтем по кирасе. — О! Жить захочешь — не так ещё упакуешься. Чтоб их разорвало. А от забора такая пальба потом началась, хоть в землю зарывайся! Видать, сразу несколькими отрядами ударили с разных сторон. Сегодня ни одного патруля не найдёшь. Раны в казармах зализывают. То ли будет ещё.

— Угу, интересно. А к базе-то как пройти?

— Налево, — махнул торгош в конец улицы, — потом направо, мимо водонапорной башни и там уже увидишь.

— Благодарю.

Стас забрал покупку и направился означенным курсом.

Водонапорная башня — кошмарное сооружение, облием грязи больше похожее на силосный резервуар — обнаружилась довольно скоро, а дальше из-за крыш уже выглядывали сторожевые вышки. Через пять минут Стас подошёл к воротам.

— Чего надо? — ненавязчиво поинтересовался один из постовых, дежурящих возле кирпичной будки, и поправил автомат. Стрелки на двух ближних вышках тоже развернули свои рабочие инструменты в сторону визитёра.

— Я по поводу работы. Бойцов нанимаете?

Постовой — крепкий с виду мужик в поношенном бушлате и защитного цвета штанах заправленных в сапоги — окинул Стаса придирчивым взглядом и хмыкнул.

— Штык, — позвал он, не оборачиваясь, — проверь.

Из будки вышел тощий субъект в длинном, чуть не до пят, брезентовом плаще и с печатью вселенской скорби на противоестественно вытянутой роже. Выглядел он настолько безобидно, что даже висящая поперёк груди «Сайга» не добавляла воинственности. А вот то, что шагало по правую руку, заставило Стаса сделать шаг назад и напрячься.

— Собака? — произнёс он едва слышно, не до конца веря собственным глазам.

Огромный, килограмм под шестьдесят, пёс был заметно крупнее любого из ранее встреченных Стасом, да и по виду сильно отличался от своих лесных собратьев. Длинные крепкие ноги, широченная грудь, бугры мускулов, перекатывающиеся под лоснящейся чёрно-коричневой шкурой, вертикально торчащие уши и острая морда с умными злыми глазами.

Тварь дёрнулась вперёд, натянув короткий поводок, и зарычала.

— Мешок на землю, — скомандовал тощий.

Стас без лишних отлагательств стянул рюкзак и опустил перед собой.

— Ищи, — Штык шагнул вперёд, позволяя своему четвероногому напарнику ткнуться носом в Стасовы пожитки.

Пёс обнюхал рюкзак, сунул морду в приоткрытую горловину и, высунувшись обратно, басовито гавкнул.

— Взрывчатка есть? — поинтересовался Штык.

— Только гранаты.

— Доставай.

Стас присел, осторожно подтянул к себе рюкзак и выудил две РГО.

— Давай сюда, — подключился мужик в бушлате.

— Что значит «давай»? — решил Стас до конца соответствовать образу жадного лацанёчника. — Они денег стоят и не малых. Кто мне компенсирует?

— Охренел что ли? — возмутился мужик и потряс растопыренной лапищей. — Сюда, я сказал!

— Хорошо-хорошо, не надо шума, — примирительно поднял руки Стас, и обе РГО перекинулись в карманы бушлата.

— Ищи, — повторил Штык.

Пёс снова обнюхал вещмешок, но в этот раз промолчал.

— Чисто.

— Бери вещи, шагай за мной, — распорядился новый обладатель гранат и, не дожидаясь реакции, исчез за дверью КПП.

Стас схватил рюкзак и поспешил следом.

На территории базы кипела жизнь. Жизнь тяжёлая. Масса народу носилась из конца в конец громадного обнесённого железобетонным забором квадрата, таская ящики, тюки, корзины, носилки с ранеными. С противоположной стороны, скрытой рядами длинных бараков и неказистым двухэтажным сооружением, надрывно урчали двигатели. Крепкий мат, производимый несколькими десятками глоток, разносился над пёстрой толпой, усиливая эффект общей сумятицы.

Стас шагал за провожатым, стараясь не терять того из виду и одновременно составить представление об устройстве базы. На всякий случай.

Как стало понятно уже при внешнем осмотре, в плане она представляла собой квадрат. В каждом углу располагалось по вышке — солидной похожей на гриб конструкции метров десяти высотой, с широкой площадкой, накрытой четырёхскатной крышей и укреплённой бронепластинами. Точно такие же вышки стояли по центру двух глухих стен. На каждой дежурила пара стрелков за пулемётами, контролируя все сектора вокруг периметра. Входов-выходов, судя по звуку двигателей на противоположной стороне, было два, но напрямую они не соединялись. Центр базы занимало большое г-образное здание в два этажа высотой. Вдоль левой стены периметра, ближе к углу, располагался ангар со странной полукруглой крышей. Дальше шли одноэтажные бараки. Стас насчитал целых шесть. Справа, перпендикулярно забору, стояли ещё четыре точно таких же, выполняющих, судя по всему, роль казарм. А за ними располагался двухэтажный дом из красного кирпича под жестяной крышей. Именно туда и направлялся сейчас провожатый.

— К Гематоме, — коротко поставил он в известность дежурившего у крыльца автоматчика, и, кивнув на Стаса, — этот со мной, — проследовал далее.

Внутри здание выглядело, мягко говоря, аскетично — голые неоштукатуренные стены, бетонный пол, испещрённый грязными отпечатками подошв, полное отсутствие какой либо мебели в коридорах и витающий среди этого «убранства» запах сырости. Поначалу Стас даже засомневался в верности предположения, что это и есть штаб, но зашедший следом и поинтересовавшийся «у себя ли шеф» посетитель подтвердил ранее сделанные выводы.

— Не занят? — провожатый приоткрыл одну из дверей и заглянул внутрь. — Я бойца привёл.

— Давай, — прогудело оттуда.

Стас откашлялся и шагнул в кабинет потенциального работодателя.

Хотя, назвать это кабинетом можно было лишь с большой натяжкой — комната три-на-три, одно окно с треснувшим стеклом в полусгнившей раме и торчащей из форточки трубой печки «буржуйки» приютившейся в углу на ржавом поддоне, единственный стул, умывальник, потёртые шинель с разгрузкой на вбитых в закопченную стену гвоздях, тумбочка с двумя кирпичами взамен потерянной ножки, сваленный в кучу прямо на полу разнокалиберный хлам, топчан с драным соломенным матрасом, скрученный бушлат вместо подушки, прислонённый к изголовью РПК-74 и сам хозяин «кабинета», сидящий на койке.

Гематома поднял с пола кружку, отпил и кивнул на стул.

Стас сел.

Судя по виду «правая рука Бульдозериста» был явно не расположен к беседе и делал сейчас над собой нешуточные усилия, чтобы просто оставаться в вертикальном положении. Мощный торс, перемотанный ещё влажными бинтами, склонился вперёд. Кулаки упёрлись в топчан. С каменного лица, обезображенного слава огромной лиловой опухолью, смотрели прищуренные глубоко посаженные глаза, периодически теряющие фокусировку.

— Ну, — заговорил он, наконец, — излагай.

— Хочу предложить вашей организации свои услуги за адекватную плату.
— Что умеешь?
— Устранять живую силу противника, в основном.
— А не в основном?
— Всего понемногу.
— С каким оружием знаком?
— Из стрелкового — со всем. Единственное чего пользоваться не приходилось так это крупный калибр.

— Что с собой?
— Вот это, — Стас продемонстрировал дробовик, — «калаш» и ПБ. Ещё тот товарищ, что меня привёл, отобрал две РГО.

Гематома молча смерил наёмника взглядом и, глотнув из кружки, продолжил:

— Лац?

— Насколько мне известно — да.

— Хм. Что забыл в наших краях?

— Работу ишу. Почему бы и не здесь? Тем более, слышал, работы сейчас много.

— Что есть, то есть. Грамоте обучен?

— Конечно. А это может понадобиться?

— С РПГ-7 обращаться умеешь? — продолжил Гематома, игнорируя вопрос.

— Да.

— Сколько хочешь за услуги?

— Сорока монет в день будет достаточно.

Глаза под тяжёлыми надбровными дугами слегка расширились и взяли фокус.

— Столько не дадим. Двадцать пять — норма.

— Верю, — кивнул Стас. — Я видел ваших бойцов. Дороже они не стоят, при всём уважении.

Глаза расширились ещё больше, так что кожа на лбу пошла глубокими косыми морщинами, но скоро вновь разгладилась.

— А ты, лац, не робкого десятка. Хаять Потерянных в их же штабе! Свернул бы я тебе скулу на бок, не повредишь здоровьем, — Гематома невесело усмехнулся. — Но твоя правда, чего уж... Кадры — говно. Толковых парней от силы с десятков наберётся, да и на тех смотреть тошно. Ладно, накину ещё пять монет.

— Поднимите до тридцати пяти, и я в вашем распоряжении. Под началом разумного командира и воевать приятно, а вы, вижу, человек разумный, потому и уступаю.

— Хм. Ну, если воюешь ты так же, как языком чешешь, то сделка и впрямь выгодная. Значит тридцать пять. Боевых нет. Сумеешь отличиться — премиальные отдельно оговорим. Жратва, крыша, помывка — бесплатно. Патроны в счёт гонорара. Если чего нужно, обращайся к каптёру, он в ангаре сидит. Расценки божеские. Получка по вторникам. Заработать хочешь — постарайся ещё четыре дня прожить. Твой непосредственный командир — Кирка. Приказы будешь получать от него, от меня и лично от Бульдозериста. Остальных смело шли нахуй, если здоровье позволяет. А сейчас... — Гематома смочил горло. — Срам!

В дверном проёме нарисовался давешний провожатый.

— Слушаю.

— Верни бойцу гранаты и отведи в казарму. Да, кстати, — перевёл Гематома взгляд на новобранца, — звать-то тебя как?

— Вдовец.

— Ну что же, Вдовец, поздравляю с зачислением.

— Срам? — уточнил Стас, шагая рядом с провожатым к месту расквартирования.

— Для тебя — Большой Срам, — огрызнулся тот.

— А почему?

— Почему большой, или почему для тебя?

— Да всё вместе.

— В баню ходим — первый вопрос отпадёт. А на счёт второго — не терплю фамиллярности от низших чинов.

— Ты десятник?

Срам хмыкнул и с гордым видом показал красную лычку на рукаве.

— А выше десятников здесь только Гематома с Бульдозеристом? — продолжил допытываться Стас.

— Нет. Ещё есть четыре ротных. Мы, десятники, под ними ходим. Один ротный на шесть-семь десятников. Но тебя это не касается.

— Почему?

— Кирка командует группой наёмников и подчиняется непосредственно Гематоме. Так контроль жёстче. За вами, наймитами, глаз да глаз нужен.

— И много тут нашего брата?

— У Кирки семь было, — начал вспоминать Срам. — Недавно отряд пришёл в пять стволов. Плюс ты. Но это только начало. Запах крови всё гуще, скоро ещё подтянутся.

— Понятно. Слушай, а что это за зверь у вас на КПП?

— Собака, — пожал Срам плечами. — Жором звать.

— Как же вы его приручили?

— Так и не приручал никто. Не дикий же.

— В смысле?

— Ну, чего «в смысле»? По-русски что ли не понимаешь? Говорю ж — не дикий. Бульдозерист лет пять назад щенков откуда-то с востока привёз. Купил. Теперь сами разводим. Полезные твари. Живучие. А злые, аж пиздец. Жрут вот только дохера. Но ничего, теперь у них с харчами долго проблем не будет, — Срам хохотнул и плотоядно оскалился.

— Они все такие здоровые?

— Разве Жор здоровый? Ему и года ещё нет. Вот у Бульдозериста в охране, там другое дело. Цербер с Плугом. Такие, сука, лошади! Ну, вон она, — Срам махнул рукой на третий из шести барачных выстроившихся шеренгой вдоль левой стены, — наймитская казарма.

— Отдельная?

— Конечно. Чего пауков по всей базе-то распускать? Нет уж, пускай все пауки в одной банке.

— Не любишь наёмников?

— А ты не баба, чтоб я тебя любил.

— И то верно.

Стас в сопровождении хмурого недоброжелателя подошёл к барачке.

Здание было метров сорока длиной и шести-семи шириной. Серые стены, издали напоминающие глинобитные, оказались сложенными из колотого кирпича, настолько щедро политого раствором, что выдавали своё истинное происхождение лишь местами. Узкие длинные окна с мутным от грязи стеклом приютились возле самой крыши.

— Проходи, — распахнул Срам дверь на скрипучих петлях.

За ней оказался «предбанник» разделённый на две части, не считая коридора: слева — помывочная с пятью раковинами на стенах и тремя корытами на полу, справа — колоритный сортир, способный одним только видом, через щель в картонной двери, навсегда отбить охоту испражняться.

— Удобства, — заботливо пояснил Срам и прошёл дальше вслед за Стасом.

Жилое помещение казармы наполовину пустовало. Деревянные и металлические койки стояли в два ряда с широким проходом посередине. На прибитых к балкам цепях висели керосиновые светильники. Пахло табаком, ружейной смазкой и дюжиной бойцов в давно нестиранном камуфляже.

— Принимай пополнение, Кирка, — обратился Срам к угрюмому типу в кожанке, с полуразобранной «Сайгой» на коленях и тряпкой в руках.

Тип нехотя оторвался от своего занятия и, уложив оружие на расстеленный поверх одеяла брезент, поднялся с койки. Высокий, поджарый, со странно прямыми, будто у пугала, плечами и не в меру длиннорукий. Стриженная «ёжиком» голова, лицо с грубыми рублеными чертами. Низкий, располосованный перекрёстными морщинами лоб. Нос тонкий, с горбинкой и, похоже, не раз сломан. Широкая челюсть, оканчивающаяся выпирающим резко очерченным подбородком. И почти чёрные с прищуром глаза под густыми бровями.

Кирка подошёл к Стасу и, осмотрев вновьприбывшего, глубокомысленно помычал.

— Как звать? — заговорил он низким хриловатым голосом.

— Вдовец.

— Ну всё, я пошёл что ли? — буркнул оставшийся без внимания Срам.

Кирка, не реагируя на вопрос, продолжал расхаживать влево-вправо, придирчиво меря Стасом взглядом. Занимавшиеся до этого своими делами обитатели казармы так же включились в процесс, с интересом наблюдая за командиром и новобранцем.

Не дождавшийся реакции Срам плюнул и, бурча под нос проклятия, удалился.

— У-у-у-гу... — протянул Кирка. — Вдовец, значит?

— Он самый.

— Хороший у тебя дрободан, Вдовец. Обращаться с ним умеешь?

— Пока никто не жаловался.

— Откуда сам?

— Из Владимира.

— Далековато занесло. Что, за рекой уже кущи райские цветут, для тебя работы не осталось? — в голосе собеседника почувствовались неприязненные нотки.

— Нет, не цветут ещё, — Стас соорудил как можно более невозмутимое лицо с лёгким оттенком затаённой угрозы. — И работа есть. Просто карта так легла. А с этим какие-то проблемы?

— Проблемы? — переспросил Кирка, продолжая бесцеремонно рассматривать амуницию Стаса. — Да какие ж могут быть проблемы? Просто интересуюсь. Хочу побольше знать о вверенных мне бойцах.

— Ясно.

— Угу. Годков-то сколь?

— Двадцать восемь.

— Хм. Выглядишь старше.

— Побреюсь — помолодею.

— Ладно. Ну давай, рассказывай о своей полезности для моего отряда. В каких делах силен, а в каких — лучше не рассчитывать. Что в арсенале имеешь.

— Рассчитывать можно во всём, кроме двух вещей — ремонта машин и серьёзной медицины. Ни в железных, ни в живых потрохах копать не обучен. С собой дробовик, ПБ, «калаш» и две РГО. К «калашу» есть оптика и ПБС.

— Хорошо. Патроны, аптечка?

— Всё в комплекте.

— Ранения, болезни?

— Рёбра пулей зацепило с неделю назад. Но ничего серьёзного.

— Покажешься Сиплону, — Кирка указал на тощего субъекта в мешковатом камуфляже. — Он у нас за врача. Вопросы есть?

— Да.

— Задавай.

— Сколько бойцов в нашем отряде?

— С тобой вместе — четырнадцать.

— Какие функции выполняем?

— Затыкаем собой дыры в обороне этих разьебаев. Но скоро, думаю, бросят в атаку. Не в лобовую, конечно, — уточнил Кирка, прочитав вопрос на лице Стаса. — Так, с краешка потрепать, чтоб не расслаблялись. У Центровых база укреплена не хуже этой. Штурм — дело

гибкое. Так что война растянется на долгую череду взаимных тычков и затрещин.

— Ничего нет лучше затяжной грызни, — поделился мнением бородатый мужик, занятый подшивкой амуниции в дальнем углу. — Стабильный заработок при умеренном риске. И мотаться туда-сюда не нужно. И полный пансион. Красотища.

— Да, — ухмыльнулся Кирка. — Кровопускание для здоровья полезно, а длительный курс лечения и вовсе заебись. Верно, Сиплый?

— Так точно. Особенно пиявкам.

Казарма наполнилась недобрыми смешками.

— Ну? — Кирка снова переключился на Стаса. — Ещё вопросы будут?

— Нет, мне всё ясно.

— Хорошо. Тогда располагайся, и отдыхай. Да, вот ещё что — все передвижения по базе строго с моего ведома. Приказ может в любую минуту грянуть, а связью нас не снабдили. И вообще, поодиночке здесь лучше не ходить, особенно таким, как ты.

— Понял.

Стас выбрал себе койку в правом ряду, подальше от ароматной уборной, уложил возле изголовья рюкзак с дробовиком, свернул валиком шинель взамен отсутствующей подушки, и, без лишних отлагательств, направился выполнять распоряжение командира.

— День добрый, — поприветствовал он Сиплого. — Не занят?

Медик обернулся и взглянул на Стаса слегка мутноватыми, как тому показалось, глазами в обрамлении тёмных кругов. Резко выделяющиеся на тощем и бледном лице желваки ритмично напрягались, приводя в движение челюсть.

— Доктор Сиплый, — произнёс он характерным голосом и сунул в рот небольшой коричневый листок, — соверше-е-енно свободен.

— Да, вижу. Я лучше потом как-нибудь...

— А чего потом-то? — возле «доктора» появилась пухлая брезентовая сумка с ремнём. — Распрягайся давай. Сейчас всё оформим.

— Не бойсь, — подал голос пузатый мужик, развалившийся на соседней койке. — Он когда листьев своих нажрётся — дурак дураком, зато руки не дрожат.

— Иди нахер, — беззлобно обронил Сиплый и достал ножницы. — Ну?

Стас вздохнул и снял рубашку.

— Рану обрабатывал чем-нибудь? — поинтересовался Сиплый, разрезая самодельную перевязь.

— Последний раз — водкой.

— А первый?

— Первый — не знаю, в отключке был. Но человек вроде грамотный занимался.

— Ну, ладно. Надеюсь, этот грамотный человек — приверженец традиционной медицины. А то сейчас, блядь, каждый второй «грамотный». Недавно вот пришлось пацану ногу отрезать. Пулю в бедро поймал. Навылет прошла. И рана-то не сложная, даже кость не задета. Как говорится — завяжи да лежи. Так нет, нашлись, сука, добрые люди, продезинфицировать решили. Мочой. И пиздец ноге. Гангрена. По самые бубенцы пришлось оттяпать. Врачеватели хуевы.

Ледяная сталь ножниц поднялась вверх по рёбрам, заставив передёрнуть плечами.

— Не трясись. Во-о-от, — Сиплый плеснул воды из чайника на желтовато-бурое пятно с правого бока и осторожно отлепил ткань повязки. — Хм. Недурно-недурно. Говоришь, неделю назад получил?

— Вроде того.

— Так больно? — пальцы врача слегка надавили на рёбра возле раны.

— Есть немного.

— Двигаешься нормально? При ходьбе, беге не беспокоит?

— Побаливает ещё, но терпимо. Боевые характеристики в норме.

— Это хорошо, — Сиплый смочил марлевый тампон желтоватым раствором из склянки и протёр зарубцовывающийся шов. — Рана заживает. Рёбра вроде тоже на месте. Сейчас

наложим свежую повязку, и будешь как новый. Подержи, — он приложил ко шву чистую тряпицу и принялся обматывать торс бинтом.

— Спасибо, — поблагодарил Стас.

— Да не за что. Твоё дело — мочить, моё — лечить. У каждого в жизни своё предназначение. Вот у Хлора, к примеру, — Сиплый мотнул головой в сторону пузатого соседа, — на роду писано воздух портить. И ничего уж тут не поделаешь.

— Отсоси, — лениво парировал тот.

Входная дверь скрипнула, и через секунду в казарме появился запыхавшийся боец. Он окинул помещение взглядом и остановился на командире.

— Кирка, шеф к себе требует.

— Что случилось?

— А я почём знаю? Скорее давай. Он не в духе.

Кирка поднялся, накинул куртку, оружие, как заметил Стас, не взял, и направился к выходу, по пути давая распоряжения.

— Всем приготовиться. Казарму не покидать. Сиплый, за старшего.

— Благодарю, — издевательски козырнул тот.

Дверь хлопнула, и бойцы нехотя задвигались, со вздохами натягивая обувь и приводя в порядок амуницию.

— Как думаешь, что там? — спросил Стас.

— Да опять, наверное, по соплям получили, теперь ответку готовят, — поделился соображениями Сиплый и затянул в узел концы бинта. — Всё, здоров.

Стас поводил плечами, проверяя, не мешает ли новая перевязь движениям, и застегнул рубашку.

— Шеф — это Бульдозерист?

— Ага.

— Крутой дядька?

— Лично не общался, но говорят что натуральный мясник. Перед ним тут все на полусогнутых лебезят.

— Я слышал, будто он человечинной не брезгует, — подключился к обсуждению Хлор.

— Нашёл чем удивить, — усмехнулся рослый детина с обожженным красным лицом, прилаживающий штык-нож к АКМу. — Да в Арзамасе каждый второй этим грешен.

— Уж не заливай. Людоеды — это навашинские.

— Вот когда из твоей жопы гуляша нажарят, тогда поговорим.

— Кстати, — поднял Хлор кверху указательный палец, — время-то к полудню близится, а я нежрамши. Надеюсь, в бой нас натошак не погонят?

— Да уж, не хотелось бы, война, как говорится, войной, а обед по распорядку, — зароптали вокруг.

— Отставить панику, — примерился Сиплый к роли командира. — В соответствии с последней директивой штаба, пищу каждый добывает в бою.

— Чего?! — у Хлора даже дыхание сбилось.

— Чего слышал. Халявная жратва отменяется. Теперь так — что отбил у врага, тем и сыт. Думаешь, начальству здешнему охота задарма твоё брюхо наполнять?

— Так ведь это... уговор-то...

— Обстановка изменилась, — развёл Сиплый руками. — Ресурсов не хватает. Остаётся только уповать на провидение и на то, что пошлют нас в рейд по фермам. А если нет, — он вытащил нож и проверил остроту заточки, — успевай резать филе с тел поверженных врагов.

Шутка была встречена одобрительным гоготом.

— Тьфу блядь! Трепло, — разозлился Хлор и вернулся к своим делам, не склонный более продолжать беседу.

Спустя пять минут в дверях появился Кирка.

— Отряд, в ружьё! — скомандовал он, размашисто шагая к своей койке. Поднял стоящий у изголовья АК-74М и передёрнул затвор. — Живо все на выход! Пора

отрабатывать гонорар!

Глава 8

— А ну заткнулись! — проревел Кирка бойцам, набившимся в кузов и теперь активно обсуждающим различные гипотезы на тему предстоящей операции. — Слушай вводную. Итак, мы сейчас выдвигаемся в Морозовку. Это руины посёлка в пяти километрах на северо-восток. Разведка сообщила, что из Сергача идёт караван с боеприпасами для центровых. Караван небольшой, но охраняется серьёзно. В составе два грузовика, броневик с крупным калибром и пара лёгких костотрясов с пулемётами. Народу — около дюжины. В головной машине должен быть наш человек. Его нужно сохранить. Маршрут известен. Хлор! Тебе, блядь, не интересно?

— Пожрать сегодня дадут?

— Завали ебало и вникай! Так, наша задача — перехватить этот караван. По возможности отбить груз. В случае невозможности — уничтожить. За первый сценарий Бульдозерист обещал каждому премию в двести монет.

Воздух под тентом завибрировал от довольного мычания.

— Если получится ещё и транспорт захватить не особо раскуроченный, то сверху накинут отдельно, по результату. Трофеи со жмуrows наши. Всё ясно?

— Да, само собой, без базара, — закивали вокруг.

— А чего ждём-то? — поинтересовался седой мужик с роскошными переходящими в бакенбарды усами, вооружённый АК-107 и упакованный в дорожную снарягу с головы до пят.

— Открывалку.

— Чего?

— Гранатомёты. РПГ нам притащить должны, четыре штуки, и ящик выстрелов. Или ты броневик хуем вскрывать собрался? О! Легки на помине, — Кирка спрыгнул на землю и помахал двум семенящим к грузовику бойцам. — Живее-живее давай! Паралич разбил что ли? Сюда клади.

Бойцы подняли деревянный ящик и затолкали его в кузов.

— Тут выстрелы, — пояснил один из них, снимая с плеча и передавая Кирке гранатомёт. — Гематома распорядился в пути не открывать, а то мало ли... Был уже случай.

— Что за случай? — спросил Сиплый, недоверчиво прищурившись.

— Уронил тут один мудака такую колотушку, а та возьми да ёбни. Четыре трупа, семеро раненых. Во как.

— Зашибись, — процедил Кирка сквозь зубы и сплюнул. — А здесь чего? — указал он пальцем на небольшой бидон.

— Харч. Горячий.

— Вот это дело, — потёр ладони Хлор. — Когда жрать будем?

— Ты задрал уже, — рыкнул на него Кирка. — Передай в конец. И котелки. Ну, всё? Тогда отчаливаем, — Он запрыгнул в кузов и поднял задний борт. — Разбудите водилу.

Седой, устроившийся возле кабины, дважды стукнул кулаком в помятую жесть. Двигатель чихнул и, раскочегарившись, потащил набитый людьми грузовик за ворота.

— Кстати, новичок, — обратился к Стасу Кирка, — ты с личным составом успел познакомиться?

— Нет ещё.

— Как же так? А если я отдам приказ — «Хлора в расход», что ты делать будешь?

— За что, командир? — проямлил тот нарочито обиженно.

— Для профилактики.

— Ну, Хлора я знаю, — ответил Стас. — Так что приведу в исполнение. С Сиплым тоже знаком.

— Бля, не повезло мне, — усмехнулся медик.

— Ладно, давай остальных представлю. Значит так, — Кирка указал на усатого головореза, недавно интересовавшегося причиной задержки, — это Барон. Его легко запомнить. Больше шмоток ценит только баб. Кумач, наш красавчик, — палец переместился в сторону здоровяка с обожженной физиономией. — Прямая противоположность. К шмоткам равнодушен, с бабами груб.

— За это они меня и любят, — усмехнулся Кумач.

— А что им остаётся? — согласился Кирка. — Поп, правда, не настоящий, исповедоваться бесполезно, — хмурый бородач в чёрном облачении кивнул, приветствуя новичка. — Ганс, — коротко стриженный белобрысый парень со строгими чертами лица чуть привстал со скамьи. — Считает себя арийцем. Мечтает соорудить передвижную газовую камеру. Как там её?

— Газенваген, — подсказал белобрысый. — Очень полезная вещь, экономит патроны. Нужно только проблему с герметичностью решить.

— Ну да. Туз. С этим не играй.

— Я давно завязал, командир, — ответил сухощавый мужик лет сорока и поднял от цевья СВД левую руку с культями на месте мизинца и безымянного. — Ты же знаешь.

— Рассказывай, — отмахнулся Кирка и продолжил: — Баян.

— Это не кличка, — уточнил круглолицый наймит, жизнерадостно скалясь, от чего и так узкие глаза превратились в щёлки.

— Хорошо готовит, собака, — охарактеризовал командир представленного члена группы. — Особенно мясо удаётся.

Хлор сглотнул слюну, еле удержавшись от вопросов про «пожрать».

— А это Заза. Тоже, кстати, имя. Непонятно только почему бабское.

— Никакое оно не бабское! — взорвался чернявый товарищ с крючковатым носом. — Заза — древнее кавказское имя! Его с честью носило множество славных воинов!

— Ладно-ладно, не буянь, славный воин, — поспешил утихомирить его Кирка. — Это, — указал он сразу на пару бойцов с простоватой, но располагающей физиономией, одной на двоих, — братья Серп и Молот. Кто есть кто, сам забываю постоянно. Приходится звать обоих. Я им даже имя общее придумал — Серпимолот. Длинновато, но ёмко.

— Я Серп, — представился левый брат.

— А я Молот, — последовал его примеру правый.

— Понятно, — кивнул Стас.

— И, наконец, Шаман, — Кирка хлопнул по плечу сидящего рядом сурового мужика с покрытым чёрной рябью лицом. — Он у нас штатный взрывник. Ну всё, знакомство окончено, теперь можно и пожрать. Хлор, раздавай.

— Благодарю, Господи, — вознёс тот хвалу небесам, сложив ладони в смиренном почтении, и загремел посудой.

— Чито у нас сегодня? — расплылся Баян в широкой улыбке, вытирая ложку о рукав. — Фу, пилять! Какой шакал снова мясо испоганил?

— Да вроде нормально, — удивился Кумач с аппетитом поглощающий содержимое котелка.

— Такой мясо не варить, такой мясо тушить надо! Ай, жалко как!

— А на грудь тебе не посать, чтобы морем пахло? — поинтересовался Кирка. — Не хочешь жрать, отдай мне.

Баян насутился и, подавив отвращение, начал быстро заталкивать бездарно испорченное блюдо в рот.

— Держи, — передал Хлор дымящуюся порцию новичку.

На дне котелка лежал здоровой шмат варёного мяса в жидком картофельном пюре. Разбредающийся на пряди, коричневатого-серый, оно живо всколыхнуло неприятные воспоминания, спровоцировав приступ тошноты.

— Что за зверь? — спросил Стас, изо всех сил пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица.

— Тебе не всё равно? — Ответил вопросом на вопрос Кирка.

— Ну, если это и вправду зверь, то всё равно.

— Ты на что намекаешь?

Ганс, прислушавшись к разговору, перестал двигать челюстью и, скривившись, выронил изо рта недожёванный кусок.

— Да не на что я не намекаю. Просто спросил.

— Не-не, — замотал головой Баян, — это не человечина. Та мягче. А это говядина обычный. Да.

Ганс вздохнул и, всё ещё морщась, подцепил упавшее в миску мясо.

— А ты откуда знаешь, что человечина мягче, — с подозрением глянул Кумач на Баяна. — Хавал что ли? Небось, охмурил зазнобу какую пожопастее, употребил, а потом сожрал.

— Не жрал я никто! — возмутился Баян. — Слышал ухом с краю.

— Краем уха, — поправил его Сиплый. — Да и какая теперь разница? Всё равно уже смолотили. И неужели вы думаете, что, харчуясь где попало, никто из вас ни разу не ел человечины? Или в неведении спокойнее?

Стас, подумав над услышанным, насадил мясо на вилку и сунул в рот.

— Это говядина, — уверенно констатировал он, обращаясь больше к себе, нежели к окружающим. — Тушёная была бы вкуснее.

— Да-а, — оживился Баян. — Я ж и говорю, не умеют тута готовить. Из этого бычка можно было сделать такой блюдо, — он поднёс сложенные щёпотью пальцы к губам и выразительно причмокнул, — м-муа! Язык проглотишь! Вернёмся, я настоящий куырдак приготовлю. Вы такой вкусный не ел никто. Мясо молодой, печёнка, сердце, лёгкий — всё порубить мелко, с лучок, перчик в сале обжарить, ай, бульончик залить и тушить, пока совсем нежный не станет, такой нежный, как хлопка цветок в руках прекрасной Айгуль. Петрушка, укроп сверху покрошить, картошка пожарить на гарнир, и кушай. Во рту тает. Муа-муа. Чистый нектар, хвала Аллаху.

— Ловлю на слове, — ткнул Кирка в Баяна пальцем.

— Ну вот, — Хлор разделался со своей порцией и довольно погладил пузо. — На сытый желудок и помирать веселее.

— Типун тебе! — пихнул его локтем Поп.

— Суеверный что ли? Вот те раз. Поп, а суеверный, — Хлор усмехнулся и похлопал бородатого автоматчика по плечу. — На всё ж воля божья. Не ссы.

— Зря зубоскалишь. На Бога надейся, а чёрта не дразни. Был я однажды в отряде с таким говоруном. Без умолку молол языком своим поганым. Через слово, то про «помирать», то про преисподнюю. И знаешь, до чего доболтался? До того, что пуля ему в хлебальник прилетела. Вырвала язык вместе с половиной рожи. Уж не знаю, дьяволова на то воля была или божья. Ты как думаешь?

Хлор откашлялся и пошевелил губами, будто проверяя, на месте ли они.

— Не верю я в эту херню. Ни в судьбу, ни в бога, ни в чёрта. Слишком просто всё у тебя, Поп, выходит. Прогневил — наказали, ублажил — наградили. Как бы ни так. Нету им до нас дела. И не было никогда. А пуля — дура. Что с неё взять?

— Ладно, хорош разводить демагогию, — Кирка оторвался от созерцания пейзажа за бортом и взглянул на часы. — Сиплый, тормозни водилу. Дальше пешком.

Медик снова постучал кулаком в кабину, и грузовик, быстро сбавив скорость, остановился.

— Все на выход, — скомандовал Кирка. — Кумач, стой, помоги ящик открыть, заело чего-то. Да осторожнее, ёпт! Тяни. Отлично. Твою же мать! Жадные суки, два выстрела не доложили. По одному на каждого получается. Ладно, будем думать. Бери и вали отсюда.

— Вот спасибо, командир, — Кумач со вздохом повесил на плечо РПГ и осторожно вынул из тары причитающийся боекомплект.

— Ганс, Поп, идите сюда, — позвал Кирка, протягивая гранатомёты. — Держи. И тебе.

Выстрелы берите. Поосторожнее там. Вдовец.

— Да, — откликнулся Стас.

— Гематома говорил, что ты из трубы шмалять дюже любишь.

— Приукрасил. Но с оружием я знаком.

— Вот и славно. Принимай.

Стас взял из рук командира РПГ, достал из ящика выстрел, снял предохранитель, прикрутил к двигателю пороховой заряд и, осторожно вращая, поместил снаряжённый ПГ-7В в ствол гранатомёта.

— Тяжеловато с тремя пушками, — посетовал он, прилаживая РПГ на свободное левое плечо.

— Ничего, не помрёшь.

Кирка выпрыгнул из кузова, подошёл к кабине и, перекинувшись парой слов с водителем, отпустил его восвояси.

— Сюда все! — поднял он руку, после того, как грузовик, громя бортами, укатил прочь. — Значит так, колонна пойдёт этой дорогой. Другой всё равно нет. Засаду организуем на выходе, прямо здесь, — Кирка обвёл размашистым жестом окружающие кирпично-бетонные руины по сторонам от давно заросшего землёй дорожного полотна шириною метров восемь. — Построение колонны, скорее всего, будет таким — впереди, с небольшим отрывом багги, там наш человек, его мы пропускаем, следом пойдёт броневик — основная цель гранатомётчиков, дальше два грузовика, по ним из РПГ не шарашить, груз ещё вывозить нужно, и замыкает шествие второй багги. Распределим позиции. Серпимолот с Вдовцом идут в группу прикрытия, вон к тому дому, — указал он на развалины слева, метрах в сорока по направлению вглубь мёртвого посёлка. — Ваша задача — во-первых, не дать грузовикам отойти. Если сдержать не удастся, Вдовец херачит задней машине по ходовой. Во-вторых, отсечь неучтённый хвост, если такой будет. Поняли?

— Да.

— Да.

— Всё ясно.

— Хорошо, — продолжил Кирка. — Теперь распределим группу уничтожения. Кумач, Барон и Сиплый занимают позицию слева от дороги по центру зоны. Основная ваша цель — броневик. Лупите в борт. Внутри нам никто кроме трупов не нужен. Поп, Шаман и Хлор располагаются справа, ближе к точке входа. Цель — замыкающий багги. Ганс, Баян и я — у выхода. Тоже займёмся броневиком. Наша задача — обездвижить его. Туз.

— Слушаю командир.

— Видишь холмик со столбом? — Кирка махнул рукой по направлению к Арзамасу, где возвышалась небольшая насыпь с выщербленной до арматуры железобетонной сваей, торчащей из центра. — Берёшь Зазу и дуешь туда. Цель — головной багги.

— Так ведь мы ж его пропускаем, — удивился Туз.

— Не перебивай. У этого костотряса экипаж — три человека. Наш из них только водитель. Остальных пусти в расход.

— Понял.

— Огонь первым открывает Ганс. Остальные следом. Вопросы есть?

— Ждать долго? — подал голос Хлор.

— А чего, кушать уже хочется? — Кирка соорудил трогательно заботливую гримасу.

— Ну...

— Столько сколько нужно ждать будешь! Если вопросов больше нет — всем занять позиции!

— Слышь, — тронул Стаса за плечо брат Серпимолот после того, как все трое «с удобством» обосновались на груде битых кирпичей за полуразрушенным фасадом некогда двухэтажного здания. — Если не секрет, тебе сколько за день работы пообещали?

— Тридцать пять.

Братья переглянулись и один, выдержав красноречивую паузу, пихнул другого кулаком в лоб.

— Я ж тебе говорил, тупиздень, больше надо было просить.

— Вот и просил бы. Умник, бля.

— Извините, что перебиваю, — вмешался в семейные дразги Стас, — а сколько Гематома вам обещал?

— По тридцатке всего. Прикинь. Ещё и конился, сука.

— Конился, не конился, — передразнил его второй брат. — Ты только со шлюхами в борделе торговаться мастер.

— Ну, — глубокомысленно наморщил лоб Стас, — с вашим ПКМом смело можно и по сорок просить. Такой пулемёт любому отряду за счастье.

— Это точно, — согласился правый брат и любовно погладил матово-чёрный ствол. — Лучше оружия нет.

— Разве только «Печенег», — возразил Стас.

— А что «Печенег»? Ему ствол не сменишь. Убился — покупай новый, целиком. Да и по деньгам он не в пример дороже.

— Я слышал, Бульдозерист тоже большой поклонник пулемётов, — «закинул удочку» Стас. — Вроде даже раритетом каким-то разжился. То ли эм же три, то ли эм гэ три называется. Говорят, в кабинете стоит у него. Не видели?

— Не стоит, а висит, — поправил левый брат. — Прямо над креслом. Не знаю, правда, эм же там или не эм же, но по виду штука серьёзная, хоть и на кустарь малость смахивает.

— У него кожух ствола дырявый?

— Ага, — кивнул правый Серпимолот. — И приклад странный такой, заковыристый. А что за агрегат-то?

— Да я и сам толком не знаю, — пожал плечами Стас. — Германский вроде.

— Ну, тогда понятно, почему он на стенке висит. Патронов-то, небось, днём с огнём не сыщешь. У меня, помнится, Вальтер был под парабеллум, так и то с ним намучался. В конце концов, сменял на «Скифа», — правый Серпимолот вытащил из кобуры миниатюрный пистолет с пластиковой рамкой и протянул его Стасу.

— Хм, интересная машинка. Не встречал раньше.

— По сути тот же ПММ, чуток легче и поудобнее малость.

— Тихо, — прошипел левый брат. — Едут, кажется.

— Быстро они, — ответил правый, выглянув через провал в стене.

Стас тоже, слегка приподнявшись, посмотрел в конец улицы и тут же сиганул вниз. В просвете между руинами двигалось несколько угловатых силуэтов, поднимая смешанную с копотью выхлопов пыль.

— Дава-а-айте, голубчики, — протянул правый брат, сладострастно поглаживая гладкое тело пулемёта.

— Пригнись ты, — шикнул левый.

Звук двигателей быстро приближался. Скоро из монотонного гула выделились басовитые подвывания грузовиков и рокот лёгких багги. А вслед за этим послышался лязг гусениц.

— Что это? — спросил Стас.

— Едрёна ма-а-ать, — выдохнул правый брат. — Здоровенная дура. Как бы не мало на неё двух выстрелов оказалось.

На видимый Стасу отрезок дороги выкатила главная цель группы уничтожения — впечатляющая конструкция, базирующаяся, судя по всему, на шасси тяжёлого грузовика, типа Краза. Хищный передок с похожей на тёрку решёткой радиатора, оскалился буксировочными «клыками». Рубленые очертания чуть скошенного капота переходили в неприступную кабину с двумя отдельными забранными бронестеклом оконцами на лобовом щите и дверями похожими на сейф. Позади кабины располагался огромный металлический короб с тремя круглыми бойницами вдоль борта. Наверху, рядом с задраенным люком,

смотрел в серое небо «Корд». А внизу лязгали, поднимая пыль, траки.

Стальная крепость на колёсно-гусеничном ходу прокатила мимо, уступив место двум грузовикам габаритами помельче. Эти из брони могли похвастать лишь дополнительно приваренными листами ржавого железа на дверях и по бокам от моторного отсека. Мягкие тенты колыхались в ритме дорожных выбоин, усиливая впечатление хрупкости на фоне только что виденного чудовища.

Первыми и последними в колонне, как и предполагал Кирка, шли багги. Простейший, сваренный из стальных труб, кузов этих машин, укрепленный листами жести, дающими защиту скорее от ветра, нежели от пуль, перемещался на колёсах внушительного диаметра, поднимающих его ажурную конструкцию сантиметров на тридцать выше уровня дороги. Помимо водителя, в экипаж багги входили два стрелка: один сидел рядом, держа автомат наготове, второй располагался позади, примостившись на высокой сидухе, и имея в своём распоряжении закрепленный на поперечной дуге ПКМ.

Через пять секунд после того, как хвост колонны прошёл мимо группы прикрытия, раздался хлопок реактивной струи. Метрах в сорока правее громко бухнуло, потом ещё, и улицу заволокло облаком пыли.

Понеслась! — левый Серпимолот схватил пулемёт и бросился к проёму в стене. Правый, с автоматом и коробом патронов, рванул следом.

Стас подбежал на заблаговременно выбранную позицию возле окна в уцелевшем фрагменте фасада и вскинул РПГ, готовый к обслуживанию вверенного грузовика. Но на текущий момент это оказалось лишним.

Передвижная крепость дымила из всех щелей, завалившись на переднее левое колесо. Братья пулемётчики в два ствола лупили по сдающему назад багги, чей неуверенный манёвр закончился вместе с прилётом выпущенной Попом гранаты. Та бабахнула почти под днищем, бросив лёгкую машину на добрый метр вверх. Перевернувшись в воздухе, багги упал на бок и отрезал колонне путь к отступлению.

Водитель заднего грузовика выскочил из кабины и бросился наутёк. Пулемётная очередь остановила его, не дав пробежать и десятка метров. Тело дёрнулось и сползло вниз по стене, припорошенное облаком белой пыли.

Далеко справа, заглушая автоматный треск, прогрохотала СВД. Взвизгнули тормоза.

— Кажись всё, — заключил Серпимолот, опуская пулемёт.

— Я вниз, — Стас повесил РПГ на плечо и, взяв в руки дробовик, спустился по груде колотого кирпича.

На дороге и впрямь всё было кончено. Перевернутый багги коптил небо полыхающей резиной. Под его правым боком лицом вниз лежал стрелок, раздавленный ниже поясицы. Второй валялся чуть в стороне, изрешеченный как дуршлаг. Переломанные пулями руки неестественно вывернулись. Водителю взрывом гранаты оторвало левую ногу и разворотило живот. Сизые внутренности, перемешанные с кровью и пылью, вывалились на землю, словно комок огромных жирных червей. Грузовики неподвижно замерли позади мобильной крепости, чья броня оказалась не достаточно крепка. Из бойниц, выбитого взрывом люка и дыры в правом борту, валил густой чёрный дым.

Остальные члены отряда тоже начали потихоньку выбираться из укрытий. Барон что-то жестикнул водителю броневика, видимо, призывая откупорить наполняющуюся дымом кабину. Хлор с автоматом наизготовку спустился вниз и сделал два выстрела по невидимому для Стаса противнику. Кирка размахивал руками в разные стороны, давая распоряжения.

— Ай, бардак какой у вас тут, — охарактеризовал ситуацию подошедший Баян. — Хороший машина угробили, хороший человека раздавили. — Он пнул голову погребённого под багги стрелка и весело рассмеялся, но через секунду вскрикнул и отскочил. — Шайтан! Да он живой!

Прижатый перевернувшимся автомобилем боец затрясся, неподвижные до того руки начали лихорадочно загребать землю, изо рта вместе с брызгами крови вырвался жуткий скрежещущий вой, заглушённый одиночным выстрелом.

— Дерьмовая смерть, — Серпимолот убрал дымящийся пистолет в кобуру и придавил подошвой бьющий из продырявленного затылка фонтан.

— Хороших смертей не бывает, — ответил Стас.

— Это верно, — согласился Баян, стряхивая со штанов багровые капли. — Интересно, что там в кузовах. Может, подзарядимся за казённый счёт?

Стас обошёл багги с мёртвым экипажем и одёрнул тент грузовика. В тёмноте что-то блеснуло.

— Ти-и-ихо, — протянул он, делая шаг назад и медленно поднимая вверх руки. — Споко-о-ойно.

— Чего там? — вскинул автомат Баян.

Среди деревянных ящиков с маркировкой «Мины 82 мм» сидел, поджав ноги к груди, паренёк лет шестнадцати. На смертельно бледном лице плясали отсветы огонька зажигалки трясущейся в правом кулаке. Левая рука обнимала канистру с торчащей из горловины мокрой тряпкой. Обезумевшие глаза насилу держались в орбитах.

— Отойди, — просипел он едва не срывающимся на визг голосом. — Подорву.

Стас краем глаза заметил, как Баян и братья машут руками, сигнализируя остальным о ЧП.

— Успокойся, пацан. Ты чего истеришь?

— Я всех п-подорву! Я дурак! Не подходи! — самообладание покинуло парня с концами, и он больше не в силах был сдерживать рвущийся наружу фальцет.

— Да я понял, понял, — нарочито спокойно ответил Стас. — Не подхожу. Видишь? Даже не шевелюсь.

К грузовику начал стягиваться народ. Вслед за Кумачом и Гансом в поле зрения Стаса появился Кирка. Он потыкал пальцем в сторону машины и уставился на невольного переговорщика, всем видом изображая немой вопрос.

— У тебя ведь там мины, насколько я вижу? — решил Стас прояснить ситуацию окружающим.

— Да!

— Угу. Хуева туча миномётных фугасов. Большая воронка получится. Как думаешь?

Собравшиеся вокруг грузовика инстинктивно попятились.

Парнишка в кузове промолчал, крепче обнимая канистру.

— Только вот бабахнут они не сразу. Мы разбежаться точно успеем. Попрядемся. Максимум, что нам грозит после твоего героического поступка — лёгкий звон в ушах. Неужели ты готов сдохнуть ради такого результата?

Рука с зажигалкой заколебалась и отошла чуть подальше от импровизированного фитиля.

Возле грузовика, с правого борта появился Сиплый. Он поднял автомат, целя в предполагаемое место нахождения смутьяна, и проартикулировал: «На голос».

Стас молча покачал головой и снова обратился к парнишке:

— Тебя звать-то как?

Тот насупился, но после непродолжительной паузы ответил, шмыгнув носом:

— Лёха.

— Лёха, — повторил Стас. — У меня друга так же звали. Откуда будешь, Лёха?

— Из... из Сергача.

— Большой город. Семья есть?

— Мать только. Отец помер в прошлом году.

— А девчонка? Ждёт тебя?

— Ага.

— Красивая?

— Красивая, — парнишка невольно улыбнулся, но тут же постарался вернуть суровое выражение лица.

— И что, — продолжил Стас, — думаешь, одобряет мать с невестой ту глупость,

которую ты замыслил? Им даже хоронить нечего будет. Разнесёт твой пепел ветром по всей пустоши. А чего ради? Или, может, ты нас пуще смерти боишься? Это зря. Нам от тебя ничего кроме груза ненужно. Так что давай, гаси свою зажигалку и вылезь. Ну?

Алексей, чуть поколебавшись, отпустил канистру и двинулся к выходу, но, сделав несколько робких шажков, метнулся назад, схватил свой «механизм самоуничтожения» и отчаянно замотал головой.

— Нет-нет-нет-нет-нет...

— В чём дело? — спросил Стас.

— Я не верю, — проскулил Алексей жалобно. — Вы... вы меня всё равно убьёте.

— Зачем? Что нам с тебя, щи варить?

— А может и так! — сквозь слёзы выкрикнул парнишка и судорожно зачиркал кремнем.

— Эй-эй, Лёха, не дури, — Стас чуть подался назад, готовый, в случае чего, рвануть прочь от взрывоопасного груза. — Кончай эту хуйню. Слышишь?

— Я сгорю лучше, чем сожрать себя дам!

— Ты чего несёшь? Кто тебя жрать будет?

— Вы! Все вы! Я слышал, что тут с пленными делают!

— Алексей, — Стас вытянул руку, делая примирительные жесты, — послушай. Успокойся и послушай меня. Самосожжение ты устроить всегда успеешь. Подожди минуту. Хорошо?

Парнишка всхлипнул, утирая рукавом слёзы.

— Ты всё перепутал. Это не Навашино, это Арзамас. Бригады дальше на запад, километрах в ста. А мы вообще не местные. Наёмники мы. Понятно? Ты нам нахрен не спёрся, Алексей, ни рабом, не ужином. Вылезай оттуда и можешь чесать, куда глаза глядят. Я тебе даже пистолет дам, зверьё отпугивать, — Стас обернулся к Кирке. — А, командир, что скажешь? Дадим парню пистолет?

— Пусть автомат берёт, — ответил Кирка. — Только поскорее, а то заебал уже.

— Ну, ты прекратил истерить? — возобновил Стас переговоры.

Парнишка отдышался, хлюпая соплями, и нерешительно кивнул.

— Вот и отлично. Вылезай.

Алексей отодвинул канистру и пополз вперёд, осторожно ступая по ящикам с минами.

— Молодец, — похвалил Стас спрыгнувшего на землю Алексея. — Зажигалку можешь уже погасить. В дороге пригодится.

Парнишка стоял посреди затянутой чёрной гарью улицы, в окружении четырнадцати головорезов, и дрожал, как осиновый лист, отчётливо стуча зубами.

— Недоросль, бля, — фыркнул командир, осмотрев возмутителя спокойствия, и указал на опрокинутый багги. — Автомат себе там подберёшь. Свободен.

Алексей развернулся в заданном направлении, сглотнул и на трясущихся ногах послушно отправился мародёрствовать с трупов своих бывших коллег.

— Барон, — тихонько позвал Кирка и мотнул головой вслед парнишке.

Моментально вскинутый сто седьмой сухо кашлянул, и тело последнего защитника колонны плашмя рухнуло на землю, оставляя за собой быстро таящий шлейф кровавых брызг.

Стас, даже не успев толком сообразить, что к чему, обернулся, увидел лежащее на земле тело и стоящего рядом Барона с автоматом в руках.

— С-с-сука! — прошипел он, кладя палец на спусковой крючок.

— Что? — Барон перевёл взгляд на грубияна, держа автомат наизготовку.

— Отставить! — рявкнул Кирка.

Двое подчинённых продолжали молча сверлить друг друга глазами.

— Отставить, я сказал, — повторил он уже более спокойным тоном. — Рехнулись что ли?

Стас сосчитал в уме до пяти и сплюнул Барону под ноги.

- Нахера? — махнул он рукой в сторону свежего трупа, обращаясь к командиру.
- У нас приказ, — ответил тот. — Живых не брать.
- Да это же мальчишка совсем.
- У нас при-каз, — повторил Кирка по слогам. — Я слишком витиевато излагаю?
- Он был даже не вооружён!
- Ну всё, хватит разглагольствований! Дело сделано. Собирайте хабар и по машинам!
- Жопой на минах поедem? — поинтересовался Хлор.
- Есть возражения? Можешь бежать рядом. Тебе на пользу пойдёт.
- Очень смешно, мудак, — пробубнил Хлор себе под нос и отправился за трофеями.

Стас постоял ещё немного над трупом, рассуждая о том, как могла бы сложиться судьба парня, не будь мир столь жесток, а когда обернулся, увидел перед собой Сиплого.

— Не переживай, — сказал медик, рассматривая ещё дымящееся пулевое отверстие в затылке безвременно почившего Алексея. — До Сергача пацан в одиночку всё равно не добрался бы. Через эти места только на броневиках ездить, да и то, видишь, не всегда помогает.

— Тогда тем более непонятно, зачем убивать.

— Интересно устроен человеческий мозг, — заключил Сиплый, продолжая разглядывать дыру в черепе. — Проблема есть только тогда, когда она на виду. Убери с глаз подальше, и проблема исчезает. Ты не находишь это м-м... несколько лицемерным? Ладно, забудь, — хлопнул он Стаса по плечу, видя, что тот не расположен к философским диспутам. — А ситуацию ты грамотно разругил. Молодец. Думаю, тебе зачтётся.

Глава 9

На базу отряд вернулся в приподнятом расположении духа. Невредимый груз, три захваченные машины и снятый с броневика «Корд» позволяли рассчитывать на щедрое вознаграждение со стороны работодателя, а делёж лёгких стрелковых трофеев привнёс в унылый казарменный быт атмосферу праздника.

— Ну нихера себе! — Кумач угрожающе нахмурился, почёсывая кулак. — Это с какого вдруг такого? Стечкина, крыса, прибрал уже, и всё ему мало!

— Я убил, мой автомат, мой пистолет, — постарался аргументировать Баян свои претензии на семьдесят четвёртый и АПС.

— А я, можно подумать, в носу ковырял!

— Ковырял-не ковырял — это мне не интересно совсем. Ты броневик стрелял? Два человека убивал? Вот с них и бери.

— Ты чего, Баян, юродивого-то из себя строишь? Или, может, в кузов не заглядывал? Там же лом сплошной остался.

— Аккуратнее нужно, — развёл тот руками, с выражением искреннего недоумения.

— Ещё и подёбывать будешь меня?! — расвирипел Кумач, покраснев даже там, где кожа была нетронута ожогами, и навис над Баяном. — Гони автомат, крысяра!

— А-а-атставить! — в дверях появился Кирка, весело позвякивая содержимым холщёвого мешочка. — Все трофеи приказываю сдать для последующей реализации с целью упрощения дележа. Не престоало обеспеченным людям из-за такой херни собачится.

По казарме прокатились две равновеликие волны вздохов облегчения и разочарования, впрочем, довольно быстро сведённые на нет растущим любопытством к содержимому мешка.

— Ну? Сколько? — озвучил Хлор волнующий каждого вопрос.

— Ско-о-олько? — передразнил Кирка, развязывая кожаный шнурок на горловине скромного вместилища материальных ценностей. — Только это вас и волнует. Да? А почему ни одна сволочь не поинтересуется — какой ценой, каким трудом это выторговано. Да что там «выторговано», буквально вырвано зубами, с риском для жизни выдавлено не из кого-нибудь, а из самого Бульдозериста?

— Не томи, командир, — подключился Сиплый. — И так уже зубы ломит от признательности. Каков расклад?

— Расклад таков — две сотни за груз, как обещано было, и сверх того, — Кирка, хитро щурясь, выдержал паузу, — по сотне каждому за транспорт! Бульдозерист платит золотом, а значит — пять монет на рыло.

Благородный металл заблестел в руках командира, порождая радостный гомон и целенаправленное движение со всех сторон на раздачу.

— Получай.

— Спасибо, командир, — забрал свою долю Кумач.

— Держи.

— Благодарствую, — Хлор проверил на зуб сверкающую желтизной монету. — Так жить можно.

— И тебе...

Скоро все столпившиеся у командирской койки получатели, богатые и довольные разошлись по своим углам, а в мешке осталось ещё пять монет.

— Вдовец! — позвал Кирка. — Особое приглашение требуется? Или пожертвуешь свой гонорар мне на старость? Я, в принципе, не возражаю.

Стас молча подошёл, забрал причитающуюся сумму и повернул обратно, но остановился, услышав за спиной:

— Кстати, чего это у тебя за канистра там стоит?

— Из кузова взял, — обернулся Стас.

— На память что ли?

— Ничего больше не досталось.

— Меньше нужно человеколюбию придаваться, тогда будет доставаться, — Кирка округлил глаза и поднял вверх указательный палец. — О! Стих. Ладно, можешь себе оставить. Только в сортир отнеси, чтобы тут не воняло. И ещё — через десять минут тебя Бульдозерист видеть хочет. Возле южных ворот.

— Зачем?

— Он мне не докладывал. И советую не опаздывать, чревато.

Через три минуты Стас уже был на месте.

— Что за переполох? — обратился он к дежурящему на КПП коренастому бородачу с опоясывающей голову матерчатой лентой, прикрывающей срез отсутствующего носа, и кивнул за ворота, куда только что, гремя железом, проследовал отряд человек в двадцать, а за ним ещё два таких же. — Атака?

— Да ну, какая атака? — отмахнулся дежурный. — Небось Сам обход делать будет.

— Бульдозерист?

— Он.

— А что за обход-то?

— Обычный обход, — пожал бородач плечами. — Пройдётся по району, посмотрит, где чего, может, люлей кому по дороге выпишет, и назад.

— И часто он устраивает такие ревизии? — поинтересовался Стас, уже прокручивая в голове варианты изъятия пулемёта, оставленного без присмотра хозяином.

— Нет, не часто, — оборвал дежурный построение радужных планов. — Пару раз в месяц, а то и реже.хлопотное это дело — маршрут проверить, патрули расставить, все подходы перекрыть... — бородач замаялся и взглянул на собеседника с подозрением. — А тебе зачем?

— Да так, из чистого любопытства?

— Из любопытства, говоришь? — переспросил бородач и указал на свою повязку. — Я вот тоже как-то раз любопытствовал не по делу.

— А... — не нашёл подходящего ответа Стас, рассматривая мокрое пятно на тряпке. — Понятно. Я тут, собственно, Бульдозериста как раз и жду. Поговорить он хотел о чём-то.

— Да ну? Что ж, удачи, — дежурный глянул Стасу через плечо и поспешил к будке. — Пойду я, от греха.

Стас обернулся.

От штаба в направлении ворот двигалась группа людей — человек десять, богато экипированные, с оружием наготове. Шли они, выстроившись «коробочной» вокруг одной высокой плечистой фигуры, а по флангам этой странной формации шагали два чудовища.

Другого слова Стасу на ум не пришло. Огромные, метра полтора в холке, псы, закованные в броню и удерживаемые на цепях аж двумя дюжими поводьями каждый, заставили вспомнить о Жоре, который, по определению Срама был вовсе не большим. И действительно, на фоне этих бронированных чудовищ Жор, с его впечатляющими для обычной собаки габаритами, выглядел просто безобидным щенком.

Лоснящаяся шкура четвероногих охранников, выглядывающая из-под панциря, была испещрена шрамами. С длинных морд капала тягучая слюна. Рваные уши двигались, чутко реагируя на любой громкий звук. А в тёмных глазных проёмах укрывающей череп брони сверкали крохотные злые искры.

Группа остановилась в нескольких метрах от ворот. Один из впередиидущих бойцов, упакованный в дорожную снарягу поверх чёрно-коричневого камуфляжа и вооружённый АКСУ, указал пальцем на Стаса и спросил, проявив максимум лаконичности:

— Кто?

— Вдовец, — ответил Стас в той же манере.

Лаконичный товарищ молча подошёл и протянул руку.

— Сдать оружие.

— Кому?

— Мне.

— С какой стати?

Слегка опешивший от такой наглости боец, растерянно оглянулся, будто ища помощи соратников, но быстро взял себя в руки.

— Я Берег — начальник личной охраны коменданта, — прорычал он, сверля наглеца взглядом.

— Ну вот, с этого и нужно было начать, — одобрил Стас не сразу давшееся оппоненту решение представиться, и поочерёдно вручил ему весь свой арсенал.

Повесив на шею автомат с дробовиком, сунув ПБ за пояс и нож за голенище, начальник личной стражи ловко пробежался пальцами сверху вниз по фигуре несговорчивого клиента и, ничего больше не обнаружив, повернулся к хозяину.

— Чисто.

Человек в центре живого периметра положил руку на плечё стоящего рядом бойца, отодвинул его в сторону, словно это был неодушевлённый предмет, и седлал приглашающий жест Стасу.

Четвероногая тварь, почуяв приближение незнакомца, оскалилась и натянула цепи. Хрип и смрадное дыхание вырвались из звериной пасти, когти впились в землю, мускулы вздулись буграми, противясь силе двух, еле сдерживающих это дьявольское создание, поводьей.

Стас бочком подошёл к проёму в живом щите, бессознательно теребя пустую кобуру, и нырнул внутрь, подгоняемый злобным рыком.

— Успокойся, — сказал комендант, гулким, плохо вяжущемся с внешностью голосом и зашагал к воротам вместе с синхронно пришедшей в движение охраной. — Они смирные. Без команды не едят.

Высокий, метра под два ростом, Бульдозерист сильно сутулился, но всё равно был на полголовы выше Стаса. Аршинные плечи контрастировали с общей болезненной худобой. Нелепую фигуру плотно облегал длинный кожаный плащ цвета ржавчины, с застёгнутым под горло стоячим воротником. На широком ремне с правого бока висела кобура, из которой выглядывали наружу огромный воронёный ствол и украшенная резьбой деревянная рукоять,

принадлежавшие, судя по обводам револьверу, о чём свидетельствовали и гильзы с закраиной, покоящиеся в гнёздах патронташа. Слева на ремне покачивалось, шлёпая широким лезвием о бедро, мачете.

— Так вот ты, значит, какой, Вдовец, — Бульдозерист повернул голову и придиричиво оглядел Стаса, с таким выражением лица, будто мясо на рынке выбирал. Разве что не понюхал только.

— А вы, насколько понимаю, здешний комендант? — ответил Стас взаимностью, пробежавшись по собеседнику взглядом от хромовых сапог до мрачного испещрённого оспинами лица с нездоровой бледностью кожи и светящимися огоньком безумия глазами в обрамлении тёмных кругов.

— Да, я тот, кто тебе платит.

— И у вас ко мне дело?

— Точно. Но о делах потом. Для начала составь мне компанию. Пройдёмся, поболтаем.

Дежурные на КПП распахнули основные ворота, и вся группа, не меняя формации, покинула территорию базы.

— Куда направляемся? — поинтересовался Стас.

— Обход, — вздохнул Бульдозерист. — Скучное рутинное занятие, вменённое мне в обязанности по роду службы, — он посмотрел на собеседника и растянул губы в недоброй улыбке, обнажая ряды стальных зубов. — Быть слугой народа — тяжкий труд, и очень неблагодарный. Этим свиньям постоянно требуется пастух. Оставь тварей без присмотра хотя бы на месяц и, поверь моему опыту, они возомнят себя свободными. Поползут слухи, что пастух уже не тот, что он потерял хватку, а то и вовсе сдох. И значит теперь всё позволено. Не нужно уважать закон, не нужно платить налоги. Анархия — одним словом. Вот и приходится время от времени себя демонстрировать, подтверждать собственную дееспособность перед стадом. Унизительная повинность обременённого властью каторжника.

— Да, — покивал Стас, — большая головная боль.

— Огромная, — согласился Бульдозерист. — Но, что-то всё обо мне разговор. Расскажи про себя лучше.

— С чего начать?

— С момента падения. Как до жизни кочевой докатился?

— По воле случая. Тринадцать лет назад сошёлся с человеком одним, на месте к тому времени ничего меня уже не держало, вот и понеслась жизнь с крутого откоса.

— Не жалеешь?

— Не о чем жалеть. Родные умерли, семьёй обзавестись не успел ещё. Свободен был как ветер — без денег, без опоры и без перспектив. Любой поворот судьбы в тех обстоятельствах можно считать за благо, а уж произошедший со мной — и вовсе крупная удача. Так что — нет, не жалею.

— И жизнью доволен?

— Да. Во всяком случае, моя жизнь куда ярче каждодневной маеты какого-нибудь пахаря или лесоруба.

— Как вспышка пороха — яркая и короткая, — резюмировал Бульдозерист.

— Продолжительность жизни наёмника имеет прямую зависимость от его квалификации. Шансы неумелого лесоруба найти смерть под упавшим деревом едва ли ниже, чем шансы плохого стрелка умереть от пули.

— Хм. Гладко излагаешь. Учился?

— Детство за книгами прошло. Отец любовь к чтению привил.

— Книги — это хорошо, если голова на месте, а вот, коли умом не вышел — только во вред. Лишние знания разжижают неподготовленный мозг, в нём начинается брожение, и заканчивается всё это печально. Дурь из таких голов приходится вышибать свинцом. Но у тебя, я вижу, мозги в порядке.

Отряд дошёл до угла периметра и повернул в направлении торговых рядов.

— С одной стороны повальная безграмотность полезна, — продолжил Бульдозерист. — Но с другой...

В этот момент впередиидущий боец поднял руку, и вся группа остановилась. Начальник охраны вышел вперёд и, отойдя на несколько метров, склонился над ворохом тряпья.

— Кто такой? — носок ботинка с глухим стуком уткнулся во что-то мягкое.

Псы зарычали, почуяв запах страха, исходящий от бесформенной массы, которая резко дёрнулась и прижалась к стене, трясая выставленными вперёд лохмотьями.

— А? Что? Зачем? Нет-нет. Не бейте. Я ничего не сделал. Я просто калека. Милостыню... милостыню прошу. На еду. Не бейте.

— Пшёл отсюда, — рыкнул Берег.

— Нет, обожди, — подключился Бульдозерист и зашагал к невольному возмутителю спокойствия. — Милостыню, говоришь?

Нога начальника охраны ловким пинком остановила уже собравшегося менять дислокацию оборванца. Бойцы обступила попрошайку, коменданта и Стаса непроницаемым полукругом.

— Да, добрый человек, да, милостыню, — нищий чуть вытянул голову из плеч, раболепно щерясь пеньками зубов, и боязливо протянул деревянную плоску с тремя «маслятами» на дне, одновременно пытаясь утереть набегающую из разбитой брови кровь. — Храни тебя Господь.

— Что за увечье? — поинтересовался Бульдозерист, разглядывая нового собеседника.

— Э-э?

— Ты назвался калекой. Что за увечье?

— А! Это? — дрожащие губы расплзлись в жалком подобии улыбки. — Простите за моё тугоумие. Я сразу-то и не понял.

Берег с хмурой миной на лице поднёс ствол изъятых дробовика поближе к голове непонятливого голодранца.

— Тебе задали вопрос, пададь.

— Рука! — выпалил тот и сглотнул, пытаясь смочить моментально пересохшее горло. — Руку я потерял. Случай. Несчастный, — затараторил он, нервно озираясь. — На фабрике работал. Токарем. Фрезой руку... руку-то мою, прихватило. Ага. По самый локоть.

— Покажи, — распорядился Бульдозерист.

— Э-э... Что показать?

Срез ствола ткнулся попрошайке в лоб, заставив как следует приложиться затылком о стену, а заодно и вылечиться от острого тугоумия.

— Ладно-ладно! Мне жалко разве, для хорошего человека? — он отодвинул в сторону часть тряпья и продемонстрировал замотанную лоскутами культю на месте левой руки. — Вот она, родимая. Всё что осталось.

Бульдозерист, прищурившись, осмотрел пострадавшую конечность.

— Размотай.

— Размо-о... — вопросительно протянул оборванец, но спохватился, припомнив, кто здесь задаёт вопросы, и виновато сморщил чумазую физиономию. — Не самое это приятное зрелище, добрый человек.

— Я вытерплю, — успокоил Бульдозерист.

— Но... — оборванец пробежался глазами по обступившим его со всех сторон хмурым личностям и, не найдя поддержки, смиренно принялся разматывать лоскуты, из-под которых скоро показалась тёмная от грязи кожа.

Выглядело это действительно не слишком эстетично, однако, как отметил про себя Стас, на культю явно не походило, скорее — на локоть.

— Вот, — промямлил нищий, опасливо демонстрируя своё «увечье».

— Разогни, — приказал Бульдозерист.

— Да как же это? Зачем же вы, добрый человек, шутить так изволите над калекой?

Комендант, утомившись пустопорожней болтовнёй, вздохнул и лениво глянул на своего верного охранника.

Берег без лишних слов ухватил попрошайку за лохмотья и, растеребив обмотку на якобы покаленной руке, выдернул из-под неё тонкое недоразвитое предплечье с противоестественно узкой кистью.

— Угу, — кивнул Бульдозерист, вытаскивая из ножен свой печально знаменитый тесак. — По локоть, говоришь?

— Не надо! Умоляю!

Широкое чёрное лезвие поднялось над вытянутой рукой и резко упало вниз.

Разгорячённые кровью псы захрипели, клацающая челюстями.

Попрошайка дёрнулся в сторону, заливая дорожную грязь красным, упал на бок, накрыл теперь уже настоящую культю моментально промокшей тряпкой и надрывно заскулил, совсем как раненая собака.

Бульдозерист вернул тесак на место, достал из кошелька серебряную монету и небрежно уронил её в стремительно разрастающуюся лужу крови.

— Теперь всё честно.

— Держи, — кинул Берег на землю отрубленное предплечье. — Не теряй больше.

Бойцы вновь построились в квадратную формацию вокруг продолжившего обход хозяина.

— На чём я остановился? — нахмурил брови комендант, пытаясь вспомнить тему прерванного разговора.

— Безграмотность, — подсказал Стас.

— Да, безграмотность. Она полезна с управленческой точки зрения. Чем меньше у стада побочных интересов и лишних знаний, тем легче его пасти. Но это палка о двух концах. Кадровый ресурс подвержен текучести, естественному обновлению. И чем дальше, тем качество новых кадров всё ниже и ниже. Иной раз приходится пополнять ряды из дегенератов, которые не то, что писать, говорить толком не умеют. А мир, между тем, изменяется. Мы уже не можем позволить себе роскошь вариться в собственном соку, когда противник всюду налаживает контакты с внешними поставщиками. Тяжёлое вооружение, боеприпасы к нему, техника, средства связи, и многое-многое другое — всё это достаётся с огромным трудом и по завышенной цене. А из-за чего так?

— Не знаю, — честно признался Стас.

— Да из-за того, что кадры безграмотные. Никто не умеет как следует вести переговоры. Сплошные идиоты вокруг.

— Это извечная проблема.

— Верно, — усмехнулся Бульдозерист. — Но она становится всё острее. А этот город не прощает слабости. И принадлежать он будет тем, кто лучше адаптируется к новым реалиям. А реалии суровы. Ты видел, что за груз везли центровым?

— Да.

— Ещё совсем недавно, буквально пару лет назад, о таком и подумать никто не мог. Война между районами велась всегда. Она — часть нашей жизни. Передел сфер влияния — естественный и необратимый процесс, запущенный первыми поселенцами сей благодатной земли ещё до моего рождения. Но это была честная война. Лицом к лицу. Стенка на стенку. Теперь всё изменилось. Банды больше не сходятся в открытом бою. Налёты, засады, подкупы... Честь забыта. Не далее как вчера один из наших патрулей был расстрелян. Без объявления войны, просто так. Под тело одного из бойцов, охранявших порядок, заложили гранату. Прежние законы, писанные нашими дедами, утратили силу. Кому, скажи, кому раньше могла придти в голову мысль прибегнуть в споре к миномётам, как к решающему аргументу? Нет, это больше не война за сферу влияния, это — война на уничтожение. И мы не можем отдать инициативу.

— А какова здесь моя роль? — поинтересовался Стас, когда Бульдозерист сделал паузу в своём «возвышенном» монологе. — Вы ведь не развлечения ради со мной заговорили.

— Ты прав, — землистого цвета кожа пошла морщинами вокруг растянувшихся губ, — развлекаюсь я иначе. Твою роль позже обсудим. А пока, для разминки, поможешь мне в дельце одном.

— Могу я узнать, что за дельце?

— Конечно. Мы сейчас направляемся в торговые ряды. Там живёт и трудится в поте лица один из наших поставщиков — Шура Кошель.

— Шура? Он не местный?

— Лац, откуда-то из-под Саранска. Давно здесь обжился, лет пятнадцать уже. Нашёл, так сказать, свою нишу. Снабжает базу аккумуляторами, электрогенераторами, запчастями и ещё разной, далеко не бесполезной мелочёвкой. Считает себя очень важным, я бы даже сказал — неприкасаемым. Весь последний год он в этом мнении постоянно укреплялся, благодаря крупным заказам с нашей стороны. И укрепился настолько, что счёл возможным насрать с горкой поверх старых договорённостей. Сейчас эта зарвавшаяся падаля открыто ведёт дела с центровыми, будучи полностью уверен в своей безнаказанности. Нужно поговорить с ним, и убедить в недалёковидности такого решения. Переговоры будешь вести ты.

— М-м... Я польщён, — Стас задумчиво поджал нижнюю губу и кивнул, выражая признательность за оказанную честь. — Но боюсь, что пользы от меня будет мало.

— Почему?

— Мне не известны условия договора, я ничего не знаю о ценах и объёмах сделок. Как я буду вести торг, не имея представления о средствах, которыми можно оперировать, хотя бы приблизительно?

— Это не проблема и не секрет. Наше предложение такое — партия из восьми бензиновых электрогенераторов по десять киловатт. Красная цена — двадцать пять процентов сверх прошлогодней. Условие — никаких больше сделок с центровыми. Понятно?

— В целом — да. Но хотелось бы ещё узнать, о какой сумме речь идёт, велики ли заказы от центровых, и, в идеале, какой процент поставщик оставляет себе, — Стас улыбнулся, глядя на хмурящегося коменданта и пожал плечами. — Просто чтобы понимать цену вопроса с его точки зрения.

— Хм, — Бульдозерист положил руку Стасу на плечо, и тот ощутил, насколько она тяжела. — Знание о мотивации оппонента — половина дела в торге. Один генератор год назад стоил нам сорок восемь золотых.

Стас невольно присвистнул.

— Из них, — продолжил Бульдозерист, — насколько я знаю, примерно треть оседает в кармане этого рвача. А что до поставок центровым — они вряд ли составят хотя бы половину от цены восьми генераторов. Ещё вопросы?

— У него есть семья?

— Будь у него семья, проблема давно была бы улажена. Кстати, мы уже пришли. К разговору готов?

— Желание клиента — закон, — развёл Стас руками.

— Вот это правильно.

Группа миновала совершенно безлюдную, если не считать самих обходчиков, улицу и подошла к дому на пересечении с торговыми рядами. От окружающих зданий это отличалось разве что более внушительными габаритами, в остальном полностью соответствуя здешнему архитектурному стилю — глухие стены, низкая дверь, два крохотных оконца на втором этаже.

— Открывай! — гаркнул Берег и трижды стукнул кулаком в темные шершавые доски.

— Зачем так грубо? — посетовал Бульдозерист.

— Виноват.

— Кто там? — донеслось изнутри. — Хозяин не велел беспокоить.

— О как. Видал? — обратился комендант к Стасу, после чего снова переключил внимание на дверь. — Передай хозяину, что это его самый лучший клиент.

После нескольких секунд тишины замок лязгнул, и в отворившемся дверном проёме появился небольшого роста полноватый человек лет сорока, аккуратно постриженный, с круглым гладко выбритым лицом и пронизательным взглядом поверх очков в роговой оправе.

— Приветствую-приветствую! — раскланялся он и сделал шаг в сторону, жестом приглашая войти. — Вы уж простите дурака, — указал Шура на виновато притулившегося рядом детину с одутловатой рожей и выпирающим округлым лбом. — Я ему сам мозги вправлю, чтоб знал в следующий раз с кем как разговаривать.

Бульдозерист, Стас и часть охраны молча проследовали внутрь. Четверо бойцов и поводыри со своими питомцами остались снаружи.

— Прошу вас, располагайтесь.

— Симпатично у тебя здесь, — обвёл комендант взглядом чистое, уютное жилище.

Сразу за «предбанником» находилась просторная комната, богато украшенная несколькими электрическими светильниками в плафонах, так что даже при отсутствии окон недостатка в освещении не наблюдалось. На ровном и, судя по всему, недавно крашеном полу приятного бежевого цвета, стояла добротная мебель. Большой круглый стол в центре, был накрыт скатертью. Тарелки с недоеденным ужином испускали в воздух пробуждающие аппетит ароматы.

Стас глубоко вздохнул, млея от давно забытого ощущения домашнего уюта. Впечатление было таким, будто, шагнув с грязной улицы через порог этого внешне ничем не примечательного дома, он разом перенёсся за две с лишним сотни километров, в родной Владимир, Владимир своего детства, где ещё жив был отец, и роскошная электрифицированная квартира в центре города воспринималась, как само собой разумеющийся атрибут той счастливой, беззаботной жизни.

— Таська! — крикнул Кошель, развеивая тёплые воспоминания. — Убери со стола живо!

Из соседней комнаты, спотыкаясь, выскочила растрёпанная бабёнка в замаранном переднике и принялась хлопотать вокруг стола, собирая посуду и сметая крошки.

— Горло промочить не желаете? — Шура вынул из серванта графин с прозрачной жидкостью и продемонстрировал гостям.

— Нет, — ответил Бульдозерист, усаживаясь за стол. — Мы по делу.

Стас последовал его примеру и уселся рядом.

— Чем обязан? — поинтересовался хозяин.

Вёл он себя вежливо, но без заискивания, с достоинством. Руки не дрожали, язык не заплетался. И это несмотря на присутствие в его доме восьми вооружённых чужаков, во главе с головорезом известным на всю округу звериной жестокостью.

«Матёрый человечище, — подумал Стас, разглядывая спокойное сосредоточенное лицо Кошеля. — Такой и душу у чёрта выторгует».

— Да ты не стой, — посоветовал Бульдозерист, — присаживайся. Разговор у нас, наверное, долгий будет.

— Я весь — внимание, — торговец сел напротив и, сцепив пальцы в замок, оперся на них подбородком.

Стас выдержал паузу, ожидая, что Бульдозерист сам начнёт переговоры, но комендант молчал, и он решился взять слово.

— Простите, а как вас по отчеству?

— Э-э... Юрьевич, — ответил Кошель после небольшого раздумья, будто и сам забыл уже, когда в последний раз слышал такое обращение.

— Очень приятно, Александр Юрьевич, — Стас приподнялся и протянул руку. — Вдовец.

— Мой поверенный, — уточнил Бульдозерист.

— Взаимно, — кивнул торговец, слегка растерявшись, и ответил рукопожатием.

— У нас к вам будет деловое предложение, — решил Стас воспользоваться

завоёванной инициативой и сразу рвануть с места в карьер. — Ни для кого не секрет, что в настоящее время вы активно сотрудничаете с центровыми.

— Это моя работа, — Кошель улыбнулся и пожал плечами. — Я много с кем сотрудничаю, иначе в трубу можно вылететь. Там заказ, тут заказ — объёмы обычно небольшие, приходится выживать за счёт расширения клиентуры. Но в конфликтные темы я не лезу, если вы об этом. Мой нейтралитет неизменен.

— Да, разумеется. Мы уважаем ваши интересы, но при этом должны заботиться и о своих собственных. И, я уверен, компромисс здесь можно найти. Как вы отнесётесь к предложению о закупке пяти бензиновых электрогенераторов мощностью по десять киловатт?

— Сразу пять, в один заход? — уточнил Кошель.

Бульдозерист вопросительно покосился на Стаса, но промолчал.

— Конечно в один. К чему вам лишние траты на доставку?

— Что ж, — торговец снял очки и сунул в рот дужку, — это крупная сделка. Речь идёт о двухстах сорока золотых. Пожалуй, я могу даже предоставить вам скидку, учитывая обстоятельства.

— Не нужно, — покачал головой Стас.

— Нет? Хм. Чего же вы тогда хотите? Чтобы я прекратил дела с центровыми?

— Верно.

— Это невозможно.

— Почему?

— Ваш заказ не покроет моих потерь.

— И насколько они велики?

— Простите, — улыбнулся Кошель, — я не могу распространяться о предмете сделок между мной и другими клиентами. Коммерческая тайна — один из постулатов успешной торговли.

— Может быть, заказ на шесть генераторов способен покрыть ваши издержки?

— Сожалею, но...

— Семь. Подумайте. Семь генераторов. Триста тридцать шесть золотых. Всего один рейс. Минимум риска. Максимум прибыли. Вряд ли центровые смогут предложить вам сделку хотя бы в половину от обсуждаемой. К тому же, генератор — не какая-нибудь мелочёвка. Это серьёзный сложный агрегат с расходными материалами, с неизбежно выходящими из строя составными частями. Это гарантированные заказы на несколько лет вперёд.

— Ну, триста тридцать шесть... — Кошель ухмыльнулся и причмокнул, словно пробуя на вкус озвученную сумму. — Даже не знаю.

— А что вас смущает?

— Понимаете, не всё так просто. Предложение ваше, конечно, заманчивое. Но как быть с центровыми? Я ведь здесь не проездом. А они не те соседи, которых злить стоит. Сейчас я им нужен. А если прекращу дела, тогда как?

— Уверен, вы обязательно что-нибудь придумаете, — улыбнулся Стас своей самой доброй улыбкой. — А чтобы лучше думалось, мы добавим к заказу ещё один генератор. Но это всё.

— По рукам!

Кошель поднялся со стула и скрепил договор рукопожатием с «поверенным», после чего обратил сей дружественный жест на скромно промолчавшего весь разговор коменданта.

Бульдозерист, довольный, судя по виду, результатами переговоров, встал и протянул руку... с револьвером.

Выстрел прогремел прямо в улыбающееся лицо Шуры Кошеля, раскрасив стену позади в красно-серой палитре. Тело дёрнулось и, как стояло, рухнуло на пол. Остатки содержимого головы, меньше минуты назад занимавшиеся подсчётами барыша, от удара вывалились наружу и теперь медленно разбредались, подгоняемые алым течением. Улыбка не успела

сойти.

— Ты хорошо держался, — похвалил комендант Стаса, вынимая стреляную гильзу из барабана. — Я доволен. А этому пупу земли, — кивнул он на труп, — замена давно уже найдена. Завтра поедешь в Алатырь.

— Куда? — спросил Стас, не до конца отошедший от лёгкой контузии, из-за грохота «карманной гаубицы» возле самого уха.

— В Алатырь, — повторил комендант. — У нас там кой-какое дело наклёвывается. Будешь вести переговоры. Всё, что нужно, тебе по дороге объяснят.

— Какой Алатырь? Я не собирался...

Бульдозерист загнал патрон в освободившуюся камору, вернул барабан на место и посмотрел так, что продолжать пререкания Стас счёл неразумным.

— Хм, улыбается, — поделился наблюдением Берег, изучающий мимику свежего трупа.

— Черви разглядят, — ответил Бульдозерист и направился к выходу.

На улице псы раздирали тело прислужника, тут же заглатывая вырванные вместе с ключьями одежды куски мяса. Процесс этот двигался настолько спешно, что от трупа осталось уже меньше половины. Оторванные и обглоданные ноги валялись в стороне. Одна из тварей, жадно рыкая, запустила морду во вспоротый живот и выдернула оттуда часть внутренностей, добавив к окружающим, и без того тошнотворным запахам густую волну утробного смрада. Второе чудовище, оприходовав руку, приступило к голове. Огромные клыки гадко скрипели по черепу, сдирая скальп.

— Ай, вы мои хорошие, — распростёр Бульдозерист объятия, умиляясь столь «пасторальной» картине.

Поводыри натянули цепи. Псы тут же перестали жрать и, заглотив оставшиеся в пасти куски, преданно уставились на хозяина.

— Отпустите. Пусть доедят.

Бульдозерист ещё некоторое время полюбовался своими питомцами, после чего удостоил вниманием Стаса.

— Берег, — позвал он, — верни оружие.

Автомат, дробовик, ПБ и нож заняли свои законные места.

— Можешь возвращаться на базу, Вдовец. Здесь твоя работа выполнена. Не забудь к отъезду подготовиться. И помни — я ценю компетентных людей. Дорого ценю.

На этом, не дожидаясь ответа, комендант развернулся и, мгновенно окружённый телохранителями, продолжил обход.

— Да уж, — прошептал Стас, оставшись наедине с обглоданным мертвецом, и задумался: «Алатырь... Нам не надо в Алатырь. Нам в штаб надо, за пулемётом, будь он неладен, и как можно скорее. Что же, блядь, за напасть такая? Когда уже планы начнут работать. И Кол, как назло... Минуточку, — он огляделся, будто проверяя только что пришедшую в голову мысль. — Так ведь я же за стеной».

Стас тут же развернулся на сто восемьдесят градусов и решительно направился по знакомому уже маршруту.

Лачуга Коллекционера оказалась заперта. Настойчивый стук в дверь результата не дал, за исключением того, что редкие прохожие начали всё пристальнее разглядывать шумного незнакомца.

Оставив, наконец, бесплодные попытки, Стас наградил охотника несколькими нелицеприятными эпитетами и отправился ко второму из двух граждан Арзамаса знакомых ему вне базы.

— Жопа, — крикнул он, давя на кнопку коммуникатора, — ты там?

— Не нужно так орать, — ответил динамик. — Здесь сложная, чувствительная аппаратура. Чего надо?

— Извини. Это Вдовец. Я Кола ищу. Он не объявлялся?

— А, здорова, Вдовец-молодец! Нет, Кола со вчерашнего дня не видел.

— Ну, тогда у меня к тебе дело будет.

— Ты один?

— Да.

— Заходи.

Треск динамика сменился жужжанием сервоприводов бронированной двери.

— Давай, рассказывай, что привело тебя в мою скромную обитель, — Жопа, явно в хорошем настроении, выплыл из-за витрины, но решётку открывать, как в прошлый раз, не стал, предпочтя вести разговор через прутья. — На базу пробраться не удалось?

— Удалось. Это-то как раз не сложно.

— Хе! Неужто Бульдозерист такие вольные порядки завёл, что наёмников теперь за периметр гулять выпускают?

— Нет. У Бульдозериста обход сейчас, а я вместе с ним был. Контакты, так сказать, деловые налаживали.

— Да ладно! — удивился Жопа. — Быстро делаешь карьеру.

— Не до карьеры сейчас. Бульдозерист меня отправляет куда-то к чёрту на рога, вести какие-то переговоры. Завтра.

— Ишь ты! А на счёт чего переговоры будут?

— Я не знаю. Да и не в том суть. Слушай, у меня очень мало времени остаётся. Меньше суток фактически. Действовать нужно срочно. И план имеется, но кое-чего не хватает.

— Выкладывай.

— Значит так, — Стас глубоко вздохнул, переступая через себя, чтобы доверится в столь щекотливом деле практически незнакомому, да ещё и весьма мутному типу, — в наличии у нас склад, затаренный миномётными фугасами, и канистра с бензином. Мой план состоит в том, чтобы совместить эти две замечательные вещи.

— Мне нравится, — усмехнулся Жопа.

— Да, мне тоже. Вот только я не уверен, что смогу от подожжённого склада до штаба добраться. Охрану-то никто не отменял. А полыхающая крыша — хорошая причина для стрельбы по «случайным» прохожим. Вот я и подумал — может, у тебя какие приспособления имеются, чтобы взрыв отсрочить.

— Хе-хе, друг мой! — расплылся Жопа в улыбке. — Ты зашёл по нужному адресу. Сейчас.

Он проковылял к витрине, выдвинул один из ящичков, порылся и, вернувшись, продемонстрировал неуклюжую конструкцию из проводов и наручных часов, прикреплённых к небольшой прямоугольной штуковине.

— Это что такое? — осведомился Стас, недоверчиво разглядывая представленное чудо инженерной мысли.

— Как «что»? Оно самое, часовой механизм. Смотри. Вот тут, — указал Жопа на оловянную коробочку с впаянными в неё концами проводов, — химический взрыватель. Осторожнее с ним. Суёшь это дело в бензин, здесь беленькой стрелкой выставляешь нужное время, но не слишком долго, а то батарейки, чего доброго, сядут, и нажимаешь эту кнопку. А потом — бабах! С таким агрегатом не только до штаба, из города сдригнуть успеешь. Батарейки свежие, на полчаса точно хватит. Всего один золотой прошу.

Мускулы, поддерживающие нижнюю челюсть Стаса, самопроизвольно расслабились.

— Золотой?!

— Это дёшево. Тут одни катлы чего стоят.

— Бля! Да я, можно сказать, на твою мельницу воду лью, а ты с меня же три шкуры дерёшь за хуету какую-то. Совесть поимей.

— Совесть я имею регулярно, за это можешь не переживать. Но доля истины в твоих словах есть. Поэтому, чувствуя сопричастность, совершенно бесплатно присовокуплю к часовому механизму вот эту хреновину, — Жопа поставил на прилавок круглую жестяную банку.

— Что там? Черви?

— Сам ты червь! Это специальный состав. Он из твоего бензина настоящий напалм сделает. Сыпешь в канистру, взбалтываешь, и боевые качества повышаются в разы!

— Да? Из чего он?

— Точно не знаю. Порошок алюминиевый, щёлочи, ещё какие-то сволочи... Не разбираюсь я в этом. Но порошок работает. Проверено.

— Сбавь цену хоть на треть.

— Не могу, — печально покачал Жопа головой. — Польза моя от дел твоих не очевидна, а жить на что-то нужно. Берёшь или нет?

Стас вытащил из кармана золотой и припечатал его ладонью к прилавку.

— Ладно. Добавь ещё картэчи пять пачек, и набор для чистки под двенадцатый.

— Это можно.

— В бумажку цветную завернуть не забудь.

Глава 10

Назад к базе Стас, во избежание дезориентации, отправился тем же маршрутом. Остановился напротив пустующей лачуги Коллекционера, достал кусок коричневой бумаги, в которую Жопа заботливо упаковал товар, и огрызком карандаша нацарапал: «Жди сегодня ночью по центру правой стены базы. В три часа. Стас». Перечитал написанное и решил дополнить: «Правая стена, относительно южных ворот». После чего сложил записку и сунул в щель под дверь, надеясь, что Красавчик не сожрёт послание.

На КПП досмотр прошёл гладко. Опасения по поводу банки с порошком не оправдались. Чудо-состав Жопы собачьим нюхом был проигнорирован.

— Где тебя черти носят?! — возмутился с порога Кирка.

— Отсутствовал по делам, — спокойно ответил Стас.

— Какие нахер дела задержали тебя на три часа?!

— Бульдозерист завтра отправляет меня в Алатырь. Приказал подготовиться к отъезду.

— Чего? Какой Алатырь?

— Повышение? — усмехнулся Сиплый.

— Вроде того. — Стас прошёл к своей койке, запихал в рюкзак недавно приобретённые для виду патроны и набор чистящих приспособлений. — Умные речи вести нужно будет. С кем-то о чём-то договариваться.

— Блядь! Ну откуда такая несправедливость? — подал голос Хлор и даже приподнялся на кровати от негодования. — Почему меня никуда не зовут? Я тоже пиздеть могу без остановки, если надо.

— И особенно, если не надо, — со знанием дела подтвердил Кумач.

— Это всё — малоебущие детали. Главное — выдающийся ум, заключённый вот в этой самой голове, — потыкал Хлор себе в лоб пальцем, — покоящейся вот на этом дородном теле. Да я любые разговоры-договоры обстряпаю в лучшем виде. Ну, посмотрите, — он встал с койки и продемонстрировал свою «дородную» фигуру всем присутствующим, — солидный представительный мужчина, с располагающим лицом и хорошо поставленной речью. Я рождён для этого. Использовать меня, так примитивно, как сейчас — преступная глупость. Нельзя, просто недопустимо разбрасываться настолько ценными кадрами. Вдовец, дружище, — обратился «ценный кадр» к Стасу, трогательно хлопая глазами, — ты уж замолви там за меня словечко перед шефом, помоги достойному человеку развязаться с этой кодлой неудачников.

Довольная представлением публика разразилась одобрительным смехом. Сиплый, Ганс и Баян даже поддержали «артиста» сдержанными аплодисментами.

— Я поставлю шефа в известность о твоих талантах, — пообещал Стас, улыбнувшись, и обратился к Кирке. — Мне ещё одно дело нужно уладить. Не возражаешь, если отлучусь на полчаса?

— Валяй. Только не теряйся. Пока ты на базе, я за тебя отвечаю.

— Буду в срок.

Стас завязал рюкзак и вышел из казармы, по дороге заглянув в уборную и удостоверившись в сохранности канистры.

Время близилось к семи вечера, но народ всё ещё сновал по базе в достаточном количестве для того, чтобы можно было в нём затеряться. Стараясь двигаться в общем темпе и не выглядеть праздно шатающимся ротозеем, что не далеко от шпиона, Стас повернул влево, обогнул большое двухэтажное здание в центре и направился дальше, туда, где остановились трофейные грузовики по прибытии на базу.

На прежнем месте — недалеко от северных ворот — машин уже не было. Одна стояла возле большого ангара у правой стены. Борта остались открытыми, тент снят, в кузове пусто.

Стас огляделся и обнаружил второй грузовик метрах в пятидесяти левее. От машины к расположенному рядом приземистому кирпичному сооружению с покатой крышей, несколько человек таскали ящики. Контролирующий разгрузку тип энергично размахивал руками и поглядывал на часы. Дело, судя по всему, двигалось к завершению.

Подойдя ближе, Стас заглянул внутрь через приоткрытые ворота, отметив для себя, что ящики складываются в дальнем левом углу, и разглядел ещё одного участника мероприятия — бойца с «Сайгой» на плече, молча, но неотрывно следящего за грузчиками.

«А вот и охрана».

Будто поймав нить враждебных рассуждений, часовой повернул голову и посмотрел прямо на недоброжелателя, вынудив того ускорить шаг.

Вернувшись в казарму, Стас первым делом посетил уборную, выдвинув для правдоподобия гипотезу о несвежем мясе, высыпал купленный у Жопы порошок в канистру и как следует взболтал. После ужина и вечерней помывки завалился в койку.

Беспокойный урывочный сон рассеялся к половине второго ночи. Ещё минут пятнадцать Стас лежал, глядя сквозь потолок и по сотому разу прокручивая в голове план действий. После чего встал, взял автомат, накинул шинель и, стараясь не шуметь, отправился в сортир.

Достав из подсумка часовой механизм, он открыл горловину канистры и, как учил Жоп, поместил взрыватель в бензин. Небольшая квадратная батарея, очень кстати оказавшаяся в диагонали чуть меньше диаметра горловины, плотно села в набитое заблаговременно приготовленной ветошью отверстие. Наружу остались торчать только часы. Стас, синхронизировав время своей наручной «Славы» и механизма, перевёл белую стрелку на половину третьего, неловко перекрестился, забыв об атеистических взглядах, и вышел из казармы с канистрой в руке.

Безлунная ночь благоволила недобрым начинаниям. Лучи прожекторов, тянущиеся со сторожевых вышек, лениво перемещались вдоль внешней стороны периметра, совершенно не интересуясь происходящим внутри. Редкие фонари освещали лишь небольшие пяточки под собой. С утра до вечера полный снующего взад-вперёд народа, двор опустел. Оконца казарм тускло светились желтизной притушенных на ночь керосинок.

Стас, тревожно озираясь, свернул влево и направился мимо соседних казарм к складу. Подойдя на полсотни метров, остановился и присел, выжидая. Двухминутное наблюдение никакого движения поблизости не выявило.

«Значит, внутри засел. Это плохо. Изнутри любое шуршание по крыше слышно будет».

Он раздосадовано поморщился, но, памятуя о времени, двинулся вперёд.

Тыльная стена склада имела чуть более двух метров в высоту. Покатая, градусов под тридцать, крыша была залита тем же черным веществом, которым обмазывались деревянные стены домов. В затвердевшем виде оно создавало хоть и гладкую на ощупь, но неровную поверхность с множеством ступенчатых наплывов. Бесшумно протолкнуть металлическую канистру по таким «рёбрам» не представлялось возможным, а оставлять её лежащей с краю было глупо.

После недолгого раздумья, Стас скинул шинель, расстелил на земле, сложил вдвое и, спеленав канистру, таким образом, чтобы пуговицы оказались сверху, завязал рукава. Ещё

раз оглядевшись, он нажал кнопку включения часового механизма, поднял войлочный конверт с горячим приветом внутри, максимально осторожно положил его на крышу и, не спеша, протолкнул стволом автомата вверх.

Когда Стас вернулся в казарму, на часах было десять минут третьего.

Лелея надежду, что никто из коллег не заинтересовался его долгим отсутствием настолько, чтобы заглянуть в сортир, он поставил автомат у изголовья и лёг, подложив под голову руки, взамен приговорённой к кремации шинели. А в мозгу, громко скрипя шестерёнками, отсчитывал секунды адский хронометр.

Через двадцать минут глухой хлопок возвестил о начале второй стадии плана.

— Блядь! Где это?! — вскочил с койки и заорал, будя остальных, Кумач. — В периметре ёбнуло! Опять центровые лезут!

На улице завывала сирена. Зазвучали, быстро множась, неразборчивые крики.

Казарма моментально пришла в движение, и меньше чем через минуту весь отряд в полном боевом облачении высыпал наружу.

— Откуда стреляли?! — гаркнул Кирка в ухо пробежавшему мимо и схваченному за рукав бойцу.

— Пожар! — проорал тот, пытаясь вырваться. — Склад горит!

— Какой склад?!

— Бля! Да отпусти ты! С боеприпасами склад!

Кирка разжал руку и повернул голову туда, куда уже смотрели остальные.

За большим центральным зданием, разгоняя темноту, полыхало красное зарево.

— Твою мать, — произнёс он, глядя на первые вздымающиеся в небо языки пламени. — Там же мины.

Через наполнившийся людьми двор, размахивая автоматами и рвя глотки, перебежками от группы к группе продвигались два активиста.

— А ну тушить все! Что встали?! Блядь! Вперёд! Расстреляю к хуям!

Один из горлопанов подскочил к отряду наёмников, но, заметив несколько поднявшихся в его направлении стволов, предпочёл перенацелить кипучую энергию на группу, скучковавшуюся возле соседней казармы.

— Что делать будем, командир? — спросил Барон, глядя в сторону ворот.

— Сваливать надо, — высказался Поп.

— Пиздавать, однозначно, — поддержал Хлор. — Тут сейчас поле будет вспаханное.

— Согласен, — Кирка перевёл взгляд с зарева на сторожевые вышки. — Но не так быстро.

— Про часовых думаешь? — спросил Туз, поглаживая цевьё СВД. — Ну, так это не проблема.

— Один залп, — начал Молот. — И путь свободен, — закончил Серп.

— Дождёмся фейерверка, — вынес решение командир. — Желаящие остаться на базе есть?

Все промолчали. Стас тоже посчитал за лучшее не искушать судьбу, идя против коллектива.

— Отлично. Сиплый, Хлор, Заза, Баян, Серпимолот, Вдовец — берёте на себя левую вышку. Сиплый за главного. Остальные — со мной направо. Огонь после первого взрыва. Раньше не стрелять. Чем чёрт не шутит? Глядишь, и потушат. Вопросы есть? Тогда на позицию.

Стас вместе с только что сформированной группой по диагонали направился через двор к противоположным казармам.

Деятелей, стоняющих народ на тушение пожара, заметно прибавилось. Они, матерясь и орудуя прикладами, резали пребывающую в смятении толпу на сектора и гнали к центру базы. Подчинялись не все. Часть народу, осведомлённая, видимо, лучше остальных, прорывалась в обратном направлении, яростно расталкивая «огнеборцев» и сея панику.

Продвигаясь сквозь эти разнонаправленные потоки, группа рассеялась. Стас потерял из

виду впереди идущих, оглянулся и едва не получил прикладом в ухо. Оказавшийся рядом загонщик уже направил своё средство убеждения в цель, но пробегающий мимо смутьян не позволил завершить начатое, столкнувшись с ним плечом в плечо.

— Ах ты... Стоять! — загонщик поднялся на ноги и рванул за обидчиком, потеряв всякий интерес к своей прежней жертве.

Стас тоже прибавил ходу и, нырнув в проход между казармами, обнаружил там Сиплого, Зазу и Баяна. Хлор с братьями пулемётчиками так же вскоре подтянулись.

— Бля! Чуть не загребли, — пожаловался запыхавшийся Молот.

— Пришлось в ебальник выписать, — Дополнил Серп.

— Все в сборе? — Сиплый пробежался взглядом по собравшимся. — Вроде все. Давайте к забору, чтобы не светиться. Значит так, быстро смотрим на вышку, потом на меня.

Стас вместе с остальными выполнил приказ, кинув беглый взгляд на сторожевую фортификацию, стоящую меньше чем в сорока метрах, и отметил для себя, что вышка снабжена бронированными бортами только с внешних сторон, а внутренние имеют лишь перила.

— Два пулемётчика в полный рост и без укрытий, — резюмировал Сиплый. — Серп с Молотом и я берём левого. Остальные... Ну, понятно. Их единственный шанс — лечь на пузо, или прижаться к дальнему борту. Здесь они нас не достанут, а вот снаружи прикурить дадут вволю. Поэтому оставлять их за спиной никак нельзя. Вдовец, у тебя вроде гранаты были?

— При мне, — кивнул Стас.

— Хорошо. Если первым залпом снять не получится, закинешь туда гостинец.

— Понял.

Зарево над складом тем временем ощутимо разрослось.

— Шикарно горит, — оценил Хлор. — Кто же это, интересно, Бульдозеристу свинью такую подложил? Ни в жизнь не поверю, что с миномёта точно в склад первым же выстрелом. Не иначе — свои поднасрали.

— Скоро тут много кто под гусеницы уложат кверху...

Окончания фразы Баяна, Стас не расслышал. Оглушительный хлопок сотряс барабанные перепонки. На месте мерцающего искрами зарева возник яркий огненный шар. Высоко над головами что-то просвистело.

— Огонь! — скомандовал Сиплый.

Семь стволов почти одновременно выдали в ночную мглу белые снопы раскалённых пороховых газов. Правее, словно эхо, прогрехотал залп группы Кирики.

Один из двух силуэтов на вышке согнулся и повис, цепляясь за пулемёт. Второй, быстро сориентировавшись, присел и пропал из виду.

— Зараза! — Сиплый опустил автомат, тщетно пытаясь разглядеть недобитка. — Не достать. Вдовец, твой выход. Остальные к воротам. Быстро!

Позади один за другим прогремели два взрыва, переходящие в надрывный свист. Метрах в ста за периметром небо осветилось короткой яркой вспышкой. Ещё одна мина ухнула с противоположной стороны в районе казарм.

Группа, прижавшись к стене, прошла до угла и свернула направо.

— Я догоню, — крикнул Стас, вынимая РГО из подсумка.

— Ждём на КПП, — ответил Сиплый и поспешил за остальными.

Стас выдернул чеку и отпустил рычаг, позволив ему под действием пружины развернуться и отлететь в сторону, высвобождая ударник. Рука опустилась вниз и резко поднялась, пуская гранату по крутой дуге. Громкий хлопок в семи с лишним метрах над головой возвестил об удачном приземлении РГО на металлический пол смотровой вышки. Сверху, чуть не врезав по голове, упал искореженный АК-74 и тлеющие на лету клочья раздробленного осколками бушлата.

Со стороны КПП протрещали несколько коротких очередей.

— Вдовец! — окликнул Сиплый.

— Нет, мужики, у меня ещё дела, — ответил Стас чуть слышно и повернул к штабу.

Паника, минуту назад только набиравшая обороты, охватила всю базу. О тушении склада уже и речи не шло. Народ метался в поисках укрытия, голося на все лады, и распахивая друг друга.

Очередная мина, со свистом вылетевшая из бушующего пожара, угодила в верхний этаж центрального здания, превратив кусок стены в облако кирпичных осколков.

Жар, охвативший десятки ящиков с фугасами достиг, судя по всему, максимума. Мины рвались одна за другой, грохотом и яркими вспышками сопровождая разброс соседних боеприпасов во все стороны. Клубы густого, алого в свете пламени дыма затянули ночное небо над базой Потерянных. Режущий ухо свист звучал не смолкая.

Стас вышел из-за угла ближней к штабу казармы и столкнулся с несущимся навстречу бойцом. Тот зыркнул полоумными ничего невидящими глазами сквозь неожиданно возникшую на пути помеху, даже не притормозив, впечатался, сбил Стаса с ног, кувыркнулся через него и растянулся на земле. Но тут же вскочил и рванул дальше, отмечая путь кровью, льющейся из пустого порванного рукава.

Поднявшись и оправив снаряжение, Стас ещё раз осторожно выглянул за угол, держа руки на висающем поперёк груди дробовике. Вторая попытка оказалась успешнее. Путь к штабу был свободен, если не считать одного трупа с застрявшим в голове осколком, и ещё одного полутрупа, бесцельно ползающего кругами на карачках, ухватившись за вспоротый живот.

На максимально доступной скорости Стас рванул к крыльцу. Взлетев по ступеням, он очутился в задымлённом холле и тут же шмыгнул за ближайшую распахнутую дверь, услышав шаги на лестнице.

— Не волнуйтесь, господин комендант, — узнал он голос Берега. — Мы всё перенесём в бункер. Спускайтесь скорее, здесь небезопасно.

— Когда я найду эту паскуду, — рычал Бульдозерист, задыхаясь от ярости, — когда я его достану...

— Разумеется, господин комендант, разумеется.

Тяжёлые, печатные шаги в сопровождении ещё двух или трёх пар ног спустились со второго этажа и проследовали налево. Скрипнули петли. Стальные набойки гулко застучали по бетону.

Стас вынул из кобуры ПБ и выглянул за дверь — никого. Он осторожно проскользнул в коридор и направился к лестнице.

— Блядь! Держи! — раздалось сверху.

Что-то тяжёлое упало. Послышался металлический лязг, сопровождаемый матерной тирадой:

— Мудак безрукий! В рот тебя ебать! Хватай скорее!

Стас, решив не тратить время на бессмысленную уже конспирацию, взбежал вверх по лестнице и встретился с двумя бойцами из личной охраны коменданта, поднимающими с пола здоровенный металлический ящик.

— А ты что здесь..? — удивился один из них, но так и не закончил вопроса.

ПБ дважды хлопнул, и тяжёлая ноша выпала из мёртвых рук.

— Какова хера? — из комнаты справа на секунду выглянул привлечённый шумом охранник, но, увидев продырявленную голову сослуживца, тут же исчез.

Стас убрал пистолет и достал из подсумка оставшуюся РГО. Не давая противнику опомниться, он выдернул чеку и швырнул гранату в незакрытый дверной проём. Та залетела внутрь и врезалась в стену ещё до того, как ударный взрыватель успел активироваться.

«Раз».

Освободившиеся руки легли на дробовик. РГО упала и покатилась, ожидая самоликвидации.

«Два».

— Граната!

— Где?!

«Три».

— Все на пол!

За стеной приглушённо ухнуло. Из дверного проёма повалил дым.

Стас влетел в комнату, обводя царящий там беспорядок стволом ружья. Под клубящейся серой дымкой что-то пошевелилось. «Бенелли» с грохотом изрыгнул сноп искр, и спарка тяжёлых пуль связанных стальной проволокой припечатала тело обратно к полу. Ещё три выстрела довершили работу РГО, оставив в комнате четыре труп.

Стас огляделся, быстро заряжая опустевший магазин.

По виду помещение сильно напоминало рабочий кабинет, хоть и с некоторыми оговорками, как, например, прибитая гвоздями к стене испещрённая шрамами кожа явно не животного происхождения, о чём свидетельствовала и татуировка в районе спины, изображающая обмотанный колючей проволокой череп с подписью «Боль — навсегда. Смерть — на мгновение». Всевозможные колюще-режущие и рубящие орудия самого устрашающего вида, также не вязались с кабинетной обстановкой в её привычном понимании. Впрочем, остальные детали интерьера, сейчас частично вышедшие из строя и посечённые осколками, вполне соответствовали канонам. Недоставало здесь только одного — вожделенного отцом Фомой пулемёта MG-3.

— Твою мать! — выругался Стас, продолжая безрезультатно крутить головой. — «Так, без паники. Серпимолот говорил, что пулемёт висит прямо над креслом. Вот кресло, — он обошёл завалившийся на сломанную ножку стол и отпихнул роскошное вместилище для комендантского зада. — А вот и пулемёт».

MG-3, радуя глаз ладно скроенным телом с фосфатным матово-серым покрытием, мирно лежал на полу, сброшенный со стены взрывом гранаты.

Стас поднял пулемёт, оказавшийся к его удивлению значительно тяжелее ПКМа, и повесил на правое плечо, закинув АК-103 за спину. От странного, напоминающего цветочный горшок короба, закреплённого с левой стороны, вверх к лентоприёмнику, блестя жёлтыми латунными гильзами в чёрной оправе, тянулась нерассыпная лента, и, судя по осязательному весовому дисбалансу, «цветочный горшок» был полон. Стас потянул на себя легко обнаружившуюся массивную рукоятку заряжания. Кнопочный предохранитель, расположившийся прямо над большим пальцем правой руки, тоже не заставил себя долго искать. Короткое нажатие на спусковой крючок подтвердило боеготовность оружия. С грохотом вырвавшаяся из ствола пуля вгрызлась глубоко в кирпичную стену, оставив снаружи облако красной пыли.

— Ну, вот мы и встретились, — поприветствовал Стас своего нового знакомого, ощущая левой ладонью приятный металлический холод, исходящий от кожуха ствола, и вышел из заваленного трупами кабинета.

Едва он успел свернуть к лестнице, как дальняя стена обратилась в пыль, приняв на себя полкило шального тротила. Бурое облако, с рикошетищими не хуже шрапнели осколками кирпичей, моментально заполнило коридор. Стас почувствовал, как что-то ударило в бедро, мгновение спустя — в голову, упал на живот и накрыл затылок руками.

Мёртвая тишина продолжалась секунды три, не больше. Первыми через неё к будто забитым паклей ушам добрались звуки рвущихся мин, похожие на удары палкой по выколачиваемому от пыли матрасу. Скоро они стали резче, острее. К ним присоединился треск горящего дерева, крики вдалеке. Нет, не вдалеке. Крики рядом. Здесь.

— Едрёна вошь! Все целы?

Стас потёр ладонью веки и, промаргавшись, увидел на пальцах перемешанную с кирпичной пылью кровь. Но не это его обеспокоило. В наполненном коридор буром мареве медленно поднимался человеческий силуэт. Голова, плечи, торс, автомат в руках...

— Что там? — спросил знакомый голос.

«Берег! Мать твою!» — промелькнуло у Стаса в контуженой голове, пока руки, словно живущие независимо от мозга, раскладывали закреплённые под кожухом пулемёта сошки.

— Есть кто живой? — крикнул силуэт и закашлялся.

— Давайте-давайте! Чего встали?

К первому силуэту, выросшему уже по пояс, присоединился второй, за ним третий... Луч фонаря прорезал запылённый воздух над головой у Стаса.

— Эй! Что там у вас? — заорал Берег, пытаясь докричаться сквозь канонаду взрывов до мёртвых бойцов.

«Не услышат, — подумал Стас, кладя левую ладонь на выступ приклада. — Ты ближе подойди».

— Оглохли? Лемех! Шуга! Вы где? Да живее-живее! Не толпитесь!

Четыре фигуры, одна за другой, неуверенно шагнули с лестницы в коридор второго этажа и, шаря в бурой пелене стволами, двинулись к кабинету.

«Это не все. Кто-то остался внизу. Ждать? Слишком близко. Слишком...»

Палец на спусковом крючке сделал последнее усилие. Последнее для ещё одной четвёрки из личной гвардии Бульдозериста.

Скрывающая засаду кирпичная пыль вихрем раскатилась от дульного раструба. Стальное сердце пулемёта ожило, застучав в темпе тысячи двухсот ударов в минуту. Истосковавшиеся по огню лёгкие выдохнули белое пламя. И свинцовая песнь полилась из рокочущей груди, разрывая мышцы и внутренности, ломая кости, забирая жизнь.

Полторы секунды. Половина ленты. Три с половиной центнера дымящегося мяса на том месте, где только что стояли четыре человека.

— Всех сюда!!!

Вопль Берега был таким, словно он и в самом деле решил поднять мёртвых.

Почти одновременно с этой недвусмысленной командой о стену ударились что-то тяжёлое.

Не желая дожидаться подтверждения своим догадкам, Стас вскочил на ноги и опрометью ринулся к брешу в конце коридора. Пробегая мимо лестницы, он направил ствол пулемёта вниз и, не глядя, разрядил остаток ленты. Донёсшиеся уже позади крики заглушил взрыв. Удар в спину. Ноги оторвались от пола. Чёрное небо с алыми отсветами. Зарево. Боль.

«Боль — навсегда. Смерть — на мгновение» — пронеслось во мраке. Где-то в стороне очередной протяжный свист завершился взрывом. Сверху посыпались комья земли. Стас поднялся на ноги, огляделся. Темнота, плавающие, вспыхивающие и гаснущие огни вокруг.

«Выбрался. Живой, — он вытянул вперёд руки и осмотрел себя, будто ища доказательства собственного физического существования, затем перетянул ремень на груди, опустив пулемёт стволом вниз, и взял дробовик. — Теперь к воротам, а потом в церковь. Ебёна мать! Жив буду — поставлю свечку».

Бежать под тяжестью трёх стволов и рюкзака оказалось нелегко, но неведомая сила гнала вперёд, наполняя ноющие мышцы пересыщенной адреналином кровью. Цель. Спасение. Это там, за стеной. Оно тянуло, будто огромный магнит канцелярскую кнопку. Стас не чувствовал ног. Они двигались сами. Мельтешили внизу, спасая себя и всё остальное, что сверху. И если бы разгорячённые мускулы вдруг сковал спазм, если бы суставы рассыпались в прах, Цель всё равно продолжила бы тянуть, оставляя под неподвижными рифлёными подошвами берцев борозды чёрной земли. А вокруг бушевала стихия. Стихия тротила, огня и разорванного в клочья железа, собирающая кровавый оброк со своих рабов.

«Ещё немного. Уже рядом. Уже...».

Автоматный треск раздался за спиной. Ноги, моментально сориентировавшись, бросили тело в сторону, между казарм.

— Там! — прокричал кто-то.

— Взять убудка!!

Стас пробежал вперёд, свернул налево и ввалился в третью от ворот казарму, мокрый, покрытый с ног до головы рыжей пылью, и бряцающий слишком большим для одного человека арсеналом.

— Как там? — высунулся из-за дальней койки ошалелого вида индивид, взлохмаченный, с круглыми немигающими глазами.

— Хуёво, — ответил Стас, быстро шагая в конец помещения. — Есть ещё кто?

— Нет. Остальные свалили все. А я б-боюсь.

— Правильно боишься. Лезь под кровать. Сейчас шарахнет.

— Ага. Ой бля, ежи еси на небеси...

Индивид упал вниз, бочком заполз под койку и накрыл голову руками.

Стас, проходя мимо, сделал два выстрела сквозь тонкие доски «бомбоубежища», остановился у тыльной стены, лёг и, сменив дробовик на АК, зацелил вход.

— Ну, суки, идите.

Доносящиеся с улицы крики преследователей зазвучали ближе. Дверь предбанника скрипнула.

Не дожидаясь очной встречи, Стас дал две короткие очередь вслепую.

— Блядь! — раздалось из коридора, одновременно со звуком упавшего тела.

Дверь, разделяющая жилое и хозяйственное помещение казармы, пошла дырами от выпущенных в отместку пуль, но они не достигли цели, уйдя в потолок.

— Я ранен! А-а! Берег! Конь!

Больше криков в коротких паузах между взрывами Стас не услышал, из чего сделал вывод, что просьба о помощи не осталась без ответа, и нажал спуск, опустошая магазин.

Реакция последовала незамедлительно, однако, совсем не с той стороны, откуда ожидалась. Остатки расколотого взрывной волной стекла в среднем оконце разлетелись мелкими брызгами. Нечто чёрное, напоминающее банку тушёнки с длинной ручкой, упало на пол и покатилося к левой стене.

Стас, подскочив с такой резвостью, будто и не было на плечах тридцати килограмм, метнулся к койке единственного постояльца казармы, опрокинул её набок ударом ноги и упал ничком рядом с мёртвым телом.

Взрыв уничтожил три ближайшие кровати, разметав матрасы, подушки и одеяла. Чудом державшиеся в рамках стёкла вылетели наружу.

Стас поднял колоколом гудящую голову и осмотрелся. В задымленном помещении, словно листопад, кружились перья и лоскуты ткани. Телогрейка на исполнившем роль щита трупе, и без того пострадавшая, вздыбилась клочьями. Сквозь прорехи в защитного цвета штанах сочилось кровью не остывшее ещё разорванное мясо.

— Хер вам, — огрызнулся Стас, меняя магазин, поднялся с пола, взял нашпигованный осколками труп за ногу и, перетащив в проход, улёгся перпендикулярно этому импровизированному брустверу. — Давайте, суки. Я готов.

Он погорячился.

— Плуг, убей! — донеслось с улицы.

В следующую секунду истерзанная пулями дверь разлетелась на куски. Чудовище Бульдозериста вломилось в казарму, просто снеся хлипкую деревянную конструкцию громадной тушей. Сорокаметровый отрезок, разделяющий Стаса и исчадье ада в собачьем обличье, сделался, вдруг, чрезвычайно мал.

Пёс нёсся по проходу, не обращая внимания на свинец, рвущий многослойную кожаную броню и высекающий искры из стальных пластин. Его глаза светились, отражая вспышки пламени. Его пасть раскрылась в предвкушении горячей человеческой крови на языке. Ему велели убить. И это была лучшая награда.

— Господи... — Стас уронил опустевший автомат и потянулся к дробовику, но...

Слишком короткий отрезок. Слишком мало времени. Огромные клыки уже близко. Гибельный смрад звериной пасти уже обдаёт лицо.

«Конец?».

Длинная оскаленная морда, готовая рвать и перемалывать, неожиданно дёрнулась вправо, так резко, что сорвавшиеся нити слюны на мгновение зависли в воздухе. Когти заскрипели о бетон. Зверь поскользнулся на кровавой луже, перелетел через мёртвое тело и

упал.

Стас, уже собравшийся познать тайну бытия, отскочил в сторону и, пальнул, не целясь.

Пулевой магнум двенадцатого калибра оказался более серьёзным аргументом, чем «семёрка». Пятьдесят граммов свинца угодили в закрывающую рёбра пластину, отбросив уже поднявшегося на ноги пса к стене. Но этот успех дал лишь краткую передышку. Не издав ни звука, чудовище сгруппировалось, и через секунду готово было к новой атаке.

— Да чтоб тебя!

Стас прицелился ниже и снова выстрелил.

Рванувший вперёд зверь будто споткнулся. Укрытые мощной бронёй голова и шея моментально припали к земле, чуть завалившись набок. Тёмная кровь захлестала из обрубка отсечённой передней лапы.

— Нравится, тварь?!

Пёс попытался встать, но не удержался и взвыл, ткнувшись в шершавый бетон оголённой плотью. Однако и это его не остановило. Злобно рыкнув, чудовище с удвоенной энергией заработало задними лапами, толкая вперёд лежащее на полу тело.

Следующий выстрел превратил правое колено животного в кашу из костей хрящей и мяса. Пули не успели развернуть проволочное «летающее лезвие» и дулетом пробili незащищённую конечность. Задняя лапа противоестественно сложилась, удерживаясь лишь на лохмотьях шкуры, пёс упал и завертелся на месте, размазывая по кругу собственную кровь.

Стас, одним глазом наблюдая за дверным проёмом, а другим — следя за недобитым чудовищем, перезарядил дробовик, сменил магазин и, сунув пламегаситель в звериное ухо, выстрелил.

Только с пулей в голове Плуг оставил попытки выполнить данную ему команду, дёрнулся в последний раз и затих.

Со стороны входа никаких звуков кроме канонады также не доносилось. Это показалось Стасу подозрительным. Объяснений могло быть всего два — либо супостатов разнесло в клочья не пришедшейся ко двору миной, либо идёт подкрепление. Справедливо рассудив, что выжидательная позиция в сложившихся обстоятельствах является не самой продуктивной, он взял ружьё наизготовку и зашагал к выходу.

В предбаннике было пусто, если не считать одного мертвеца в помывочной и ещё одного, подпирающего распахнутую входную дверь.

Стас, подойдя к ступеням, сделал шаг в сторону и посмотрел направо — неподвижные ноги торчали из-за угла, глядя вверх облепленными грязью каблуками. Он осторожно прошёл вперёд, прикрытый слева дверью, резко выскочил и лицом к лицу встретился с Берегом.

Что-то ярко блеснуло под подбородком начальника личной охраны коменданта. Тот издал нечленораздельный хлюпающий звук и опустился на колени. Молниеносно вылетевшая из темноты рука перехватила дробовик, острое как бритв лезвие коснулось шеи Стаса.

— Кол?!

Уже надрезавший кожу клинок замер и отошёл в сторону, янтарные огоньки сверкнули под капюшоном.

— Здорова, добытчик. Бегом за мной.

Глава 11

— Станислав, Станислав, — Коллекционер стоял возле своего оружейного стеллажа и, кривясь, рассматривал водружённый на свободные крюки пулемёт. — Знаешь, я никогда не был большим ценителем человеческой жизни. Я убивал мужчин, женщин и даже детей. Отправлял несчастных в мир иной, защищаясь, ради наживы и ради удовольствия. Грубо и страшно, быстро и красиво. Их было так много, что и десятой доли уже не помню. Но, —

охотник гордо поднял голову и принял торжественный вид, — никогда я не убивал без души. Десятками. Как мясник. Это отвратительно.

— Хорош ёрничать, — Стас обрезал нить, вытер испарину со лба и, взяв наполненную спиртом кружку, опорожнил её тремя жадными глотками.

— А знаешь, какое обстоятельство меня больше всего угнетает в этой кошмарной истории? — продолжил охотник. — То, что все эти великомученики были убиты тобою абсолютно бесплатно. Просто сердце кровью обливается. Если б я знал о твоих мясницких наклонностях, то непременно договорился бы с центровыми. Такая свинская бойня ради такой жалкой железки, — постучал Коллекционер ногтем по кожуху MG3. — Обидно. Бульдозерист, если жив ещё, на эту пропажу даже внимания не обратит теперь.

— Требуй с Фомы премиальных, — посоветовал Стас и плеснул в опустевшую тару из стоящей рядом бутылки, после чего вылил содержимое на только что зашитое бедро. — М-м-м-м... Блядь!!!

Жестяная кружка заскрипела под сомкнувшимися пальцами.

— С него требуешь, пожалуй, — хмыкнул Коллекционер. — Кстати, пулемёт не мешало бы почистить, а то совсем вид непрезентабельный, — он нагнулся и шумно втянул ноздрями воздух. — Ты из него стрелял?

— Да.

— Не сломал, я надеюсь?

— Отвяжись, — Стас прислонился к стене и запрокинул голову, тяжело дыша.

— Ну вот и поговорили, — делано обиделся Коллекционер. — Что, даже не поинтересуешься, как мои успехи?

— Как твои успехи? — спросил Стас, не меняя положения.

— Отлично! Пока ты бока отлёживал и жрал казённую баланду, я имел очень долгий и весьма нелицеприятный разговор с Хромым. Пришлось сильно постараться, чтобы выторговать нужную информацию.

— Выторговать?

— А ты как думал? Здесь альтруисты давно вымерли.

— Чего он хочет?

— Долю, — пожал Коллекционер плечами.

— Сколько?

— Шестьдесят золотых. Больше не уступит. И так с сотни начал.

Стас усмехнулся и облизал пересохшие губы.

— Он знает, что конкретно, мы хотим предложить?

— Ты меня за идиота держишь? Разумеется, не знает. И про тебя я ему тоже не говорил.

— Хорошо. Соглашайся.

— Уже согласился. На восемь утра встреча назначена.

— А как же пулемёт?

— У нас ещё четыре дня.

— Это просто... — Стас качнулся и повалился на кровать, — замечательно.

Тёплые солнечные лучи наполнили комнату, освобождённые из плена оконных штор. С кухни потянуло пирогами.

— Поднимайся, соня, — прошептал на ухо мягкий, бархатный голос.

— Уже?

— Я на стол собрала. Всё горячее.

Бездонные серо-голубые глаза светились радостью. В каштановых локонах заблудилось солнце.

Стас протянул руку и коснулся золотистой кожи.

— Катя.

Нежные желанные губы печально улыбнулись, изящная ладонь погладила его колючую

щёку. Искорка радости в глазах потухла, сменившись влажным блеском.

— Ты устал.

— Да, Катюша. Я очень устал.

— Потерпи немного. Осталось совсем чуть-чуть. Ты сможешь. Ты должен. Вставай.

— Вставай, говорю! — звонкая оплеуха обожгла щеку.

Стас открыл глаза и часто заморгал.

— Что? Какого?

— Здоров же ты дрыхнуть, — Коллекционер отступил, заметив, как рука разбуженного метнулась к кобуре. — Успокойся и одевайся. Больше спирта не получишь.

— Сколько времени? — Стас сел и уставился на плывущие перед глазами стрелки наручных часов.

— Пять минут восьмого.

— Вот чёрт, — взгляд с запястья упал на бедро, оказавшееся аккуратно перевязанным. — Спасибо за ногу. Что-то не рассчитал я с анестезией. Мы успеваем?

— Если продолжишь сидеть как чурбан, то нет, — охотник достал из выдвижного ящика чёрные штаны и бросил на кровать. — Надень эти. Твои в крови все.

— Благодарю, — Стас, шатаясь, поднялся и приступил к сборам. — Где условились?

— В железнодорожном пакгаузе. Минут сорок отсюда, — ответил Коллекционер.

— Кто будет?

— Откуда ж я знаю?

— Не понял, — Стас нахмурился с выражением смутного беспокойства. — То есть ты даже не знаешь, кто придёт на встречу?

— А чего ты хотел? — развёл руками охотник. — Чтобы нас у парадного входа салютом встречали? Я сказал Хромому, что для Легиона имеется аж пиздец какая ценная информация. Он допытывался, вроде — «давай конкретнее». Я отбрехался, что сам не знаю, но дело верное, сомнений нет. Какие уж он увещевания адресату передал, чтобы тот на встречу явился — хер знает. Но первых лиц там точно не ожидается.

— Нам никто кроме первых лиц не нужен.

— Хватит ныть. На месте разберёмся. Скажи лучше, что мы просить будем за сокровище наше бесценное.

Стас застегнул разгрузку и усмехнулся.

— А чего ты хочешь? Денег много?

— Не помешает, — ответил Коллекционер. — Только вот с суммой не могу определиться. Как думаешь, сколько называть?

— Судя по тому, что я уже видел, в Железном Легионе ребята не бедные. Цена от твоей фантазии зависит. Ты на что деньги тратить собираешься?

Охотник задумался и надолго умолк, с озадаченным видом уставившись в пол.

— Ну? — напомнил о себе Стас, так и не дождавшись ответа. — Может, землю купить хочешь, скотину завести? Скотоводство нынче — дело прибыльное.

Коллекционер молча помотал головой.

— Или — не знаю даже — заводик какой-нибудь организовать? Тоже нет? А торговлей заняться? Откроешь магазин, будешь пушки со снарягой толкать, как Жопа.

— Не моё это, — мрачным голосом заключил охотник и опустил на стул. — Любое хозяйство к месту приковывает, а я на месте подолгу сидеть не люблю.

— Сколоти отряд, тогда. Стволов в двадцать. Сможешь крупные заказы брать, и на месте сидеть не придётся.

— Отряд? — переспросил Коллекционер и невесело хмыкнул. — Да я этих уродов сам перережу через неделю, а то и раньше. Не могу в стаде. Бесит. Иначе давно бы уж впрягся куда-нибудь.

— Выходит, — пожал Стас плечами, поправляя трёхточечный ремень, — большие деньги тебе не нужны, раз тратить их некуда. На жратву, патроны, баб, ты и так заработаешь.

— Хотя... Есть, есть кое-что, — просветлел лицом охотник.
— Ну?
— Э нет. Если расскажу, не сбудется.
— Сколько хоть стоит это твоё кое-что?
— Давай-ка посчитаем. М-м... В триста золотых уложусь.
— Итого — триста шестьдесят, — подытожил Стас.
— Чего для себя попросишь? Есть мысли?
— Есть. Да не про твою честь. Я тоже суеверный.
— А и насрать, — хмыкнул Коллекционер.
— Что это? — Стас прислушался. — Кто-то наверху?
Охотник укоризненно покачал головой.
— Поражаюсь степени цинизма, Станислав. Фейерверк твой наверху херачит. Пятый час уже.

Пакгауз — огромный железобетонный ангар, расположенный на удалении от жилых кварталов, рядом с изгибом Тёши, — был пуст. Стас взглянул на часы — без пяти восемь.

— Опаздывают? — поинтересовался Коллекционер.

— Нет. Мы на пять минут раньше.

Циклопическое сооружение, метров девять в высоту и около сотни — в длину, почти не пострадало за минувшие десятилетия. Пробивались кое-где в стыках плит чахлые деревца, лишились створок восемь огромных ворот, дверные проёмы зияли пустотой, появились сколы и небольшие трещины на могучем бетонном теле, но в целом здание выглядело на удивление хорошо сохранившимся. Даже крыша, подпираемая рядами массивных балок, уцелела.

— Почему такое помещение пустует? — спросил Стас, задрав голову.

— Потому что оно «такое», — туманно пояснил охотник, подобрал с земляного пола камень и запустил в стену, отчего пакгауз наполнился гулким эхом.

— В смысле?

— Тут пытались жить. Закутки всякие мастерили. Даже окна закрывали щитами, — указал Коллекционер на частично заколоченные проёмы под самой крышей. — Но без толку. До первых холодов. Опыт эксплуатации показал, что для отопления этой махины нужно все местные лачуги на дрова порубить. С тех пор и пустует.

К далёким отголоскам взрывов, тревожащим покой железобетонного великана, добавился слабый рокот.

— Наши? — спросил Стас, прислушиваясь.

— С востока едут, — ответил Коллекционер.

— А должны откуда?

— Понятия не имею.

Через три минуты в проёме ворот, урча двигателем, показался броневик странной конструкции. Угловатая приземистая машина имела две оси, в отличие от подавляющего большинства своих сородичей, построенных на базе тяжёлых трёхосных грузовиков. Громадные колёса составляли почти половину от высоты необычного автомобиля. Закрывающие их крылья, особенно передние, были вынесены далеко за пределы расширяющегося к корме кузова. Верхняя его часть, продольно скошенная градусов под шестьдесят, имела две овальные бойницы над задней осью, и небольшое квадратное оконце, забранное бронестеклом, в районе водительского места. В нижней части, перед задним крылом, располагался трапецевидный сужающийся книзу люк на массивных петлях. Длинный клиновидный капот, весьма хищной наружности, переходил в сильно наклонённую лобовую броню с двумя отдельными смотровыми окнами. Справа на передке, возле крыла, покачивалась огромная, метра в три, антенна. На крыше, в поворотном, защищённом круговыми бронепластинами гнезде, торчала голова в чёрном шлеме с забралом, наполовину скрытая грозно глядящим вперёд ПКМБ. Несмотря на серьёзную массу, броневик двигался

удивительно резво, делом обосновывая свой стремительный внешний вид.

— Пунктуальные, — заметил Коллекционер.

Машина заехала внутрь пакгауза и остановилась. Пулемётчик крутанулся в своём гнезде, беря двух визитёров на мушку.

— Но невежливые, — ответил Стас.

Люк с правого борта распахнулся. Из броневика, пригибаясь, выпрыгнул человек — высокий, крепкого телосложения, с виду лет тридцати, в новом чистом камуфляже неброской зеленовато-коричневой расцветки, русые коротко стриженные волосы, голубые глаза, гладко выбритое волевое лицо, показавшееся Стасу знакомым, и АКС-74У на плече.

— Кто такие? — бесцеремонно начал человек.

— Мы хотим встретиться с главой Железного Легиона, — решил Стас не мудрствовать. — Для него есть очень ценная информация.

— С главой? — переспросил человек. — А может сразу с Иисусом Христом? Прежде чем встретиться с кем бы то ни было, вы всё изложите мне. Чётко и подробно. После этого я приму решение, стоит ваша информация потраченного времени или нет.

— Что означает звезда у вас на плече? — поинтересовался Стас, кивнув на погон.

Человек нахмурился, сбитый с толку неожиданно изменившейся темой разговора.

— Какое это имеет значение?

— Хочу знать, с кем говорю.

— Майор Вихров, — ответил он после небольшого раздумья.

Стас вопросительно глянул на Коллекционера, но тот лишь пожал плечами.

— Майор — это... Сколько людей у вас в подчинении?

— Да что здесь за балаган?! — возмутился Вихров. — Я не обязан перед вами отчитываться о вверенном личном составе!

— Успокойтесь, успокойтесь, — примирительно поднял руки Стас. — Мне всего лишь нужно убедиться, что вы обладаете достаточными полномочиями. Не хотелось бы попусту болтать с человеком, от которого ничего не зависит.

— У меня достаточно полномочий! — рявкнул майор хорошо поставленным командирским голосом, чем частично убедил оппонента. — Иначе бы меня сюда не послали! Чёрт знает, что себе позволяете!

Коллекционер осторожно приблизился к Стасу и склонился над ухом.

— Не нравится мне этот мудака, — прошептал он. — Нервный какой-то. На бугра не похож.

— Знаю, — шёпотом ответил Стас. — Но придётся уступить, — и уже на полную громкость обратился к майору: — Хорошо, я изложу вкратце наше предложение.

— Премного благодарен, — издевательски козырнул тот. — Я слушаю.

— Нам известно, что за Окой, в зоне интересов Мурوما, ваши люди, и не только люди, активно прибирают к рукам чужое имущество.

— Хм. Это известно многим. Неужели вы собираетесь нас шантажировать?

— Нет. Мы собираемся помочь вам в этом деле.

— И каким же образом? — брови на лице Вихрова чуть приподнялись, изображая вялый интерес.

— Самым непосредственным. Вплоть до возможности захвата Мурوما в кратчайшие сроки, — уверенно ответил Стас.

— Захват Мурوما?! Хех! Шутники. Или, может, у вас танковая дивизия недалеко припрятана?

— Танковой дивизии у нас, к сожалению, нет. Но есть кое-что гораздо менее затратное и ни чуть не уступающее по эффективности.

Майор округлил глаза и уставился на собеседника, молчаливо вопрошая: «Ну, а дальше?».

— Остальные детали мы готовы сообщить только при личной встрече с главой вашей организации, — не оправдал Стас возложенных ожиданий.

— Ну, ладно, — майор принял серьёзный вид. — Надеюсь, вы знаете, что делаете.
— Мы знаем, — кивнул Стас.
— В таком случае попрошу сдать оружие и на борт, — сделал Вихров приглашающий жест в сторону открытого люка.

— Тесновато тут у вас, — посетовал охотник, насилиу протиснувшись мимо кресла стрелка к расположенным в корме скамейкам, на одной из которых лежал бронежилет и потёртый чёрный шлем с забралом, такой же, как на пулемётчике.

Внутри пахло бензином и гарью.

Обезоруженные пассажиры разместились по правому борту, Вихров сел напротив, положив рядом конфискат. Висящий на плече майора АКС-74У со сложенным прикладом, был снят с предохранителя и неотступно следовал стволом за подконвойными.

— Наденьте, — протянул майор обоим по мешку из плотной ткани.

— Отсюда и так нихера не видно, — попытался возразить Коллекционер, но на Вихрова данный аргумент не произвёл впечатления.

— Часы я тоже заберу — констатировал он.

— Осторожнее, пожалуйста, — попросил Стас, отдавая «командирскую» «Славу». — Они мне очень дороги.

Урчащий на холостых оборотах двигатель злобно рыкнул и потащил броневик в неизвестном направлении. А Стас, сидя под непроницаемо тёмным мешком, всё пытался вспомнить, откуда же ему знакомо лицо майора: «Голубые глаза, русые волосы, правильный нос, скулы, подбородок... Может, из учебника по рисованию? Нет. Хотя с такого только бюсты и лепить. Откуда же? Чёрт. Ведь помню, что видел. Но где?». И тут его будто озарило. В темноте, как пара газовых огоньков, вспыхнул синим немигающий взгляд. И лицо. Алое от крови. Губы, шепчущие — «Хозяин узнает. Он пришлет старших братьев. Все выдохнете...». То самое лицо, с политой кровью дороги на Кутузовский. Разве что, немного моложе.

— Хорошие колёса, — неожиданно прервав размышления, подал голос заскучавший Коллекционер. — Из чего собрали?

— Что? — не расслышал из-за шума майор.

— Из чего броневик собрали, спрашиваю.

— Это заводской.

— Не понял.

— Заводской, говорю, броневик. На заводе его собирали.

— Да ладно, — хохотнул Коллекционер. — На каком ещё заводе?

— На Камском Автомобилестроительном.

Охотник ненадолго замолчал, переваривая полученную информацию, но, так и не усвоив, пихнул локтём Стаса.

— Слышь, майор говорит, что на Каме завод автомобильный построили. Как тебе? Жизнь-то на месте не стоит, оказывается. Скоро, наверное, и поезда курсировать начнут.

— Прекратите балаган, — скомандовал Вихров. — Этот КамАЗ построили в две тысячи десятом году, если так уж интересно. Пять лет назад его расконсервировали.

— Нихрена себе, — присвистнул Коллекционер и стукнул по броне костяшками пальцев. — Крепкая машина.

— У нас хорошая ремонтная база, — пояснил майор, не скрывая ноток раздражения.

— Может, и потяжелее чего есть?

— Это закрытая информация.

Тон последнего высказывания ясно дал понять, что разговор окончен.

Ехали долго. Относительно ровная дорога сменилась ухабами, затем снова разгладилась, но лишь на время. Никакие внешние звуки, способные дать хотя бы примерное представление о маршруте, в наполненный гулом двигателя броневик не проникали. Стас пытался вести хронометраж, но на втором десятке отсчитанных минут бросил это дело — из-

за рваного темпа определить расстояние по времени всё равно не представлялось возможным.

Наконец, машина сбросила скорости и медленно пошла накатом.

— Мешки не снимать, если жить хотите, — любезно предупредил майор.

Снаружи, предположительно впереди, послышались гул и скрежет, завершившиеся резким звуком соприкосновения тяжёлых металлических конструкций. Броневи́к вздрогнул и продолжил движение, сильно накренившись вперёд, будто ехал под гору, а звуки громоздкого механизма повторились в той же последовательности, но уже за кормой автомобиля.

— Где мы? — спросил Стас.

— На месте, — ответил майор, как только броневи́к остановился, и лязгнул ручкой люка. — Покинуть транспорт.

Стас с Коллекционером, кое-как ориентируясь на ошупь в изобилующей острыми углами темноте, отыскивали выход. Подошвы звякнули набойками о бетон.

— Эй! Ко мне, — крикнул Вихров.

В ответ на такое самонадеянное обращение послышались быстро приближающиеся звуки двух пар бегущих ног и бряцание металла.

— Этих в карцер.

— Постойте, — запротестовал Стас. — Мы так не договаривались.

— Что за херня? — поддержал Коллекционер.

Но майор не ответил. Зато упёршиеся в спину стволы вполне доходчиво разъяснили текущую диспозицию.

— Вперёд, — скомандовал один из конвоиров и ткнул Стаса промеж лопаток для пущей ясности.

— Мешок снять можно? — спросил охотник, но, судя по звуку удара твёрдым о мягкое, и приглушённому шипению, ответом остался неудовлетворён.

Эхо шагов, какое обычно бывает в просторных помещениях с высокими потолками, скоро затихло. Слегка рифлёная поверхность с чётко ощущаемыми неровностями на стыках плит, сменилась под ногами сплошной и гладкой. Сквозь плотную ткань мешка запульсировал свет, каждые четыре метра разбавляя темноту лёгкими белыми всполохами.

Трижды мимо проходили люди, чётко и уверенно печатая шаг. Но однажды, когда конвоир дал команду принять вправо, в коридоре послышался совсем не характерный топот. Что-то огромное двигалось навстречу неспешной тяжёлой поступью. Шумно дыша, оно поравнялось с арестантами, засопело, будто принюхиваясь, издало низкое протяжное «ммммм», и, фыркнув, пошло дальше.

Стас невольно дёрнул плечами, чувствуя, как вдоль позвоночника пробежал мерзкий холодок. Идущий по левую руку Коллекционер закашлялся, раздразив горло учащённым дыханием.

Чем-то жутким веяло от встреченного существа. Это ощущалось даже вслепую, физически. Чудовищная сила прошла в полуметре, захлестнув случайно оказавшуюся на пути помеху из четырёх человек волной едва-едва обузданной первобытной мощи, от которой, казалось, даже воздух вибрировал, передавая свою дрожь тщедушным людским телам.

— Стоять, — скомандовал конвоир.

— Вихров распорядился определить этих в карцер, — добавил второй.

Молчаливо присутствующий в помещении человек зашевелился, с зубодробительным скрежетом отодвинув стул.

— Ё моё, — заскулил конвоир. — Ты хоть приподнимай что ли.

— А мне и так нравится, — ответил тюремщик. — Это всё из-за нервов. Слабые они у вас. Укреплять нужно. В одну?

— На твоё усмотрение.

— Значит в одну. А надолго?

— Я откуда знаю? У Вихрова спрашивай.

Забренчали перебираемые в связке ключи. Щёлкнул приведённый в движение механизм замка, и тяжёлая дверь со скрипом отворилась.

— Пошёл.

— Давай вперёд.

Уткнувшиеся в спины пламегасители указали арестантам требуемое направление. Дверь закрылась.

— Сними ты уже тряпку, — услышал Стас голос Коллекционера и стащил с головы мешок.

Камера имела размер примерно три на три метра. Гладкие серые стены, ровный чистый пол, две койки со скатанными матрасами, металлический толчок, раковина, вмонтированный заподлицо с потолком круглый светильник, капитальная дверь с закрытой смотровой щелью и окном для подачи пищи.

Охотник раскатал матрас, сел на койку и идиотски хихикнул.

— Что? — поинтересовался Стас причиной веселья.

— Глянь вокруг, — Коллекционер широким жестом обвёл их новое пристанище. — Прямо как в старые добрые времена. Ты, я, и никого больше. Наш второй медовый месяц.

— Да уж, — улыбнулся Стас. — Только обстановка поромантичнее.

— Ну, не знаю. У «Чёрного Заката» тоже был свой шарм. Холодный тёмный камень, паутина. А этот неповторимый купаж сырости, плесени и неделю не менянной параши, — охотник поджал губу и ностальгически вздохнул. — И кухня тамошняя выше всяких похвал. И кровать одна. Куда уж романтичнее? А здесь, — огляделся он, — как-то без души. Серенько, гладенько всё. Глазу не за что зацепиться. Хотя толчок, конечно, богатый. Матрасы толстые, и даже не обоссанные. Нормально.

— Сдаётся мне — это милое гнёздышко под землю зарыто.

— Похоже. И размерчик у него — будь здоров. Колёса въезжают как по бульвару. Не бедствуют ребятишки, сразу видно. Таким не грех и наценочку сделать. Как считаешь?

— Не наглей.

— Да ладно. Это я для поддержания разговора. Мне и трёх сотен за глаза хватит.

Стас накрыл соседнюю койку матрасом и опробовал его на мягкость.

— По пути сюда ничего странного не заметил? — сменил тему Коллекционер.

— В смысле?

— Ну, когда по коридорам нас вели. Никто из встретившихся подозрений не вызвал?

— Я, конечно, твоим обострённым чутьём не похвастаю, — усмехнулся Стас, — но и на глухоту мне пока жаловаться рано.

— Стало быть, расслышал?

— Не только расслышал, кишками прочувствовал.

— Тот самый братишка?

— Либо он, либо дрессированный медведь. Но я сомневаюсь, что сюда цирк с гастроллями заехал.

— Посмотреть бы на это чудо.

— Я видел как-то раз. Мне не понравилось. Сплошные кривляния. Особенно клоуны раздражают, так бы и пристрелил.

— Да не на цирк, ёб твою. На братьев старших.

— А.

— Это ж надо, какая скотина здоровая, — задумчиво покачал головой охотник. — Ты, когда их расписывал, совсем другие ощущения были. Подумаешь, выше двух метров с лишним. Подумаешь, мяса много. А вот рядом, когда он в макушку сопит, и сердце его на расстоянии вытянутой руки ебашит как электронасос... Да, тут очко-то начинает поигрывать.

— Давай без интимных подробностей.

— Ах, простите мне эту глупую мальчишескую впечатлительность — оскалился

Коллекционер. — Совсем запамятовал, что разговариваю с матёрым... — он осёкся, поглядел по сторонам и, сев на край койки, подал Стасу знак придвинуться ближе. — Кстати, ты про Кутузовский рассказывать собираешься?

— Да.

— Обо всём? И личность раскроешь свою популярную?

— Разумеется. Скрывать, смысла нет. Узнают — будет только хуже. А в том, что они узнают, я почти не сомневаюсь. Кроме того, откровенность помогает установлению доверительных отношений.

— Доверительных отношений? — переспросил охотник, усмехнувшись. — А тебе не кажется, что при таком раскладе наши потенциальные клиенты могут тебя порешить, сочтя нецелесообразной прикормку целых двух проводников?

— С какого? — пожал плечами Стас. — Я же им расскажу, что ты ничего не знаешь.

— Э нет, — Коллекционер помахал указательным пальцем перед носом напарника. — Вот этого делать не нужно.

— Боишься, что тебя самого в расход пустят?

Янтарные огоньки злобно сверкнули из-под капюшона.

— Да не переживай, — успокоил Стас, довольный произведённым эффектом. — С чего бы им тебя к стенке ставить? Ты же заказ на мою голову получил? Получил. Отыскал меня? Отыскал. Но вместо того, чтобы тупо выполнить предписание заказчика, проявил смекалку и нашёл способ извлечь из непростой, стремительно меняющейся ситуации максимальную выгоду, как для себя, так и для клиента. Честь тебе и хвала.

Суровое выражение на лице охотника немного смягчилось.

— К тому же, — продолжил Стас, — я не собираюсь уточнять, что триста шестьдесят золотых предназначаются не мне. Это наш общий гонорар, цена за информацию. С твоей смертью она ниже не станет. Мы же напарники, — он улыбнулся и хлопнул Коллекционера по плечу. — Забыл, что ли?

— Напарники, — повторил охотник с полувопросительной интонацией, будто услышал это слово впервые. — Угу. Разумеется.

— И давай сразу условимся — переговоры, во избежание конфузов, веду я.

— А мне что делать, если спросят?

— Прикинься идиотом.

Пара жёлтых огоньков снова резко сузилась.

— Знаешь, Станислав, мне иногда кажется...

Задвижка смотровой щели скрипнула, не дав Коллекционеру развить гневный монолог. В узком проёме появились глаза.

— Мешок на голову и лицом к стене, — распорядился голос за дверью.

— Твою мать, — процедил охотник, поднимая с пола ненавистную тряпку. — А я рассчитывал отведать местных кулинарных изысков.

Оба арестанта выполнили приказ, встав по разные стороны от санузла.

— Руки за спину.

Чья-то пятерня ухватила Стаса за плечо и потянула.

— На выход.

— Аккуратнее, — услышал он голос охотника, сигнализирующий, что в этот раз камеру они покидают не по отдельности.

Очередная вереница коридоров с мерцающими сквозь ткань мешка огнями завершилась скрипом отворяемой двери и звонким щелчком каблуков.

— Задержанные доставлены, Хозяин! — чётко отрапортовал конвоир.

— Благодарю. Вы свободны, — ответил голос, принадлежащий, судя по всему, немолодому человеку, глубокий и спокойный, но в то же время властный, излучающий уверенность и силу.

— Есть!

Каблуки ещё раз щёлкнули, и дверь скрипнула за спиной.

— Можете снять мешки, — сказал голос.

Стас и Коллекционер последовали совету.

— Присаживайтесь, — могучий седовласый человек указал на два свободных кресла.

Его высокую поджарую фигуру плотно облегал отглаженный болотного цвета мундир без знаков различия, поверх белоснежной рубашки с галстуком. Резко очерченное испещрённое морщинами лицо с волевым подбородком и широким обрамлённым почти белыми коротко стриженными волосами лбом, тянуло лет на шестьдесят. Прищуренные серые глаза под густыми бровями смотрели оценивающе.

— Здесь меня все называют — Хозяин, — продолжил человек, взяв со стола, расположенного по центру серой квадратной комнаты, листок бумаги, и сделал несколько шагов, изучая его содержание. — Но, думаю, вам будет не совсем удобно так ко мне обращаться. Поэтому можете называть меня — генерал, — он перевёл взгляд на Кола. — Вы, насколько я понимаю, Коллекционер, охотник за головами, который совсем недавно взял контракт на одну из них, — прицел холодных серых глаз сместился левее. — А вы — Стас, с недавних пор известный под именем Вдовец, который так же числится в том контракте, но в несколько ином амплуа. И каждый из вас разыскивается властями города Муром по обвинению в тяжких преступлениях. Рисунок, — взгляд генерала вернулся к бумаге, — честно говоря, паршивый, а вот сумма хороша, но... Глядя на эту сумму, я задаюсь двумя вопросами. Первый — чем изображённый выше субъект отличился перед Муромом? И второй — почему он сидит здесь, целиком, если сумма контракта на его голову превышает муромское предложение за живого на десять золотых?

Стас, переживший за эти краткие мгновения генеральского монолога целый букет ярких впечатлений, открыл, было, рот, но поднятая рука Хозяина остановила его.

— Чтобы не возникло недопонимания, — продолжил генерал, — прежде, чем вы заговорите, хочу предупредить — к вашей голове прикреплён ценник «даром», и я намерен её приобрести, если не услышу внятных причин не делать этого.

Коллекционер взглянул округлившимися глазами на Стаса, будто спрашивая: «Ну что, наладил доверительные отношения с клиентом?».

— И так, — подытожил Хозяин, — приступайте.

Стас поёрзал в кресле и откашлялся.

— А разведка у вас не зря хлеб ест, — начал он, однако, столь безыскусная лесть не произвела никакого впечатления на собеседника. — Да, я действительно тот, кто изображён на листовке. И скрывать этого не собирался, но вы меня опередили. И мне... нам, — поправился Стас, — действительно есть что предложить, помимо мёртвой головы.

— Жизни тридцати бойцов Легиона стоят дорого, — напомнил Хозяин о былых подвигах.

На языке, грозя сорваться в свободный полёт, заветелась отповедь про вырезанный звероподобными карателями форт «Кутузовский», но Стас задавил этот опасный позыв.

— Разумеется, — кивнул он с видом раскаивающегося грешника. — Но я знаю, как искупить свою вину.

— А так же получить сдачу, — не удержавшись, вставил охотник, и, прочтя немой вопрос на лице Хозяина, добавил: — Искупление очень велико.

— Поясню, — поспешил Стас охладить накаляющуюся обстановку, заметив, как желваки генерала рельефно проступили под гладко выбритой кожей. — Доставившему нас сюда майору Вихрову я уже вкратце изложил суть дела. Уверен, что он вас проинформировал. Так вот, захват Муром — не пустой трёп. Это действительно можно осуществить. Без катастрофических потерь и многомесячных осад. С минимальными затратами.

— Всего триста шестьдесят золотых, — озвучил цену Коллекционер. — Ну, и полная индульгенция, разумеется.

— Я теряю терпение, — всё тем же спокойным голосом оповестил Хозяин.

— У нас есть бомба, — выдал Стас.

Каменное лицо с ледяными глазами не шелохнулось. Ни один мускул не сократился. Ни одна морщина не обострилась.

— БАС — сто Эм — А двести тридцать два, — продолжил «кающийся» грешник, наблюдая за реакцией генерала.

Ближе к завершению озвученного буквенно-цифрового кода, брови на непроницаемом лице едва заметно сдвинулись.

— В отличном состоянии, — решил Стас закрепить успех. — Готовая служить интересам нового хозяина обоих берегов Оки.

— Откуда? — поинтересовался генерал, «фонтанируя» эмоциями, выразившимися в усиленном прищуре.

— Неважно, — ответил Стас, почуяв «натяжение лески», а вместе с этим и уверенность. — Важно другое — готовы ли вы к атаке на Муром.

Хозяин сложил руки за спиной и одарил продавцов бомбы долгим изучающим взглядом.

— Зачем нам атаковать Муром? — спросил он, наконец, продолжая сверлить Стаса глазами.

— Затем же, зачем в настоящий момент вы оккупируете близлежащие к нему поселения, создавая плацдарм и обзаводясь продовольственной базой. Разве не так?

Генерал издал многозначительное «хм» и возобновил процесс молчаливого созерцания.

— Я не знаю, кто вы, — продолжил Стас, — и откуда пришли, но я абсолютно уверен, что ваша организация, обладающая столь серьёзным техническим и, судя по всему, научным потенциалом, остро нуждается в ресурсах, которые здесь, мягко говоря, ограничены. Обладание Муромом, с его заводами, полями и выгодным расположением, даст Легиону импульс, одним махом раздвинет границы роста, позволит выйти на новый уровень, с которого откроются поистине сказочные перспективы. Такова моя теория.

Он замолчал и уставился на Хозяина в ожидании ответа.

— А вы не так глупы, для наёмника, — похвалил генерал, отодвинул кресло и сел напротив, готовый к продолжению диалога. — Это даёт надежду на осмысленность вашего предыдущего заявления. «А» двести тридцать два, говорите?

— Именно.

— Вам известен смысл этого шифра?

Стас развёл в стороны большие пальцы сцепленных ладоней.

— Неужели мы пришли бы сюда предлагать обычный авиационный фугас?

— За свою долгую жизнь я встречал и не таких идиотов. Отвечайте на вопрос.

— Разумеется, мне известен смысл шифра. Он говорит о том, что бомба содержит боевое отравляющее вещество — газ «А» двести тридцать два. Последняя довоенная разработка в этой области. Химическое оружие третьего поколения. Без цвета, без запаха. Отлично распыляется. Игнорирует средства защиты. В результате вдыхания или попадания на кожу даже ничтожно малой доли, парализует центральную нервную систему и, как следствие, приводит к летальному исходу в очень короткий промежуток времени.

Губы Хозяина чуть растянулись в сдержанной улыбке.

— А почему вы решили, что бомба не пуста?

— Ну, во-первых, её вес не даёт причин для подобных предположений. А во-вторых, посмотрите на сумму, которую готовы выложить муромские власти за возможность пообщаться со мной.

— Так эта бомба принадлежит Мурому?

— Принадлежала, — уточнил Стас. — Теперь она принадлежит нам. А может принадлежать вам, если перестанете воспринимать всё это как нелепую шутку.

— Почему вы пришли именно сюда? — спросил Хозяин уже с заметно меньшим налётом иронии в голосе. — Почему не в Ковров, не в Суздаль? Они тоже с удовольствием приобрели бы столь грозное оружие для подавления своих интересов. Кроме того, насколько мне известно, в этих городах не предлагают награду за вашу голову.

— Верно, — кивнул Стас. — Но деньги — это лишь часть сделки.
— Вот как? — правая бровь на генеральском лице медленно приподнялась. — Чего же вы хотите?
— Я хочу, чтобы Муром пал.
В воздухе повисла тишина. Холодный взгляд серых немигающих глаз вонзился в Стаса, и тот почувствовал, как лёгкое онемение растекается по остывающим конечностям. Очертания комнаты потеряли резкость, плывя в сгущающемся тумане. Окружающие звуки смолкли. Так продолжалось несколько секунд. И вдруг, наваждение исчезло.
Хозяин поднялся с кресла, протягивая для рукопожатия раскрытую ладонь.
— Он падёт.

Глава 12

Майор Вихров, нетерпеливо постукивая ногтём по пряжке, стоял возле броневика и наблюдал за сборами двух наёмников, прилаживающих на себя возвращённое имущество.

Огромное квадратное помещение, со сторонами примерно в пятьдесят метров, было заполнено таким количеством разнообразной техники, какого Стасу до сего дня видеть не приходилось: около двух десятков грузовиков, среди которых встречались как почти новые на вид ЗиЛы с КрАЗами оригинальной конструкции, так и самоделки «по мотивам», в разной степени укомплектованности; восемь БТРов, пять — в отличном состоянии, остальные — без башен и частично без резины; четыре знакомых уже «клиновидных» КамАЗа; один лёгкий багги. И это только две трети парка, как минимум. Остальная техника, укрытая брезентом до самого пола, идентификации не поддавалась, но её габариты и нивелированные накидками очертания позволяли предполагать, что внутри стоят не просто бронированные грузовики, а нечто гораздо более серьёзное.

Помимо этого гаража, скорее всего, существовали и другие. Такой вывод Стас сделал из-за наличия широких раздвижных ворот в боковых стенах, которые вполне могли разграничивать несколько однотипных бетонных коробов, возможно даже снабжённых отдельными въездами-выездами, как здешний, уходящий под тридцать градусов вверх туннель.

— На всякий случай ещё раз повторю, — заговорил майор, дождавшись, когда подопечные закончат бряцать железом. — Как мы и условились, транспорт с двумя остановками — в Арзамасе и у базы Святых — доставит вас до Оки, на восемь километров севернее Мурома. Оттуда лодкой вы переправляетесь за реку. Берёте груз и с ним идёте в форт Кутузовский. Расчёт получите на месте. Всё ясно?

— Кроме одного, — недовольно процедил охотник. — С каких пор люди забыли слово «аванс»?

— Мы это уже обсуждали. Возвращаться к разговору, смысла не вижу, — отрезал майор.

— Где ваш боец? — Стас застегнул ремешок наручных часов и кивнул на готовый к выдвижению броневик с уже севшим за руль водителем и занявшим своё место стрелком.

— Сейчас придёт, — ответил Вихров и повернулся на звук захлопнувшейся двери в тыльной стене гаража. — Вот, кстати, и он.

Поворачиваясь в том же направлении, Стас услышал многозначительное «Ебааать» более расторопного Коллекционера, и в голову сразу закрались нехорошие подозрения. Через секунду они подтвердились.

Вначале ухо распознало ту самую медвежью поступь, а потом глаза увидели Его.

На полторы головы выше среднего человека и чуть ли не вдвое шире в плечах, монстр грузно топал по бетонным плитам ангара, и даже громадные «Уралы» с БТРами смотрелись на его фоне уже не столь внушительно, будто весь мир разом сжался, превратившись в собственную уменьшенную копию.

Поверх болотного цвета рубахи и кевларового жилета, перешитого из армейской брони

пятого класса под соответствующий размер, могучий торс укрывала разгрузка с четырьмя большими квадратными карманами, выступающими сантиметров на пять вперёд, отчего и так огромная грудная клетка монстра визуально увеличивалась до просто необъятных габаритов. Обычных человеческих «запчастей» из сердца и пары лёгких, туда поместилось бы комплекта три, а то и все четыре. Плечи и бёдра так же прикрывались бронешитками, смастерёнными, судя по конфигурации, из жилетов третьего-четвёртого класса. В районе пояса висели два подсумка по объёму вполне сравнимые с лёгким ранцем, из каждого вверх торчало по пять гладких деревянных стержней. Изобилующие карманами штаны, одного цвета с рубахой, были заправлены в короткие, относительно роста владельца, чёрные кожаные сапоги невиданного размера, на высокой рифлёной подошве, подозрительно напоминающей автомобильную крышку. С внешней стороны «короткого» голенища, приходящегося Стасу по колено, правый сапог имел ножны, из которых высунулась рукоять по виду принадлежащая не меньше, чем двуручному мечу. С плеча, на трёхточечном ремне свисал, шлёпая длинным стволом по бедру, «Вебрь-12». А поперёк груди болталась, словно лёгенький карабин под «мелкашку», пугающе огромная КСВК, лишившаяся сошек, но приобретшая вместо них деревянное цевьё, сильно увеличившуюся в размерах рукоять и наращённый затыльник приклада. В довершение вызывающей трепет картины, из-за плеч монстра выглядывал рейдовый рюкзак, в котором, судя по ширине видимой части, можно было свободно переносить человека.

Великан подошёл почти вплотную к вытаращившим глаза наёмникам, остановился и посмотрел сверху вниз таким взглядом, каким обычно взрослые смотрят на не в меру любопытных детей, позволяющих себе нагло разглядывать незнакомца.

— Это Сатурн, — представил Вихров заявленного «бойца».

Тот молча кивнул, продолжая с хмурым выражением глядеть на задравших головы наёмников.

— Это Стас, — продолжил майор. — А это Коллекционер. Ну вот, теперь все знакомы. Давайте загружаться.

— Можно на пару слов? — Стас, в нарушение всякой субординации, схватил майора за плечо и отвёл в сторону.

— Вы что себе позволяете? — возмутился тот, отряхивая рукав.

— Что я себе позволяю?! — переспросил Стас, едва не переходя на крик. — Нам про это, — указал он большим пальцем через плечо в сторону великана, — ничего не говорили. Мне не нравится, когда планы меняют перед самым выходом.

— Не понимаю причин возмущения. Мы заранее оговаривали, что наш человек пойдёт с вами.

— Человек? Вы о ком сейчас речь ведёте? Или, может быть, только я вижу здесь мутанта весом под два с половиной центнера? Может, это у меня крышу снесло?

— Смените тон.

— Хорошо, — Стас глубоко вздохнул и взял себя в руки. — Давайте я кое-что объясню. Не знаю, сколько времени вы провели тут безвылазно, но, судя по всему, слишком много, чтобы объективно оценивать ситуацию. Муром — не Арзамас. Там, за рекой, не привыкли к свободно разгуливающим мутантам. Их, мягко говоря, недолюбливают. И если у меня не то количество пальцев на руке, — Стас потряс растопыренной пятернёй перед носом у майора, — люди будут косо смотреть, а то и сообщат, куда надо. Вы же посылаете с нами этот ходячий танк, который на человека похож в лучшем случае с километра при густом тумане безлунной ночью. Не самое мудрое решение, согласитесь.

— Это не решение, — невозмутимо парировал Вихров. — Это приказ. Я не обсуждаю приказы, и вам не советую. Маршрут пролегает лесом. Вы не будете посещать населённые пункты, и контактировать с людьми. От места высадки до схрона, как я понял, не больше двадцати километров — максимум пять часов пешего перехода, налегке. Потом нужно забрать груз, который, если верить вашим же словам, весит не меньше центнера. И как же, позвольте спросить, вы планируете, не выходя на дороги, доставить его по лесу до форта

Кутузовский? На собственных плечах? Сатурн придан вам именно с этой целью. За рекой он переходит в ваше полное подчинение.

— Я ведь уже объяснял — это не такая большая проблема. Если ваш переросток нужен только в качестве вьючного животного, можете смело уводить его назад в стойло. Мы справимся.

— Хватит, — отрезал майор. — Здесь больше не о чем говорить.

Стас расстроено покачал головой и зашагал обратно к броневику.

Оставленная наедине пара, за время разговора даже не шелохнулась. Коллекционер по-прежнему стоял, заморожено рассматривая чудо биоинженерии по имени Сатурн, а тот, склонив огромную голову и недовольно насупившись, рассматривал Коллекционера.

— Влюблённым не нужны слова, — съязвил Стас, проходя мимо.

— Что? — обернулся охотник.

— Целуйтесь, говорю, скорее, и поехали.

Вихров обошёл броневик сзади и распахнул один из двух широких десантных люков в корме.

— Сатурн, — позвал он, — давай на борт.

Верзила шумно фыркнул и отправился на погрузку, по пути «легонько» задев Коллекционера локтем, отчего тот едва не упал.

Сам майор залез следом и, пройдя вперёд, устроился возле водителя. Сатурн вместе с рюкзаком занял практически всю левую скамью. Стас, перебравшись кое-как через ноги великана, примостился на краешке правой. Коллекционер уселся в хвосте и задраил люк.

— Все готовы? — поинтересовался Вихров и, получив утвердительные отзывы, приказал: «Трогай».

Мотор ожил, и броневик, не спеша, покатил вверх по широкому туннелю, всё ярче освещаемому солнечными лучами, падающими в проём раздвигающихся ворот. Наконец, обе оси выровнялись, и водитель прибавил газу, отдавая машину и экипаж во власть пустоши.

Коллекционер чуть отклонился и, привстав, глянул поверх головы Стаса, затем сдвинулся в проход, снова пытаясь что-то рассмотреть впереди.

— Нихера толком не видно, — посетовал он на скачущий за лобовым стеклом монотонный пейзаж, и потянулся к задвижке амбразуры. — Зачем только в мешках заставляли париться?

— Ничего не трогать! — прогудел рядом громоподобный бас.

Охотник замер на месте и медленно обернулся.

— Мать твою! Он разговаривает!

Искренняя радость Коллекционера за успехи генетиков, не нашла понимания у Сатурна, будучи расценена как издёвка. Громадная лапища прижала охотника к броне, на квадратной челюсти-ковше заиграли желваки, верхняя губа приподнялась, обнажив крупные зубы с чётко выраженными клыками.

— Майор, — проревело чудовище, — разреши сломать уroda.

Стас поднял дробовик.

— Отставить! — рявкнул Вихров, обернувшись. — Что там у вас?

— Он меня достал.

— Сейчас не так ещё достану, — прошипел Коллекционер, и злобное выражение на морде Сатурна тут же сделалось удивлённым.

Обхватившие шею охотника пальцы разжались, громадная похожая на шпалу рука медленно покинула чужое жизненное пространство.

В обратном направлении, сверкнув отточенным лезвием, ушёл из акватории предположительного базирования сатурновских гениталий Марк-2.

— Ещё раз, сука раскормленная, так сделаешь, и я пообедаю твоими печёными шарами, — Коллекционер убрал клинок в ножны и оправил помятый ворот плаща.

— Закончили? — поинтересовался майор.

— Всё в порядке, — кивнул Стас, опустил дробовик и придвинулся ближе к

охотнику. — А ты здорово рисковал. У него ведь яиц могло и не оказаться.

Сатурн, не расслышав фразы, но по мерзким ухмылкам догадавшись о чём, примерно, речь, запыхтел с удвоенной силой, так, что из-под вновь поползшей кверху губы вылетело маленькое аэрозольное облачко и увлажнило Коллекционеру физиономию.

Охотник медленно поднёс ладонь к искажившемуся в гримасе невыразимого отвращения лицу и ещё медленнее стёр с него вражеские слюни.

— Ну всё, хватит, — почувяв стремительный накал и без того не успевшей толком остыть ситуации, Стас подскочил со скамейки и выставил между двух буянов руку, уповав лишь на везение. — Хотите разобраться — делайте это снаружи, без случайных невинных жертв.

— Опять? — повернулся Вихров на шум. — Что за бардак?

— Я вам говорил — это плохая идея, — напомнил Стас.

— Говно, — подтвердил Сатурн.

— Заткнулись все! — указательный палец майора поочерёдно взял каждого на прицел. — Чтобы больше никаких обсуждений приказа в моём присутствии. Хотите переубивать друг друга? Терпите до Оки. Там я помешать не смогу. Но если вы, сучьи дети, провалите задание... — Вихров сжал ладонь в кулак, так, что костяшки пальцев побелели. — Ясно? Я задал вопрос!

— Так точно, майор, — отозвался Сатурн в полголоса.

— Не возражаю, — обронил Коллекционер.

— Это в наших общих интересах, — заключил Стас.

— Вот именно, — смягчился Вихров. — И советую об этом не забывать.

Дальше ехали молча.

— Сбоку открывай, — бросил майор, ни к кому конкретно не обращаясь, когда броневик остановился посреди арзамасского пакгауза.

Стас повернул ручку и распахнул люк.

— В вашем распоряжении час, — предупредил Вихров.

— Мало, — ответил Коллекционер, перебираясь через ноги Сатурна, которые тот не посчитал нужным убрать с прохода. — За полтора обернёмся.

— Час десять, не больше.

— К чему такая спешка? Двадцать минут никого не спасут, — поддержал напарника Стас.

— Да и куда вы без нас денетесь? — поинтересовался охотник, вылезая из броневика.

На этот вопрос майор не смог найти достойного ответа, а потому лишь скрипнул зубами.

— Командир, бля, херов, — отойдя на безопасное расстояние, поделился наблюдением охотник, — И почему сверху всегда ставят таких вот мудаков?

— Тут, я думаю, иная причинно-следственная связь. Их ставят сверху, и они становятся мудаками.

Коллекционер шагнул в сторону и с серьёзным выражением посмотрел на Стаса.

— Мудаками, — начал он вкрадчиво, — если и становятся, то годам к двенадцати это уже очевидно. Вообще-то мудака — заболевание врождённое, но его симптомы не всегда можно диагностировать на ранней стадии. А в данном конкретном случае мы, коллега, столкнулись с запущенной формой, давшей метастазы в мозг на фоне ослабления одного недавно обрётённой властью. В народе эта разновидность недуга зовётся «Из грязи в князи». Протекает она очень тяжело, в основном для окружающих, и, как следствие, процент летальных исходов велик.

— Хм. Интересно, — улыбнулся Стас. — А что скажите про второго пациента, доктор?

Охотник качнул головой и поскрёб щетину.

— Второй пациент, на самом деле, беспокоит меня куда сильнее первого, тот хоть не буйный, да и пробудет с нами не долго. А вот это животное... Натерпимся мы с ним.

— Майор сказал, что Сатурна нам пихнули в качестве тягловой силы.
— Ты ему веришь?
— Нет.
— Вот и я тоже.
— Какие будут предложения?
— В расход. Как за реку переберёмся, так и кровь пустим. А списать на что угодно можно. Скажем, мол, грибов нажрался незнакомых и поносом кровавым изощёл, или собаки погрызли, а лучше — сбежал.

Стас вопросительно посмотрел на охотника.

— А что? — продолжил тот. — Сбежал. Не банально и вполне реально. Ложь должна быть чуточку сумасбродной. Так подозрений меньше. Вот если сказать: «Мы напоролись на гвардейцев, и те положили нашего общего большого друга» — не поверят. Слишком просто, без затей. А скажем: «Сбежал» — сразу получим козырь.

— Какой?

— Удивление, Станислав. Удивлённого человека гораздо легче убедить в своей правоте. Особенно, если твои слова носят ярко выражено негативную окраску по отношению к объекту оболгания, — Коллекционер старательно выразил на лице только что описанную эмоцию. — Сбежал?! Как? Почему? Ах он ублюдок! — и снова принял обычный вид. — Понимаешь? Обмишуренный лох ещё не уверен в правдивости твоей истории, но в башке у него уже запущен процесс очернения. Ты повёл в счёт. Дальше последуют более осмысленные вопросы: «Что произошло? Почему вы его не остановили?» и тогда же. Продолжай врать красиво. Больше отвлечённых подробностей, они создают иллюзию правдоподобия. Расскажи, как у товарища случился нервный срыв. Прочити пару истеричных выкриков. Но не перебарщивай. Избегай конкретизации, за которую можно зацепиться и раскрутить в сторону неизвестных тебе противоречивых фактов. Не давай себя топить. Если чувствуешь в вопросе подвох, отвечай — «не знаю». Ответа мудрее пока не придумано. И самое главное — никогда не меняй показаний, помни всё, что сказал, как «Отче наш».

— У тебя, смотрю, большой опыт в этом деле, — оценил Стас.

— Иногда бывают ситуации, в которых ложь — единственное твоё оружие. А оружием нужно владеть в совершенстве.

— И всё равно, сомнительная отмазка. Не купятся.

— Ошибаешься. Купятся с потрохами. Я даже думаю, что мы воплотим этой маленькой ложью в жизнь самый страшный сон Хозяина. Ты заметил странность в поведении нашей зверушки?

Стас изобразил смущение.

— Э-э... Не хочу тебя расстраивать, Кол, но отсутствие взаимности с его стороны меня не удивляет.

— Очень смешно, — натянуто улыбнулся охотник. — Как бы не обоссаться. А то обстоятельство, что он бросается на вооружённого противника с голыми руками, тебя тоже не удивляет?

— Считаешь, Сатурн?..

— Не боец. Никакого опыта. Может, и шмалял по мишеням, но вот в него пока не шмаляли, не били ножом, не расшибали тупую башку прикладом. Иначе в ней ума было бы погуще. Помнишь, ты базарил, что возле Кутузовского оприходовал с кодлой голожопых пахарей, целых три десятка храбрых легионеров? Часто с тобой такие чудеса случались?

— Тот раз — первый.

— Они ведь в двух грузовиках были?

— Да.

— Херачили голуби по чужому лесу, даже без дозорной машины. Ну не странно ли?

— Понадеялись на удачу, — выдвинул гипотезу Стас. — Возможно, эйфория лёгких побед в голову дала.

— Не думаю. Скорее — элементарная безграмотность.

— Но как быть с теми, что пришли ночью? Уж эти-то в твою теорию никаким боком не укладываются.

— Я и не говорю, что они все поголовно салаги зелёные. Но большинство — однозначно. Сам подумай, откуда им тут опыта набираться? Живут обособленно. До недавних пор ни во что серьёзное не лезли. По крайней мере, слышно о них не было. Сидели в своей норе, силы потихоньку копили. Их же за реку не всей гурьбой забрасывают. Передовики пообтесались уже и форты к ногтю прижимают, а салажата время от времени идут на корм голожопым крестьянам.

— Может ты и прав.

— Обожди, — Коллекционер остановился и тронул Стаса за плечо, вглядываясь в дальний конец проулка. — Давай налево.

— Что там?

— Патруль. В этом районе патрулей сроду не было.

— Чей он?

— Потерянных. Не иначе — тебя ищут.

— Из тех, кому я в штабе на глаза попадался, живых не осталось. Ищут, скорее всего, наёмников, а не меня лично. Мы всем составом ушли. Они — сразу как рвануло, ну а я попозже.

— Это нам задачу не облегчает.

— И то верно.

Через сорок пять минут лавирования «огородами» охотник постучал в дверь своей хибары, но изнутри никто не отозвался и засова не снял. Вторая попытка оказалась столь же безуспешной.

— Гуляет Красавчик.

— И как мы теперь внутрь попадём?

Коллекционер вздохнул и, подав Стасу знак «не отставать», двинулся за угол.

— Не хотел показывать, но деваться некуда.

Пройдя ещё с полсотни метров, он остановился возле старого, основательно заросшего землёй пожарища в стороне от скопления лачуг, огляделся, запрыгнул внутрь и, присев, откинул с пола одну из множества почерневших досок, оказавшейся крышкой люка.

— Давай живее.

Стас перелез через завалы и спустился по грунтовым ступеням в неглубокий тоннель. Отесанные лопатой стены и низкий потолок подпирались рядами деревянных балок. Ноги заскользили по сочащейся влагой почве. В нос ударил запах сырой земли и гниющей древесины.

Коллекционер спустился следом, прикрыл люк и чиркнул зажигалкой. Спиртовое пламя осветило охотника, придавая сухому полускрытому капюшоном лицу демонический вид.

— Сам копал? — поинтересовался Стас, пробираясь вперёд по сырому тоннелю.

— Я похож на землекопа? — удивился Коллекционер. — Нет, парочка добровольцев трудилась. Одного на три месяца хватило. Второй полгода держался, завершил начатое. Где-то тут они и сами присыпаны.

— Так вот как Красавчик из дома выходит при навешанном засове.

— А ты думал — через печную трубу?

— Из бункера, небось, тоже ход имеется?

— Всё тебе расскажи.

— Он? — указал Стас на проём уходящего ниже бокового ответвления.

— Не суйся, — одёрнул Коллекционер. — Там мины. Бля, вот и об этом рассказал. Осталось только код замка назвать.

— Я слушаю.

— Ну уж нет. И так слишком много знаешь. Придётся, наверное, тебя порешить, —

охотник усмехнулся собственной шутке, но, видя, что та не нашла понимания у собеседника, постарался направить разговор в иное русло. — А чего это ты, Станислав, Муром так невзлюбил? Не подумай, что возражаю, я и сам бы этот гадюшник в крови искупать не прочь, но уж больно ты целенаправленно горя ему желаешь. Явно не из-за мелких обид.

— Это моё личное дело, — ответил Стас, не оборачиваясь.

— Личное дело, — повторил охотник. — Там, где есть личное дело, ищи юбку. А, Станислав? Неужели и впрямь из-за бабы?

— Не из-за бабы. Из-за женщины.

— Е-ба-ну-ться! И чего с ней?

— Мертва.

— Экая проблема. Купи себе новую, — легкомысленно обронил Коллекционер, будто речь шла об износившейся рубашке.

Стас замедлил шаг, обернулся и посмотрел на охотника исподлобья, играя желваками.

— Я. Больше. Не хочу. Это. Обсуждать, — произнёс он, наконец, делая ударение на каждом слове. — Хорошо?

— Хорошо, — капитулирующе вскинул руки Коллекционер. — Не хочешь — не будем. Я в исповедники не навязываюсь. Просто мне всегда было интересно — если из-за бабы такие страсти, то это какая ж у неё должна быть...

— Хватит! — прорычал Стас, тыча в охотника пальцем. — Прекрати говорить о ней в таком тоне. Я любил эту женщину. Ясно? А её убили. Ни за что. Походя. Раздавили, как жука, — говоря, он сделал несколько шагов навстречу Коллекционеру, так, что палец упёрся тому в грудь. — Она жила своей жизнью, пока я не появился рядом. Жила и горя не знала. Держала магазин, скучала вечерами. Всё рухнуло в один день. По моей вине. Да, по моей. Возможно, стоило бы посыпать голову пеплом, зарыть автомат, отрастить грязные патлы и бродить по миру, искупая грехи добрыми делами, пока не сдохну. Но этого не будет. Грехи нельзя искупить. Их можно лишь приумножить, так, чтобы чертям тошно стало. И я. Это. Сделаю.

— Понятно, — кивнул охотник, слегка потрясённый неожиданным откровением.

Стас развернулся и зашагал дальше по тоннелю.

Короткий подземный ход закончился идущими вверх грунтовыми ступенями в оправе из полусгнивших досок. Выводящий на поверхность люк оказался расположен под столом в чулане, и Стас хорошенько саданулся темечком, не разглядев помеху над головой.

— Мог бы и предупредить, — посетовал он, расхаживая взад-вперёд по бункеру с приложенной к шишке холодной сталью ножа.

— Прости, — охотник изобразил на лице виноватую улыбку. — Я собирался, но твоя пламенная речь... Не хотелось эффект смазывать бытовыми мелочами.

— Ты когда-нибудь бываешь серьёзным?

— Я серьёзен.

Коллекционер уложил начищенный пулемёт в центр расстеленного на полу брезента и аккуратно запеленал, обмотав по спирали верёвкой. Снял «автоматную» разгрузку, заменив её предусмотрительно снаряжённым жилетом под винтовочные магазины, повесил на левую лямку Марк-2, прицепил набедренную кобуру с «Перначом» и пару подсумков, сунул за голенище нож с узким клинком без гарды, надел плащ, перекинул через плечо СВУ-АС, взял в руки небольшой вещмешок с пожитками. Постоял немного, раздумывая, достал из ящика Ф-1 и повесил на правую лямку жилета.

— Это зачем? — поинтересовался Стас, молча наблюдавший за сборами.

Охотник наклонил голову вправо и ухватил зубами кольцо гранаты.

— На всякий случай, — пояснил он, сплюнув.

— Два часа! — выкатив не казавшиеся раньше такими большими глазами, проревел Вихров. — Вы что, чёрт побери, о себе думаете?!

— Не нужно шуметь, — успокаивающе поднял руку Стас. — Возникли

непредвиденные обстоятельства, нам пришлось изменить маршрут.

— Живо в машину! С этого момента никуда больше не ходите одни!

— Уймись, — обронил охотник, пробираясь к своему месту.

— Что?!

— Так точно, говорю, — пояснил Коллекционер. — Душно у вас тут. И запах какой-то... — помахал он рукой возле носа, чем спровоцировал угрожающий рык великана, принявшего замечание на свой счёт.

Стас поднялся следом, уложил в проход упакованный MG3, и захлопнул люк.

Это что за хрень? — недовольно кивнул майор в сторону свёртка.

— Презент для Святых, — ответил Коллекционер.

— Не взрывоопасный, надеюсь?

— За кого вы нас принимаете? Обычное железо, сувенир Фоме.

— Да от вас чего угодно можно ждать, — Вихров тронул водителя за плечо. — Поехали.

«КамАЗ» вздрогнул и покатил через пакгауз к противоположным воротам.

— Господин майор, — спустя час молчаливого созерцания, подал голос охотник, — разрешите вопрос.

— Задавай.

— Благодарю. Время близится к обеду, и я тут подумал — раз уж мы теперь служим интересам Железного Легиона, то не положено ли нам питания от щедрот его?

— Нет.

— Я так и предполагал. Ещё раз спасибо за разъяснение.

Коллекционер развязал горловину вещмешка и, пошарив внутри, извлёк две металлические банки.

— Держи, — передал он одну Стасу, вытащил из-за голенища нож и, ловко им орудуя, вскрыл свою.

Внутренности броневики наполнились аппетитным мясным ароматом.

— М-м-м... вкуснотища.

— Да, неплохо, — поддержал Стас.

— Хочешь? — протянул охотник тушёнку Сатурну.

Великан фыркнул и демонстративно уставился в борт промеж наёмников.

— Ну, дело хозяйское, — пожал плечами Коллекционер и, насадив на вилку красноватый сочный кусок говядины, отправил его в рот. — Что, кстати, за имя у тебя такое? Родители подшутили?

— Мой отец — Хозяин, — огрызнулся Сатурн. — Он дал мне имя.

— Не обижайся, братишка, но ты на него не особо смахиваешь. Может, в мамку пошёл? Вот уж, наверное, баба так баба. Я бы с такой не прочь.

— У старших братьев нет матерей. Хозяин — наш создатель.

— Ишь ты. Героический мужик. А сестрёнки старшие у вас есть?

— Женщины не функциональны, — отрезал Сатурн.

— Так ведь, тяжело, наверное, без сестрёнок и с яйцами? Или они у вас тоже того, не функциональны?

Низкий лоб великана разрезали две глубокие морщины, кожа по сторонам от переносицы наборилась, поднимая верхнюю губу.

— Хватит его бесить, — пихнул Стас охотника локтем в бок.

— Э нет, — усмехнулся Коллекционер, игнорируя предостережение. — Вижу, яйца у товарища при деле. Слушай, Сатурн, — понизил он голос, так, чтобы майору не было слышно, — а большая у тебя семья? Ну, в смысле — братьев много?

— Моя семья — Легион, — ответил великан заученной фразой.

— Это понятно. А конкретнее? Десять? Пятьдесят? Сто?

— Нас много и мы сильны. Семья нерушима. Легион необорим.

— Тьфу ты. Вот заладил. По-человечески говорить умеешь?

Мышцы звероподобного лица сократились причудливым образом, растянув губы наподобие улыбки.

— Сатурн умеет говорить по-человечески. И Сатурн не идиот, из которого можно вытягивать закрытую информацию.

Тут уже настал черёд Коллекционера удалять с физиономии глупое выражение.

— Один-один, — констатировал Стас.

— Подловил, чертяга, — покачал головой охотник. — Ну, раз ты такой умный, может, расскажешь, откуда взялся?

— Эта информация тоже закрыта, — категорично, но спокойно заявил Сатурн.

— Да брось. Какие от брата мутанта могут быть тайны? Мы ведь в одной команде. К тому же не велик секрет. То, что папка Хозяин тебя не в собственном брюхе заделал — и так ясно. Генная инженерия, да? Управление мутациями? Вот видишь, — усмехнулся охотник, заглянув великану в подозрительно прищурившиеся глаза, — я тоже не дурак. Мне одно непонятно — с чего всё началось? Ведь чтобы таких богатырей выращивать материал нужен. А ты говоришь — мамок нет. Не из глины же тебя слепили.

— Биологический материал — не мать, — со знанием дела заключил великан.

— Ага. Значит, без бабы всё же не обошлось. Так я и думал. И как процесс идёт? От начала до конца в утробе, или в инкубаторе дорастивают карапузов? Ты ж, наверное, при рождении-то о-го-го сколько весил. Да, здоровяк? — Коллекционер улыбнулся и легонько пихнул Сатурна кулаком в плечо.

— Это закрытая информация, — озабочено насупился тот, всем своим видом подтверждая, что гипотеза охотника развивается в верном направлении.

— А баб Хозяин, небось, у бригад приобретал оптом. Сам помню — дефицит образовался лет пятнадцать назад. Дорого бабё скупали. Процент брака, наверное, попервоначально зашкаливал, да и материальчик не ноский, при таких-то условиях эксплуатации. Поймай, — нахмурился Коллекционер. — Это сколько ж тебе лет? Ты у нас подросток что ли?

Сатурн шумно вздохнул, охраняя тайну красноречивым молчанием.

— Майор, — крикнул охотник. — Что за херня?

Вихров обернулся и зыркнул едва не вылезшими из орбит глазами.

— Непонял.

— Мы в няньки не нанимались.

— В няньки? Какие няньки?

— Вот к этому сопляку, — указал Коллекционер на поникшего Сатурна. — Давай-ка мы его как-нибудь в другой раз на стажировку возьмём, кошаков отстреливать. Не то нынче дело, чтоб всякая зелень сопливая под ногами путалась.

— Сатурн, — дребезжащим от негодования голосом позвал Вихров.

— Я ничего не рассказывал, — виновато пробубнил тот.

— Да чтоб вас всех! — майор развернулся в кресле, приготовившись разъяснить ситуацию, но, не подававший до того признаков жизни, стрелок неожиданно приковал к себе всеобщее внимание.

— Машина на девять часов!

— Что за машина? — майор воззрился в боковое окошко.

Сатурн отодвинул заслонку амбразуры и загородил её головой, но тут же отшатнулся.

Левый борт «КамАЗа» пошёл крупными пупырями. Сверху загрохотал ПКМБ, посылая шквал свинца в ответ, но скоро умолк. Стрелок дёрнулся и безвольно уронил руки. На полу, быстро множась, расцвели алые кляксы.

— Тормози! — заорал майор в ухо водителю. — Всем покинуть...

Картинка перед глазами у Стаса моментально смазалась, и пошла кругом под заполнивший голову звон.

Глава 13

Потерявший опору мир сделал ещё один кувырок и остановился, сменив привычные ориентиры. Внутренности броневика заволокло едким дымом. Левый, украшенный пупырчатым узором борт, оказался над головой. Справа висел пристёгнутый к своему креслу мёртвый пулемётчик. Лобовое бронестекло, потерявшее прозрачность, было вымазано багровым, как и всё остальное в районе передних сидений. Из рванного и мокрого от крови тряпья, что сгрудилось по правому борту, торчала кисть. Она причудливо изогнулась, будто лебяжья голова на предплечье-шее, и указывала двумя уцелевшими пальцами-клювом прямо на Стаса.

Позади раздался металлический скрежет. Чья-то сильная рука схватила за эвакуационную петлю разгрузки, подняла и буквально вышвырнула наружу.

Не успел Стас встать на ноги, как следом из верхнего десантного люка вылетели СВУ, АК-103 и Коллекционер.

— Где?! — охотник приземлился уже с «Перначом» в руках и, моментально сгруппировавшись, принялся обшаривать стволом линию горизонта, но, не обнаружив врага, спрятал пистолет и подобрал винтовку.

— Живы? — прогудело из завалившегося на бок броневика.

— Да, — крикнул Стас, придвинувшись, с автоматом наизготовку, ближе к центру четырёхколёсной крепости и спине Коллекционера.

С противоположной стороны застучал пулемёт, посылая, в ответ на признаки жизни, длинную очередь по днищу машины.

— Сучьи дети, — процедил охотник.

В распахнутом люке появилась морда Сатурна.

— Я здесь не пролезу, — констатировал он очевидный факт. — Буду выходить через корму. Прикрывайте.

— Прикроем, — ответил Стас после секундного раздумья и толкнул охотника. — Ты сверху, я справа.

Коллекционер обернулся, бросил взгляд на предполагаемую огневую точку, кивнул и, бесцеремонно отпихнув ногой шлем с остатками головы стрелка, взобрался наверх, используя бронепластины пулемётного гнезда как лестницу.

— Огонь после меня, — предупредил Стас, обращаясь к охотнику. — Выход по команде «пошёл», — переключился он на торчащую в люке морду. — Начали.

Сатурн переместился к кормавому люку и замер в ожидании сигнала. Коллекционер ухватил левой рукой искорёженный, глядящий в небо ствол пулемёта, готовый по команде высунуться из-за укрытия и, водрузив СВУ на упор, открыть огонь. Стас подбежал к корме броневика, быстро выглянул и, нырнув обратно, тронул охотника за ногу.

— Два багги. Один прямо, метрах в ста пятидесяти, движется навстречу, бери его. Второй чуть правее и ближе — мой.

— Принял, — кивнул охотник.

Стас перешёл к капоту, опустился на живот и, осторожно двигаясь боком, занял удобную позицию, так, что ствол автомата расположился между бронёй колёсных арок и массивным бампером, а плечи и голова оказались более-менее прикрыты.

Прицельная сетка легла поверх чуть развёрнутой левым боком неказистой машины с трубчатым кузовом, очень похожей на уже виденную однажды багги Детей пороха. Но эта была заметно крупнее, и рассчитана на трёх седоков.

По бокам от острого, почти стреловидного передка, обшитого жестью, торчали вынесенные наружу амортизаторы. Относительно небольшие передние колёса с узкой резиной имели заметный невооружённым глазом отрицательный развал, в то время как задние, чуть большего диаметра и обутые в гораздо более широкие покрышки, располагались на оси строго вертикально.

Слева из-за бронешитка с тонкими, но частыми прорезями выглядывало плечо водителя. Справа сидел его поделник в шлеме и огромных защитных очках, прижавшись

щекой к прикладу РПК-74, чьи разложенные сошки крепились на поворотном кругу, вмонтированном в «капот» автомобиля. Второй пулемётчик разместился по центру, сразу за спинками кресел, и на полметра выше, оплетённый гнутыми трубами, будто дырявой перевернутой корзиной, на которую с боков были навешаны два больших металлических короба, служащих одновременно защитой для стрелка и вместилищем для пулемётных лент. А на жёсткой крыше, закреплённый в подвижном станке, угрожающе водил стволом и сам пожиратель дорогостоящих боеприпасов — «Корд».

Стас навёл перекрестие чуть выше обмотанной от шеи до глаз платком головы вражеского пулемётчика и нажал спуск.

Восседающий, будто на троне, повелитель грозного механизма дёрнулся, и завалился набок, уткнувшись пробитой головой в прутья «корзины».

Практически одновременно застучали РПК-74 и пулемёт второго багги. Земля вокруг демаскированной позиции расцвела пыльными фонтанчиками. Но через секунду оглашать окрестности надрывным кашлем продолжил только РПК. Точный выстрел Коллекционера разрушил дуэт.

— Пошёл! — крикнул Стас и, не особо целясь, дал две коротких очереди.

Кормовой люк с шумом ударился о землю. Топот и металлическое бряцание, слышные даже сквозь грохот стрельбы, быстро приблизились и затихли.

— Сколько метров до цели? — прогудело у Стаса за спиной.

— Около двухсот, — ответил Коллекционер, — Ах ты ж, гнида! Пристрелялся.

— Мой начал движение, — выкрикнул Стас, заметив, как из-под колёс багги взметнулось пыльное облако. — Обходит справа! — он быстро сдал ползком назад, подгоняемый совсем уже близко взрывающимися фонтанчиками.

— Хорошо, — заключил Сатурн и опустил на землю.

Машина, набравшая очень приличную для столь короткого отрезка скорость, выскочила из перекрытого броневиком сектора и, резко затормозив, пошла юзом. Не дожидаясь, пока четырёхколёсный агрегат остановится, пулемётчик открыл огонь, но успел сделать лишь пару выстрелов.

Посланная Сатурном пуля высекала из обшитого листами жести передка сноп искр. Вражеский стрелок качнулся назад и повалился, влекомый наружу центробежными силами. Водитель утопил педаль газа, багги, демонстрируя завидную мощность, развернулся практически на месте и показал затянутую клубами пыли корму.

— Только не в мотор! — заорал охотник.

Но Сатурн его не слышал. Ещё две пули покинули ствол КСВК, под оглушительный грохот.

Машина потеряла скорость и остановилась, испуская колышущуюся ленту чёрного дыма. Водитель оставил обездвиженный агрегат и бросился наутёк, ошалело размахивая руками, будто вот-вот собирался взлететь.

Четвёртая пуля разрушила его дерзкий план. Тёмный силуэт беглеца, хорошо различимый на однотонно красноватом фоне пустоши, рухнул, как подкошенный, чуть приподнялся, словно всё ещё пытаясь бежать по инерции, опять упал, и больше уже не обнаруживал признаков жизни.

— Что со вторым? — абсолютно спокойно задал вопрос Сатурн, поднимаясь на ноги.

— Стоит, — ответил Коллекционер, и тут же пригнулся осыпанный градом пуль. — Там двое были. Стрелка снял, но водитель, похоже, с пулемётом ловчее управляется.

— Я попробую, — сказал Стас и быстро выглянул с правого края.

Короткая пулемётная очередь тут же хлестнула по решётке радиатора и через секунду повторилась, высекая искры над головой охотника.

— Зараза.

— Да, хорош мерзавец, — согласился Коллекционер. — Интересно, много ли патронов у него осталось?

— Высуни башку, их станет ещё на пять меньше, — предложил Стас. — Повтори

двадцать раз, и короб пуст.

— Отличный план, — усмехнулся охотник. — Стоит попробовать.

Он спрыгнул на землю, стащил с головы убитого пулемётчика шлем и, вытряхнув кровавые ошмётки, повесил его на ствол СВУ, после чего снова забрался по бронепластинам и медленно поднял приманку.

— Не клюет, — констатировал Стас после нескольких секунд ожидания.

— Глазастый.

— Сколько до машины? — подключился к разговору Сатурн.

— Метров сто.

— Отлично, — верзила повесил винтовку на шею, расстегнул один из клапанов громадного подсумка и, потянув за длинную деревянную рукоять, извлёк прикреплённый к ней металлический цилиндр с продольно-поперечными насечками и кольцом у основания.

— Граната? — недоверчиво поинтересовался Коллекционер.

Сатурн кивнул и сделал десять шагов назад.

— До машины около сотни метров, — напомнил Стас.

— На полигоне бросал сто двадцать, — ответил великан и обратился к охотнику: — Сориентируй меня.

Коллекционер провёл ладонью по вытянувшемуся от удивления лицу и молча указал в сторону неприятеля.

— Пусть выстрелит.

— Выстрелит? — переспросил охотник.

— Мне нужно услышать.

— Не знаю, что ты задумал, но...

— Пусть выстрелит, — настойчиво повторил великан.

— Ладно, будь по-твоему. Мало я что ли глупостей выкидывал? Ещё одна шансов не измени, — Коллекционер сплюнул и рывком поднялся над стальным бруствером.

Пулемёт немедленно отозвался стуком короткой очереди. Горячий свинец просвистел в считанных сантиметрах над нырнувшей вниз головой.

Сатурн повернулся левым плечом вперёд, выдернул кольцо, отвёл назад правую руку с зажатой в ней гранатой, сделал три могучих прыжка и с диким рыком запустил метательный снаряд по такой дуге, что Стас невольно рот открыл, наблюдая за его полётом.

Не теряя времени, великан подбежал к корме броневика, присел и, услышав звук взрыва, выкатился за угол. Распластав своё громадное тело по земле, он припал к окуляру прицела, но на спуск так и не нажал.

— Глазам не верю, — охотник опустил винтовку. — Варвар чёртов. Как ты это сделал?

— Что там? — Стас, держа автомат наготове, выглянул из-за броневика и обомлел.

Поднятая взрывом пыль медленно оседала, позволяя разглядеть очертания завалившегося набок багги. Трубчатый каркас был смят, правое переднее колесо выгнулось диагонально оси. Левое, коптя небо полыхающей резиной, катилось в ведомом ему одному направлении. Кресла водителя и стрелка сделались неразличимы среди бесформенного железного кома, в который превратилась передняя половина автомобиля. Куски тел и обрывки одежды усеивали землю в радиусе двадцати метров.

— Не может быть, — выдохнул Стас и повернулся к грузно встающему на ноги великану. — Ты в него попал. Вслепую.

— Я бросал на звук, — невозмутимо ответил Сатурн, меняя магазин КСВК.

Коллекционер отсоединил от вышедшего из строя ПКМБ короб с лентой, спрыгнул вниз и подошёл к герою неожиданно быстро окончившегося сражения.

— Просто для ясности. Ты по звуку определил расстояние до машины, рассчитал траекторию и вложил силы в бросок не больше, не меньше, а ровно столько, сколько требуется, с первой же попытки, затратив на всё секунд пять?

— Да.

— С ума сойти. Ещё раз так сможешь?

— Вероятность прямого попадания гранатой в неподвижный объект размером два на два метра при отсутствии визуального контакта составляет восемьдесят три процента. В остальных семнадцати процентах случаев разброс не превышает шести метров от источника звука, — без запинки отрапортовал Сатурн.

— Потрясающе! А на глаз? Ну, если с визуальным контактом всё в порядке?

— Девяносто восемь процентов.

— Охуеть!

— Это всё, разумеется, очень интересно, — вклинился в беседу Стас. — Но хочу напомнить — мы только что лишились транспорта, а до Святых путь не близкий. Пора выдвигаться.

— Да, транспорт действительно жаль, — согласился Коллекционер. — У вас двоих, — поочерёдно указал он на спутников, — нездоровая страсть к вандализму. На будущее попрошу так не делать. А что там с майором?

— Убит, — ответил Сатурн. — И водитель.

Едва он закончил фразу, как из кабины послышался слабый шорох.

— Ты уверен?

— Ну, — замялся великан, — я не проверял пульс, но...

Шорох сменился стоном и звуком влажного отхаркивающего кашля.

— Твою мать, — Стас быстро забрался на левый борт машины и заглянул в боковое стекло. — Тут живой! Но не пойму кто.

Сатурн рванул к люку и, оказавшись внутри, принялся разгребать перемешанное с металлом и пластиком мясо, грудой сваленное на передних креслах.

— Вот дерьмо, — поморщился Стас, наблюдая за разбором завалов.

— Что там? — спросил Коллекционер.

— Сейчас увидишь.

Закончив со «спасательной операцией», Старший брат вышел, неся на руках изувеченное тело.

— Майор, — позвал он негромко, уложив дышащие ещё останки на землю, — ты меня слышишь? Майор.

Опознать в бесформенном предмете статного майора Вихрова можно было разве что по расцветке камуфляжа, слегка отличающейся от водительской, да по нашивкам. Лицо превратилось в багровую, обожжённую корку, без каких либо признаков носа и глаз. Правая рука отсутствовала. Нога была сломана как минимум в трёх местах и неестественно выгнулась, напоминая верёвочную конечность гуттаперчевой куклы. Два ребра торчали из прорех в опалённой разгрузке. Чуть ниже поясного ремня наружу вывалилось нечто коричневатое-сизое и свернулось зигзагом между ног, быстро краснея от налипающей пыли.

— Майор, — повторил Старший брат, боязливо касаясь его груди.

Чёрная дыра на багровом овале расширилась, тягучие нити кровавой слюны задрожали от слабого дыхания. Но язык лишь бессильно подрагивал, а из горла раздавались только хрипы.

— Завязывай, — посоветовал Коллекционер.

— Что? — Сатурн растеряно посмотрел на охотника.

— Добей его, — пояснил Стас.

— До... добить? Как?

— Лучше быстро.

Великан, стоящий на колене возле истерзанного тела, сглотнул и помотал головой.

— Я не смогу.

— А кто же тогда? — усмехнулся Коллекционер. — Ещё не хватало, чтобы нам потом счёт предъявили. Твой командир, ты и отправляй ритуальные услуги.

Сатурн вздохнул, поднялся на ноги и направил ствол КСВК майору в голову, но, подумав, опустил винтовку и вынул из кобуры Вихрова «Грач». Кое-как разместив его в своей огромной ладони, Старший брат прицелился и со словами «Прощай, майор» нажал

спуск.

— Печально. Я только-только начал проникаться к нему симпатией, — склонился над трупом охотник. — Но жизнь не стоит на месте, — потёр он руку об руку, и наигранно скорбное выражение лица тут же сменилось куда более жизнеутверждающим. — Хватайте пожитки. Прогуляемся до второй машины на предмет ревизии уцелевшего имущества?

— Мне нужно проинформировать командование о случившемся, — заявил Сатурн.

— Валяй.

— Рация неисправна.

— Ну, — пожал Коллекционер плечами, — оставь записку.

Стас сдёрнул платок с шеи мёртвого пулемётчика и обтёр им стекло защитных очков, перепачканное подсохшей уже на ветру кровью.

— Как сидят? — натянув сей небесполезный в пустоши аксессуар на лицо, поинтересовался он у колдующего возле РПК охотника.

— Замечательно. Только рожа твоя всю картину портит.

— Долго возится планируешь?

— Закончил уже, — Коллекционер поднялся и вытер ладони о плащ. — Наш большой мускулистый друг даст тебе в плане вандализма фору сто очков вперёд. Он одним выстрелом умудрился не только оприходовать вражью гадину, но и сделать непригодным для дальнейшего использования такой ценный и полезный в быту прибор, как Эр Пэ Ка семьдесят четыре. Почти новый, хочу заметить. У парня явный талант.

Сосредоточившись на отсоединении патронного короба от «корзины» багги, Сатурн проигнорировал обращённую к нему инсинуацию, опустил свой трофей на землю и занялся «Кордом».

— С собой потащишь? — поинтересовался Стас, глядя, как великан, просветлев лицом, возится с креплениями.

— Разумеется.

— Смотри, нам далеко топать.

— Така-а-ая ноша не тя-я-янет, — сладострастно пропел Старший брат и провёл громадной лапищей по телу крупнокалиберного пулемёта.

— Теперь понятно, почему им девки не нужны, — сделал вывод Коллекционер.

— Никогда бы не подумал, — покачал головой Стас, рассматривая огнестрельное богатство, — что эти Дети пороха могут быть так хорошо оснащены. Ты глянь, полный короб крупняка. Сколько там? Сотни три?

— Похоже, — Сатурн с нескрываемым удовольствием приподнял тяжёлый металлический ящик.

— Само собой, — оставил Коллекционер удивление Стаса неразделённым. — Они переснаряжают стреляные гильзы.

Великан нахмурился, откинул крышку короба и достал ленту.

— Вынь-ка один, — попросил охотник.

Сатурн недоверчиво хмыкнул и вытащил из цепких загибов звена огромный патрон: жёлтая, местами почерневшая от времени гильза с продольными проточками и красноватая пуля, оканчивающаяся темно-серым остриём.

Коллекционер взял боеприпас, достал нож из-за голенища и, уложив пулю на крышку, без видимых усилий срезал ей носик.

— Видишь? — продемонстрировал он Стасу результат. — Всё просто. Медная рубашка, а внутри голый свинец. Никакого сердечника. У них этот суррогат на поток поставлен. Мы сейчас уйдём, а сюда ещё детишки подъедут, утянут буксиром свои драндулеты покоцанные и гильзы все до одной соберут, будь уверен. Очень рачительные ребята.

— Да, — провёл Стас ногтем по свинцовому срезу. — Зря я камазовской броне дивился. Будь тут сердечник, стаскивали бы с нас уже ботинки.

— Всё равно возьму, — буркнул Сатурн и захлопнул крышку. — Мясо рвать — один хрен.

Он снял пулемёт со станка, аккуратно уложил поперёк сидений, скинул рюкзак и взялся утрамбовывать его содержимое. Рассовав пожитки по боковым отделениям, приобретшим теперь гораздо более округлую форму, Старший брат поднял короб и запихал на освободившееся место, так, что верхний его край расположился чуть выше матерчатой горловины. «Вебрь», оставшись не у дел, перекачывал с плеча на правый бок рюкзака, надёжно зафиксированный там ремнями.

Закончив с укладкой, Сатурн вытянул из короба длинный кусок ленты, закинул сильно потяжелевший рюкзак на спину, поместил сцепленные чёрными звеньями патроны в ленттоприёмник, передёрнул затвор и, весьма довольный своим трофеем, поднял пулемёт, держа левой рукой за разложенные сошки, как за штурмовую рукоять.

— Краса-а-авец, — похвалил охотник, чем умудрился вызвать на совершенно неприспособленном для этого лице Сатурна немного смущённую улыбку.

С «Кордом» в руках и с тянущейся из-под левого локтя за спину широченной лентой крупнокалиберных патронов, Старший брат, в самом деле, смотрелся очень эффектно. Висящая поперёк груди КСВК и торчащие из подсумков рукояти гранат удачно дополняли картину.

Помимо основной добычи на трёх не утративших целостности телах Детей пороха обнаружили два ПМа с четырьмя дополнительными магазинами, один АК-74М в неплохом состоянии и девяносто переснаряжённых патронов к нему в трёх рожках, а так же полдюжины кустарных гранат сферической формы.

Право нести автомат досталось Коллекционеру, ПМы Стас запихал в свой вещмешок. Гранаты единогласно были присуждены Сатурну, но тот отказался, аргументировав решение наличием собственного осколочно-фугасного арсенала из одиннадцати «колотушек», и чересчур мелкими габаритами этих несерьёзных с его точки зрения шарообразных изделий: «Я с равным успехом могу камнями кидаться» — пояснил он, после чего «изделия» были разделены между двумя не столь искушёнными в гренадерском деле бойцами.

Разобравшись с трофеями и выслушав не слишком настойчивые требования Старшего брата о необходимости похоронить майора Вихрова и остальных погибших членов экипажа, преждевременно сократившийся вдвое отряд лёг на курс до монастыря имени преподобного Ильи Муромца.

Немного поотстав от оказавшегося весьма прытким ходок великана, Стас тронул Коллекционера за плечо и заговорщически подмигнул.

— М-м? — вопросительно промычал тот, замедляя шаг.

— Разговор есть.

— Об этом? — охотник кивнул на широкую спину впереди.

— Нужен новый план. Мы не можем его... — прошептал Стас и махнул рукой обернувшемуся Сатурну. — Идём, идём.

— Не отставайте, — буркнул Старший брат насторожено.

— Что такое? — оскалился Коллекционер. — Совесть проснулась? Или, может, чувство признательности?

— Между прочим, он нас первыми из броневика выкинул, — напомнил Стас.

— Ну точно. Теперь друзья до гроба?

— Не в этом дело. Просто никто больше не сможет подтвердить, что майора и команду завалили пороховщики. Исчезновение всего экипажа, за исключением нас двоих, к этому не причастных, будет выглядеть, мягко говоря, подозрительно. Согласись.

— Соглашусь. Но другого плана у меня нет. На счёт зверушки я маху дал, не так она проста, как спервоначалу показалось. И приставили к нам её не с целью тяжести носить. Пусть идёт до схрона, в дороге пригодится. А дальше я его за спиной не оставляю.

— У Святых наверняка радиостанция есть. Может, дадут попользоваться?

— Ты частоту Легиона знаешь?

— Сатурн знает.

Охотник замолчал ненадолго, раздумывая, и качнул головой.

— Не пойдёт он к людям. Забыл что ли, как условились? Нас высаживают в четырёх километрах от крепости, там и забирают. Даже если Легион какие-то завязки имеет с бригадами, то зверюг своих старается не светить. К тому же вопросы разные посыплются — кто, куда, зачем. Отбрехаться не проблема, но Фома ведь сволочь любопытная, а тут такой соблазн. Нас он, конечно, не тронет. Побойтся отношения портить с Легионом. А вот соглядатаев послать — это вполне. Хотя, и соглядатаи не проблема. Можно, в принципе, попробовать.

— Эй! — окликнул Старший брат, явно тяготясь долгим отсутствием компаньонов. — Вы чего там застряли?

— Не доверяет, скотина, — прошептал Коллекционер.

— Мы тут обсуждаем, как дальше жить, — ответил Стас, нагоняя великана. — Ты, вроде, командованию своему доложиться хотел о потерях. Так Кол говорит, что у Святых радиостанция имеется. Попробуем выпросить сеанс связи. Частоту помнишь?

— Помню, — кивнул Сатурн. — Но это закрытая информация.

— Да в жопу нам твоя информация не спёрлась, — подключился охотник. — Сам свяжешься и доложишь.

Брови великана сошлись к переносице, обозначая напряжённый мыслительный процесс.

— Вы сможете вынести радиостанцию за пределы базы?

Стас с Коллекционером переглянулись.

— Нахрена? — изобразил удивление охотник.

— Мне запрещены контакты с людьми, не имеющими прямого отношения к операции, — отрапортовал Сатурн.

— А как же те несчастные? — усмехнулся Коллекционер.

— Огневой контакт разрешён, — без тени иронии пояснил Старший брат.

— И какой из приказов важнее — доложиться или не контактировать?

Великан снова задумался.

— Не контактировать, — решил он, наконец.

— Ну, как знаешь, — с напускным безразличием пожал плечами Стас. — Потом связи до самого Кутузовского не предвидится. Огребёшь там нагоняя за своё распиздяйство. А то и вовсе... Может, тебя вызывают уже. Может, у Хозяина планы скорректировались по новым разведанным, а ты на связь не выходишь. Не хотелось бы притащить груз в Кутузовский и встретиться там с муромскими гвардейцами. Если честно, так ты потерей вверенной радиостанции всю нашу операцию ставишь под удар.

Сатурн насупился и запыхтел, раздираемый противоречиями.

— Ладно, — ослабил напор Стас, видя, что зерно сомнений упало на благодатную почву, — Это твои приказы, сам думай. — Он замедлил шаг и огляделся, пытаясь сориентироваться.

Пустынная, перемежающаяся лишь редкими деревцами и кустарником равнина тянулась во все стороны, упираясь на горизонте в синий безоблачный небосвод.

— Чем любишься? — поинтересовался Коллекционер.

— Да вот хочу выяснить, насколько далеко мы от Арзамаса.

— Ну, до Святых ближе, чем обратно. Если ты об этом. А точнее — часов восемь.

— Восемь, — повторил Стас и одёрнул манжет левого рукава. — Значит, придём мы в крепость уже затемно.

— Опять беда с нашим строптивым юношей, — уловил Коллекционер ход мысли.

Сатурн обернулся, сверкнул из-под нахмуренных бровей глазами, но никак не прокомментировал очередной выпад в свою сторону.

— Чего молчишь-то? — окликнул его Стас. — Надумал к Святым идти или ломаться продолжишь?

— Побочные контакты запрещены, — процитировал Старший брат выдержку из намертво забитого в голову приказа.

— А где мы по твоей милости ночевать будем?

— На безопасном отдалении, — рыкнул Сатурн и, подумав, добавил: — Я буду. А вы можете оставаться в крепости. Утром встретимся.

— Прекрасная идея, — одобрил охотник. — Только пусть барахло сразу отдаст, чтоб до трупа не ходить.

— Я о себе позабочусь.

— Так не годится, — покачал головой Стас. — Остановимся, не доходя. Потеряем три-четыре часа — не критично. Кол, есть там стены километрах в пяти южнее?

— Что-то вроде было, — без энтузиазма ответил охотник. — Но домашнего уюта не обещаю.

Через шесть с половиной часов утомительного перехода Коллекционер махнул рукой в сторону почти неразличимых издали руин.

— Вот и наши роскошные апартаменты. Выбирайте понравившиеся номера, располагайтесь, не забудьте посетить бар.

«Апартаменты» представляли собой не что иное, как останки деревни. По большей части это были давно сросшиеся с окружающим унылым ландшафтом фундаменты, от силы в полметра высотой, но кое-где фрагментарно сохранилась кирпичная кладка, растрескавшаяся от времени, выщербленная и отесанная, будто наждаком, нередкими в этих местах песчаными бурями. Она то тут, то там торчала из земли, словно осколки костей, выглядывающие из старой наспех присыпанной могилы. Лучи заходящего солнца падали на серый камень, покрывая его желтизной и придавая руинам деревни ещё большей схожести с потревоженным братским захоронением.

Подходящее для ночлега место обнаружилось довольно скоро. Высокий фундамент большой и когда-то наверняка богатой избы мог похвастать двумя частично уцелевшими, сходящимися углом стенами. В стыке они давали метра полтора выше уровня земли и расплзались в стороны неровной лесенкой, постепенно снижаясь. Не самое надёжное убежище, но оно предоставляло защиту от разгулявшегося к вечеру северного ветра и позволяло развести огонь.

Пройдясь вокруг, каждый набрал по охапке сухих веток местного кустарника. Особенно постарался Сатурн, притащивший такую вязанку, что остальные две оказались уже лишними. Охотник разжёг костёр, и его пламя быстро прогнало от стоянки крепнущую с каждой минутой стужу.

Устроившийся справа от Коллекционера великан протянул ладони с короткими толстыми пальцами к огню и вздохнул.

— Свет нас демаскирует, — поделился он «военной мудростью» с соратниками. — Так и пулю приманить недолго.

Сидящий в самом уголке, по праву хранителя очага охотник развязал вещмешок и глубокомысленно покивал.

— Ты прав, дружище. Но знаешь, люди, — Коллекционер выдержал паузу, нарочито внимательно осматривая собеседника, — и не только, делятся на две категории — осторожных и слишком осторожных. Первые, к коим я себя отношу, предпочитают умереть от пули. Вторые выбирают смерть от когтей, клыков или от воспаления лёгких. Есть, правда, и третья категория — это пренебрегающие спокойным здоровым сном заикленные на тупых приказах фанатики. Но она крайне малочисленна и сокращается пугающими темпами в силу естественных закономерных причин.

Старший брат, не сразу распознав сарказм, открыл рот с целью узнать побольше о таинственных фанатиках, но вовремя остановился, фыркнул и скривил губы.

— Мне жаль, что так вышло с рацией, — произнёс он, немного попыхтев. — Будь она цела, мы уже запросили бы транспорт и сейчас переправлялись за реку. Я должен был выходить на связь каждые три часа, докладывать обстановку, принимать разведданные.

КамАЗ с Вихровым не вернулся на базу. Рация не отвечает. Нас наверняка уже записали в безвозвратные потери. Но нарушить приказ и пойти к Святым я не могу, — Сатурн сделал виноватое лицо и снова вздохнул.

— Не доверяет хозяин бригадирам, — поправляя ветки в костре, заметил Стас. — Даже опознавательные знаки на бортах замазали. Краска едва подсохнуть успела.

— Хозяин вообще мало кому доверяет, — прогудел Сатурн.

— Он, случаем, не параноик? — поинтересовался Коллекционер, чем вызвал гневное сокращение мускулов на физиономии Старшего брата. — Да ты не пыжься. Подумай лучше — нас отправляют через дикую пустошь, не только без ведома бригадиров, но всячески скрывая принадлежность транспорта, в результате он подвергается нападению, и мы едва не подышаем. То есть, Хозяин скорее готов сбросить козыря, нежели отдать его партнёру, в паре с которым играет. Если это не паранойя, то что же?

Стас невольно улыбнулся, наблюдая за великаном, сопоставляющим факты и даже не пытающимся отрицать озвученной наугад связь Легиона с бригадами.

— Это объяснимо, — наконец, заключил Сатурн. — Навашинские мародёры — ненадёжные союзники. Я не знаю, что за груз нам поручено забрать, но понимаю — он не должен оказаться в их руках. Если Хозяин так решил, я не сомневаюсь в правильности решения, — он нахмурился, будто обдумывая собственные слова, и безапелляционно кивнул.

— Как интересно, — Коллекционер налил в стальную кружку воды из фляги и поставил к огню. — Ты действительно ничего не знаешь о грузе?

— Он весит около ста килограмм. Это всё.

— Хозяин даже тебе не доверяет?

Физиономия Сатурна, освещаемая снизу пламенем костра, вдруг странным образом изменилась. Расчерченный морщинами лоб сделался гладким, плотно сжатые губы разомкнулись, прищур исчез без следа, мощные рельефно проступающие из-под кожи желваки потеряли каменную твёрдость. Всё лицо его будто оттаяло, слегка вытянулось и стало мягким как у ребёнка. Громадного четвертьтонного ребёнка, которому только что сказали: «Извини, сынок. Деда Мороза нет». Но это длилось лишь мгновение. В следующую секунду брови вновь сошлись к переносице, мускулы, приводящие в движение ковшеобразную челюсть, вздулись, ноздри расширились, засасывая кубометры воздуха в могучие лёгкие.

— Я знаю ровно столько, сколько требуется для успешного завершения операции! — проревел великан. — Если Хозяин не посчитал нужным проинформировать меня о содержимом контейнера, значит, так будет лучше для Легиона. Что хорошо Легиону, хорошо и мне.

— Ты что же, себя и в жертву принести готов, ради общего блага?

— Это мой долг, — не задумываясь ответил Сатурн. — Личные интересы — ничто в сравнении с интересами Легиона.

Стас усмехнулся и, взяв протянутый Коллекционером мешочек вяленого мяса вперемешку с мелко наструганными сухарями, отсыпал себе пару горстей.

— Ну, а если не по написанному, сам-то как это видишь? — спросил он. — Вот представь — расположились ваши легионеры боевыми порядками возле муромских стен. Огромная глыба из металла и бетона перед тобой на километры в обе стороны тянется. Вызывает тебя хозяин и говорит: «Ну, брат Сатурн, вот и настал твой час. Надевай-ка рюкзачок с тротилом и дуй к воротам, расчищать Легиону проход в светлое будущее». А ворота те — мама дорогая! Две плиты стальные, в десять метров высотой и полтора метра толщиной каждая. На вышках по бокам «Корды» торчат, со стен на дорогу огнемёты раструбами скалятся. Смотришь ты на всё это в бинокль и понимаешь — «Даже близко мне не подойти. А если и подойду, то вреда от меня — разве что копотью чёрной ворота замарать сумею». Тогда как? Будешь приказ выполнять?

Старший брат снисходительно хмыкнул.

— Хозяин не отдаёт бессмысленных приказов. Он мудр и дорожит бойцами.

— Я не о том спрашивал, — напомнил Стас.

— Да, — присоединился к разговору охотник, помешивая в кипятке сушёные листья, издающие приятный пряный аромат. — Ты не юли, отвечай по существу. Идёшь на смерть за царя, или готов мудрость его под сомнение поставить?

Сатурн нахмурился и засопел, переводя недобрый взгляд с Коллекционера на Стаса и обратно.

— Провокаторы, — разродился он, наконец, с ответом. — Вы оба. Я не хочу больше говорить, — после чего привалился к стене, скрестил на груди могучие руки и демонстративно отвернулся, устремив взор на далёкую линию багровеющего горизонта.

— Вот так всегда, — вздохнул охотник. — Стоит лишь немного поразмыслить, честно ответить самому себе на пару-тройку вопросов, и высокие иллюзии о главенстве общего над частным неминуемо разбиваются о железобетонное «Я». Мой тебе совет, дружище — хочешь умереть героем, не задумывайся над приказами.

— Ну, — Стас дожевывал свой нехитрый ужин и стряхнул крошки, — раз беседа зашла в тупик, предлагаю отходить ко сну. Сейчас полдесятого, я дежурю до двух, потом Кол. Не возражаешь?

— Нормально, — кивнул охотник.

— А я? — нарушил молчаливый протест Сатурн.

— Ты спи. Мы в шесть часов к Святым двинем, один тут останешься. Носом клевать при таком раскладе не годится.

Вопреки ожиданиям, возражать Сатурн не стал, быстро съел половину брикета напоминающего по форме и размеру кирпич, запил из фляги, отстегнул от рюкзака матерчатый рулон оказавшийся туго скрученным спальным комплектом из простёганной подстилки с таким же одеялом, и завалился на боковую, то ли решив последовать совету Коллекционера, то ли не желая больше состязаться в аргументации.

Охотник разместился скромнее — просто сунул под зад свёрнутую валиком дерюгу, поднял ворот плаща, привалился к стене и через мгновение уже сопел, будто закрыл глаза как минимум час назад.

Стас поёжился, двигаясь ближе к огню.

Красное солнце пустоши уже скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь тлеющий уголь заката на стыке бесплодной земли и темных небес.

К полуночи холод окреп настолько, что пламя костерка, сдававшее позицию за позицией, скоро совсем капитулировало. Жара хватало на обогрев ближайшего полуметра. Сатурн ворочался, плотнее кутаясь в одеяло. Даже сидящий каменным истуканом охотник втянул голову в плечи.

Порывы ветра, без устали штурмующего остатки кирпичной стены, всё чаще находили лазейку, обжигали кожу мириадами песчинок, свистели в дырах выщербленной кладки.

Эта песнь, заунывная и монотонная, убаюкивала, нащёптывала утомлённому мозгу сладкие грёзы, притупляла чувства... Пока в привычную мелодию не вплёлся новый мотив. Едва слышные струнные переборы, мягко зазвучали в холодной темноте.

Глава 14

Стас обернулся, слушая тающий среди завываний ветра наигрыш.

— Он рядом.

Неожиданно возникший за спиной голос заставил сердце ёкнуть.

Коллекционер сидел всё в той же позе, только открытые теперь глаза светились янтарными огоньками, а правая ладонь согревала рукоять «Пернача».

— Мать твою за ногу! — возбуждённым шёпотом протараторил Стас. — Я чуть дуба не дал.

— Всё ещё впереди, — обнадёжил охотник и немилосердно пнул Старшего брата в рёбра. — Подъём, герой. Близится время великих свершений.

— Аррр, — рыкнул Сатурн, вскакивая и вертя головой спросонья. — Что?! Ты какого...?

— Все встали и прижались к стене, — спокойно произнёс Коллекционер, личным примером указав как нужно. — Следите за землёй.

Стас вынул из рюкзака укрытый там от пыли дробовик, Сатурн поднял лежащий рядом пулемёт, и оба притёрлись спинами к шершавым кирпичам.

— В чём дело? — тихонько поинтересовался великан, оглядывая замерших компаньонов. — Надо костёр потушить.

— Ничего не трогай, — ответил охотник. — К нам в гости пожаловал странствующий музыкант.

Сатурн с подозрением взглянул на Коллекционера, явно предположив что-то нехорошее, и обратил полные недоумения глаза к Стасу.

— Гусляр, — пояснил тот и кивнул для убедительности.

Старший брат помолчал немного, обдумывая услышанное, и, всё ещё шёпотом, спросил:

— Вы пьяны?

— Слушай меня, дружок, — взял слово Коллекционер, напряжённо всматриваясь в красную, освещённую пламенем землю. — Второй раз за свою противоестественно долгую жизнь я имею счастье наслаждаться этой музыкой, и впервые так близко. Здесь его не часто видят. Значит, он ушёл от гнезда. Он голоден, и мы — его дичь. Пусть так и думает. А я думаю иначе. Гусляр атакует из-под земли. Смотрите в оба. Как увидите шевеление, дайте знать, но не стреляйте. Огонь после меня. И только попробуйте, недоноски, его спугнуть.

Стас и Сатурн переглянулись, но промолчали, решив не искушать судьбу пререканиями с охотником во время его любимого занятия.

Поющему в пустоши ветру никто больше не аккомпанировал. Время шло. Стас с Сатурном мёрзли, тихонько переминаясь с ноги на ногу. Коллекционер, замерев, будто соляной столб, паялся на землю. Так продолжалось минут десять, пока сигнальное «тщщщщщ» не нарушило молчания.

— Он здесь, — прошептал охотник и указал стволом пистолета вниз перед собой.

Стас присмотрелся. Длинные тени, тянущиеся от камней и слипшегося комьями суглинка, едва заметно вибрировали. Не колебались, плавно меняя насыщенность в такт беспокойному пламени, а именно вибрировали, мелкими, на грани зрительной чувствительности, рывками перемещаясь в сторону.

Скоро вибрация стала ощущаться не только зрительно, пробила сквозь толстые подошвы и защекотала ступни. На грунте, в эпицентре «сейсмической активности» образовалась быстро расширяющаяся лунка.

— Жда-а-ать, — протянул охотник, кровожадно скалясь.

— Может, гранатой? — предложил Сатурн и кивнул на растущее углубление.

— Нет. Он мне целиком нужен.

Края лунки ещё немного расползлись и замерли.

Все молча, с зудящими на спусковых крючках пальцами, уставились в подземные врата, ожидая появления музыкального гостя. Но осевшая почва больше не шевелилась. Вибрация исчезла.

— Ушёл? — с плохо скрываемой надеждой в голосе поинтересовался Старший брат.

— Спугнули, — выдохнул Коллекционер, продолжая, тем не менее, держать лунку на мушке. — Как есть спугнули, вредители, блядь.

— Мы-то тут при чём? — осторожно возмутился Стас. — Сам не дал костёр затушить. А гусляр огонь почуял и ушёл, наверное.

— Он на-се-ко-мо-е. Огонь его привлекает, — выдвинул охотник контраргумент. — А топчущиеся, как лошади, группы кретинов, его отпугивают.

— С какого это вдруг, дичь его отпугивать должна?

— Да с такого, что Гусляр охотится на одиночек! Ясно тебе?!

— Хорош тут орать. Нашёл из-за чего. Ушёл, да и хер с ним. Я только перекрещусь.

— Бля. Ну что за похуисты? Такой трофей прое...

Находящийся до того в стороне от дискуссии Сатурн прервал обличительную речь охотника. «Корд» в его руках неожиданно полыхнул снопом раскалённых газов, и уши заложило от грохота.

Рядом с великаном мелькнула чёрная тень. Сатурн пошатнулся, разворачиваясь, и упал. Описавшая полукруг пулемётная очередь размолотила кусок стены, превратив кирпич в пыль.

— Там! — Коллекционер вскинул «Пернач» и разрядил магазин в темноту.

Стас трижды пальнул наугад из дробовика, скорее за компанию, нежели с расчётом кого-то подстрелить.

Непроглядный мрак ночи принял в себя всё, не шелохнувшись.

— Хе-хе, — охотник сменил магазин и провёл ладонью по земле. — Достал. Достал сукина сына, — растирая между пальцами вязкую светлую субстанцию, он подошёл к встающему на ноги Сатурну и хлопнул того по спине. — Молодец! Все за мной.

Стас вытащил из костра пучок горящих веток и отправился вслед за Коллекционером, попутно дозаряжая дробовик. Сатурн включил фонарь, пристёгнутый к бронежилету возле левого плеча.

— Он странный, — поделился наблюдением великан, светя в спину захваченному азартом погони охотнику.

— Не страннее нас с тобой, особенно тебя.

— Ах, гадина! — Коллекционер присел, ощупывая землю.

— Что там? — крикнул Стас.

— Ушёл таки паразит! Но сувенир оставил.

Охотник поднялся, держа в руке небольшую пластину, изначально, судя по всему, овальной формы, а сейчас расколотую пополам. Чёрная с одной стороны, с другой она была вымазана белёсой субстанцией.

— Возвращаемся? — кивнул Стас в направлении освещённой костром стоянки.

— Да. Под землю я уж за ним не полезу. Глянь, какая хреновина, — протянул Коллекционер пластину.

— Хм, — Стас опустил дробовик и взял трофей. — Жёсткая. На здоровенную чешую похожа.

— Ты на скол посмотри, а лучше пощупай. Чувствуешь, расслоилась в центре? Трещинами пошла, а отверстия нет, излом только.

— Удержала пулю?

— Прикинь, какова тварюга. Может, и не плохо, что вы её спугнули. А то, высунись такая падла в метре от меня, глядишь, и дотянуться бы успела. Пока там всю чешую переломаешь. Из неё же броню шить — милое дело. Да, любопытный экземпляр. Жаль, побольше разглядеть не удалось.

— Я тут тоже кое-что нашёл, — подойдя к костру, Сатурн передал охотнику странный, похожий на корягу предмет. — Отстрелил, наверное.

— Ну-ка, — Коллекционер принял из рук Старшего брата находку, едва не светясь от любопытства. — Что тут у нас? Да это же... Ты мой дорогой! — расплылся он в улыбке, глядя в глаза Сатурну, от чего тот несколько растерялся, не зная, как реагировать на подобный приступ дружелюбия. — Вот молодчина! Как доберёмся до Кутузовского, обязательно сообщу о проявленном тобой героизме, пусть к награде представят.

Великан хмыкнул и смущённо улыбнулся.

— Да чего там.

— Красота какая, — закончив с торжественной речью, охотник тут же потерял интерес к новоиспечённому «герою» и переключился на изучение артефакта. — Вы только посмотрите, — провёл он ладонью вдоль серпообразной его половины, не касаясь гладкой чёрной поверхности с мелкими зазубринами на вогнутой стороне. — Острая, должно быть.

Прямо серрейтор. Такая хрень в ляжку воткнётся, располосует сверху донизу. Да, пожалуй, и кость перерубить сможет.

— Что это у тебя? — Стас кивнул Сатурну на правое плечо.

— Где?

— Да вот же, — он подошёл и отогнул несколько слоёв вспоротого на бронешитке кевлара, из-под которого блеснула свежей царапиной сталь.

— Покажи, — заинтересовался охотник. — Ну ни хрена! Повезло тебе, дружище. Чуть более легкомысленное отношение к средствам индивидуальной защиты и пришлось бы переучиваться на левшу. Эх, жаль, ни одного трупа под рукой нет. Сейчас бы мы рабочие характеристики этого «клинки» проверили.

Великан поморщился.

— Я лучше спать пойду.

— И я тоже, — поддержал идею Стас. — А тебе, — обратился он к Коллекционеру, — приятного времяпрепровождения. Надеюсь, эта тварь не вернётся за своим инструментом.

— А если вернётся, вас разбудить? — усмехнулся охотник.

— Не сочти за труд.

Сон долго не шёл к Стасу, а когда пришёл, то принёс собой лишь вереницу диких образов, проступающих из холодной мглы. Был в нём только один положительный момент — краткость.

— Подъём, неврастеник.

Лёгкий удар по ноге вырвал из липких объятий кошмара.

— Что? — Стас сел и заморгал, продирая глаза. — Уже шесть?

— Пять сорок, — ответил Коллекционер, прихлёбывая из кружки. — Не могу уже бормотанье твоё слушать. Полночи терпел.

— Я опять говорил во сне?

— Да пиздец просто, рот не закрывался.

— О чём?

— Бред какой-то нёс горячечный, как обычно. Знаешь, Станислав, тебе нужно внимательнее следить за здоровьем. Нервы — это, брат, не шутка. Сначала кошмары снятся, потом мысли странные в голову лезут, а заканчивается всё маниакальной одержимостью с иррациональной тягой к убийству.

— Твоя история болезни мне известна, — Стас плеснул в кружку воды и поставил на угли догорающего костра. — Чёрт. Холод собачий. Мясо осталось?

— Нет. Мало я провианта захватил, не рассчитывал на пешую прогулку. Есть тыква. Будешь?

— Давай.

Коллекционер достал узелок с засушенными коричневыми ломтиками, развязал и положил рядом.

— У Фомы подкрепимся. Не откажет, наверное. А этому всё нипочём, — кивнул он на мирно похрапывающего Сатурна. — Спит как ребёнок. Видать, совесть чиста, аки у агнца божьего.

— В таком случае удивительно, как тебе вообще спать удаётся.

— Мне проще, у меня совести нет.

— И этот человек рассуждает о моём психическом здоровье, — покачал головой Стас.

Потревоженный разговором Сатурн заворочался, чмокая обветренными губами, и открыл глаза.

— Который час?

— Пробудилась, радость моя? — ласково поинтересовался охотник. — Гусяры ночью не кусали?

Великан исподлобья глянул на «странного» компаньона, фыркнул и сел, закутавшись в одеяло.

— Скоро уходите?

— Да, — ответил Стас, запивая малоаппетитные кусочки тыквы подогревшейся водой. — Остаёшься тут за главного часа на три. Сиди тихо, никуда не шастай. От огневых контактов тоже попрошу воздержаться, наконтактировались уже. Так что, если кого незнакомого заметишь, не шмаляй сразу. Затаись и пережди, может сам уйдёт. Хотя, с твоими габаритами... — Стас задумчиво поскрёб щетину. — В общем, действуй по обстановке, но без фанатизма. Понял?

— Так точно, — кивнул Сатурн.

— И это, — Коллекционер указал великану на грудь пальцем, после чего совершил им хитрое круговое движение, — броню под жопу сунь. — Он принял зловещий вид и соответствующим голосом продолжил: — Гусяры не прощают.

Старший брат, судя по всему, воспринял предостережение охотника всерьёз, и, немного подумав, уселся на рюкзак.

— Так нормально?

Коллекционер пожал плечами.

— Жопа твоя. Сам решай, насколько она тебе дорога.

— Он шутит, — успокоил Стас. — Вряд ли гусяр вернётся. Скорее всего, эта гнида уже подохла в своей норе.

— Не скажи, — без тени юмора возразил охотник. — Насекомые чрезвычайно живучи.

— Никакое это не насекомое. И вообще я сомневаюсь, что такая хрень могла из жука эволюционировать. Тут, как пить дать, без затейников-генетиков не обошлось. А учитывая близость Легиона...

— М-м. — Коллекционер задумчиво оперся подбородком о кулак. — Интересная теория. И, честно говоря, с моей собственной она расходится в сущих пустяках. Я-то всё же считаю, что основой послужило именно насекомое. Может, товарищ более близкий к научным кругам сумеет нас рассудить?

Сатурн поймал на себе вопросительные взгляды и насупился, предчувствуя неладное.

— Ну давай, колись, — поторопил его Стас. — Ваши умельцы чудо это сварганили? Мы никому не расскажем.

— Не понимаю, — пробурчал великан.

— Чего ты не понимаешь? Гусяр — ваших рук дело?

— Это зак...

— Ай, — махнул рукой Коллекционер. — И без твоей закрытой информации ясно, откуда ноги растут. Я одного только не понимаю — по кой хрен вы его на волю выпустили. Это эксперимент такой что ли? Изучаете эффективность своего биологического оружия?

— Да что вы ко мне привязались? — рыкнул Сатурн. — Я ничего не знаю об этом.

— Ладно, не донимай парня, — обратился к охотнику Стас. — Он ведь просто солдат, расходный материал. Кто станет посвящать его в планы Легиона? Пометят себе в анкете, что образец номер два продемонстрировал боевую эффективность выше, чем образец номер один, на том и закончат. Давай уже собираться.

— Да, — согласился Коллекционер, вешая на плечо зачехлённую СВУ, и автомат на шею, — бестолковое дело. Всё равно, что спрашивать у лабораторной крысы, о целях научных изысканий.

Сатурн шумно выдохнул в холодный воздух облачко пара, но промолчал, демонстрируя незаурядную выдержку.

— Ну всё, — Стас закинул вещмешок за спину и взвалил на плечо укутанный брезентом пулемёт. — Постарайся в течении трёх часов никого не убивать.

Коллекционер, проходя мимо сидящего великана, ухмыльнулся и прошептал заговорщически:

— А броню всё же подложи.

— Ну, что скажешь? — Стас обернулся и посмотрел на оставшиеся в паре сотен метров позади руины.

— Он не палач, — ответил охотник.

— Вчера ты говорил, что он не боец.

— Тогда я ошибся, а сейчас уверен.

— Молодость и наивность ещё ни о чём не свидетельствуют.

— Абсолютно. Вот, помню, я в его годы...

— Давай об этом позже.

— Эх, — вздохнул Коллекционер и совсем по-стариковски закашлялся. — Вечно вы, молодёжь, спешите куда-то, не слушаете старших, не интересно вам наше брюзжание. Да?

— А ты что, старый очень?

— Уж почитай четвёртый десяток к концу близится. Не многие в нашей профессии этим похвастать могу.

— Четвёртый десяток — это сколько?

— Ну, тридцать пять — тридцать семь, где-то так.

— Ты своего точного возраста не знаешь?

— А мне свидетельств не выдавал никто. Разве что вот, — охотник поднял левую руку и продемонстрировал глубокий кривой шрам на ребре ладони. — Серый сосед по выгребной яме «расписался».

— С кем же ты рос? Ведь кто-то тебя подобрал.

— Давай вернёмся к предыдущей теме, — предложил Коллекционер. — Ты про зверюшку интересовался, не стрельнет ли в спину после того, как груз добудем. Отвечаю — не стрельнет. Этот мясной танк нам, похоже, и впрямь в усиление придан. Но успокаиваться рано. Вчера, по дороге сюда я заметил, что у нас появился попутчик.

— Давно?

— На пятом часу прогулки. Один. Очень грамотный товарищ. В пустоши днём столько времени невидимкой оставаться — это, я тебе скажу, задача архи сложная.

— Думаешь, он от самой базы нас пасёт?

— Почти не сомневаюсь. Хозяин наверняка послал следом вторую машину. Да вот только не рассчитывал на столь горячий приём от местных жителей. Детишки своим наскоком нам большую услугу оказали. Теперь мы этого следопыта за рекой встретим с распростёртыми объятьями и поспрашиваем, если в силах будет, с какой он целью за нами увязался.

— Зачем спрашивать? И так понятно.

— Понятно, но ведь и развлечься нужно иногда.

Через сорок минут линия горизонта, мутная из-за поднятой ветром пыли, нарушилась очертаниями крепостных стен. Ещё через полчаса монастырские древоземные укрепления встретили путников стволами крупнокалиберных автоматических орудий.

— Стойте там! — в отнюдь не приветственном жесте поднял руку часовой на стене, метров за пятьдесят. — Кто такие? Что надо?

— Мы к Фоме, по делу, — крикнул в ответ охотник. — Скажи, что Кол пришёл с напарником.

— Оставайтесь на месте, — боец шепнул что-то стоящему рядом пулемётчику и скрылся из вида.

— Я думал, ты тут почти свой, — удивился Стас, обращаясь к Коллекционеру.

— Свои у них по клеткам сидят.

Спустя минут пять крепостные ворота заскрипели, придя в движение, и остановились, когда меж тяжёлых обитых железом створок образовалась небольшая щель.

— Сюда, махнул рукой показавшийся в узком проёме охранник.

— Здравствуйте-здоровствуйте, друзья мои, — Фома развалился в кресле своего кабинета и методично поглощал ватрушки, прихлёбывая из блюда ароматный горячий напиток.

— И тебе долгих лет, — ответил любезностью Коллекционер.

— Доброе утро, — поприветствовал Стас.
— Ну, с чем пожаловали? С добром, аль с извинениями?
— Рановато для извинений, срок ещё не вышел, — Коллекционер взял у Стаса пулемёт, положил на пол и развернул. — Принимай.

Фома отложил ватрушку, вытер руки о полотенце и, не сводя глаз с вожаемого творения германских оружейников, вылез из-за стола.

— Ну-ка, ну-ка, посторонись, — подскочил он к трофею и взял MG3 в руки. — Неужто тот самый? Ай, красавец! Хорош-хорош, — на этом восторги закончились, и настоятель весьма небрежно бросил добытый кровью раритет на кушетку. — Присаживайтесь. Есть будете?

— Не откажемся, — выдвинул стул Коллекционер.

Стас последовал его примеру.

— Верка! — крикнул Фома.

По коридору застучали быстрые шажки, в дверях появилась миловидная особа в косынке и зелёном сарафане.

— Слушаю.

— Собери на двоих потрапезничать. Пирогов, чайку там, сама знаешь. И сюда тащи, — Фома перевёл взгляд на гостей. — Может, водочки?

— Воздержусь, — отказался Коллекционер.

— Благодарю, — покачал головой Стас.

— Это правильно, — одобрил настоятель. — Есть много способов испортить себе здоровье с большим толком, — и снова переключился на Верку. — Ну, чего встала-то столбом? Давай, живо!

Девушка вздрогнула и опять застучала каблучками по коридору.

— Чуть увидит мужиков незнакомых, так и обмирает сразу, — усмехнулся Фома. — Надо замуж её выдавать скорее. Станислав, ты как, не желаешь? — настоятель кивнул на дверь и озорно подмигнул. — А то остепенился бы. Мы и жильём обеспечим.

— Я подумаю, — улыбнулся Стас. — Мне ещё с прошлого раза здесь очень понравилось.

— Хе-хе. И на морду смазлив, и на язык остёр. Бабы таких любят. Ну ладно, — Фома хлопнул ладонью по столу. — О делах сердечных после. А сейчас поведайте-ка мне историю о чудесном обретении сего инструмента вершения промысла божьего.

— Можно подумать, будто ты не в курсе, — усмехнулся Коллекционер.

— Слыхал кое-что, — кивнул настоятель. — Но ты же знаешь, новости, пока до нашего захолустья доберутся, такими небылицами обрастут — хоть детей пугай.

— Что бы ты ужасного не услышал, могу заверить — всё было гораздо страшнее, — охотник зловеще сверкнул глазами и ослабил язык. — Пусть лучше сам виновник торжества расскажет.

— Да и рассказывать-то особо не о чем, — пожал плечами Стас. — Устроил диверсию, воспользовался суматохой, вот и всё.

— Скрамность — есть добродетель, — похвалил Фома. — А ведь слухи ходят, будто Потерянные двадцати бойцов убитыми лишились и ещё с полсотни ранеными. Правда, аль брешут?

— Вполне вероятно.

— Ещё поговаривают, что наёмники тому виной. Повздорили, дескать, с Бульдозеристом, и к Центровым переметнулись, громко дверью хлопнув.

— Врут. Наёмники, как только заваруха началась, сняли охрану и ушли. К Центровым или нет — не знаю, но к саботажу на складе они не причастны.

В кабинет вошла Вероника с подносом, неловко бочком обогнула Стаса, поставила на стол тарелки с чашками, и, заливаясь румянцем, удалилась.

— Значит, всё в одиночку провернул? Молодец. А главный-то сам, Бульдозерист, не пострадал ненароком?

Стас взял с тарелки румяную ватрушку и отпил из чашки горячего травяного чая.

— М-м. Очень вкусно. Спасибо большое. Бульдозериста я в штабе встретил, когда шёл за пулемётом. Точнее не встретил, а слышал только, как он с охраной в бункер спускался. Судя по твёрдости шага, комендант был вполне здоров.

— Вот ведь скользкая... — Фома с досады поджал нижнюю губу и замахнулся, намереваясь от души врезать кулаком по столу, но взял себя в руки и ограничился выразительным жестом, к которому обычно добавляют «Эээх!». — Прискорбно, прискорбно.

— Да не расстраивайся, — попытался утешить настоятеля охотник, разделавшись со своей порцией. — Центровые миндальничать не станут. Им только покажи подранка, а дальше дело техники.

— Может и так, может и так, — погладил Фома бороду. — Ну, а сейчас куда путь держите? — переключился он с тяжёлых раздумий на дела насущные.

— За реку, — ответил Коллекционер. — Бульдозерист — дядька мстительный и пока ещё живой. А ну как след возьмёт. Лучше уж мы на тот берег, да и разбежимся.

— Понятно, понятно... — покивал настоятель. — К нам-то долго добирались?

— Вчера затемно ещё вышли.

— Пешком, стало быть?

— Лошадьми не богаты, — посмеялся охотник.

— Не по старой ветке шагали?

— Зачем нам крюк такой закладывать? Мы напрямки.

— Жаль, — Фома вздохнул и замолчал, возя по столу блюдо.

— А в чём дело-то?

— Да, понимаешь, чудные вещи творятся. Доложили мне вчера о стрельбе на той дороге. Пороховщики с вояками какими-то сшиблись. Крепко сшиблись. Три машины в хлам: две детские, одна вояк. Восемь покойников. При чём так выходит, что броневик вояцкий — отличный, кстати, броневик — из игры первым вышел. Ракету словил прямо в дверь кабины. Гильз кругом навалено дохера, но почти все детские, за их тарантасами шлейфом тянутся. А возле воякской машины чуть — семёрки, мосинские и, что интересно, четыре крупняка чистеньких, блестящих. Одиночными стреляли, три, от силы четыре человека. И перестреляли таки пятерых Пороховщиков, которые были на ходу и с пулемётами. А один тарантас ихний так и вовсе разметало, будто с миномёта фугасом. Трупы облегчили чуток. При троих детях, что человеческий облик сохранили, личного оружия не обнаружилось. Из броневика тоже выгребли всё. Оставили пару сюрпризов. А самое главное — сняли то ли «Корд», то ли «Утёс» с тарантаса детского вместе с коробом патронным и упёрли в неизвестном направлении, пешком, когда на сорок километров вокруг ни души. Вот и ломаю я голову — что за броневик? Куда ехал? Кого вёз? И где сейчас та бравая команда?

— Сожалею, — развёл руками Коллекционер, — но тут мы тебе не помощники. Не видели ничего. А почему ты считаешь, будто они пешком ушли? Может, и вторая машина была, с миномётом в кузове.

— Может, и была, только следов не оставила совсем. Не иначе, — лицо настоятеля приняло умиротворённое выражение, а руки возделись к небесам, — ангелы унесли на крыльях ту машину.

— В таком случае, её экипажу лучше не препятствовать, — пошутил Стас, но у Фомы шутка отклика не нашла.

— А по ногам найти не пытались? — спросил охотник.

— Пытались. Как же не пытаться? Да без толку почти. Буря песчаная накануне разразилась, неглубокие следы замела все. Но кое-что удалось отыскать. Веришь-нет, отпечаток вот такенной ножищи, — настоятель вытаращил глаза и развёл руки в стороны, демонстрируя гостям невиданный размер стопы загадочного существа. — Я сам поначалу не поверил, но все, кто видели, в один голос божатся, что натурально обутой стопы след, размера этак пятидесятого, и широченный. А весит богатырь сей, по глубине судя, центнера

за три.

— По описанию очень на Жопу смахивает, — поделился мнением Стас.

— В разношенных шлёпанцах, — усмехнулся Коллекционер.

— Вам всё смехуёчки, — нахмурился Фома. — А мне не до шуток. Мало нам Гусяра этого, так ещё твари какие-то объявились, не пойми-разбери.

— Кстати, — охотник поднял вверх указательный палец. — Будь добр, напомни, сколько ты за шкуру Гусяра обещал.

— Десять золотых, — Фома настороженно прищурился. — А что?

— Секунду, — охотник развязал мешок и достал замотанную тряпкой конечность. — Вот что, — развернул он трофей.

— Поясни, — указал Фома на чёрный корягообразный предмет, лежащий на столе среди тарелок и чашек.

— Ну, — Коллекционер потёр подбородок, — предполагаю, что это его рука. Одна из.

— Ты предполагаешь?

— Да.

— А поточнее никак?

— Видишь ли, в чём дело, — охотник коснулся пальцами гладкой поверхности «серпа», явно наслаждаясь созерцанием этого органического оружия, — данного куска Гусяра лишился спонтанно, пулей оторвало. И вот этого ещё, — выложил он на стол пластину. — Мёртвого тела мы не видели, в землю гад зарыться успел. Но в том, что тело уже мёртвое, я практически не сомневаюсь. Уж больно много оно свинца впитало. Не живут с таким содержанием тяжёлых металлов в организме.

— Предполагаю... Практически... — скривился настоятель. — Стареешь, Кол. А ведь было время, — обратился он к Стасу, тыча пальцем в охотника, — врал в лицо, да с таким задором, что плакать хотелось от благодарности, душу вынимал.

— К чему ворошить? — откинулся Коллекционер на спинку стула. — Один раз всего и обманул-то. Не обманул даже, а так, приукрасил слегка.

— Приукрасил?! — Фома подался вперёд, от чего ножки кресла закрипели, царапая дощатый пол, и снова начал апеллировать к Стасу: — Этот брехун двенадцать лет назад сослепу завалил брата нашего, Никанора!

— Ну, началось...

— Да. А мне наплёл, как героически сражался против своры обдолбанных Навмашевцев, и как потом на плечах выносил с поля боя истекающего кровью друга. Нёс-нёс и не донёс, помер Никанорушка. Ой, сколько там сожалений было, сколько клятв отомстить за брата. А я, дурак, ещё его успокаивал, отговаривал, боялся, что и впрямь резню учинит, а нам потом расхлёбывать. Пиздобол. Прости Господи, — перекрестился настоятель. — И как ему теперь верить?

— Мне верить не нужно, — спокойно ответил Коллекционер. — Ты глазам своим верь.

— Глаза мне покуда не ввали, — кивнул Фома. — Бог миловал. Только, вот беда — не видят они здесь гусяра мёртвого, а видят... Да я не знаю даже что и за херня тут валяется.

— Это рука, — напомнил Стас. — Правда. Я сам там был. Кол не врёт.

— За него, — указал Фома на охотника, — лучше не ходатайствуй, Станислав. Никогда. Он любому мозги задурит. И не сообразишь, как так вышло, что тебя по его милости за жопу взяли, да ты же и виноват во всём оказался.

— Ладно, — Коллекционер поднял со стола отстреленную конечность и повертел, любуясь. — Гусяра ты не видел, сравнивать не с чем. Но ведь тебе известно, какие эта тварь раны оставляет?

— Да уж, насмотрелся.

— Ну так и проверь.

— А вот и проверю, — настоятель поднялся, опершись кулаками о стол, и с вызовом глянул на охотника.

— И проверь, — невозмутимо повторил тот.

— Дай сюда, — Фома наклонился вперёд и схватил объект спора. — Митька! — крикнул он, дёргая за свисающее из стены кольцо на верёвке.

Снизу послышалась дробь шагов по лестничным ступеням, и в кабинет влетел запыхавшийся подросток лет пятнадцати в длинной холщёвой рубахе и чёрных штанах заправленных в короткие сапоги.

— Звали, отец-настоятель?

— Быстро дуй к Хрящу. Скажи, чтоб раба подобрал негодного, но не шибко тощего. Пусть в карцер отведёт.

Митька энергично кивнул и бросился исполнять приказ, но остановился в дверях и, обернувшись, боязливо поинтересовался:

— Живым держать прикажите?

Настоятель ненадолго задумался.

— Да, живого пушай оставит.

Стас вопросительно посмотрел на Коллекционера.

— Следственный эксперимент, — пояснил тот буднично невозмутимым тоном.

Карцер — небольшое бревенчатое здание, лишённое окон — находился возле рабских бараков. На подходе группу из трёх «естествоиспытателей» и пары неотлучно следующих за Фомой охранников ожидал пугающей наружности субъект — здоровенный, под два метра ростом, мужик, слегка рыхловатого телосложения, с огромным брюхом и блестящим лысым черепом. Отсутствие растительности на скальпе с лихвой компенсировалось чрезвычайно густой торчащей вперёд бородищей, которая расходилась от мясистого лица почти ровным чёрным полукругом. Мощные волосатые предплечья тянулись из-под закатанных по локоть рукавов и оканчивались чуть выше колен лопатоподобными грязными кистями. Будучи сжаты, эти мозолистые рабочие руки стали бы парой кулачищ размером в полголовы каждый. Серую просоленную потом рубаху от середины груди закрывал кожаный фартук «украшенный» множеством заплат и двумя большими квадратными карманами, свисающий до самых голенищ тяжёлых, обитых железом сапог с толстой подошвой. Жутковатый верзила смотрел на приближающегося настоятеля полубезумными выпученными глазами и безостановочно кланялся, делая короткие движения вперёд туловищем.

— Здорово, Хрящ, — поприветствовал его Фома, чем вызвал бурную реакцию, проявившуюся возбуждённым мычанием и ещё более активными поклонами. — Приготовил?

Здоровяк остервенело затряс головой, указывая в сторону карцера, после чего неуклюже подскочил к двери и, открыв её, замер в раболепном поклоне.

— Молодец, дружок, молодец, — похвалил настоятель. — Ну-ка, что тут у нас?

Все трое и Хрящ проследовали в полутёмное, освещаемое одной керосиновой лампой помещение. Охранники остались снаружи.

— Угу, — Фома смерил взглядом привязанного за руки человека. Верёвка шла через кольцо в потолке, а конец её был обмотан вокруг крюка вмонтированного в стену. — Он выглядит здоровым.

— Да-да-да! — отчаянно затараторил человек, неожиданно выйдя из прострации. — Я здоров! Я могу... могу работать! Я ещё пригожусь! Не губите! Христом-богом прошу!

Стас присмотрелся и узнал в несчастном давешнего активиста, первым из обитателей барака решившегося молить о помощи.

Хрящ скривил губы и замотал головой, тыча указательным пальцем правой руки промеж растопыренных пальцев левой.

— Сгнил? — догадался Фома и тут же получил утвердительный кивок. — Понятно, — он развернул принесённый с собой фрагмент отсутствующего тела, взялся за «рукоять» и приложил острие серпа к бедру подопытного.

— Что... что вы делаете?! — задыхаясь, пролепетал человек. — Зачем это?! Не надо! Умоляю!

— Да не трясись ты, — проворчал настоятель, будто хотел всего лишь подравнять виски, примерился, вода страшным орудием от бедра к животу, потом обратно, хмыкнул и сделал шаг назад. — Выше нужно поднять. Гусяр снизу атакует. Хрящ.

Здоровяк протопал к противоположной стене, ухватил могучими лапищами верёвку и, подняв отчаянно дёргающегося подопытного над землёй, обмотал высвободившийся кусок вокруг крюка.

— Вот, уже ближе к истине, — одобрил Фома. — Ещё чуток подтянуть надо.

Стас придвинулся к охотнику.

— Откажись от золота, — прошептал он, наблюдая за отвратительными приготовлениями.

— Спитил? — искренний интерес Коллекционера к происходящему читался на лице даже при тусклом свете закопченной керосинки.

— Это перебор. Так нельзя.

— Он всё равно не жилец.

— Хорош, — дал отмашку настоятель, удовлетворившись высотой цели. — Одолжи-ка фартучек, — он дождался, пока Хрящ снимет спецодежду, накинул кожаный передник и занёс «серп» для удара.

— Не надо! Господи! — подвешенный в метре над землёй человек зашёлся истерическим визгом, выгибаясь дугою и суча ногами.

«Серп» вонзился в бедро сбоку и рывком опустил до колена.

Высокий душераздирающий вопль сделался на пару тонов ниже, переходя в прерывистые завывания.

Фома ухватил дёргающегося в исступлении человека за щиколотку.

— Свет сюда.

Хрящ снял со стены лампу и поднёс к объекту эксперимента.

— Разорви штанину, не видно нихрена, — попросил настоятель, и руки молчаливого помощника немедленно исполнили приказ.

Длинная, обильно кровоточащая рана была настолько глубока, что в свете керосинового пламени, за поблёскивающей влажной плотью явственно просматривалась оголённая кость. Бедро практически развалилось надвое. Отделившееся мясо колебалось в такт судорожным движениям подопытного и чавкало, прилипая-отлипая. Кровь очень быстро пропитала ткань штанов и теперь ручьём текла на пол с драного худого ботинка. Человек прекратил выть, разнообразив репертуар частым дрожащим оханьем. Глаза его закатились, шея вздулась жилами.

— Не пойму, — Фома, сохраняя полнейшее хладнокровие, изучал результат эксперимента. — Вроде, похоже, но края уж больно ровные. Сейчас с другой стороны проверим.

— Позвольте мне, — обратился Стас и подошёл к дыбе.

Коллекционер удивлённо поднял бровь, глядя, как напарник берёт из рук Фомы окровавленное орудие пытки.

— Валяй, — согласился настоятель. — Только фартучек накинь.

— Благодарю, — Стас просунул голову в лямку заботливо предоставленной спецодежды и встал напротив подопытного. — Думаю, проблема в том, что удар у вас слишком резкий. Гусяр так не бьёт. Он хватает и удерживает. Порезы сами собой наносятся, когда жертва вырываться начинает. Гусяр тянет вниз, жертва лезет вверх, поэтому раны выходят кривые и рваные. Я продемонстрирую.

Он прицелился и, собравшись духом, вонзил «серп» под грудину.

Человек вздрогнул и посмотрел округлившимися глазами на своего нового экзекутора.

— Ты-ы... — вырвалось из скривившегося в гримасе ярости рта, пока зазубренный чёрный «клинок» спускался к паху, высвобождая из брюшной полости искромсанные потроха. — А-арх.

Голова подопытного качнулась и упала на грудь.

— Ну вот, — Стас сделал шаг назад от лениво расплзающихся по земляному полу внутренностей и снял залитый кровью фартук, — я же говорил.

— Действительно, — покивал Фома, разглядывая зловонную прореху. — Теперь узнаю.

— Значит, всё улажено? — Коллекционер хлопнул в ладоши и потёр их, излучая алчность.

— Само собой, — ответил настоятель. — Хрящ, приberi тут.

Глава 15

Затратив около часа на разрешение дел с Фомой, и восполнив запасы провизии, компаньоны покинули «гостеприимную» обитель.

Взошедшее солнце мутным белым пятном просвечивало сквозь затянувшие небо облака. Ветер утих, растеряв за ночь силы, которых теперь хватало лишь на робкие дуновения, не способные поднять даже миниатюрного смерча. Он старался, как мог, но зачатые от него пустошью отпрыски так и умирали недоношенными, выходя из сухого материнского чрева немощной позёмкой.

— Никому нельзя верить, — скорбно вздохнул охотник, уже раз седьмой, за двести метров пройденного от ворот пути. — Устои рухнули. Ориентиры потеряны. Мир катится в бездну.

— Хорош тоску нагонять, — проворчал Стас. — Чисто технически Фома прав. Трупа нет, а кусок панциря и непонятный отросток — я даже не уверен, что это рука — вряд ли можно считать жизненно важными органами. Ты же сам говорил, что насекомые чрезвычайно живучи. Золотой — вполне достойный гонорар за невыполненную до конца работу. Да и зачем тебе беспокоиться о девяти монетах, когда за рекой ждёт баснословное состояние?

— Не в деньгах дело, Станислав. Совсем не в деньгах. Уж ты-то, как истинный альтруист, должен понимать.

— А в чём? В принципе?

— Именно!

— Разве у тебя есть принципы?

— У меня? — Коллекционер сделал паузу и с налётом праведного гнева ткнул себя кулаком в грудь, — Нет. Но у Фомы они были. И мне очень грустно, что сейчас всё так изменилось.

— Вероятно, с годами он стал умнее. Кстати, не знал, что у Святых разведка так хорошо поставлена. Меньше суток прошло, а Фома уже в курсе событий на сорок километров от него удалённых. Как бы не рассекретили наш привал.

— Станислав, — охотник снисходительно улыбнулся, — он всё знает. Или ты всерьёз полагаешь, что сегодняшняя ночная пальба осталась без внимания?

— Тогда зачем мы ему ввали?

— А ты желаешь откровенного разговора? Фома свои вопросы задал, мы на них не ответили, изобразили наивность. Я изобразил. Он, разумеется, понимает, что мы нагло врём, но с расспросами не усердствует, не хочет палку перегибать. Скорее всего, разведчики прошерстили весь броневи́к снизу доверху, а если так, то его принадлежность Легиону — факт для Фомы очевидный.

— Стоит ждать попутчиков?

— Наверняка.

— А вчера ты не их видел?

Коллекционер отрицательно помычал, мотая головой.

— С чего такая уверенность? — продолжил Стас.

— Не знаю. Это глупо, но...

— Договаривай.

Охотник тяжело вздохнул и уставился под ноги.

— Я чувствую что-то. Не могу конкретнее объяснить. Ну... Бля! У тебя бывало так, что заметил человека краем глаза, мимоходом, даже лица толком описать не сможешь, а потом в башке мысль крутится — «Где-то я его уже видел, где-то я его уже видел...»? Или, скажем, за спиной стоит кто, не слышно его, не видно, но ты точно знаешь — он там.

— Не припоминаю.

— Ты, Станислав, грубое существо с заостренным восприятием окружающего мира. А вот у меня такое случается. Словно не глазами смотришь, а напрямую, сразу в мозг... Но это ж, когда рядом. А тут другое немного. Я его чувствую. И чувствую очень сильно, хоть видел только тень издали.

— Кто он, по-твоему?

— Откуда ж мне знать? Одно точно — это не Святой.

— Значит, как мы и предполагали — человек легиона.

— Или не человек.

Примерно за километр до стоянки Коллекционер сбавил шаг и принялся.

— Мясом жареным тянет. Слышишь?

— Нет, — ответил Стас после безуспешной попытки распознать в свежем утреннем воздухе хоть какой-то аромат, кроме своего собственного.

— Ах да, извини, — охотник издевательски ухмыльнулся. — И о чём я только думал, задавая столь нелепый вопрос.

— Хм, — Стас приподнял бровь, меря Коллекционера взглядом. — Ты зря мнишь, что во всём лучше меня.

— Действительно? И где же я недоглядел? Ну, давай проанализируем. И так, ты хуже видишь, хуже слышишь, обладаешь никудышным обонянием, заторможенной реакцией, более низким интеллектом...

— Самонадеянное заявление.

— Не перебивай. Ещё скверным чувством юмора, расшатанной психикой и патологической тягой к убийству, которую лицемерно пытаешься отрицать. Впрочем, последний пункт можно опустить, в контексте сравнения. Что ещё? — охотник медленно перевёл взгляд с лица Стаса в район его паха. — Неужели...? — нахмурился он, обхватив рукой подбородок. — Ладно, будь по-твоему. Ради истины готов провести сравнительный замер, но предупреждаю — результат тебя огорчит.

— Сомневаюсь.

Коллекционер хмыкнул и потянулся к пряжке ремня.

— Да расслабься, — улыбнулся Стас, жестом останавливая попутчика. — Пусть сегодня этот твой позор сохранится в тайне.

— Ну, раз ты и здесь не на высоте, то где же?

— Есть ещё один момент.

— Хоть намекни.

— Я не трахал умирающих двенадцатилетних девочек, Кол.

— О-о... Снова здорова. Что ты на этом заиклился? Завидуешь? Успокойся. Когда бригады во главе с Легионом займут Муром, сможешь удовлетворить свои больные желания столько раз, на сколько тебя хватит.

— Признайся, ты ведь выдумал историю с дочуркой безопасника?

— Второй раз уже спрашиваешь. Долгое воздержание здоровью на пользу не идёт. Нужно было попросить Фому, чтобы с Веркой тебя на полчаса отпустил.

— Нахрена это тебе? Зачем пытаешься казаться конченной мразью?

— Станислав, — охотник с серьёзным выражением лица ткнул в грудь напарнику пальцем, — ты неплохой лац, местами даже отличный, но прими к сведению — если вздумаешь на меня глаз положить, пушу под нож.

— Тьфу, бля!

Через некоторое время почуянный Коллекционером запах жареного пробился и к рецепторам Стаса. Над оставленным под присмотр Сатурна временным лагерем струился дымок. Старший брат сидел, привалившись к западной стене, правое плечо чуть выглядывало из-за осыпавшейся кладки, рука ритмично двигалась, занятая непонятным.

— Во даёт, — хохотнул Коллекционер. — Надеюсь, это не то, о чём я подумал.

— У тебя сегодня все мысли на одну тему, — посетовал Стас.

— Каково окружение... А всё же интересно, что у него сейчас в голове. Баб своих нету, чужих он, наверное, тоже сроду не видал. Как считаешь?

— Боюсь, что в голове у него неотразимая ручная модификация КППВ, а то и целая «зушка». Тяжёлая, горячая, сверкает начищенными стволами...

— Боже мой! Станислав, — скривился охотник. — Не ожидал от тебя такой пошлости. Я думаю, нужно проучить нашего шаловливого друга. Нехрен на вверенном посту глупостями заниматься.

— Не уверен, что это хорошая идея. Честно говоря, я не уверен, что к нему сейчас вообще стоит приближаться.

— Понимаю, — кивнул с серьёзным видом Коллекционер. — Риск велик. Придётся, значит, мне одному идти. Но ничего, справлюсь. Хотя с двух сторон было бы продуктивнее.

Он ухмыльнулся и поспешил осуществлять свой гадкий план.

Оставшись позади, Стас наблюдал, как охотник подобрался к развалинам, бесшумной тенью в полуприсяде скользнул Старшему брату за спину и...

— Какого хуя?! — разнёсся над пустошью возмущённый крик Коллекционера.

Сатурн вскочил на ноги и шарахнулся, явно испуганный неожиданным визитом. Но комичная по началу сцена на этом не закончилась. Коллекционер отчего-то продолжал материться и размахивать руками, указывая вниз, а великан молча смотрел на него, не понимая причин льющихся в свой адрес оскорблений.

Решив, что ситуация приобретает совсем не шуточный оборот, Стас припустил бегом, а когда прибыл на место происшествия, остолбенел.

Возле костра лежали три трупа в хорошо узнаваемых длиннополых кожаных плащах с вышитыми крестообразной вязью узорами. Одно из мёртвых тел замерло на боку в странной позе, с вывернутыми назад руками и неестественно сильно изогнутой в области поясницы спиной. Второй мертвец распластался грудью по земле, тогда как лицо его было обращено вправо и немного назад, будто в попытке заглянуть себе через плечо. Попытка выглядела успешной. У третьего трупа голова и вовсе отсутствовала. Стас не сразу опознал её в разбросанных рядом фрагментах: обрезки лица и скальпа, высохшие от близкого жара пламени глазные яблоки, нижняя челюсть с облепленным красной пылью языком, куски мяса, мозг, выглядящий так, словно его вычерпывали ложкой, и собственно голова — пустая черепушка с неясной целью подвергнутая термической обработке методом «надень на палку, сунь в костёр», а затем частично обскобленная ножом от остатков спёкшейся плоти. Возле стены аккуратным рядом стояли два АК-74М с деревянной резной фурнитурой и один богато украшенный, явно любимый своим покойным владельцем АКМН.

— ...Ёпанаврот! Олигофрен-переросток! — Коллекционер, выплеснув, судя по всему, превысившие критическую массу эмоции, замолчал и, глубоко дыша, поднял вверх указательный палец. — Так. Живо собирай манатки. Объяснять потом будешь.

— Они хотели... — боязливо начал Сатурн.

— Живо!!!

— Да, нехорошо получилось, — вздохнул Стас, разглядывая зверски умерщвлённых братьев ордена Святого Ильи Муромца. — Есть предложения?

— А как же? — обернулся охотник. — Предлагаю сдать этого еблана Святым. И пусть делают с ним, что хотят.

Сатурн остановился и недобро взглянул на компаньонов.

— Быстрее говно своё упаковывай! — рявкнул Коллекционер. — Ещё рожки кислые строит тут, скотина! Не будем мы тебя сдавать, хоть и надо бы. А по-хорошему так вообще

— с ними положить рядом, — кивнул он на бездыханные тела.

— Трофей берём? — угрюмо спросил великан.

— Ага. И бельё с трупов сними. Мало поглумился? Как давно они мертвы?

— С час, — пожал Сатурн плечами, поправляя лямки рюкзака.

— Херово. Скоро за ними пошлют. А потом и за нами, — охотник сплюнул и обвёл соратников взглядом. — Чего расслабились? Бегом!

Сорокаминутный марш-бросок на предельной скорости, верхним ограничителем которой оказался Сатурн, тяжело загруженный, но наотрез отказавшийся бросить пулемёт с коробом, завершился вынужденной остановкой возле небольшого холма.

— Наверх, — распорядился Коллекционер.

Вся троица, взмокшая и хрипящая на разные лады, заняла высоту, разместившись по западному склону, лицом в сторону возможного появления преследователей.

Очень кстати облюбовавший поверхность холма жиденький кустарник хорошо маскировал позицию, при этом, практически не нарушая обзора.

Сатурн, выбрав удобное для пулемётной точки место, отцепил пришнурованную к рюкзаку сапёрную лопатку и принялся ковырять суглинок.

— Ты что делаешь? — поинтересовался Стас.

— Окапываюсь.

— Предусмотрительно, — усмехнулся Коллекционер. — Копай глубже. Метра на два. А пока копаешь, расскажи нам о своих зверствах.

— Они сами виноваты, — огрызнулся Сатурн.

— Да ну? Наверное, шли неосторожно, под ноги не смотрели, поспотыкались и шеи-то сломали себе. Так ведь было?

— Я защищался. Они хотели отвести меня в крепость. Я им говорил, что не пойду. Два раза объяснял.

— И что же? Не вняли?

— Нет. Начали угрожать. Я притворился, что согласен, и когда они подошли...

— Ой, — поморщился Коллекционер, — дальше не надо, не переносу кровавых подробностей. Расскажи лучше, зачем ты, извращенец малолетний, труп обезобразил.

Великан фыркнул и засопел, ожесточённо втыкая лопату в грунт.

— Чего молчишь-то? — продолжил охотник. — Говори, зачем отрубил покойнику голову и бесчеловечно над ней надругался.

— Украшение хотел сделать из черепа, — буркнул Сатурн.

— Украшение?!

— Да. Как у Первой роты. Я бы его на плечо прикрепил.

— Вот чудак на букву мэ, — хохотнул Коллекционер. — За каким же хером ты черепушку в костре пёк? Её варить нужно.

— Знаю. Но воды мало осталось. Я думал, если прожарить как следует, то мясо легче с кости сойдёт, а оно ещё крепче прикипело, ножом не соскребёшь.

— Постой, — прервал Стас обсуждение технологии очистки черепа. — А что за Первая рота?

— Они — первые из Старших, — ответил Сатурн с нотками благоговения в голосе.

— Первые, в смысле — по рангу? — уточнил охотник.

— Нет. Первая рота появилась тридцать шесть лет назад, когда ещё был жив старый Хозяин, отец нашего отца.

— Дедулька ваш то есть. Забавно. Так это вроде как семейное предприятие?

— Легион и есть — семья.

— А что в них особенного? — вернул Стас разговор к интересующему теме, пользуясь неожиданной словоохотливостью собеседника. — Неужели здоровее тебя будут?

— Гораздо здоровее, — кивнул Сатурн, мечтательно улыбаясь. — Они совершенны. Физически. Правда, не слишком умны и очень агрессивны. С ними нужно быть аккуратным, иначе... — он воткнул лопату в землю и впечатал кулак освободившейся правой руки в

раскрытую ладонь левой, наглядно демонстрируя вероятную реакцию бойца Первой роты.

— И нахера такие?

— Как?! — удивился Старший брат, от потрясения даже позабыв окапываться. — Они... У них... Это же настоящие танки! Четыре центнера живого веса! Могут столько брони нести, что любое стрелковое оружие нипочём. Разве что только крупнокалиберное. Вы бы видели! С ног до головы упакованы, и не в это, — постучал он костяшками пальцев по своей весьма не лёгкой броне, — а в шестой класс, ещё и дополнительными бронепластинами усиленный. В левой руке щит на семьдесят кило, в правой — ПКМ с жидкостным охлаждением, а то и ГШГ на подвесной системе, за спиной две тысячи патронов в ранцевом коробе. Когда Первая рота идёт в атаку — это... это... закрытая информация. Чёрт!

— Да не переживай, — усмехнулся Коллекционер. — Если всё пройдет, как задумано, то скоро никакой секретности не понадобится. Ну, а если не как задумано — во многом, кстати, по твоей вине — то любое беспокойство станет и вовсе лишним, ведь у мёртвых проблем нет.

— Точно, — согласился Стас, отпив из фляги. — Смотри на жизнь проще. И прекрати уже тут грязь разбрасывать. Сейчас отдохнём ещё минут пять и дальше двинем.

— Ну-ка цыц! — охотник припал глазом к оптике. — Рановато успокоились.

— Что там? — Стас вскинул автомат.

Прицельная сетка расчертила красный пейзаж с растущей параллельно горизонту линией пыли.

— Едут на юг.

— Скоро к нам повернут, — ответил Коллекционер.

— Будем принимать бой? — воодушевлённо поинтересовался великан.

Охотник опустил винтовку и наградил Сатурна красноречивым прожигающим насквозь взглядом.

— Нет. Нужно уходить. До Оки километров восемь-девять. Если поторопимся, успеем, при большом везении.

— Сомневаюсь, — покачал головой Стас.

— Святые будут двигаться по следу, а он трижды меняет направление. Вперёд вышлют машину, может две, но основные силы поотстанут. Небольшая фора у нас есть. А если здесь останемся — сдохнем. Окружат и накроют с миномёта. Так что подняли быстро жопы и за мной.

Звук двигателя нагнал удирающую троицу через двенадцать минут. Он возник сзади, в двухстах метрах левее, и скоро практически поравнялся с залёгшими на дне канавы беглецами.

Лёгкий бортовой грузовик, на базе ГАЗ-66, медленно катил в направлении реки. Ствол КПВ, установленного в кузове на поворотной тумбе, перемещался вправо-влево, высунувшись из прорези широкого бронещита, полностью закрывающего стрелка спереди. Рядом, возле левого борта расположился второй боец, смотрящий в противоположную сторону. Ещё двое сидели в кабине.

— Дай сюда, — Коллекционер повесил винтовку за спину, подтянул к себе «Корд» и, весьма ловко управляясь с тяжёлым механизмом, перезарядил ленту с левой стороны на правую. — Станислав, отползи-ка в сторонку, чтоб гильзами не побило, и зацель пулемётчика. Сатурн, берёшь на себя водителя с пассажиром. Не повредите машину, она — наш шанс. Все готовы?

— Готов.

— Вижу цель.

— Огонь!

Звук автоматной очереди потонул в грохоте двух крупнокалиберных орудий.

Грузовик, потеряв управление, прокатился ещё несколько метров и замер. Правый борт машины и щиток лупящего в белый свет пулемёта расцвели фейерверком искр. Тело

сидящего спиной к огню бойца буквально вышвырнуло из кузова свинцовым градом.

Трофейные боеприпасы с бронёй явно не справлялись. Всё на что их хватало — это сумасшедшие удары по щиту и брызги раскалённого свинца, разлетающиеся от погнутой стальной пластины. Впрочем, такая бомбардировка с успехом сбивала вражескому стрелку прицел до момента, пока в дымящейся броне не образовалось отверстие, проделанное металлокерамическим сердечником выпущенной из КСВК пули.

Турель резко повернулась влево, ствол пулемёта задрался дулом к небу.

Вся перестрелка заняла меньше десяти секунд.

— Бегом к машине! — скомандовал охотник, уже наполовину выбравшись из канавы.

Стас и бряцающий лентой Сатурн рванули за ним.

Основные силы преследователей, услышав стрельбу, дали по газам. Столб пыли быстро приближался с востока.

Живее-живее! — подгонял Коллекционер, одновременно стаскивая обезглавленный труп с водительского кресла. — Стас, за пулемёт! Сатурн, в кузов!

Двигатель утробно зарычал, набирая обороты. Тело выпихнутого из кабины пассажира упало на землю, обильно её увлажнив.

Великан уже на ходу перебрался через борт и тут же взялся помогать Стасу в наведении порядка на новом рабочем месте. Не долго думая, он ухватил мёртвого пулемётчика за ногу и одним рывком выкинул из захваченного транспорта, словно мусор. После чего отошёл к кабине и скромно сел в уголок, поставив «Корд» на один из идущих по всему периметру кузова ящиков с песком.

Стас взгромоздился на тёплое от крови сиденье и, вращая педали, развернул турель назад.

Громадное чёрное тело КПВ на зелёном лафете было испещрено мелкими багровыми точками и кляксами покрупнее, вырванными из предыдущего стрелка, когда бронебойная пуля, преодолев щит, вошла ему в грудину бесформенным комом горячего металла и вышла со спины, разmozжив сердце, сломав позвоночник, унеся изрядный кусок лёгкого, правую лопатку и ещё полкило мяса на перемолотых рёбрах. Патронный короб был почти наполовину пуст. Два десятка непривычно огромных гильз катались по дощатому полу кузова, сталкиваясь и звеня, словно латунные бутылки.

Стас взялся за рукояти управления огнём и посмотрел в окуляр закреплённого на высоком кронштейне оптического прицела.

Поднимаемые машиной клубы пыли застилали обзор. Сквозь бурую пелену можно было разглядеть лишь два угловатых силуэта, по очертаниям напоминающие кабины грузовиков.

— Далеко они? — пробасил Сатурн.

— Не больше километра, — ответил Стас, перекрикивая шум двигателя.

— Может, влупить, чтоб отстали? — кивнул великан на скачущий в такт проносящихся внизу ухабов ствол КПВ.

— Я при такой тряске не попаду. А патронов мало. Глянь у кабины, вдруг там ещё есть.

Сатурн щёлкнул замком и откинул крышку большого металлического ящика привинченного к полу.

— Ого! Целых две коробки.

— Отлично. Лучше их побережь. Честно говоря, не представляю, что мы будем делать, когда в реку упрёмся.

— Будем подыхать! — раздалось из кабины. — Переросток дело говорит! Садите в них со всего, что есть в наличии, авось движок пробыём! Иначе хана!

— Так точно! — гаркнул Сатурн и, опустив на пол пулемёт, взял винтовку.

— Попробуем, — Стас вновь навёл прицел на далёкие силуэты и, сделав небольшую поправку по высоте, нажал спусковую клавишу.

Короткая очередь, опустошившая ещё три латунных «бутылки», под громоподобный грохот ушла в клубящееся пыльное облако. За первым аккордом главного калибра

последовали ещё четыре, поддержанные двумя уже не кажушимися столь громкими хлопками КСВК.

Над силуэтами-целями замелькали огоньки, и через секунду воздух вокруг несущейся по ухабам машины наполнился свистом.

Одна из пуль угодила в щит по касательной, предоставив Стасу возможность лично оценить силу удара. Казённую часть КПВ резко увело вправо, едва не вырвав рукояти из ладоней. На толстой стальной пластине осталась глубокая вмятина, сантиметров десять в длину.

К поднимаемой колёсами пыли добавились две ленты песка сыплющегося из пробитого деревянного ящика, защищающего тыл.

Немного отрезвлённый столь близким соседством вражеских пуль с собственной головой, Сатурн опустил ниже, вытянув ноги вперёд и усевшись на пол кузова пятой точкой, резонно рассудив, что лучше отбить её, нежели лишиться более важных частей тела.

Стас, тем временем, расстрелял оставшуюся ленту и покинул сиденье.

— Я пустой! — крикнул он, отцепляя короб. — Одного, кажется, подбили!

— Левого или правого? — спросил Сатурн, швыряя низом вытащенные из ящика боеприпасы.

— Какая разница?

— Я в правого целил, — великан улучил момент между ухабами, с завидной регулярностью подбрасывающими грузовик, и выстрелил.

— У тебя прицел мощнее. Сам не видишь что ли?

— Отстаёт! Второй отстаёт! Попал! — Сатурн опустил винтовку и, развернувшись, постучал ладонью по крыше кабины. — Мы оторвались! Слышишь, Кол?

— Молодец, здоровяк! — похвалил охотник.

— А я не молодец? — сам от себя такого не ожидая, спросил Стас, но тут же устыдился этого импульсивного действия и продолжил возиться с лентой, надеясь, что никто ничего не слышал.

Через пять минут чуть замедлившейся скачки по ухабам грузовик взвизгнул тормозами и резко остановился. Под тушей Сатурна, влекомой вперёд силой инерции, жалобно закрипели доски. Стас чертыхнулся, почувствовав, как низкая спинка сиденья врезалась в поясницу.

— Аккуратнее, етить твою!

— Все на выход! — Коллекционер вылез из кабины и хлопнул дверцей. — Сатурн, разворачивай свою посудину. И в темпе. То, что Святые лишились транспорта, не означает, что они отправились восвояси. У нас максимум полчаса на переправу. Эх, — охотник ласково погладил борт грузовика. — Жалко такую машину бросать.

Спрыгнувший уже на землю Старший брат обернулся с засиявшей в глазах надеждой.

— Можно я сниму КПВ?

— Нельзя, — отрезал Коллекционер. — Тебе ещё груз тащить. Стас, помоги ему с лодкой.

— Прирожденный командир, бля, — усмехнулся тот, осматриваясь.

Ближе к воде пустошь меняла свой привычный облик. Редкая, чахлая растительность, покрывающая её измождённое тело дальше к востоку, здесь едва ли не буйствовала, сбиваясь в целые рощицы кривых узловатых деревьев, перемежающихся зарослями кустарника. Даже земля, обычно бурая, глинистая, тут приобретала здоровый почти чёрный цвет. Сухая и ещё недавно высокая трава стелилась по ветру песочно-жёлтыми космами. За полуголыми кронами деревьев блестела тёмная речная гладь.

Стас подошёл к Сатурну, вытащившему из рюкзака объёмистую брезентовую сумку и теперь раскатывающему по земле её содержимое — нечто зелёное, мягкое, жутко вонючее.

— Наш плот — пояснил великан.

— Что мне делать? — спросил Стас, критически рассматривая неприглядное резиновое изделие.

— Расправляй пока, а я буду накачивать.

Сатурн выудил из необъятных недр своего «запленного сарая» ручной насос и, подсоединив его к тому, что гордо именовалось «плотом», взялся качать. Дело пошло. Со страшной скоростью нагнетаемый в баллоны воздух начал придавать форму дальнему концу изделия.

— Что так долго? — требовательным тоном поинтересовался возникший из кустов Коллекционер. — Время-время, — постучал он пальцем по запястью.

— Где ты шляешься? — огрызнулся Стас.

Охотник присел рядом и начал расправлять слежавшуюся резину со своей стороны.

— Посрать отошёл. Ничего, что без разрешения?

— Чего. В следующий раз предупреждай.

— Ты беспокоился? — ухмыльнулся Коллекционер. — Приятно. А я вот, знаешь, за что беспокоюсь? За грузоподъёмность этого сомнительного плавсредства, — кивнул он на пухнувший с каждым движением поршня плот.

— Какая у него грузоподъёмность? — обратился к Сатурну Стас.

— Полтонны.

— Ты сам-то сколько вешишь? — спросил великана охотник.

— Двести сорок семь, — ответил тот и, подумав, уточнил: — Без оружия и амуниции.

— Херово, — заключил Стас. — Придётся бросить часть снаряжения. Как минимум — все трофеи.

Рука Сатурна замедлила возвратно-поступательные движения, погрузневшие глаза скосились на лежащий рядышком «Корд».

— А, может, в два захода? У меня верёвка есть. Пятьдесят метров.

— Таких верёвок четыре штуки нужно, — убил Коллекционер едва зародившуюся надежду. — И некогда нам туда-сюда мотаться. От противоположного берега до леса ещё метров восемьдесят по холмам и пригоркам.

— Короче, — подытожил Стас, — все излишества долой. На тот свет их не заберёшь, а вот они тебя утянут запросто.

— Чёрт! — потрянул головою Сатурн и утопил поршень насоса с такой силой, что рукоять звякнула о корпус.

Спустя пару минут, вся злоба на жестокие обстоятельства, заставляющие расстаться с нежно любимым пулемётом, трансформировалась в полтора кубометра воздуха, закачанного в баллоны.

— Давайте-ка дружно... — пристрастившись к роли командира, начал охотник, но Сатурн, ухвативший плот за протянутую вдоль восьмигранного корпуса верёвку, и в одиночку взваливший его на плечи, не позволил достойно завершить воззвание. — А... Ну ладно.

Нагруженный трофеями автомобиль с подоткнутой веткой педалью газа, под вздохи Старшего брата о пулемётах, и Коллекционера о собственно машине, отправился в последний свой рейс на дно Оки.

Сатурн выдал по раскладному алюминиевому веслу Стасу с охотником и, аргументировав такое распределение обязанностей фразой: «Вы одинаково слабые, будете ровно грести», возложил на себя роль штурмана, после чего спихнул укомплектованный личным составом плот на воду.

Не внушающее с виду доверия плавсредство, к радости пассажиров, заявленную грузоподъёмность оправдало и ко дну не пошло, даже когда послуживший буксиром великан перемахнул через угрожающе просевший борт. Гребцы навалились на вставленные в уключины вёсла.

Когда плот отплыл на достаточное расстояние, Стас окинул взглядом впечатляющую панораму.

Расположенный выше по течению Муром ещё не показался из-за окружающих его лесов. Широкая, подёрнутая рябью лента Оки безмятежно несла свои воды на север, к

мёртвому Нижнему Новгороду, чтобы слиться там в единое целое с Волгой. Будто циклопических размеров змея изгибалась она, проползая между враждующими берегами, абсолютно безразличная к населяющим их мелким ничтожным существам. Её чёрное, блестящее влагой тело уже не раз становилось алым от человеческой крови, и сотни, тысячи мертвецов отравляли его трупным ядом. Но Ока этого не замечала. Она примет и больше. Примет всех, если нужно, растворит в своём бездонном чреве не поперхнувшись, и продолжит течь на север, к мёртвому городу, величественная и как всегда безучастная.

Коллекционер, неумело работая веслом, откашлялся и передёрнул плечами.

— В чём дело? — поинтересовался Стас.

— Ни в чём.

— Воды боишься?

— «Боишься» — это неправильное слово. Я не боюсь воды, я её... не люблю в таких объёмах. Понятно?

— А плавать умеешь?

— Может и умею.

— «Может»?

— Мне раньше этого делать не приходилось. Гребь молча, умник. Задрал уже своими вопросами.

— Я тоже не умею плавать, — спохватился Сатурн, будто только сейчас выяснил это немаловажное в текущей ситуации обстоятельство, и левая рука потянулась к страховочной верёвке.

— Замечательно, — резюмировал Стас. — Если Святые подойду на расстояние выстрела, пока мы не закончим переправу, вас двоих смело можно записывать в безвозвратные потери.

— Мы очень медленно движемся, берег далеко, — с тревожными нотками в голосе отметил великан и обернулся. — Ох, чёрт! И другой тоже далеко!

— Заткнись! — прикрикнул Коллекционер. — И прекрати вертеться. Нам ещё плот не хватало посреди реки опрокинуть. То-то Фоме будет радости.

Стас усмехнулся, покосившись на охотника.

— Что? — прорычал тот, не скрывая раздражения, и тут же продолжил: — Станислав, я тебя умоляю. Можешь поставить себе жирный плюс. Ты умеешь плавать. Очень хорошо. Молодец. А я, к твоему сведению, вырос там, где вода, не считая Тёши и Ямы, бывает только на небе и на сорокаметровой глубине. Так что, пожалуйста, сотри с ебла ухмылку и гребь быстрее.

Глава 16

Высидившись на берег, все вздохнули с облегчением.

Коллекционер полоснул ножом борт резинового судна, и стремительно теряющий форму плот отправился в самостоятельное плавание, очень скоро исчезнув под толщей воды.

— Теперь бы до леса успеть, — охотник быстро вскинул СВУ в направлении оставшейся за рекой пустоши, и припал глазом к резиновой накладке прицела. — Вроде чисто, — опустил он винтовку. — Бегом!

Однако муромский берег в месте высадки оказался не слишком удобен для озвученной цели. Первоначально выбранный относительно пологий и ровный участок остался в сотне метров левее из-за не принятой во внимание скорости течения, а тот, что злодейка-судьба уготовила, походил на нерукотворную заградительную линию. Рыхлый песок на крутом, градусов под сорок пять, склоне, нороящий осыпаться и утащить «бегуна» за собой вниз, метров через двадцать переходил в длинный изрытый кротоми, словно поле боя минами, отрезок, ближе к опушке зарастающий жёстким колючим сухостоем, сгущающимся до состояния практически полной непроходимости.

— Без энтузиазма встречает нас земля муромская, — невесело пошутил Стас, обдирая

со штанов репей, когда вся троица добралась, наконец, до спасительного леса.

— Главное, что живыми, — резонно возразил Коллекционер и снова приложился к оптике. — Смотри-ка, идут, братцы.

Стас и Сатурн почти синхронно, как по команде, подняли оружие, грозя из темноты еловой чащи противоположному берегу стволами.

— Да, вижу, — разглядел великан. — Пугнём?

— Я тебе пугну сейчас, — пригрозил охотник.

— Ненужно этого делать, — согласился Стас. — Лучше подождать. Я хочу быть уверен, что они останутся на том берегу. А если нет — пустим на дно.

— Здравая идея, — одобрил Коллекционер. — Я этих ребят знаю — упрямые сволочи, и предусмотрительные. Не удивлюсь, если они инструменты с собой припёрли и сейчас начнут деревья валить на плоты.

— Ты серьёзно? — нахмурился Стас.

— Да какие уж к хренам шутки? Вот, помню, Фома, когда самолично Арзамас посещал с заёмщиками дела улаживать, так он целый грузовик затарил принадлежностями кухонными. Тесаки там, пилы, колотушки, топоры всякие, стол разделочный, даже жаровню с дровами привёз. И что ты думаешь? Пригодилось!

— Нда... А надувными плотами они не богаты?

— Сильно сомневаюсь.

— Ладно, всё равно подождать стоит.

Двигались Святые быстро, но без спешки, уверенным твёрдым шагом, растянувшись цепью на шестнадцать человек. Выйдя к берегу, отряд остановился. Четверо бойцов принялись обшаривать место недавней стоянки, ещё двое, походив у кромки воды, где след грузовика обрывался, отправились с докладом к командиру.

— Какие люди, — оскалился Коллекционер, глядя в оптику. — Сам Николай Палыч по нашу душу пожаловали. Интересно, Фома послал, или добровольцем вызвался?

— Точно, он, — подтвердил Стас, разглядев знакомую статную фигуру. — А я думал — вы приятели, или что-то вроде того.

— Я тоже так думал, — ответил Коллекционер, не отрывая глаз от прицела.

— Который? — поинтересовался Сатурн.

— Посередке.

Николай тем временем закончил беседовать с бойцами, повернулся лицом к муромскому берегу, постоял немного и поднял левую руку в приветственном жесте.

— Он нас видит, — прошептал Сатурн.

— Нет, — усмехнулся охотник. — Но догадывается.

— И, по-моему, шевелит губами, — добавил Стас, сияясь разглядеть лицо Николая в слабенькую четырёхкратную оптику.

— Ага, — подтвердил великан, и неожиданно продолжил странным тягуче-обрывистым речитативом: — ...пока можешь. Мы те... всё ра... найдём и... тварь лжив... давно...

— ...пора было это сделать, — закончил Николай фразу, когда крохотный огонёк блеснул в тёмной чаще леса на противоположном берегу.

Выстрела командир Святых не услышал. Звуковая волна сильно отстала от пули, окатив уже падающее на землю мёртвое тело с пробитой чуть выше левой брови головой. Превратившийся в облако костных осколков, крови и серого вещества затылок неравномерно покрыл собою берег реки в двух метрах позади распластавшегося трупа.

— Он никогда мне не нравился, — опустил Коллекционер дымящийся ствол винтовки и, пригнувшись, рванул вглубь леса.

Беспорядочная автоматная канонада с другого берега разнеслась над Окой траурным салютом.

— На будущее, — обратился Стас к охотнику после короткого, но интенсивного марш-броска, — если тебя не затруднит, предупреждай, хотя бы секунд за пять. Я, конечно, не

могу сказать, что сильно удивлён, как-никак уже второго товарища на этой неделе мочишь, но всё-таки.

— А мне понравилось, — улыбнулся Сатурн. — Отличный выстрел. До цели метров триста было.

— Спасибо, дружище, — поблагодарил охотник.

— Возможно, — продолжил Стас, — недалёк день, когда при слове «дружище» в тебя начнут стрелять, руководствуясь соображениями собственной безопасности.

— Очень смешно, — Коллекционер обернулся, с прищуром глядя на компаньона, — Ты меня устыдить что ли пытаешься? И это после того, как сам всё слышал? Я, между прочим, сегодня родины лишился. Мне теперь спокойно по городу детства золотого не прогуляться никогда. Так почему бы напоследок не поддаться импульсу в удовольствие, раз уж наш большой товарищ, — кивнул он на Сатурна, — обговнял всё с ног до головы? Кстати, переросток, ты где по губам читать наблошнился?

— Друг научил, — буркнул Сатурн, обиженно. — Ему горло осколком пробило, два месяца говорить не мог.

— О как. Ради друга, значит, целую науку освоил? Молодец. А эта паскуда, — кивнул охотник в сторону реки, — даже слова доброго на прощание не сказал. Мало их, друзей-то настоящих, катастрофически мало, и поголовье неуклонно сокращается. Но оставим лирику. Станислав, думаю, ты уже можешь поделиться с нами планом.

— План элементарен, — ответил Стас, продираясь через дебри густого подлеска. — Сначала нужно отмахать одиннадцать километров на юго-запад, до населённого пункта, фигурирующего на картах Легиона под наименованием Ковардицы, скрытно его обогнуть и продолжить движение строго на север, пока не скажу, что мы пришли. Как вам?

— Замечательно, — отозвался Сатурн. — Напрямик — это по мне.

— Да, элементарнее не бывает, — скептически проворчал Коллекционер. — Уж не оттого ли, что здешние места ты на карте только и видел?

— Разумеется, — честно признался Стас. — Километров пятнадцать идти будем практически вслепую, ну, а там уже полегче станет с ориентирами. Сейчас, — взглянул он на часы, — двадцать минут одиннадцатого. Предполагаю, что к шести часам вечера мы сумеем забрать груз.

— Имею встречное предложение, — поднял руку охотник.

— Излагай.

— Хорошо. Предложение такое — временно забиваем на твой план, совершаем стремительный марш-бросок на километр вглубь леса, оставляя за собой максимально заметный след — с этим, я считаю, проблем не возникнет — и, организовав засаду, ждём прибытия нашего таинственного попутчика.

— Снова его чуешь?

— Да, но слабо. Он отстал. Наверное, крюк закладывает, чтобы со Святыми не пересечься.

— А что за попутчик? — спросил Сатурн.

— Как долго ты планируешь его ждать? — продолжил Стас, игнорируя великана.

— Сколько понадобится. Это легче, чем вырастить глаза на затылке. Но, думаю, не дольше полутора-двух часов.

— Что за попутчик? — повторил Сатурн настырно, явно недовольный отсутствием внимания к своей персоне.

— Есть тут один товарищ, — ответил Коллекционер. — Идёт за нами как минимум с полпути. Кто он такой — мне и самому интересно. Может, ты прояснишь ситуацию?

— Я? — удивился великан. — Почему я?

— У нас с Колом есть предположение, что этот товарищ увязался за нами не со скуки, а выполняя приказ Хозяина, — пояснил Стас. — О его намерениях остаётся только догадываться, или спросить лично.

— Нет, — помотал Сатурн головой, — он не может быть человеком Легиона. Я бы

знал. Какой смысл Хозяину скрывать это от меня?

— Другими словами, — подытожил Коллекционер, — ты не станешь возражать, если мы, на всякий случай, его пристрелим? Хотелось бы, конечно, расспросить для начала, но, сам понимаешь, последствия предугадать сложно.

— Да делайте, что хотите, — хмыкнул Сатурн.

— Вот и отлично, — заключил охотник. — Раз возражений по моему плану нет, предлагаю перейти к стадии выполнения.

Десять минут бега по лесу с препятствиями в виде густо разросшегося молодняка и скопившегося в изрядном количестве трещащего под ногами валежника дались едва ли не тяжелее, чем недавний сорокаминутный марш-бросок по пустоши.

— Ты уверен, что это было необходимо? — хрипя, спросил Стас и опустился на землю рядом с отплёвывающимся от паутины Коллекционером.

— Не повредит для надёжности. В пустоши он хорош, а в лесу — хрен знает. Недооценивать противника — безрассудно, но переоценивать — глупо.

Скоро к компаньонам подтянулся и отставший немного Сатурн. Хмурый, тяжело дышащий и утыканный с ног до головы поломанными ветками великан пугающе напоминал разгневанного лесного духа, явившегося карать двух потревоживших его покой наглецов.

— Ненавижу лес, — прохрипел он, стряхивая с себя непрошенные дары Зелёного Властелина, и, оглядевшись, уселся на старый гнилой ствол упавшей сосны, тут же превратившийся под таким весом в труху. — Ай, чёрт!

Эффектное падение на пятую точку отозвалось весёлым, лишённым всякого сочувствия, гоготом.

— Осторожнее, — предостерёг охотник, уняв смех. — Лес всё слышит.

— Что у тебя в «Вепре»? — спросил Стас?

— Картечь, — ответил Сатурн, поднимаясь.

— Хорошо. Бей по конечностям. Кол, тебя тоже касается. Я рассчитываю узнать о целях нашего преследователя из его уст, а не по приметам на его трупе.

— Не нужно делать из меня злодея, — театрально возмутился охотник.

— Распределим позиции. Сатурн, ты ложишься вон за тем пнём. Там как раз ложбинка и кусты вокруг плотные. Будешь тылы прикрывать на всякий непредвиденный случай.

— Далековато. А лежать обязательно? — пробурчал великан недовольным тоном.

— Обязательно, дружок, обязательно. Я бы тебя ещё и окопаться попросил, но на это времени нет. Кол, ты, как самый зрячий, хорошо слышащий, тонко обоняющий, да ещё и с шестым чувством, отправляешься на передний край. Думаю, вон там, возле пригорка, неплохая позиция.

— С радостью, мой командир! — издевательски козырнул охотник.

— Ну, а я, — продолжил Стас, — займу условный правый фланг. Ещё раз напоминаю — стрелять только в руки-ноги. Никаких переключек, никаких условных сигналов. Огонь по готовности. Вопросы есть. Вопросов нет. Разошлись.

Стихийно организованная засада дала уложенному в горизонтальное положение телу и голове необходимую передышку. Хроническое недосыпание последних дней в купе с безостановочной нервотрёпкой всё отчётливее сказывались на самочувствии Стаса. Организм элементарно устал, перегрелся и всё чаще норовил засбоить. Мышцы ныли так, что казалось — одно неверное движение, и они лопнут, сухожилия оторвутся от костей, туго скрученные волокна мускулов, как потерявшие опору струны, взметнутся вверх, рассекая кожу, и тело беспомощно рухнет кровавым сгустком изношенной до предела плоти. Простреленный бок и порванное осколком бедро так же не преминули о себе напомнить, воспользовавшись моментом. Усталость немного притупляла боль, но она притупляла и остальные чувства. Веки стремились сомкнуться, периодически окуная рассфокусированный взгляд в темноту. Воспалённая носоглотка горела, едва распознавая ароматы благоухающего осеннего леса. Мозг лениво и отстранённо анализировал улавливаемые ухом звуки, от чего те сливались в негромкий монотонный гул. Сон настойчиво требовал от ослабленного

организма капитуляции.

Лежащий в двадцати метрах левее и ближе к предполагаемой точке входа Коллекционер полностью растворился на фоне окружающего ландшафта. Почти чёрный в тёмно-бурых разводах плащ удивительно гармонировал с устланной мхом, кусками гнилой коры и опавшими иглицами землёй. Обмотанные лоскутами грязных серо-коричневых тряпок ствол и прицел винтовки живо напоминали полуистлевшую ветку. И даже знание точного местоположения охотника не сразу позволило Стасу его разглядеть.

Сатурну пребывание в засаде давалось с трудом. По хмурой наполовину укрытой кустами волчьей ягоды физиономии явственно читалось желание схватить ГШГ с лентой на три тысячи патронов и веером от бедра выкосить близлежащий лес к чёртовой матери, обработать чудом уцелевшую растительность гранатами, а уж потом отыскать на этой лесосеке нужный труп или его фрагменты, что, похоже, было предпочтительнее. Тихое бездействие тяготило прирождённого штурмовика.

Время шло, а таинственный попутчик никак себя не обнаруживал.

Дабы не провалиться в сонное забытие, Стас взялся рассматривать копошащихся в полуметре от него муравьёв. Мелкие чёрные, словно угольная пыль, букашки деловито семенили по отмеченной невидимыми границами тропе, с усердием перетаскивая крошечные веточки, семена, мёртвых жуков и мошек. Они были настолько увлечены своими делами, что даже не замечали огромного бестолкового существа тупо лежащего поблизости без каких-либо видимых целей.

«Прекрасное общество, — подумал Стас, любуясь живым конвейером. — Совершенное. Трудятся в едином порыве, безостановочно созидая. Одна цель, один смысл жизни на всех. Ни злобы, ни зависти. Только труд во благо общего дела и радость от него. Как же повезло вам с вашими крошечными мозгами. Стань их больше, и вся эта идиллия полетит к чёрту. Каждому вдруг захочется урвать кусок пожирнее и спросить: „А почему, собственно, не я отдаю приказы? Почему не я деру самок? За каким хером я вкалываю? Да что за говно вообще тут творится?!“. И это станет началом конца. Возможно, он придёт не скоро. Возможно, вы будете даже рады обрести индивидуальную цель на каждого, занять свой личный смысл жизни. Станете важными и значительными в собственных глазах. Поднимитесь над толпой, частицей которой раньше были и не мыслили себя вне неё. Но в один прекрасный момент всё это рухнет под тяжестью лживых идей и фальшивых ценностей. А вы все подохните. Вот так».

Стас набрал полную грудь воздуха и дунул, снося десятки граждан муравьиного сообщества прочь с тропы.

Второй час засады близился к завершению, когда сонный лес вздрогнул от выстрела.

— Лежать, тварь! — Коллекционер быстро поднялся с земли и сел, не отрывая глаз от прицела. — Брось!

Второй выстрел аукнулся из чащи коротким вскриком.

Слева, ломая ветки, рванул к источнику звука застоявшийся Сатурн.

Стас решил последовать его примеру и, вскочив, побежал вперёд, на ходу высматривая среди густой растительности долгожданного визитёра. Но великан успел первым.

— Попался, гад! — радостно проревел он, прижимая воющую от боли добычу ногой и тыча стволом дробовика в укрытую капюшоном голову.

Пленник, облачённый в мешковатый пятнистый камуфляж и ременно-плечевую разгрузку с небольшим ранцем, крепящимся в области поясицы, а так же с двумя подсумками возле живота, лежал на боку, уткнувшись лбом в землю и прижимая к груди изувеченную кисть.

— Аккуратнее, — Стас поднял перепачканную кровью СВД, повесил на плечо и вынул «Грач» из кобуры закреплённой на простреленном правом бедре пленника. — Нам ещё побеседовать не мешает.

— Так-так, — недобро улыбаясь, к месту происшествия подошёл Коллекционер. — И

кто это у нас такой скромный? Кто это всю дорогу подойти стеснялся? Плетётся себе тихонечко в сторонке. Аж смотреть жалко. Чего нелюдимый-то такой? Ребятишки в детстве били? Нет? Ну так сейчас побьём.

— Я свой, — сдавлено прошептал пленник и, конвульсивно дёрнувшись под тяжёлой пятой Старшего брата, застонал.

— Да ну? Какое совпадение, — улыбнулся Стас. — Я тоже свой.

— И я, — поддержал Сатурн.

— Вот так удача! Все свои собрались! — весело констатировал охотник и приложил пламегаситель винтовки к затылку корчащегося на земле пленника. — Сейчас отметим это праздничным салютом.

— Дерьмо! — прорычал допрашиваемый сквозь зубы. — Я из Легиона. Сатурн, скажи им!

Плотоядная ухмылка на лице Старшего брата мгновенно трансформировалась в удивлённо-настороженное выражение. Прижимающая пленника к земле нога пихнула того в плечо, ловко перевернув на спину.

— Пойдите. Я его знаю, — медленно произнёс сбитый с толку великан, но оружия не отвёл. — Это один из наших разведчиков. Какого хрена?!

Физиономии Стаса и Коллекционера тоже радикально преобразились, но совсем по иной причине.

С худого, искажённого гримасой боли лица на них смотрела пара злых, чуть сияющих в сумраке леса, янтарных глаз.

— Ты... кто... такой? — полушёпотом насилиу выговорил охотник.

— Я из Легиона, — повторил незнакомец слабым голосом. — Прикрываю вас. Чёрт... Нужно остановить кровь. У меня... там... в рацее...

Стас спохватился первым и, вытащив аптечку, принялся накладывать жгут на обильно кровоточащее бедро подстреленного легионера.

— Сатурн, — позвал он, — займись рукой.

— А? Да. Сейчас, — засуетился тот вокруг покалеченного сослуживца.

— Как же так? — растеряно протянул охотник, глядя в закатывающиеся вверх жёлтые глаза.

— Бля! Не останавливается, и кость, похоже, сломана, — Стас скользкими от крови пальцами затягивал жгут, в то время как Сатурн пытался приладить марлевые тампоны к раскuroченной кисти, брызгая антисептиком на торчащие из мяса костные обломки. — Да чтоб тебя! Он так долго не протянет.

— Ну уж нет, — Коллекционер разорвал на «пациенте» штанину, достал из винтовочного магазина патрон, выкрутил пулю и, присев, с гильзой в одной руке и зажигалкой в другой, возле ритмично набухающей алой влагой раны, высыпал на неё горку пороха.

Высеченная кремнем искра тут же превратилась в яркую вспышку белого пламени.

Притихший на время разведчик моментально очнулся и заорал, колотясь, будто в эпилептическом припадке.

Кровотечение из-под чёрного пятка обожжённой плоти заметно убавилось.

— Рана сквозная? — поинтересовался охотник, уловив момент между воплями пациента.

— Выходного отверстия не вижу, — ответил Стас, повертев сломанную ногу, чем вынудил страдальца повысить тон и без того пронзительных визгов.

— Жалкое зрелище, — брезгливо поморщился Коллекционер. — Орёшь, будто девка.

— Может, ему морфина вколоть? — предложил Сатурн, явно смущённый столь недостойным поведением коллеги.

— Нет. Он мне в сознании нужен. А морфинчику и получше применение найдётся, — охотник шагнул вперёд и, наклонившись, ухватил перепуганного разведчика за грудки. — Ну что, падла? Мы тебе помогли, теперь помоги ты нам. Говори, сука, как на духу — что у

тебя за приказ?!

— Прикрывать! — выкрикнул разведчик. — Только прикрывать, больше ничего.

— Пиздишь, гнида, — оскалился Коллекционер и, бросив «подследственного» на землю, выхватил нож.

— Нет! Это правда! Зачем мне врать вам?!

— Зачем? — переспросил охотник. — Я скажу тебе зачем — чтобы выжить. Но ты кое-чего не учиываешь. Иногда смерть — это не самый плохой вариант.

— Да вы спятили! — заорал «подследственный» срывающимся на визг голосом и попытался отползти от экзекутора. — Сатурн, что ты смотришь?! Помоги мне!

— Помоги себе сам, приятель, — вздохнув, ответил Старший брат. — Расскажи правду.

Коллекционер перешагнул через пленника, извивающегося в тщетных попытках отсрочить неминуемое, и, схватив левой рукой за горло, прижал к земле.

— Сейчас я введу клинок тебе между рёбер и буду медленно его поворачивать. Дёргаться не советую, если хочешь ливер уберечь. Но и врать не стану — будет больно. Очень больно.

— Всё-всё-хватит-остановись! — на одном дыхании затараторил разведчик. — Я буду говорить, — расширившиеся зрачки в обрамлении жёлтых радужек застыли, прикованные к ножу. — У меня приказ следовать за вами и, в случае... непредвиденных обстоятельств... в случае... мне тогда...

— Заебал, — острое клинка приблизилось, чуть коснувшись рёбер.

— Я должен ликвидировать группу! — выпалил пленник и замер, прерывисто дыша, испуганный собственными словами.

— Что?! — проревел Сатурн. — Ах ты, сука!

— Я лишь выполнял приказ!

— Приказ Хозяина? — уточнил охотник, краем глаза наблюдая за реакцией Старшего брата.

— Конечно.

— Врёшь! — слюна, сорвавшаяся с дрожащих губ великана, брызнула на искажённое ужасом лицо пленённого ликвидатора.

— Тише, — поднял руку Коллекционер. — Он говорит правду. Не будем его перебивать.

Пленник сглотнул, боязливо косясь то на нож, то на разъярённого Сатурна, и продолжил:

— В мои обязанности входило сопроводить вас до форта Кутузовский, и проследить, что всё идёт, как задумано. У меня нет приказа на уничтожение группы без... без соответствующих обстоятельств.

— Что за обстоятельства? — спросил Стас.

— Обстоятельства, угрожающие сохранности груза от третьих лиц.

— Изъясняйся по-русски, — потребовал охотник.

— Моя задача — не допустить, чтобы груз попал в чужие руки. Любой ценой.

— Конкретнее.

— Хорошо-хорошо, — выложив наиболее нелицеприятные факты и до сих пор не получив нож в бочину, пленник слегка успокоился. — Условий ликвидации группы всего три. Первое — попытка контакта с властями Муром. Добровольная или принудительная — не имеет значения. Второе — радикальное, лишённое видимых причин, отклонение от запланированного маршрута после выемки груза. И третье — конфликт внутри группы, приведший к смерти Сатурна.

Обнародование последнего условия заметно смягчило складки на раскрасневшейся физиономии Старшего брата.

— С этого и нужно было начинать, — фыркнул он с показной злобой.

— А как на счёт остальных инструкций? — поинтересовался охотник.

— Каких инструкций?

— Ну, например, что делать в случае, если остался один в муромском лесу со сломанной ногой и без оружия.

Разведчик снова сглотнул и обвёл пленителей умоляющим взглядом.

— Вы не можете так поступить, — прошептал он еле ворочающимся языком.

— Извини, — Коллекционер поднёс ладонь к уху, — я не расслышал.

— Вы не можете так... Помогите мне. Пожалуйста.

— Нельзя бросать его здесь, — сменил Сатурн гнев на милость. — Он же умрёт.

— Дружище, — охотник нахмурился, серьёзно глядя великану в глаза, — вокруг полно людей, которые скоро умрут. Что же, прикажешь послать всё в жопу и заняться их спасением?

— Можем взять его с собой, — подключился к разговору Стас.

— Спасибо! — оживился подранок. — Я очень вам благодарен.

— Это глупо, — развёл руками Коллекционер. — Он будет нас тормозить.

— Я понесу, — вызвался Сатурн.

— Разумеется, понесёшь, — кивнул Стас. — С этого момента он на полном твоём попечении. Если надоест, разрешаю бросить. А пока зафиксируй ему кость и вколи морфина. Не хочу, чтобы он демаскировал нас своими воплями.

— Так точно! — отчеканил Старший брат и приступил к поиску подходящих веток.

— Имя есть? — обратился Стас к раненому.

— Крик, — ответил тот.

— Справедливо, хотя и довольно тупо.

— Нашу группу назвали в честь великих генетиков. Френсис Крик — один из них.

— Ну, это чуть менее тупо. Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— Ты ведь по возрасту не самый старший из разведчиков, верно?

— Да. Есть ещё две группы, старше нашей на пять и на десять лет. Зачем это вам?

— А на пятнадцать лет? Такой группы не припоминаешь?

— Ровесники Первой роты? Нет, не думаю.

— А ты подумай, — дал «дружеский» совет Коллекционер. — Ведь если переростков и вас производят на свет с пятилетним шагом, значит и у самых первых Старших должен быть комплект.

— Наверное, — боязливо согласился Крик с доводами охотника, не понимая, чего же от него хотят, и вытер рукавом покрывшую лоб испарину. — Но в Истории Легиона о них не упоминается. Зачем вы спрашиваете?

Бубня что-то себе под нос, к собеседникам подошёл Сатурн, положил рядом с подопечным две толстых относительно ровных жерди и остановился, задумчиво переводя взгляд с Коллекционера на Крика и обратно.

— Хм. Вы здорово похожи, — поделился он, наконец, «тонким» наблюдением. — А я всё думал, откуда, Кол, мне рожа твоя знакома. Со стороны так и вообще можно решить, будто ты один из наших, — Великан, безо всякой задней мысли, посмеялся и, достав из рюкзака необходимые принадлежности, занялся врачеванием. — Расслабь мышцу, надо укол сделать.

Но разведчик его, казалось, не слышал. Он округлившимися, словно сигнальные фонари, глазами уставился на Коллекционера, только сейчас узрев «фамильное» сходство.

— Что ты вылупился? — спросил охотник с нотками раздражения в голосе.

— Ничего, — тут же помотал Крик головой и поспешил отвести взгляд.

— Говорю один раз и для всех, — обратился Коллекционер к окружающим, — больше эту тему не поднимать.

— Какую тему? — удивился Сатурн, но ответа не получил.

К началу октября лес преобразился. Пора золотой осени миновала. Редкие берёзы с осинами сбрасывали последние листья, оставляя всё меньше ярких всполохов посреди

тёмно-зелёной монотонности елей. Под густым пологом их лап, в царстве вечного мрака, холодная влажная земля дышала испарениями, превращая отмершие ткани леса в липнувший к подошвам компост.

— Сколько можно ныть? — проворчал охотник, косясь на болтающегося у великана через плечо Крика. — И скулит, сука, и скулит, и скулит, и скулит... Задрал.

— Он в отключке, — полуоправдываясь буркнул Сатурн. — Не контролирует себя.

— Он себя и без отключки не контролирует. Смотри, обгадится — будешь сам его подтирать.

Испуганный предостережением великан нахмурился, шумно втянул носом воздух и, не обнаружив посторонних запахов, всё же поморщился, видимо представив себе последствия негативного сценария.

— Жалкая тварь, — продолжил Коллекционер лишившимся привычной иронии тоном. — Каким нужно быть идиотом, чтобы намеренно, в результате многолетних экспериментов, создать столь убогое существо? Ни гордости, ни воли. Тряпка обоссанная.

— Что ты к нему пристал? — попытался Сатурн защитить коллегу. — У него кисть разmozжена, и треть бедренной кости в труху превратилась. Всё болтается, закрепить, как следует, невозможно. Тут носилки нужны. На тебя бы посмотреть в его состоянии.

— На меня? — ткнул охотник себе в грудь пальцем. — Я проходил двенадцать километров с перебитой голенью. Я с простреленными кишками по пустоши двое суток ползал, от зверья ножом отбиваясь. У меня сейчас в плече дыра недельной давности. Я ною? Может, он ноет? — кивнул Коллекционер на Стаса. — С несросшимися рёбрами и вчера заштопанной ляжкой. Или в Легионе вашем одни полупидоры?

— Заткнись! — рыкнул великан, покраснев, будто кипятком ошпаренный. — Кто ты такой, чтобы хаять Легион?!

— Прекратите! — вмешался Стас, вклинившись между скандалистов. — Спятели?! Кол, что на тебя нашло? Разошлись быстро! Не напирай! — попытался он отпихнуть Сатурна, но вместо этого сам отшатнулся, как от стены. — Да что, вашу мать, за нахуй?! Успокойтесь оба! Вот так. Только друг друга перебить осталось. Как дети малые.

— Ещё раз назовёшь меня пидором — убью, — огрызнулся великан, чуть остыв.

— Полупидором, — поправил охотник.

— Хватит уже! — рявкнул Стас. — Бля! Чем дальше, тем больше понимаю майора и жалею, что он нас покинул. Оказывается, Вихров был неплохим человеком с тяжёлой судьбой, а совсем даже не мудаком, как мне раньше представлялось. Потому что мудаки — это вы. Один день общения с вами можно приравнять к пяти дням на фронте. Если не перестанете собачиться, придётся кого-то пристрелить.

Разведенные «по углам» смутьяны насупились и, к общей пользе, замолчали.

Через два часа пути лес заметно поредел и скоро уступил место раскинувшимся на многие километры убранным полям, посреди которых, будто пугало, отгоняя непрошенных гостей, стояли Ковардицы.

Крупный богатый посёлок, живущий сельским хозяйством и кормящий могучего соседа, ошетинился неровной грядой древозёмных стен с высокими башнями по всему периметру. Эти массивные сооружения, укреплённые шпалами и рельсами, кои любезно поставляла в нужных количествах пролегавшая рядом железная дорога, позволяли без труда следить за полями, и дальним выстрелом пресекать попытки воровства. В общей сложности Стас насчитал двадцать четыре башни, примерно через каждые двести пятьдесят метров. Правда, сейчас они в большинстве своём пустовали. Урожай был давно собран, а выкапывать из земли озимую пшеницу, дураков не находилось.

Судя по протяжённости и серьёзности фортификаций, население Ковардиц составляло не меньше двух тысяч человек, а значит, вполне могло постоять за себя не только на стенах, но, в случае чего, и снаружи. Местным малочисленным бандам, рыскающим вдоль дорог, здесь нечего было ловить. Чёрные скользкие от гнили столбы на границе с лесом красноречиво о том предупреждали пеньковыми верёвками и клочьями тряпья, оставленного

окрестной живностью после сытной трапезы.

Затратив ещё полтора часа, чтобы обогнуть по опушкам муромскую житницу, отряд лёг на прямой курс до места назначения. Однако, прямым он, как и следовало ожидать, оказался лишь согласно карте. На деле же аккуратная, проведённая карандашом по линейке черта превратилась в изнуряющий серпантин, выющийся между почти сливающимися воедино приусадебными хозяйствами трёх сёл, показавшихся картографу слишком мелкими, чтобы обращать на них внимание штабного начальства.

Редкие пятачки леса, не пущенного ещё под топор и способные укрыть чересчур заметную на открытой местности группу, перемежались полями, и тогда приходилось едва ли не вставать на четвереньки, чтобы избежать ненужного внимания со стороны местных обитателей.

Тяжелее всего такие переходы давались Сатурну. Слишком высокий, чтобы быть незаметным, слишком тяжёлый, чтобы подолгу красться в полуприсяде, да ещё и с болтающимся на плече раненым разведчиком, он быстро лишился сил, обливаясь потом и хрипя, будто загнанная лошадь.

Лишь в половине девятого вечера отряд, уставший и злой, смог выйти к остаткам автомобильной трассы в двух километрах от Вербовского.

— Сюда, — махнул рукой Стас, подзывая уже слабо различимых в переплетении ветвей компаньонов. — Значит так, до схрона осталось совсем недалеко. Но нам придётся лезть мимо Вербовского. Я вам уже рассказывал вкратце о грибниках...

— Ерунда, — отмахнулся Сатурн.

— Заткнись и не перебивай. Ерундой они кажутся только издали. К тому же, я не знаю, как эти твари ведут себя в тёмное время суток. Может спят. Тогда нам повезло. А может и охотятся. В любом случае нужно быть начеку. И шуметь нам совершенно не с руки. Поэтому двигаться будем предельно осторожно. Сначала как следует посмотрим и только потом делаем шаг. Кол, здесь на тебя вся надежда.

— Прорвёмся, — заверил охотник.

— Сатурн, — обратился Стас к великану, — вколи-ка ещё дозу подопечному своему.

— Как бы не переборщить, — поморщился тот, расцехляя иглу инъектора.

— Ничего, выкарабкается. И ещё, — Стас вынул из подсумка склянку с прозрачной желтоватой жидкостью, — побрызгай на раны. Это уксус. Грибники его не любят, в отличие от крови. Теоретически.

Глава 17

Стас отвинтил дульный компенсатор сто третьего, сменив его на ПБС-1, отомкнул магазин, набитый стандартными «семёрками», извлёк из ствола патрон, поместил его к остальным и вставил новый рожок, предварительно убедившись, что головка верхней пули окрашена чёрным лаком с зелёной каймой, после чего отрегулировал положение хомутика на прицельной планке и снова передёрнул затвор, досылая спецбоеприпас в патронник.

— Выдвигаемся.

Небо, затянутое тяжёлыми, напитанными влагой облаками, повисло над лесом титаническим куполом. Лишь крошечные мерцающие огоньки в прорехах мрачного свода напоминали о скрытой за ним бесконечности.

Сгушающийся с каждой минутой мрак выходил будто из самой земли вместе с туманом, поднимался от корней по изуродованным стволам и расплзался в кронах деревьев, чьи причудливые силуэты всё менее ясно выделялись на чернеющем фоне.

— Стоп, — вскинул руку охотник и замер, вглядываясь в дышащую ночным холодом темноту. — Движение на два часа. Метров семьдесят.

— К нам? — шёпотом уточнил Стас.

— Нет. Идёт вправо. Один. Остановился. Снова пошёл. Он нас не видит.

— Леший говорил, что у грибников хорошее чутьё.

— Может, к ночи да по морозцу ухудшается? А что за Леший?

— Местный проводник.

Стас поднял автомат в обозначенном Коллекционером направлении, поднеся к глазу окуляр прицела.

Среди колоннады стволов, теряющейся в сумрачной дымке, действительно что-то перемещалось. Тёмное пятно, по очертаниям напоминающее человеческую фигуру, пошатывалось, неспешно бредя в обычной для местных обитателей полусонной манере.

— Кто там? — рядом, с КСВК наизготовку, присел Сатурн и, неаккуратно опустив колено на землю, хрустнул сломанной веткой.

Бесцельное движение существа тут же прекратилось. Неясный силуэт моментально сгруппировался, сделавшись вдвое ниже, и... взлетел, тёмным сгустком метнувшись к стволу ближайшей сосны, а от него к следующему, без какой либо задержки, словно резиновый мяч, рикошетирующий от дерева к дереву, с каждым отскоком набирая высоту, пока не исчез в кронах.

— Назад все, назад! Не расходиться! — попятился Стас, задрав ствол автомата к предательски густым сосновым лапам. — Это что ещё за херня?

— Там! — указал охотник на дрогнувшую ветку метрах в тридцати, прикручивая к «Перначу» глушитель.

Короткая автоматная очередь резанула тёмную хвою. Но ничего кроме вороха иглиц на землю не упало.

— Ах ты ж! — Коллекционер развернулся на сто восемьдесят градусов и опорожнил двадцативосьмизарядный магазин в невидимую цель. — Ловкая зараза.

— Куда вы палите? — Сатурн крутился на месте, грозя небу стволом дробовика. — Ничерта не вижу. Ай, бя!

Бесшумная тень спикировала великану на спину, едва не сбив того с ног, и через секунду уже растворилась в ветвях, унеся с собой выдранный из броневоротника лоскут ткани.

— Вот падла!

— Не стреляй, — остановил великана Стас. — Шума много.

— Можно без шума, — Сатурн опустил дробовик рядом с уложенным на землю Криком и вынул из-за голенища меч. — Ну, где ты, тварь?

— Не вижу её, — ответил Коллекционер, обводя деревья взглядом поверх зажатого в руке «Пернача».

— Может ушла? — предположил Стас.

— Тебе лучше знать. Кто тут специалист по местной фауне?

— Я только по грибникам, а эту сволочь первый раз вижу.

— Гадина, — проворчал Сатурн, ощупывая воротник левой рукой. — Хорошую броню в лохмотья погрызла.

— Ну что? — глянул Стас на охотника.

— Вроде тихо. Видать и впрямь сдриснула.

— Тогда и нам лучше не задерживаться. Сатурн, поднимай своего больного, уходим.

Великан молча кивнул, сунул меч обратно за голенище и, ещё раз оглядевшись, взвалил на плечо обколотого морфином разведчика, после чего наклонился за оружием.

— А-аррр! — гортанный рёв вырвался из перекошенного от боли рта.

Сатурн, громыхая сбруей, упал. Только что взятый «на борт» Крик оказался придавлен тремя сотнями килограммов брони и мяса, поверх которых восседала омерзительная тварь, вцепившаяся зубами в голову великана.

Не успели Стас с Коллекционером взять неведомое существо на прицел, как оно прыгнуло в сторону и... рухнуло, ухваченное за ногу.

Обескураженная таким поворотом событий тварь ринулась назад, но отлетела, встретившись с булавоподобным кулаком.

Издав совсем звериный рык, испугавший бы, пожалуй, и медведя в период случки,

Сатурн поднялся и, размахнувшись нокаутированной тварью как цепом, приложил её о ближайшее дерево. Хруст костей и треск порванных сухожилий не оставили недосказанности в истории этого скоротечного знакомства.

— Ты цел? — подбежал Стас к великану.

— Не похоже, — пробурчал тот.

По шее Сатурна, вниз, огибая карманы разгрузки и растекаясь вдоль швов, бежал поблёскивающий в скудном свете ручеек. На месте левого уха сочилась кровью открытая рана.

— Нужно обработать, — Стас достал из рюкзака аптечку. — Неизвестно, что за дрянь у неё на зубах. Вот чёрт. Держись, будет больно.

Струя кровоостанавливающего спрея ударила в оголённые нервы.

Великан сжал зубы и засопел. Ремни жилета скрипнули на вздымающейся могучей груди. Вспухшие вены бешено запульсировали, расчертив лоб. Но ни один стон, ни один вскрик не нарушил тишины.

— Вот. Сейчас залепим, — Стас выдавил из тюбика четыре тонких полоски клея на края стерильной прокладки и приложил её к лишившемуся раковины уху. — Хорошо у вас в Легионе с медикаментами. В Муроме такая аптечка золотых на три потянет. Готово. Слышишь что-нибудь?

Сатурн заткнул правое ухо пальцем.

— Раз, два, три, — сосчитал Стас.

— Вроде слышу, — ответил великан.

— Ну и отлично. Сейчас ещё уксусом смочим. Пощиплет немного. Вот так. Всё, здоров.

Коллекционер тем временем стоял над мёртвой поросшей чёрной шерстью животной и внимательно её рассматривал, двигая длинные переломанные конечности стволом винтовки.

— Экая дивная зверуха, — он ботинком повернул разбитую голову и, сунув ей в пасть пламегаситель, раздвинул окровавленные челюсти. — Впечатляет. Слышь, Станислав, мы обнаружили новый, ранее неизвестный науке вид примата. Предлагаю назвать его ухожором.

— Романтично, — подойдя, согласился Стас.

Внешне тварь сильно напоминала обезьян, проиллюстрированных в книжке со странным названием «Справочник юного натуралиста», которую когда-то подарил отец, чем заработал неделю головной боли, отвечая на глупые детские вопросы.

Сравнительно небольшое и лёгкое туловище с отлично развитой мускулатурой, покрывала жёсткая чёрная шерсть. Конечности, практически одинаковой длины, что задние, что передние, составляли основную массу тела. Сильные и подвижные они без труда перемещали своего хозяина в любых плоскостях с завидной скоростью, при этом не лишая возможности ходить вертикально. А вот голова мало походила на обезьянью. Не считая широкой зубастой пасти с мощными челюстями, она была самой что ни на есть человеческой. Лицо, если его рассматривать в отрыве от тела, принадлежало женщине лет сорока, с правильными чертами, пожалуй, даже не лишённое привлекательности, если оставить без внимания покрывающий кожу слой грязи и кровоточащую вмятину на черепе, чуть ниже линии волос.

— Красотка, — охотник подцепил стволом винтовки вывернутое из сустава бедро и откинул его в сторону. — Не желаешь стресс снять?

— Оставлю право первенства завалившему, — усмехнулся Стас.

— Переросток, — позвал Коллекционер, — ну-ка глянь. Может с собой прихватишь, в дороге развлечься.

Сатурн, морщась, подошёл к объекту всеобщего внимания.

— Я заберу голову, — постановил он и, прислонив поднятый за волосы трофей к дереву, вытащил меч.

Короткий точный удар отсек всё лишнее, свалившееся на землю тряпичной куклой.

— Что ж, разумно, — одобрил Коллекционер. — Только смотри, не поранься. Мёртвые мышцы имеют забавную привычку сокращаться в самый неподходящий момент.

Великан обернулся и, вздохнув, смерил охотника взглядом.

— Ты очень испорченный человек, — произнёс он со всей серьёзностью.

— Ну ни хера себе, — присвистнул Коллекционер, хлопнув Стаса по плечу. — Слыхал? Он назвал меня человеком.

— Каких только глупостей от детей не услышишь, — улыбнулся тот и окликнул Сатурна: — Эй, лови, — склянка с уксусом, описав короткую дугу, упала в подставленную ладонь великана. — Замотай барышне шею и смочи пообильнее.

— Сделаю. Вот дерьмо, — неожиданно растерянным тоном пробурчал Сатурн, глядя под ноги, чем заставил компаньонов насторожиться и поспешить следом.

— Не уберегли, — констатировал Стас, оторвав пальцы от шеи Крика.

Разведчик лежал на спине, запрокинув голову, и отчего-то улыбался, хотя вмятая вовнутрь грудина, создающая заметный даже под мешковатым камуфляжем провал, совсем не располагала к хорошему настроению.

— Это я его раздавил, — покаялся великан.

— Может оно и к лучшему, — хмыкнул охотник. — Он сдох счастливым ублюдком, и даже не заметил как.

— Давайте оставим этот инцидент между нами, — предложил Стас. — Ни к чему распространяться о том, как мы подстрелили, пытали и, в конце концов, раздавили по неосторожности бедного Крика. Тем более, что о нём вряд ли кто спросит.

— Нужно его похоронить, — безапелляционно заявил Сатурн.

— Снова-здорова, — вздохнул охотник. — Ты чего странный такой? Прямо, хлебом не корми — дай кого-нибудь похоронить. У меня вот приятель был в детстве, так он обожал зверюшкам услуги ритуальные оказывать по христианским традициям. Только живьём. Подрос — на людей переключился. Больше всего любил руки-ноги клиенту ломать, класть его в яму и, не спеша, кидать на рожу землю лопатой. Весело получалось — клиент визжит, отплёвывается, скачет там, как уж на сковородке, грозить пытается, потом торговаться, потом умолять, плачет. Ты слышал когда-нибудь рыдания с мольбами из-под шевелящейся земли? Нет? Много потерял. Впечатления поярче, чем от хорошей ебли. Такое потом настроение жизнерадостное весь день. Но вот кончил приятель мой скверно — перебрал как-то раз и в канаве уснул, а под утро в ту канаву целую гору помоев вывалили, его не заметив. Я это всё к чему говорю-то? Не рой другому яму — сам в неё попадёшь. Народная мудрость. Вот, — охотник назидательно поднял указательный палец.

— Что же, так и бросим на съедение? Уксус ведь скоро выветрится.

— А тебе не похрен кто этого козла жрать будет? Или черви предпочтительнее грибников?

— Ладно, — прервал «философскую» беседу Стас, — хватит разглагольствовать, идти пора.

Небо над лесом совсем потемнело, и двигаться приходилось почти на ощупь. Во главе сократившегося до прежних размеров отряда, бесшумной тенью скользил Коллекционер, а позади, ломая ветки и чертыхаясь шагали Стас с Сатурном, больше озабоченные тем, как бы не намотать кишки на сук, чем возможной встречей с грибниками, или ещё кем похуже.

— Заррраза! Ненавижу деревья, — рычал великан, сдирая с исцарапанной физиономии липкую паутину. — Сжечь бы их все к чёрту. И почему здесь не как за Окой?

— Любишь пустыню? — поинтересовался Стас.

— Теперь люблю.

— Зря ты так. В лесу, летним днём, куда лучше. Птицы поют, смолой пахнет, мох под ногами, мягкий, как перина, кузнечики... Ай, блядь! Кузнечики стрекочут, мать их за ногу. Красота. А в пустоши что? Пылища да земля голая до горизонта.

— Не трави душу.

— Впереди третий овраг, — сообщил Коллекционер ведомым.

— Хорошо, — кивнул Стас. — Мы почти на месте. Хм... Что за вонь? — он остановился и взглянул на замершего в нерешительности Сатурна.

— Кажется, я куда-то не туда наступил, — пробурчал великан, разглядывая поглотившую ботинок жижу.

— Вляпался таки, — с нотками презрения в голосе проскрипел охотник. — Совсем нюха нет. Как эту трупную вонищу можно не почуять?

Сатурн в омерзении скривился и медленно, тщетно стараясь не усугублять заполнившее воздух амбре, высвободил ногу из чавкающего «капкана».

Припорошённый иглицами труп, судя по виду и запаху, пролежал здесь не меньше недели. Ноги и таз были обглоданы до костей. Лохмотья уцелевшего мяса почернели. Старательно копимое год за годом брюшное сало так же пошло в пищу. На сырой земле в обрамлении осклизлых позвонков и рёбер лежали бесформенной кучей внутренности, посреди которых красовался чёткий след подошвы громадного размера. Грудь и руки, частично укрытые разодранной чёрной униформой, пострадали меньше, оставленные, видимо, про запас. Откушенный нос с коркой обильно хлеставшей крови, порванные до ушей щёки и распахнутые в ужасе, остекленевшие глаза, ясно давали понять, что умер данный индивид не от пули.

— Ты оприходовал? — подошёл к источнику смрада Коллекционер.

— У меня отсутствует привычка, рвать врагов зубами, — ответил Стас.

— А что тут зазорного? — пожал печами охотник. — Не мы выбираем обстоятельства, обстоятельства нас выбирают. Вот, помнится...

— Нет, это другой, — прервал Стас на взлёте очередную «жизнеутверждающую» историю. — Те в камуфляж были одеты. Пойдём скорее. Не хочу нервировать хозяев лакомого кусочка. Сейчас на запах потянутся.

— И то верно. Переросток, вытри ногу.

Сатурн, морщась, сгрёб с земли охапку мха и тщательно обтёр ею сапог.

— В пустоши такого говна точно не произошло бы, — заметил он деловито.

— Ага, — кивнул охотник. — В пустоши много чего не смогло бы произойти. Например, зубастые волосатые твари не могли бы прыгать с дерева на дерево и откусывать уши зевакам. А тут — пожалуйста. Хотя, с другой стороны, здесь нет гусяров, ибо неудобно им промеж корней ползать и башкой о пни биться, из-под земли выскакивая. Но, доложу вам, по моим наблюдениям, лучше всего там, где нас нет. Точнее, даже не так. Лучше всего там, где вас нет, — указал Коллекционер пальцем на великана.

— Это ещё почему? — фыркнул тот.

— Мой юный друг, — продолжил охотник с пафосом, обращаясь к Сатурну, — в отличие от тебя, мне довелось побывать в краях, о которых многие даже не слышали. Я истоптал землю от Уральских предгорий, славных богатой дичью и процветающей работоторговлей, до северных морей, что лежат за владениями свирепых кочевников. И нигде, ни в одном из самых тёмных уголков мира, обитатели коих давно отринули законы, что людские, что божьи, я не встречал такого количества бесовских порождений, как в краях облюбованных Легионом. Гусяры, грибники, ухажоры... Станислав, может ты ещё вспомнишь?

— Вспомню, — кивнул Стас. — Здесь недалеко брошенные цеха стрелочного завода располагаются, так там обжилась скотина пострашнее любого грибника. На моих глазах дюжину собак распугала. Я и сам, честно сказать, едва не обоссался.

— Вот видишь, — Коллекционер снова переключился на Сатурна, — четыре очных встречи с представителями отнюдь не аборигенной фауны за неполные две недели. Просто нонсенс какой-то.

— Чего? — огрызнулся Сатурн.

— Нонсенс, говорю. Невероятное стечение обстоятельств. Складывается полное впечатление, что по здешним городам и весям разбежался целый зверинец тварей, к созданию которых матушка-природа отношения не имеет. Как ещё это объяснить, если не

проделками ваших коновалов? Стряпают, небось, уродцев, и выпускают на волю, дабы понаблюдать в естественной среде обитания. Хотя, какая она к чёрту естественная? Меня только один вопрос касательно данной темы волнует — где у вас вторая база?

— Это закрытая информация, — привычно отрезал великан и раздосадовано фыркнул, спохватившись.

— Само собой, дружище, — промурлыкал охотник настолько довольным тоном, что Стас, шагающий позади, даже присмотрелся, не вылезает ли улыбка за пределы капюшона. — Вторая база есть. И, судя по всему, не слишком далеко. Наверное, километров пятьдесят в сторону Гусь-Хрустального. Там места глухие, безлюдные, но дороги имеются. Удобный плацдарм.

— Завязывай.

— А вот интересно — я один такой умный, или муромчане тоже не лаптем щи хлебают? Как думаешь, — обратился Коллекционер к Стасу, — властямущие за стеной обратили внимание, на то, что несколько сёл в обширном ареале муромских интересов вдруг перестали подавать признаки жизни, и не везут урожай на продажу?

— Сложно сказать. Если крупные хозяйства, вроде Ковардиц, не тронуты, то на мелкие, до поры, вполне могут не обращать внимания. Спыхватятся, когда зернохранилища наполнить не смогут. Муром привык к сытости. Но из захваченных сёл наверняка кому-то удалось удрать. А раз так, беженцы пойдут искать правду в город, и сообщат о случившемся. Только вот, чем Муром сможет ответить? У него не так и много бойцов. Вся их безопасность пляшет от обороны. Последняя ура-атака на банду Звягинцева продемонстрировала способности эсесовцев во всей красе, а ведь это лучшие, насколько я знаю, кадры. Против родственников Сатурна они и пяти минут не протянут.

Великан польщённо хмыкнул.

— Хотя, — продолжил Стас, — Легион не только Старшими братьями «богат».

— Ты о чём? — поинтересовался Сатурн.

— О раздолбях ваших, что на людей похожи. Вот они эсесовцам по зубам будут.

— Любой боец Легиона стоит трёх чужаков.

— Скажи это крестьянам из Кутузовского.

— М-м?

— Вот так сюрприз. Да он же не знает, — усмехнулся охотник.

— О чём я не знаю? — спросил великан, всё больше раздражаясь недомолвками.

— Рассказать? — Коллекционер, еле сдерживая ползущую виришь зловредную ухмылку, посмотрел на Стаса.

— Не надо.

— Чего не надо? — в голосе Сатурна отчётливо зазвучали рычащие нотки.

— В данный момент есть дела важнее, — попытался Стас завершить неудобный разговор, но это оказалось задачей не из лёгких.

— Хватит! — рыкнул великан и сжал кулаки так, что суставы захрустели. — Мы никуда не пойдём, пока я не услышу то, чего мне слышать не надо.

— У тебя есть приказ, солдат, — напомнил охотник, продолжая скалиться.

— Не зли меня.

— Ладно, успокойся, — приподнял руки Стас. — Хочешь знать? Расскажу. Ты что-нибудь слышал о бойне возле Кутузовского?

— Это была не бойня, а спецоперация по захвату вражеской продовольственной базы.

— Ну да, конечно. А за восемь часов до этого, на дороге? Там разгромили колонну Легиона из тридцати человек. Знаешь, кто это сделал?

Сатурн отрицательно помотал головой.

— Семнадцать тружеников сохи, — продолжил Стас, скромно умолчав о личных заслугах. — Они устроили засаду в лесу и уничтожили почти вдвое превосходящего их числом и гораздо лучше вооружённого противника, ни потеряв при этом ни единого бойца.

— Коварные крестьяне, — посмеялся охотник.

— Угу. Так что заявленное официальной доктриной Легиона соотношение чуть дальше от реального, чем Луна от Земли. Впрочем, твои коллеги, ближе к утру, его заметно подправили.

Глаза Сатурна насторожено сузились под сведёнными к переносице бровями.

— Ты много знаешь о том бое. Уж не потому ли...

— ...Что я там был? — закончил Стас начатую великаном фразу. — Да. Это я помог организовать засаду, и лично положил не меньше четырёх легионеров. Твоему командованию известны все обстоятельства.

— Станислав, — вклинился в беседу Коллекционер, — пока ты ещё дышишь, будь добр, скажи, где спрятана бомба. Очень хочется получить деньги, не говоря уже об эстетическом наслаждении от созерцания мёртвого Муромы.

— А братьев? — спросил Сатурн, с видимым трудом подавляя прущие наружу эмоции. — Ты убивал Старших братьев?

— Только одного, — ответил Стас.

— Аппр! — великан сжал кулачищи и засопел, талдыча под нос, как заклинание: — Приказ первостепенен, приказ первостепенен, приказ первостепенен...

— Бомба, — напомнил охотник.

— Кого? — с хрипом выдавил из себя Сатурн.

— Откуда мне знать? — пожал Стас плечами, прилагая нешуточные усилия, чтобы сохранить внешнюю невозмутимость в двух метрах от разъярённого гиганта, готового вот-вот сорваться с тормозов. — Я имени не спрашивал.

— Опиши.

— Описать? Ну... Точь-в-точь как ты, только рубец широкий от левой брови через лоб тянется. Подробнее не разглядел.

— Фобос, — выдохнул Сатурн, и поник, будто весь накопившийся пар ушёл на то, чтобы произнести имя. — Брат мой. Как это произошло?

— Пулёмётная очередь в голову.

— В голову... — повторил великан отрешённо. — Он забрал с собой хотя бы десяток врагов?

— Вполне возможно. «Врагов» по двору металось — только успевай перезаряжать.

— Хорошо, — Сатурн кивнул, удовлетворившись ответом, и замолчал.

— Ну, — вывел Стас великана из задумчивого оцепенения, — и что ты об этом думаешь?

— Они погибли в бою, — изрёк Сатурн глубокомысленно, — значит, были не достаточно хороши, значит, недооценивали врага, значит, ставили под угрозу интересы Легиона, значит, смерть их закономерна. Слабые умирают. Победа — удел сильных.

— Я рад, что наши мнения на сей счёт не расходятся. Теперь мы можем идти?

— Да.

Преодолев ещё один овраг, троица остановилась возле раскидистой сосны с едва заметным из-за густой кроны отверстием дупла в двух метрах над землёй.

— Мы на месте, — Стас подошёл к дереву, внимательно, насколько позволяло освещение, рассматривая ствол. — Вроде всё должно быть цело.

— Ты спрятал бомбу в дупло? — уточнил охотник.

— Хорошее место. А что тебя удивляет?

— Да нет, нормально, просто сказка вспомнилась. Ну, знаешь — на дереве сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла, а на конце иглы той — смерть кощея.

— Примерно так, — улыбнулся Стас. — Только из сундука мы её вынули. Слишком тяжёлый оказался. Сатурн, сумеешь разломать ворота узилища? — кивнул он на сосну.

— Ничерта не понял из вашей галиматии, — проворчал великан, — но разломать готов.

Меч и пара могучих рук быстро справились с поставленной задачей. Меньше чем через минуту закрывавшая полость в стволе кора была раскурочена, и теперь дерево напоминало поверженного сказочного тролля с выпотрошенным брюхом.

— Достаточно? — поинтересовался Сатурн, любуясь результатом.
— Думаю хватит, — кивнул Стас. — Теперь засунь внутрь руку и достань то, за чем мы пришли.

Великан прижался плечом к стволу и, пошарив, удивлённо хмыкнул.

— Что такое? — насторожился охотник.

— Да тут... А, нащупал. Тряпка вроде, или брезент.

— Всё правильно, это она, — выдохнул Стас, чувствуя, как сердце переходит с галопа на аллюр. — Найди ремни, хватайся за них и осторожно вытягивай.

— Понял.

Скрипнула кожа, звякнули металлом пряжки, и брезентовый кокон со смертоносной начинкой покинул место своего недельного заточения.

— Ух, — опустил Сатурн бомбу на землю.

— Небольшая совсем, — оценил Коллекционер габариты кокона. — Развернём? Охота посмотреть на «смерть кощееву».

— Нечего там особо рассматривать и некогда, — Стас присел рядом и отогнул край одного из вещмешков. — Обычная бомба, только синяя. Сатурн, клади её в рюкзак, у тебя там как раз место освободилось, и сваливаем. Хватит судьбу испытывать.

Двигаясь на северо-запад, группа обогнула близлежащие сёла и, выйдя к железнодорожной насыпи в пяти километрах от Стрелочного завода, продолжила движение вдоль неё. Через шесть часов на фоне брезжащего утренней зарёй неба показались смотровые вышки форта Кутузовский.

— Ну вот и пришли, — Стас остановился, глядя на голое, подёрнутое инеем поле и разбитую телегами дорогу. — Осталось только сдать груз и получить заслуженный гонорар.

— То есть нас ожидает самый ответственный и опасный этап, — резюмировал охотник.

— Это почему? — не понял Сатурн.

— Потому что получение гонорара, дружище, всегда самый опасный этап любой операции. Такова уж человеческая натура. Когда заказчику чего-то очень хочется, например, отрезанную голову конкурента, он готов платить. Искренне готов, так как знает — кидать исполнителя себе дороже. Но когда в руках у заказчика оказывается одновременно и желанная голова и обещанные за неё деньги, он невольно, на уровне своего блядского подсознания, проникается обманчивым чувством справедливости текущего момента, а исполнителя, — Коллекционер изящным жестом указал на Стаса и собственную скромную персону, — начинает воспринимать, как источник лишних финансовых проблем. И, конечно же, первое, что приходит ему на ум — избавиться от настырного «попрошайки». В случае, когда заказчиком выступает не отдельно взятый барыга, а целая кодла жадных сволочей, притом что обещанный гонорар велик, опасность усугубляется в разы. Наш же вариант с этой точки зрения является чистым самоубийством.

— Не сравнивай Легион с вероломным отребьем. Хозяин — человек слова.

— Я очень на это рассчитываю. Хотя надёжнее, конечно, было бы обвязать наш груз тротилом, поставить таймер часа на два, забрать гонорар, и сообщить код отключения по рации с безопасного расстояния. Но вы ведь будете против? — Коллекционер обвёл взглядом хмурые лица напарников. — Так я и думал. Значит, придётся лезть в петлю.

— Стоять! — окрик с вышки слабым шёпотом донёсся через утренний туман, за сто метров от ворот форта. — Кто такие?

— Сила и доблесть! — поднял руку великан в приветственном жесте. — Я Сатурн. Пятая штурмовая рота. Эти двое со мной. Нам нужно встретиться с майором Ледовым.

— Верность и честь! — ответили с вышки. — Проходите. Майор ждёт вас.

— Не многовато патетики для обычного пароля-отзыва? — спросил Стас. — И, кстати, почему я о них не знаю?

— Я знаю, — буркнул великан. — Этого достаточно.

Стены Кутузовского встретили знакомым нагромождением железа и дерева на

стальном рельсовом скелете. Пробитые при штурме направленным взрывом ворота залатали. Тронутые пожаром доски заменили. Ничто внешне не напоминало о той кровавой вакханалии, что бушевала здесь всего две недели назад, когда десятки людей метались в охваченном огнём форте под шквалом свинца. Только стрелки на вышках щеголяли теперь новеньким камуфляжем и автоматами, «Утёс» в пулемётном гнезде над входом больше не простаивал без патронов, да широкий пласт недавно вскопанной земли появился рядом с виселицами у дороги.

— Открыть ворота, — скомандовал часовой.

Стальной щит вздрогнул и отъехал влево. Не медленно, под натужный скрип лебёдки, как раньше, а рывком, будто поставленная на десятиметровые рельсы колёсная пара и впрямь приводилась в движение локомотивом.

— Слава Легиону, — поприветствовал Сатурн стоящего за воротами гиганта.

— Слава, — отозвался тот и, не прилагая заметных усилий, вернул тяжеленную конструкцию на место.

Внутри последствия карательной операции были куда заметнее. Пепелище на месте кабака, ставшего могилой для своих последних посетителей, так и не разобрали. Обуглившиеся брёвна и почерневший от копоти кирпич живо воскресили в памяти Стаса картины той безумной ночи — свист мин, грохот, люди-факелы, слепо мечущееся, вопящие от боли и ужаса. На многих стенах были отчётливо видны пулевые отверстия и застрявшие осколки, а кое-где на дощатых полах веранд не смылись ещё дождями тёмные пятна вьёвшейся в древесину крови.

— Чёрт, — присвистнул Коллекционер. — А эти ребята патронов не жалеют. Хорошо. Богатый клиент — наш выбор.

— Сдайте оружие, — восемь бойцов во главе с рослым худощавым типом властной наружности сомкнулись полукругом, прижав троицу визитёров к закрытым воротам.

— В чём дело, лейтенант? — Сатурн нахмурился и шагнул к офицеру, вынудив того изобразить лицо попроще. — Мы здесь по личному приказу Хозяина.

— Я тоже выполняю приказ, — откашлялся лейтенант. — И мне поручено препроводить вас к майору Ледовому. Без оружия.

— Это возмутительно. Я не потерплю...

— Всё в порядке, — вмешался Стас, медленно снимая автомат с плеча. — Мы понимаем. В сложившихся обстоятельствах предосторожности лишними не бывают.

— Данный факт будет доведён до высшего командования, — проворчал великан, передавая винтовку.

— Надеюсь, мне не придётся жалеть об этом, дружок, — Коллекционер вложил рукоять «Пернача» в подставленную ладонь совсем юного парнишки, и, вынув из ножен Марк-2, протянул его клинком вперёд. — Не поранься.

— Вещмешки тоже придётся сдать, — заявил лейтенант.

— А вот это уж хрен, — Сатурн вытащил из подсумка предпоследнюю гранату, но вместо того чтобы отдать её, сунул в кольцо палец. — Пока не увижу майора Ледового, груз останется при мне.

Трое легионеров, стоящих возле великана, синхронно сделали шаг назад, будто призрачное дыхание смерти мигом остудило их кровь.

— Ты в своём уме? — шепнул охотник, «мило» улыбаясь озадаченным оккупантам.

— Я хочу видеть Ледового, — повторил Сатурн. — Немедленно.

— Вам стоит прислушаться, — обратился к лейтенанту Стас. — У нашего общего друга выдались два крайне тяжёлых дня. Я бы на вашем месте не решился усугублять ситуацию.

— Хорошо, — кивнул тот после недолгого раздумья и, не сводя глаз с Сатурна, тронул плечо стоящего рядом бойца. — Беги в комендатуру за майором.

Долго упрашивать посыльного не пришлось. Через несколько секунд он уже скрылся из вида, сверкая пятками. А ещё через полминуты из-за барака появилась дюжина легионеров в сопровождении двух Старших братьев. Последние вышагивали налегке, без брони и даже не

вооружённые. Возглавлял шествие крепкий мужчина лет сорока, под метр девяносто ростом, облачённый в серую шинель, накинутую поверх лесного, как у всех здесь, камуфляжа. Седая щетина на сухом, расчерченном морщинами лице, волевой подбородок, плотно прижатые уши, и пепельные по-армейски коротко стриженные волосы, слегка прикрывающие идеальных пропорций череп, удивительно контрастировали с глазами. Пронзительно голубые, чистые, как у младенца, они будто принадлежали совсем другому существу, взирающему ими на мир из чужой суровой оболочки.

— Здравия желаю, — человек остановился напротив Сатурна, заложив руки за спину, и внимательно оглядел всех троих.

— И вам не хворать, — ответил взаимной любезностью Стас.

— Как добрались?

— Почти без происшествий.

— Что с ухом, боец? — обратился незнакомец к великану, по-прежнему держащемуся за кольцо чеки.

— Потерял в бою, — коротко отрапортовал Сатурн.

— Надеюсь, обидчик понёс наказание.

— Так точно, — великан чуть склонил голову, покосившись на привязанный волосами к ремню трофей.

— Хм, — губы незнакомца на секунду дрогнули в едва заметной улыбке. — Впечатлён. А что с грузом?

— Груз у меня в рюкзаке. И я передам его только майору Ледовому. Таков приказ.

— Всё верно, боец. Я — майор Ледовый.

— Сатурн. Пятая штурмовая рота. Разрешите взглянуть на ваш жетон.

— Жетон? — усмехнулся незнакомец. — Нда... Меньше трёх лет прошло, а личный состав за рекой уже не помнит своих офицеров. Не перестрелять бы друг-друга при встрече.

— У меня скверная память на лица, — не оценил Сатурн шутку. — Жетон, пожалуйста.

Человек в шинели раздосадовано вздохнул, но, заметив, как чека легонько сдвинулась, от дальнейших разговоров предпочёл воздержаться и, сняв с шеи шнурок, бросил его Стасу.

— Давайте знакомиться, — поднёс тот к глазам небольшую металлическую пластину с проштампованными буквами и цифрами. — Ледовый Борис Викторович. Личный номер — девяносто пять. Группа крови вторая. Резус-фактор положительный, — Стас продемонстрировал только что зачитанные данные Сатурну, после чего вернул шнурок с жетоном, и протянул майору ладонь для рукопожатия. — Очень приятно. Меня зовут Станислав. Можно просто Стас. Нашего общего большого друга вы уже знаете. А это Коллекционер, — представил он охотника. — Для краткости — Кол. Мы поможем Легиону занять Муром.

Глава 18

— Поможем занять Муром?! — вытаращил Коллекционер глаза на Стаса, как только майор покинул свой импровизированный кабинет. — Ты спятил?! Да с какого хера? Я подряжался груз доставить, а не...

Скрип петель прервал гневную тираду охотника. Ледовый в сопровождении пары дюжих охранников, печатая шаг, пересёк комнату, выдвинул стул и сел напротив посетителей, уложив сцепленные в замок руки на столешницу.

— Итак, — начал он, зябко подвигав плечами с наброшенной шинелью, — Первым делом хочу объявить вам благодарность от имени Железного Легиона за плодотворное сотрудничество, — майор поднялся со стула и подкрепил благодарственную речь крепким рукопожатием. — Легион ценит профессионалов.

— Очень приятно, — расплылся Коллекционер в «обворожительной» улыбке.

— Взаимно, — кивнул майор, оправляя шинель под сидением. — По информации из штаба приготовления идут полным ходом. В самое ближайшее время через Оку сюда будут

переброшены основные ударные силы, после чего начнётся финальный этап операции. А до тех пор мы предоставим вам все необходимые условия: отдельное жильё, полное довольствие и гарантию безопасности.

— Стоп-стоп-стоп, — Коллекционер поднял руки, чем заставил охрану всерьёз напрячься. — Какие к чёрту условия? До каких таких пор? Мы с Хозяином совсем не о том базарили. Станислав, поправь, если ошибаюсь. Договор был — мы Легиону груз, Легион нам триста шестьдесят золотых, и разошлись, как в море корабли. А что по факту? А я скажу что — кидалово. Груз оприходован, деньги зажаты, мы под арестом. Некрасиво ведёшь себя, майор, не по-мужски. А как же честь? Как же...

— Кол, остынь, — придержал напарника Стас. — Я уверен, что господин Ледовый не закончил, а мы его из-за этого недопоняли. Так ведь, майор?

— Золото будет, — ответил тот, слегка раздражённый вызывающим поведением. — Но не сразу. Ваш груз доставлен. Однако, мы не узнаем тот ли это груз, пока не приведём его в действие. Вы не согласны?

— Мы согласны, — поспешил разрядить атмосферу Стас.

— Такие вещи нужно оговаривать заранее, — проворчал охотник, не найдя, что возразить. — У меня были планы на эту неделю.

— При всём уважении, — криво улыбнулся майор, — не думаю, что ваши планы стоят дороже трёхсот шестидесяти золотых.

— Планы чего-то стоят только тогда, когда имеют шанс осуществиться. А теперь уж... — Коллекционер обречённо развёл руками.

— Как вы собираетесь взорвать бомбу? — неожиданно перевёл Стас разговор в иное русло.

— Не понял, — нахмурился Ледовый.

— Это бомба с боевым отравляющим веществом.

— Да, я в курсе.

— Так каким образом вы собираетесь травить Муром?

Майор нахмурился ещё сильнее.

— Вы задаёте неосторожные вопросы, Станислав. Обязанности по доставке груза вами исполнены в полной мере. Легион благодарен за это, как я уже говорил. Но данный факт вовсе не означает...

— Простите, что перебиваю. Моё любопытство отнюдь не праздное. Я заинтересован в успехе операции не меньше вашего, и мне просто необходимо знать, каким образом планируется осуществить доставку отравляющего вещества в неприятельские организмы. Вы ничем не рискуете. Мы же под арестом, как это не назови. Без оружия, внутри охраняемого периметра, два наёмника среди десятков прекрасных обученных солдат регулярной, не побоюсь этого слова, армии. Никакого риска. А между тем, я мог бы оказать Легиону ещё одну услугу, а вы, господин майор, могли бы с полным на то основанием пробить ещё одну дырку в погоне для очередной звёздочки, или... Прошу прощения. Я не слишком хорошо разбираюсь в принятых у вас знаках различия. Но, думаю, мысль ясна, — Стас заметил изменения, произошедшие во взгляде майора, и поспешил закрепить успех. — Всего лишь обмен идеями. Совместный, так сказать, мозговой штурм ради блага нашего общего дела.

Общего дела, — повторил Ледовый и усмехнулся. — Что ж, звучит вполне разумно. Только вот... — вектор зрения голубых глаз переместился на охотника, заметно изменившегося в лице после того, как разговор лишился так часто употребляемого ранее «мы», и начал изобиловать «я».

— Ему известно всё, что известно мне, — заверил Стас. — Секретность здесь не требуется.

— Хорошо, — кивнул майор, — раскроем карты. На самом деле командованием ещё не принято окончательного решения, относительно способа доставки. Но сейчас, насколько я знаю, рассматривается возможность использования для этой цели БПЛА.

— Простите, что?

— Беспилотного летательного аппарата. Дозор-600 называется, если интересно. Про самолёты слышали? Ну, вот это тот же самолёт, только управляется с земли, оператором. Бомбу нашу он поднять вполне сможет, и высоту наберёт такую, чтобы пулемёты со стен не достали. Главное — попасть. В этом-то и состоит основная проблема. Практики у наших операторов, прямо скажем, с гулькин нос. На моей памяти беспилотник в воздух поднимали два раза, и оба — с разведывательной миссией. А бомбометание — это совсем не то же самое, что аэрофотосъёмка.

Стас с Коллекционером сделали круглые глаза.

— Не важно, — отмахнулся майор. — Короче, лично мне этот вариант совсем не по душе. Слишком рискованно. Одна неверная команда, и жахнет наша родная где-нибудь в лесу, белок с дятлами травить.

— Понятно, — кивнул Стас. — А ещё варианты имеются?

— Да. В Муроме, как вы, наверное, знаете, исправно функционирует центральная канализация, чем тамошние власти несказанно горды. Вот я и подумал — а не...

— Не, — безапелляционно отрезал Коллекционер. — От этой затеи лучше отказаться сразу. Могу вас заверить, как обладатель наибольшего из присутствующих числа погружений в фекальные воды Мурома — пройти там без шума и пыли невозможно. Сточные трубы под охраной, все канализационные колодцы заперты, а сами тоннели круглосуточно патрулируются специальным отделом службы безопасности, в просторечии — говностражей. Полезть туда с бомбой — верный способ избавить Муром от крыс, но не более.

— Вы не думали воспользоваться услугами своей агентурной сети внутри периметра? — обратился к майору Стас.

— Хм, — Ледовый хитро улыбнулся и после непродолжительного молчания помотал головой. — Не тот случай. Нужно быть полным кретином, чтобы добровольно передать бомбу в руки представителей нашей, как вы остроумно выразились, агентурной сети. Лично я не доверю этим продажным тварям и банки гуталина.

— Раз так, основным вариантом остаётся БПЛА? — предположил Стас. — Верно я понимаю?

— Основным — да. Но есть ещё один.

— Позвольте угадать, — поднял руку Коллекционер. — Смертник?

— Неужели это так очевидно? — майор сунул ладонь за пазуху и, вынув серебряный портсигар, предложил собеседникам уложенные аккуратным рядом папиросы.

— Спасибо, не курю, — отказался Стас.

— Табак? — поинтересовался Коллекционер и наклонился вперёд, но после утвердительного ответа откинулся обратно на спинку стула. — И не жалко вам на этот мусор хорошую бумагу переводить?

— Предпочитаете курево иного сорта? — Ледовый вынул одну папиросу и захлопнул изящный футляр.

— Совсем иного, — улыбнулся охотник. — А что касается затеи со смертником, так оно — да, очевиднее не бывает. И, можете поверить, если это очевидно мне, то это очевидно и им. Муромские не ахти какие вояки, в атаку я бы за их командирами не пошёл, но вот оборону они организовать мастера, тут их хаять — даром говно изводить. Максимум, что вашему посмертному герою удастся — взрыв на КПП. Я не большой специалист во всей этой химии, но тут и дураку понятно — эффект не оправдает ожиданий. Если уж взрывать на земле, то ближе к центру. А так... — Коллекционер соорудил полную скепсиса гримасу.

— Что ж, — майор стряхнул пепел в кружку и глубоко затянулся, — это всё, что я имел сказать. Теперь ваша очередь. Поделитесь соображениями, будьте так любезны.

— Охотно, — кивнул Стас. — Можно попросить у вас карту Мурома для наглядности?

— Разумеется, — Ледовый взял лежащий на комодe планшет, вынул оттуда изрядно потрёпанную бумагу и разложил её на столе. — Ну?

Карта оказалась весьма подробной и составленной явно не случайным в этом деле

человеком. Даже единожды бывавший в городе, без труда мог сориентироваться по ней, благодаря изобилию информации, не ограничивающейся лишь названиями улиц, а углубляющейся вплоть до обозначения продуктовых магазинов, складов и швейных мастерских, не говоря уже об административных объектах и промышленных предприятиях. Кроме того, глаз сразу зацепился за разбросанные тут и там цифры, обозначающие, судя по всему, основные высоты, как представляющие стратегический интерес в городском бою.

— Вам, наверное, известно, что часть городской стены до сих пор не достроена? — начал Стас и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Примерно два километра вот в этом районе, — описал он указательным пальцем овал, возле улицы Жданова.

— Известно. Только я не понимаю, каким образом данное обстоятельство нам поможет. Да, стена там ниже остального периметра. Не двенадцать метров, а семь. Но для нас, что семь, что семьдесят семь — один хрен.

— Позвольте с вами не согласиться, — Стас поднялся и обошёл угол стола. — Вот здесь...

Стоящий по левую руку от майора боец решительно шагнул навстречу потенциальному убийце и заслонил командира грудью. Но сей самоотверженный поступок остался неоценён. Ледовый только покривился и жестом велел «герою» занять прежнюю позицию.

— Так вот, — продолжил Стас, — прямо напротив этого недостроенного участка, меньше, чем в километре, имеется несколько заброшенных высоток. Парочка из которых весьма неплохо сохранилась. По-моему как раз они и помечены у вас числом двадцать восемь. Это ведь высота?

— Точно.

— Одна из наибольших вне периметра?

— Выше только элеватор. Хотите сказать, что...

— Затащим бомбу наверх, дождёмся подходящего ветра и — спокойной ночи, Муром.

Плотно сжатые губы майора медленно расплзлись в хищной ухмылке.

— Это — вариант. Да, определённо. Если бы не...

— Дикой, — подсказал Коллекционер.

— Вы знакомы?

— Имел счастье.

— И что скажите о его банде?

— Что я скажу? — охотник хмыкнул и острым ногтём мизинца постучал по оскалившемуся клыку. — Там около двадцати рыл. В основном сброд. Промышляют крышеванием восточного пригорода. Зажравшиеся ленивые ублюдки. Дайте мне пяток толковых ребят с глушенными стволами, и я вырежу для вас этот гадюшник под корень. Бесплатно.

— По-моему выгодное предложение, — взял слово Стас. — Готов подписаться на тех же условиях.

— Хех, — майор криво усмехнулся и помотал головой. — Это что же получается, я вместо предписанного карантина, должен вас вооружить и отправить напрямик в стан врага? Нет, братцы, так не пойдёт.

— А почему? Чем вы рискуете?

— Хотя бы тем, что операция может провалиться, а кого-то из вас двоих повяжут и выбьют секретные сведения.

— Прямо уж секретные? — усмехнулся охотник.

— Не понял.

— Брось, майор. Твой переросток сегодня на воротах такой спектакль закатил, что сейчас весь форт, наверняка, занят обсуждением страшной штуковины в его рюкзаке. Думаешь, это долго будет оставаться тайной? Не тешься пустыми иллюзиями. К моменту зачистки, а она должна состояться непосредственно перед штурмом, каждой твой боец станет носителем «секретных сведений». А даже если и возьмут кого за яйца — что это изменит? Мурому нечего противопоставить, разве только нашьют пятьдесят тысяч марлевых

повязок в экстренном порядке. К тому же всегда есть запасной план с этим... Как его?

— Беспилотником.

— Вот именно.

— А если надумаете улизнуть?

Коллекционер округлил глаза и посмотрел на Стаса, принявшего аналогичное выражение лица, после чего вернул недоумённый взгляд в сторону Ледового.

— Майор, а папироски точно табаком набиты? Или, может, у нас рожки не того формата, раз ты считаешь, будто мы от нехер делать жопы рвали, а вот теперь, не дождавшись гонорара, возьмём да и свалим на потеху публике? Триста шестьдесят золотых — не та сумма, от которой бегут. Я, по крайней мере, не готов сделать Легиону столь дорогого подарка. Не обижайся, майор, но мы слишком мало друга знаем.

— Понятно, — кивнул Ледовый, туша о стол папиросу. — А откуда вообще такое рвение? Дикой вам что, денег занял?

— Нет, — улыбнулся охотник. — Просто хотим сделать мир чище. Разве добрым намерениям требуются причины?

— Хм. Чище, так чище. Мне ваши бандитские тёрки на самом деле не особо интересны. А над предложением я поразмыслю. Время терпит. Ещё вопросы?

— Нам по форту можно перемещаться? — подключился к разговору Стас.

— С восьми до двадцати. Но я вам этого делать не советую. Меньше общения — меньше конфликтов.

— Мы будем вежливы, — сверкнул клыками Коллекционер.

— Постарайтесь.

— Из местных выжил кто-нибудь? — продолжил Стас.

Усталое выражение на лице майора тут же сменилось вопросительно-негодующим.

— Молодой человек, — заговорил он после драматичной паузы, — если вы полагаете, что Железный Легион — это банда изуверов, промышляющая убийством женщин, стариков и детей, то я вас разочарую. Мы — не банда. Мы — новая объединяющая сила, которая положит конец анархии и беззаконию. Сначала здесь, а потом и на всей территории Российской Федерации.

— О как, — «проникся» Коллекционер.

— Я обеими руками «за», — поспешил Стас успокоить майора. — Но, всё же...

— Разумеется, большинство местных, которым хватило ума не оказывать сопротивления, живы. Пришлось их немного уплотнить, урезать паёк, ограничить передвижение, но в целом с ними всё в порядке. А с какой целью интересуетесь?

— Да так, — пожал Стас плечами, — из чистого любопытства.

— Мне думается, любопытства на сегодня хватит, — Ледовый поднялся из-за стола и сунул в рот очередную папиросу. — Охрана проводит вас до места временного содержания. Интендант Бозов встретит и обеспечит всем необходимым. И ещё, — майор строго указал на посетителей пальцем, — держите язык за зубами. Свободны.

Местом временного содержания оказался закуток в нетопленном бараке, с законопаченными, почти не пропускающими свет оконцами, двумя тапчанами, двумя тумбочками, столом, скамьёй и табуретом на трёх ножках. Один из матрасов красовался бурым пятном и наскоро залатанной дыркой в районе груди лежащего. Чёрный обугленный полукруг на дощатом полу у входа, словно лишившаяся хозяина тень, эллипсом расплзался вверх по стене и заканчивался под самым потолком хлопьями сажки. В углу сиротливо пристроилась закопченная керосиновая лампа с разбитой колбой.

— Соврал майор-то, ой соврал. Не ценят здесь профессионалов, — охотник провёл пальцем по углям и на нетронutom огнём участке стены изобразил нечто напоминающее пышную задницу.

— Соблюдайте чистоту, — проворчал охранник и, наградив привередливых квартирантов неприязненным взглядом, удалился.

— Даже печки нет, — заметил Стас.

— Будет печка, — в дверях появился невысокий коренастый тип и без лишних предисловий по-хозяйски протопал в комнату. — Так, кровати, стол, скамейка, тумбочки — есть. Матрасы — две штуки. На счёт буржуйки я уже распорядился. Дрова справа от барака под навесом. Чайник, ведро и таз организуем. Мыло есть? Очень хорошо. Подушки с одеялами принесу. Что ещё?

— Зеркало неплохо бы заиметь, — попросил Стас. — В человеческий вид привести себя хочется.

— Это можно.

— Интендант Бозов? — обратился к хозяйственному типу Коллекционер.

— Он самый.

— Слушай, Бозов, ты, я вижу, парень ушлый. А мы тут, по всему судя, на недельку застряли. Может подсобишь с досугом за разумное вознаграждение? А то, чую, со скуки подохнем.

— Что в вашем понимании есть досуг? — без доли удивления поинтересовался интендант, заглядывая под кровати.

— Жратва повкуснее и бухло покрепче. Мы без изысков. Ну и бабёнку не плохо было бы подогнать, а лучше двух. Я слышал, их у вас в избытке.

— Золотой.

Охотник округлил глаза и присвистнул.

— Ты, Бозов, совсем уж... это... Я ж тебя о досуге на неделю прошу, а не о пожизненном пансионе. Давай будем реалистами — тридцати монет тебе за глаза хватит.

— Жратва, бухло и две бабы за тридцать монет? — интендант гаденько усмехнулся и покачал головой.

— Я от половых контактов воздержусь, — заявил Стас.

— Ну вот, — просветлел лицом Коллекционер, — значит, сексуальные утехы сокращаются до одной персоны.

— Тогда расценки сокращаются до пятидесяти монет, — ответил Бозов, деловито проверяя внутренности тумбочек.

— Окстись, военный. Сорок — красная цена.

— Сорок пять.

— Ладно, чёрт с тобой. Но бабу приведи молодую, чтоб не за тридцать. А то, знаешь ли, к четвёртому десятку женщина начинает пахнуть могилой, — Коллекционер осклабился и полез в подсумок за деньгами, но очень скоро улыбка сошла с его лица. — Зараза. Восьми монет не хватает. Может, на тридцати семи сойдёмся?

— Исключено.

— Станислав, не хочешь внести свою долю в наше совместное предприятие?

— Я с тобой позже рассчитаюсь, — ответил Стас, крутя вентиль пустого рукомойки. — За съестное. А использовать местных женщин в качестве подневольных шлюх, считаю неэтичным.

— Минуточку, — обратился охотник к Бозову. — Нам с женой нужно поговорить, — после чего переключился на Стаса. — Ты это брось, закидоны свои. Ведёшь себя как последняя сука. Здоровье мне подорвать хочешь?

— На баб денег не проси.

— Профессиональная этика, да?

— Можно и так сказать.

— А в чём проблема? — непонимающе развёл Коллекционер руками. — Они тебе заплатили, ты отработал. Теперь мы им заплатим, они отработают. Всё честно. Ладно, кончай ломаться.

— Мне больше нечего добавить.

— Блядь! Ну что за... — охотник направил в сторону несговорчивого компаньона указующий перст, явно намереваясь поделиться кой-какими соображениями по поводу морально-этических норм вместе с их носителем, но быстро взял себя в руки и почти без

раздражения в голосе обратился к интенданту: — Такие вот дела, дружище. Придётся обойтись без женского общества. Тридцать пять, верно?

Бозов молча забрал деньги и, пройдя к двери, остановился.

— Завтрак в восемь, обед в двенадцать, ужин в девятнадцать, — информировал он постояльцев. — Комната ваша не запирается, так что советую ко времени раздачи быть на месте. Тут до пожрать соискателей хватает. И меню свое не светите особо.

— С бухлом напряжённо? — поинтересовался Коллекционер.

— Не очень, но лучше не нарываться.

С этими словами интендант вышел за дверь.

— А за рекой-то нравы построжее были, — заметил Стас.

— Чем дальше от начальства, тем меньше условностей, — усмехнулся охотник. — Правда, кое у кого они настолько глубоко вбиты в голову, что никакого начальства не нужно.

— Это не условности, — ответил Стас, пробуя матрас пятой точкой. — Это называется — совесть. Вот она-то и не позволяет мне драть бывшего заказчика против его воли.

— Ерунда, — отмахнулся Коллекционер, развалившись на соседнем топчане. — Такая же условность, как, скажем, рукопожатие. Древний приветственный жест, говорящий — «В моей руке нет оружия, я не враг». Но разве сегодня ты веришь рукопожатию? А веришь ли ты, что благодарность в виде «спасибо» дарует адресату спасение божье? Это элементарные примеры, но мы можем пойти дальше, развивая логическую цепочку и, в конце концов, придём к выводу, что совесть — не что иное, как набор условностей, накрепко вбитых в голову социумом. Понимаешь, — охотник сел и прислонился спиной к стене, изображая руками в воздухе сферу, — социум — это очень серьёзная штука. Ты в нём крутишься, ежедневно, непрерывно. Мозг с детства впитывает и закрепляет шаблоны поведения принятые в социуме. Год за годом этих шаблонов становится всё больше. И в один прекрасный день ты пропитываешься ими насквозь. Тебе уже не нужно решать — что и как. На любой жизненный случай найдётся подходящий сценарий действия, или бездействия. И ты перестаёшь задумываться над сутью. Шаблоны, поверхностные слои поведенческих рефлексов заместили её целиком. Совесть, честь, стыд, долг — всего лишь разные комбинации примитивных условностей. А кто сказал, что они так уж необходимы? С чем обычно ассоциируются у тебя эти понятия? Ну, давай, вспомни. Угрызения, муки, жертвы. Всё? А хоть что-то приятное, что-то полезное? Нет. Так зачем же тащить на себе эти чугунные болванки?

— Отличная речь, — оценил Стас.

— Благодарю.

— Но ты меня не убедил и даже не удивил. В твоих аргументах есть огромная брешь.

— Просвети.

— Без этих, так называемых условностей, социум в принципе невозможен. Они — цемент для его строительных блоков. Без условностей всё развалится, наступит абсолютная анархия. Но, — Стас выдержал многозначительную паузу, указывая пальцем в потолок, — и этот сценарий невозможен. Идея абсолютной анархии утопична. Люди — стадные животные в массе своей. Если место пастуха освободится по каким-то причинам, то оно не долго пробудет вакантным. Наступит примитивная власть сильного. А на каждого сильного очень скоро найдётся умный, и условности вернутся. Они естественны и неизбежны. Чего никак нельзя сказать о твоей теории, которая, как видишь, содержит логическую мину с элементом неизвлекаемости. Вот.

С этими словами Стас глубоко вздохнул и растянулся на топчане, довольный видом удлинившейся физиономии Коллекционера.

— Хе-хе, — охотник улыбнулся и покачал головой, обдумывая выдвинутый оппонентом контраргумент. — Как у тебя всё выходит. Складно да гладко. Значит, никак без совести?

— Никак.

— Угу. Стало быть, уел ты старика Кола? Меняться мне нужно, совестью обзаводиться? С тебя пример брать надо?

— Не передёргивай.

— Даже не собирался. Может, так и поступлю. Только ты вот мне объясни, как это получается, что совесть не позволяет тебе удовлетворить естественные биологические потребности, но, в то же время, позволяет выкрутить кишки наизнанку пятидесяти тысячам муромских граждан, среди которых полно стариков, женщин и сопливых ребятишек? Ведь они тебе ничего плохого не сделали.

— Я не рассматриваю Муром, как пятьдесят тысяч человек за стеной, — ответил Стас после продолжительного молчания. — Для меня он...

— Зло? — подсказал охотник.

— Да, пожалуй.

— И это даёт право отодвинуть совесть в сторонку? Тут ты не можешь отодрать одну бабу, а там с твоей подачи они будут тысячамидохнуть. А кто не подох — пойдёт обслуживать вояк Легиона, если удача снова улыбнётся. Легионеры, вроде бы, парни чистые, интеллигентные, скоро будут мечтой всех муромских недотрог. Ну, а кому «счастья» не перепало, достанутся арзамасской и навашенской швали. У этой публики джентльменство не в чести. Даже подумать страшно, сколько молодых дев сгинет в омуте кровавых оргий. А дети... — Коллекционер вздохнул и с картинной сокрущённостью покачал головой. — Господи боже. За что ты так ненавидишь муромских детей, Станислав? Этих милых безгрешных крошек. Почему ты обрёк их на мучительную гибель или на жизнь, что хуже самой чудовищной смерти? Где же твоя совесть?

— Хватит, — Стас сел и глотнул из фляги. — Ты ошибаешься, если думаешь, что мне плевать на всех вокруг. Мы с тобой не похожи.

— Да ну? Я, по-твоему, настолько плох? Убийца, садист, психопат тебе не ровня? А кто ты сам теперь? Молчишь? Ладно, помогу вспомнить, — Коллекционер чуть подался вперёд, сверля оппонента немигающими янтарными глазами со светящейся в глубине искоркой. — Ты — ренегат, отступник, предавший собственную расу, переметнувшийся на сторону вырождков, Муромский палач — так будут называть тебя. И никто не вспомнит о растоптанной чистой любви, — охотник всплеснул руками и, приняв обычный насмешливо-беззаботный вид, привалился к стене. — Не подумай, что хочу уязвить, мне твоя идея, с химической обработкой Муром, по душе. Они давно напрашиваются. А вся эта херня про невинные жертвы... — он покривился и цокнул языком. — У тамошних баб, я слышал, равные права с мужиками, так пусть несут равную ответственность, и вообще, застоялись они без дела. Ребятишки? Зачем ждать пока из бесполезных мелких ублюдков вырастут большие? Рабов и так хватит. А что до стариков, то тут уж вообще разговоры ни к чему. Эти «божьи одуванчики» как никто другой виновны в сложившейся ситуации. Они должны быть благодарны за смерть, слишком лёгкую, по сравнению с той, которую заслужили. Так что, Станислав, мой тебе совет — пошли совесть нахер. А то цепляешься за неё, как старая шлюха за румяны. Всё равно ж не помогает. Ладно, — Коллекционер лёг, сунув руки под голову, и закрыл глаза, — утомил ты меня своими разговорами, вздремну чуток.

Лишившись, наконец, собеседника, Стас так же счёл за лучше потратить оставшееся до обеда время на отдых. Последняя неделя не баловала такими возможностями. Три-четыре часа сна в сутки, зачастую похожего больше на горячный бред, помогали разве что не свихнуться от усталости. И теперь провалу в дремотное забытие не могли помешать ни отсутствие подушки, ни матрас из-под покойника, ни растравленная было Коллекционером совесть.

Сон прервался металлическим скрежетом и топотом нескольких пар ног.

— Осторожней, бля! Гляди, куда ставишь.

В комнате, под чутким руководством Бозова, толкались два человека, явно из местных, ставили на уложенный в угол железный лист «буржуйку».

Коллекционер, приподнявшись на локте и зевая, наблюдал за работой.

— Кретин безрукий, — возмущался интендант. — Легче с трубой. Смотри, сука, поломаешь — пайку урежу.

— Я не нарочно, — проблеял в ответ знакомый голос.

— Павел? — Стас сел на кровати, продирая глаза.

Втянувший голову в плечи парнишка боязливо обернулся и поправил съехавшую на брови шапку.

— Я, — кивнул он, рассматривая постояльца.

— Не узнаёшь?

— С... Станислав?!

— Вы знакомы? — прищурился интендант.

— Да, — ответил Стас, запихивая ногу в ботинок. — Работали вместе. Не возражаете, если побеседуем?

— Хм, — Бозов кинул взгляд на только что установленную печь и оставленные возле двери шестилитровый термос, бутыль, половник, две стальные миски с приборами, буханку хлеба, ведро, чайник, таз и зеркало. — Не возражаю. Только побыстрее. Работа ждёт. Провизия вам до завтра. Дрова знаете где, растопка там же. Ну, чего встал? — рывкнул интендант второму работнику. — На выход.

— А вы тут... значит... это... — замямлил Пашка, как только дверь хлопнула позади Бозова, и глянул на совсем не арестантский паёк.

— Есть будешь? — спросил Стас.

— Есть? Можно.

Горячая миска, почти до краёв заполненная жидким картофельным пюре с варёной говядиной, быстро поборол робость. Павел схватил ложку и, не дожидаясь хлеба, принялся уминать. Ел он быстро, затравлено озираясь, словно боялся, что вожаемое блюдо вот-вот вырвут из рук. Две последние недели дались парню явно не легко. Щёки ввалились, на лбу и скуле красовались два лиловых синяка, шея была обмотана тряпкой в розовато-жёлтых пятнах, и без того негордая осанка сделалась совсем жалкой — плечи опущены, спина прогнута дугой. Замызганный овечий тулуп с наполовину оторванным рукавом «щеголял» отпечатком рифлёной подошвы в районе поясицы.

— Как ты уцелел? — продолжил Стас, дав голодному «бунтарю» наполовину опустошить миску.

— Сам... Сам не знаю, — ответил Пашка, судорожно сглотнув. — Я на двор выйти решил по малой нужде, когда в кабаке-то... Ну, помните?

— Помню.

— Так вот, только я за дверь, значит, как оно — бабах! А потом уж в бараке очнулся. Не помню ничего. Но цел вроде, только обгорел малость.

— Отец жив?

— Нет, — Павел опустил ложку и утёр нос рукавом. — Не нашли его. На пожарище-то костей много было. Да кого ж там различишь? Так и зарыли в одной яме. Ну и постреляли ещё много. Тоже всех туда.

— А староста ваш?

— Лефантьев? — поморщился Пашка. — Живой. Он у этих теперь вроде поверенного. Беседы с нами ведёт воспитательные. Бумажки разные про Железный Легион читает после работы. Сука.

— Как же так вышло? Уж старосту-то они первым делом должны были к стенке прислонить.

— Должны, да не прислонили, — зло огрызнулся Павел, не забывая между разговором наворачивать дармовой баланды. — Эта гнида сразу открещиваться стал от всего. Говорил, будто он и не при делах вовсе, а засаду наёмники самовольно устроили, за трофеями погнавшись, и мужиков наших подбили на это. А он сам, вроде как, против был. В засаде участвовавших всех назвал поимённо. Девятерых, кто после штурма выжил, расстреляли, прямо тут, во дворе, на глазах у жён и детишек. Такой вот староста. Возле майора теперь

чуть не на карачках ползает, лыбясь без конца. Ну ничего-ничего. Легионеры тут не навсегда, уйдут рано или поздно. Вот и будет у нас с ним разговор, — Пашка собрал хлебом остатки пюре и засунул в рот, едва не подавившись от излишнего рвения. — А вы тут как? — спросил он, прокашлявшись. — Тоже в плен угодили? А Максим?

— Нет, дружок, — ощерился Коллекционер. — Дела у нас здесь.

— Дела? — Пашка перевёл недоумевающий взгляд с охотника на Стаса.

— Жизнь — штука сложная, — пожал тот плечами. — Максим на север подался, а у меня в Муроме интересы образовались. Долго рассказывать. Возьми ещё, — Стас протянул толстый ломоть хлеба.

— Так значит... Ты с ними? С ними заодно?!

— Теперь да.

Лицо Павла исказилось в гримасе отвращения. Он скривил губы, готовый вот-вот смачно харкнуть собеседнику под ноги, но вместо этого лишь схватил хлеб и молча вышел за дверь.

— Нда, — причмокнул Коллекционер. — А друзей ты заводить совсем не умеешь. То ли дело — врагов.

— Обязательно было рот разевать?

— Что, — охотник расплылся в гнусной ухмылке, — снова совесть заиграла?

— Я его ещё расспросить хотел. Никак не можешь без спектакля.

— Да брось. О чём этого сопляка расспрашивать?

— Обо всём, что он знает. Люблю быть в курсе дела. А ты что-то больно уж спокоен.

— Я — фаталист, — развёл охотник руками. — Чему быть, того не миновать. Беспокоиться раньше нужно было, а с петлёй на шее вредно трепыхаться.

— Ну да, — Стас усмехнулся и, подойдя к термосу, наложил в опустевшую миску баланды. — Я, честно сказать, струхнул немного, когда ты в комендатуре майора строить начал — «Не по-мужски ведёшь себя. А как же честь?». Думал — всё, сейчас выведут за дверь и напигуют свинцом по самые брови. Ан нет. Повезло.

— Никакого везения, — охотник встал с кровати и, открыв термос, жадно втянул ноздрями картофельно-мясной пар. — Чистая, мать её, наука. Знаешь, существует теория, согласно которой страх — сильнейший катализатор агрессии.

— В смысле — если тебе страшно, то ты агрессивен? Чёрт. Какая ирония судьбы. Я и не предполагал, что безжалостный охотник за головами живёт в постоянном страхе.

— Закончил? Ну, тогда я продолжу. Нет, Станислав, твоё предположение в корне не верно. Ты мне сейчас описываешь синдром «загнанной в угол крысы», а я совсем о другом толкую. Скажи, ты когда-нибудь бил шлюху?

— Зачем?

— Откуда я знаю зачем? Может ты садист, может не встаёт по-другому.

— Да мне об этом рано ещё беспокоиться.

— Так бил?

— Ну, было разок. Она у меня часы чуть не спёрла.

— От души приложил?

— Слушай, я не понимаю к чему этот разговор. Ты что, опять параллели между нами ищешь? Если так, то...

— Она испугалась?

Стас вздохнул, сел на кровать и сунул в рот ложку баланды, решив игнорировать настырного собеседника.

— Наверняка испугалась, — злорадно осклабился Коллекционер. — Знаешь, Станислав, ты, когда бесишься, у тебя жуткий взгляд. Прямо обосраться можно. Бедная потаскушка. Так и вижу, как она мечется по комнате, вся в слезах, прижимает к груди скомканные шмотки, умоляет не трогать её. «Нет-нет, пожалуйста, я не хотела, только не бейте, пожалуйста» — тоненько пропищал охотник, изображая на лице ужас. — Но ты наверняка ей добавил. И сам не знаешь почему. Вроде за часы уже рассчитался, а рука сама

полетела в зареванный ебальник. Не удивлюсь даже, если ты лупил её, пока глупышка не отключилась. Что, так и было, я угадал? Не вини себя, Станислав. Эта шлюха сама во всём виновата. Если бы она, схлопотав по роже, просто извинилась без этих вот приседаний, то ушла бы почти невредимой.

— И что ты этим хотел проиллюстрировать?

— Основной принцип общения, друг мой. Никогда не вставай в позу проштрафившейся шлюхи. Если обстоятельства не позволяют быть выше оппонента, будь с ним наравне. Иначе, как пить дать, огребёшь сверх причитающегося. Даже если не было за тобой вины, будь уверен, при таких прогибах она сама собой нарисуетя.

Стас задумался ненадолго и с серьёзным видом кивнул.

— Ты знаешь, я редко с тобой соглашаюсь. Но тут возражения неуместны. По-моему, за это стоит выпить.

Остаток дня и два следующих проплыли мимо, отпечатавшись в памяти лишь урывками, когда рассудок ненадолго оживал в промежутках между плеском самогона о дно кружки. Из комнаты почти не выходили, только по нужде и за дровами. Провизия доставлялась бесперебойно. А вот одеяла с подушками так и не нашли адресата, впрочем никто не обратил на это внимания.

Праздник неожиданно закончился к утру четвёртого дня.

— Подъём! — хорошо поставленный командный баритон прогудел у Стаса в голове, словно удар молота о жестяную бочку. — Двадцать минут на сборы! Вас хочет видеть майор!

Глава 19

В комендатуре было многолюдно. Ледовый стоял у окна, смоля папиросу и, как всегда, зябко ёжился, хотя в этот раз комната протопилась так, что вошедших с утреннего морозца Стаса и Коллекционера бросило в жар.

Помимо майора в тесном прокуренном кабинете толкались ещё пять человек, характерной для легионеров наружности, разве что немного постарше большинства уже виденных, с различными лычками и звёздами на погонах. А в противоположном от печи углу, то и дело стирая испарину с раскрасневшейся физиономии, стоял Сатурн.

— Здравия желаю, — поприветствовал Ледовый вновьприбывших и с подозрением уставился на две небритые рожи.

— Доброе утро, — выдал из себя Стас.

— Чем обязаны? — осипшим голосом поинтересовался Коллекционер.

Стоящий ближе всех к двери боец попятился, морщась от ударившего в нос перегара.

— Вижу, времени даром не теряли, — нахмурился Ледовый. — Ваше счастье, что...

— Ближе к делу, майор, — бесцеремонно перебил охотник. — Я сам себя выпорю. Позже. А то башка раскалывается.

— Сроки сдвинулись? — высказал предположение Стас.

— Сдвинулись, да, — кивнул Ледовый, продолжая испепелять Коллекционера взглядом. — В штабе рассмотрели выдвинутое мною предложение и отдали приказ немедленно приступить к зачистке плацдарма. Вы двое, как имеющие наиболее полное представление о той местности и базирующемся на ней противнике, пойдёте в составе передовой группы. Остальным присутствующим я вводную только что давал, но для вас повторю. Итак, — майор подошёл к разложенной на столе карте, — ваша задача — скрытно проникнуть в район высоток близ улицы Жданова и закрепиться там до прихода основных сил. Осложняется задача тем, что район этот контролируется группой боевиков во главе с небезызвестным вам бандитом по кличке Дикой. Как нам удалось выяснить, численность группы составляет порядка двадцати человек, вооружённых лёгким стрелковым оружием, преимущественно автоматическим. Всех их, за исключением Дикого, предстоит ликвидировать. И сделать это нужно как можно тише.

— Стоп-стоп, — вскинул руки охотник. — Что значит «за исключением Дикого»? Опять договорённости на лету меняешь, майор?

— Во-первых, — Ледовый исподлобья глянул на Коллекционера, опершись кулаками о стол, — никаких договорённостей у нас с тобой не было. А во-вторых, по завершению операции Дикой будет в полном твоём распоряжении. Вот теперь у нас есть договорённость, если не возражаешь.

— Годится, — кивнул охотник. — Только я не понял, на что вам этот козёл живым-то сдался?

— На всякий случай. Фаза подготовки может затянуться. А мы знаем, что Дикой контактирует с муромскими властями. Если имеют место быть регулярные сеансы радиосвязи или встречи с городскими представителями, то он нам очень пригодится в целях обеспечения секретности.

— А эти господа, — Стас обвёл взглядом присутствующих, — как я понимаю, наша группа?

— Не ваша, — усмехнулся Ледовый. — Операцией будет руководить капитан Репин, — кивнул он на рослого мужика лет тридцати пяти с квадратной челюстью и почти бесцветными глазами, смотрящими из-под густых бровей так, будто их хозяин твёрдо вознамерился загипнотизировать и жестоко убить всех, кого угораздило попасть в его сектор обзора.

— Здравия желаю, — прогудел капитан зычным басом. — Сатурн мне о вас рассказывал.

— Надеюсь, только хорошее? — оскалился Коллекционер.

— Нет. Я представлю остальных членов группы. Это лейтенант Павлов, — указал капитан в сторону подтянутого худощавого бойца с лёгкой улыбкой на губах и странными плотно прилегающими к лицу солнцезащитными очками на эластичном ремне. — Наш разведчик и по совместительству снайпер.

— Парень, ты ничего не попутал? — обратился охотник к представленному лейтенанту. — Лето-то давно кончилось, а снег не выпал ещё.

Павлов наморщил лоб, не понимая вопроса.

— А, ты об этом? — догадался он, наконец, и приподнял очки, за коричневыми стёклами которых тут же вспыхнула пара пронзительно жёлтых глаз. — Прости, я их уже не замечаю. Чересчур высокая светочувствительность. Днём ношу постоянно. У тебя, я вижу, тоже тапетум отсвечивает. Это врождённое?

— Чего у меня отсвечивает? — напрягся охотник.

— Отставить разговоры! — решительно прервал дискуссию капитан. — Старшина Злобин, — повернулся он в сторону крепкого белобрысого парня с абсолютно не соответствующим фамилии добродушным лицом. — Взрывник. Обеспечит нам минное заграждение вокруг сектора. Ну и два наших лучших стрелка, — Репин поочерёдно указал на скромно покивавших в знак приветствия бойцов, — сержант Дьяченко, он же — медик, и сержант Бакауров. Сатурна вам представлять, я полагаю, нет необходимости?

— Сатурн идёт с нами? — удивился Стас.

— Идёт.

— Но... при всём уважении к проявленным боевым качествам, он не слишком-то годится в диверсанты.

— Да этот кабан нам весь восточный пригород на уши поставит, — высказался Коллекционер, в ответ на что получил от великана косой взгляд приправленный глухим рычанием.

— Сатурн обеспечивает связь с базой и прикрывает отступление в случае провала миссии, — взял слово Ледовый. — Он не будет участвовать в основной фазе. Ваша группа выдвигается к месту назначения в двадцать ноль-ноль, сбор в восемнадцать ноль-ноль, а пока можете быть свободны. И советую как следует выспаться.

Вернувшись в барак, Стас тут же последовал совету и растянулся на топчане.

— Доволен? — обратился он к расшнуровывающему берцы охотнику.

— Чем?

— Планами на жизнь.

— А, это-то конечно. С Диким я бы и сам поквитался рано или поздно, но так будет удобнее. Если только удалые хлопцы всё не запорют, — Коллекционер скинул ботинки и со вздохом облегчения улёгся, скрестив руки под головой. — Э-хе-хе. Что они в своей упорядоченной жизни повидать-то успели, вояки бля. Слов умных много, а вот как на практике — скоро поглядим.

— Вроде не сопляки.

— Возраст тут играет отнюдь не ключевую роль. Я, к примеру, свой первый заказ выполнил — дай бог памяти — лет в девять-десять. Чисто выполнил. Чего уж зря скромничать? Ни шума, ни свидетелей. Только нож в руках и слова напутствия в голове — «Убивать чуть сложнее, чем умирать. Не ленись».

— Чьи это слова?

— Так говорил мой наставник. Мой и ещё троих голодранцев. Подобрал нас с улицы, взял под крыло. Учил тому, что сам умел. Да, — охотник улыбнулся, глядя в потолок, — мы были отличной бандой. Воровать я начал едва ли не раньше, чем говорить. Поначалу пасли бухих и нариков, обчищали дочиста. Лапатники, катлы, валыны, ботинки, шмотьё — всё брали, что можно. Даже коронки выдирали у особо подгулявших. Дальше — больше. Стали хаты обносить. Мелкие засранцы. В такие щели пробирались, что не каждая крыса поспеет. Хорошее было время, сытное. Но однажды всё пошло не так. Спалились мы на очередном деле. Трое удрали, а один остался... Приполз домой с кровавой культёю по локоть. А руку из-за пазухи достаёт, к обрубку её, значит, так примеряет и, сквозь слёзы, сопли глотая, «велика», говорит, — Коллекционер замолчал, и прыснул со смеху. — Прикинь, чужую руку приволок, к тому же левую и подгнившую уже основательно. Эх, детство-детство. Как же давно это было.

— Где они теперь?

— Кто?

— Друзья твои.

— Хм, — охотник вздохнул, снова погружаясь в воспоминания. — Друзья... Одного зарезали, второй сам удавился. Выкарабкались только мы с Фарой. А теперь вот остался я один.

Стас открыл, было, рот, но, подумав, решил не трогать больше эту тему и поспешил перевести разговор в иное русло:

— Что скажешь о лейтенанте?

— А? — не расслышал вопроса Коллекционер, вырванный из течения собственных мыслей.

— Лейтенант. Павлов. Что о нём думаешь?

— Это тот очкарик? Ну... Весьма странный субъект. А ты почему спрашиваешь?

— Сам знаешь почему. Не прикидывайся.

— И что ты хочешь от меня услышать? Что мы с ним внешне похожи, как и с — упокой его жалкую душонку — Криком? Да похожи. Они примерно одного со мной роста и у них жёлтые глаза, которые светятся в темноте. Годится?

— Я бы на твоём месте поинтересовался у Майора этой странностью.

— Зачем?

— Неужели совсем не интересно? Вдруг ты...

— Что? Окажусь одним из них? А дальше? — охотник поднялся с кровати и, плеснув воды в кружку, сел. — Может, ещё предложишь сгонять к Хозяину и у него поинтересоваться — «Папа, зачем ты выгнал меня из нашей большой дружной семьи? Зачем вышвырнул крошку Кола из уютного подземного гнёздышка подышать в арзамасских трущобах?». А потом обниму его, и мы вместе зарыдаем, — Коллекционер усмехнулся и залпом опустошил кружку, будто та была наполнена не водой, а спиртом. — Нет, Станислав,

я не один из них, кто бы там на кого ни был похож. И выяснять причины сложившейся ситуации желания не имею. Меня всё устраивает. Для полного счастья нужно только одно — чтобы ты, наконец, заткнулся и дал поспать.

Проснулся Стас от осторожных хлопков по плечу и, раскрыв глаза, увидел над собой сержанта Бакаюрова.

— Капитан вызывает, с вещами, — сказал тот после небольшой паузы и направился к охотнику, дабы повторить процедуру, но, едва его рука коснулась плеча Коллекционера, как сержант шархнулся прочь и, споткнувшись, уселся на пол, закрывая горло ладонью.

Охотник полулежал на кровати, спустив одну ногу и сжимая в правой руке нож, поблёскивающий коротким тонким лезвием.

— Ах ты ж мать... — выдохнул Стас и бросился к опешившему легионеру, на ходу сдёрнув с натянутой под потолком верёвки полотенце. — Ну-ка отожди чуток. Отожди руку, говорю, посмотреть нужно!

Бакаюров, не сводя вытаращенных глаз с охотника, немного ослабил давление на шею. Из-под ладони потекла кровь.

— Вот зараза, — Стас ещё чуть отодвинул руку сержанта. — Кол, что ж ты делаешь?!

— Дурной сон, — рассеяно ответил охотник, пряча, будто на автомате, миниатюрный клинок в рукав.

— Сон, едрить твою! На, прижми обратно, — сунул Стас полотенце ещё не отошедшему от шока Бакаюрову. — Вроде не глубоко полоснул. Заживёт до свадьбы. Куда идти-то нужно?

— Правая комната в бараке напротив комендатуры, со стороны крыльца, — промямлил сержант.

— Ясно, найдём. А ты пока лучше за квалифицированной помощью обратись, и больше спящих не тормози.

— Что с тобой творится? — обратился к Коллекционеру Стас, шагая через двор на противоположную сторону форта. — Ты чуть не завалил его.

— Да, — поскрёб щетину охотник. — Повезло нам, шустрый парнишка оказался, а то и не знаю даже... Это всё из-за сивухи бозовской. Говорю тебе — что-то там намешано. Башка раскалывается и хрень всякая в мозги лезет. А тут этот ещё завис, бя, как жопа над прорубью. Ну, рука сама и... Ладно, не ссы, живой ведь.

— Значит так, — Стас остановился возле крыльца искомого барака и повернулся к охотнику, — говорить буду я. А ты будешь молчать с виноватым лицом. И, пожалуйста, не нужно вспоминать сейчас теорию о побитой шлюхе.

— Хорошо, только не затягивай, я долго «сожалеть» не смогу.

В комнате, рассевшись вокруг застеленного бумагой стола, уже ждали Репин, Павлов, Злобин и Дьяченко.

— Где Бакаюров? — первым делом поинтересовался капитан, едва Стас с Коллекционером шагнули через порог.

— Он пора... — начал было охотник, но не договорил.

— Сержант скоро будет, — перебил его Стас. — С ним произошло маленькое недоразумение, по чистой случайности.

Брови капитана опустились, образовав на лбу пару глубоких идущих от переносицы морщин.

— Где Бакаюров? — повторил он, с растущей тревогой в голосе. — Что случилось?

— Сушая ерунда. Дело в том, что мой друг, — указал Стас на поникшего Коллекционера, — последние дни неважно себя чувствует. Видимо сказывается недосыпание с предыдущей недели. А сержант имел неосторожность потревожить его во время сна. Подошёл молча и стал за плечо тереть. В результате получил травму. Ничего серьёзного, лёгкий порез. Сейчас швы наложит и будет как новый.

— Вы что, пырнули ножом моего бойца?!

— Никто его не пырнул. Я же говорю — лёгкий порез. Нет причин для беспокойства.

— Да вы совсем охренели?! — Репин вскочил из-за стола, едва не опрокинув табурет. — Ещё за ворота не вышли, а у нас уже раненый! Устроили поножовщину!

— Хорош разоряться, — прервал молчание охотник, чем тут же приковал к себе испепеляющий взгляд капитана. — По-русски что ли не понимаешь? Тебе ж объяснили — произошло недоразумение. Никто никого резать не собирался, но так уж вышло. Мне жаль. Приношу свои извинения. А теперь предлагаю эту тему закрыть и заняться более насущными делами, если никто не возражает.

Репин застыл с открытым ртом, не найдя слов для ответа на столь вопиющую наглость и пренебрежение субординацией.

Обстановку разрядил неожиданно появившийся в дверях и отвлёкший на себя внимание Бакаюров. Он бочком, сторонясь Коллекционера, протиснулся в дальний конец комнаты и сел на подоконник.

— Ты как? — поинтересовался, наконец, капитан, до этого молча наблюдавший за перемещениями виновника скандала.

— Вроде нормально, — пожал Бакаюров плечами, осторожно трогая повязку на шее. — Медик сказал — ничего не задето и заражения нет.

— Что у вас произошло?

— Да случайность. Это я виноват, полез, не подумав. Честно говоря, не знаю просто, как их звать, не сказал никто, ну и решил... Хорошо, что обошлось. Нормально всё, короче, — махнул рукой сержант, явно тяготясь долгими разъяснениями.

— Вот это, я понимаю, мужик, — похвалил Коллекционер, озарившись улыбкой. — Если тело бойца не нуждается в срочном хирургическом вмешательстве, значит, боец здоров. Так ведь, дружище? Кстати, соберёшься ещё раз будить, знай — меня зовут Коллекционер, можно Колд, а это Станислав.

Бакаюров смущённо улыбнулся в ответ и убрал руку от повязки.

— Как с детьми, бля, — прошептал охотник сквозь зубы, так что услышал его только Стас.

— Ладно, — смягчился Репин, — раз инцидент исчерпан, перейдём к делу. Итак, — ткнул он пальцем в расчерченную бумагу, когда все собрались вокруг стола, — это интересующий нас район. Вот тут занятое противником здание. Кирпичное, два этажа. С фасада, вот здесь, имеет один вход и тринадцать окон: шесть на первом, семь на втором. С флангов по два окна на этаж. С тыла — по семь. Окна узкие, двадцать сантиметров, как бойницы. Да и всё здание сильно напоминает крепость.

— Это и есть крепость, — уточнил Коллекционер. — Толщина стен — полтора метра. На крыше двухмиллиметровая сталь. В подвале бункер с недельным запасом провизии на случай серьёзных неприятностей. Одна оплошность, и мы никогда не вскроем эту коробочку.

— Вот именно, — кивнул Репин. — Отсюда вывод — единственным вариантом является тихий и молниеносный штурм. Сколько обычно человек у Дикого в охране? — обратился он к Стасу.

— В свой первый визит я заметил троих, патрулирующих периметр метрах в сорока от здания, и ещё двоих возле входа. Но последний раз народу там прибавилось, хотя это можно объяснить тогдашним переполохом.

— Всё верно, — подтвердил охотник. — В охране обычно пять человек. Не думаю, что Дикой надолго озаботится её усилением.

— А снайпера на высотках? — вопросительно поднял бровь Репин.

Коллекционер посмотрел на капитана, едва сдерживая смех.

— Снайпера? В холод? На продуваемой верхотуре? У Дикого и его подручных слишком лёгкая жизнь, чтобы так изгаляться. Ночной променад возле хаты и без того считается почти подвигом. Тут мудрить не нужно. Они уже лет пятнадцать живут, как живут, и вряд ли за прошедшие две недели что-то изменилось.

— Тем лучше, — Репин взял со стола карандаш и передал его охотнику. — Обозначь маршрут патруля.

Коллекционер, послунявив грифель, начертил вокруг здания овал.

— Примерно так. Ходят по трое, чтоб не скучать. Метрах в двадцати, вот здесь, рухнувшая пятиэтажка. Можно незаметно выйти на позицию и отправить в небытие всю троицу одним залпом. Кстати, чем планируете вооружаться?

— «Валы», «Винторезы», «Вихри», — не без гордости перечислил капитан. — Кому что по душе.

— Богато, — оценил Стас.

— Да. Ещё не забывайте про Сатурна с ГШГ, он как раз сейчас корсетную сбрую подгоняет. И плюс к тому три ГМ-94.

— Что это?

— Сорокатрёхмиллиметровый гранатомёт на четыре выстрела. Очень полезная штука. Жаль, у нас их мало, но и этого, я думаю, хватит.

— Гранатомёты? С какой целью? Вроде бы бесшумная операция задумывалась.

— Тогда уж лучше сразу запустить в здание переростка с этой его телодробилкой, а из фарша котлет нажарим, — выступил с альтернативным предложением Коллекционер.

Репин устало посмотрел на скалящегося охотника и вздохнул.

— Гранатомёты будут снаряжены выстрелами с газом на основе фентанила. Это усыпляющий препарат. Я не хочу соваться в набитое вооружёнными ублюдками здание, ни будучи уверен, что все они крепко спят и видят красочные наркотические сны. Мы войдём спустя двадцать минут, в респираторах, и закончим начатое. А фарш можешь порубить вручную, позже, я не стану возражать.

— Замётано, — указал Коллекционер пальцем на капитана. — Резать спящих. Чёрт. Приятнее этого может быть только глумление над мёртвыми детьми.

В комнате на пару секунд повисла гробовая тишина, неожиданно прерванная чистым, почти мальчишеским смехом.

Вытянувшееся от удивления лицо Репин медленно повернулось к источнику неуместного звука.

— Что вас развеселило, лейтенант?

— Извините, — Павлов приподнял очки, утирая слезу, губы плотно сжались в старательной попытке сдержать хохот.

Даже Коллекционер, привыкший к непониманию юмора окружающими, воззрился на лейтенанта, не скрывая удивления.

— Извините, — повторил тот и откашлялся.

— Я продолжу?

— Да, конечно.

— Итак, — Репин постучал тыльной стороной карандаша по карте, — зачистив сектор, мы берём его в свои руки, минируем периметр, отправляем двух стрелков на высоту и ждём подхода основных сил с грузом. Кстати, — обратился он к охотнику, — бункер герметичный?

— Как консерва.

— Очень хорошо. Значит, трупы свалим туда. Вопросы?

— Сколько ждать подкреплений? — поинтересовался Стас.

— От полутора до трёх суток. Они уже в пути.

— Когда я получу Дикого? — вернулся к интересующей его теме Коллекционер.

— Сразу, как только он перестанет быть полезен. То есть с переходом к активной фазе операции. Всё? Вопросов больше нет? Что ж, — Репин одёрнул манжет и бросил взгляд на часы, — в таком случае приступим к сборам.

Вся честная компания организованно покинула барак и, ведомая капитаном, направилась к другому, с заколоченными окнами и охраной у крыльца.

Репин ловко козырнул часовым и без лишних разговоров прошёл внутрь. Остальные

двинулись следом.

Из-за открывшейся двери в лицо сразу пахнуло свежеструганным деревом и смазкой. Вдоль стен оружейной комнаты тянулись два высоких стеллажа, не отличающихся изяществом изготовления, но вот то, что лежало на них, способно было заставить пуститься в галоп сердце любого бойца.

— Ё моё, — охотник уважительно покивал, осматривая содержимое арсенала. — Да здесь тысячи на полторы потянет.

Ряды тонких инструментов убийства, поблёскивающие в красновато-жёлтом свете керосиновых ламп, шли справа налево чёрными волнами: «Клины» и «Бизоны», «Каштаны» и «Верески», «Грозы», «Вихри», «Валы», АК-9, ВСК-94, «Винторезы», СВУ, МЦ-116М, СВДК... Тут же, ярусом выше, неровными шеренгами построились магазины разных моделей и ёмкостей, глушители, оптические прицелы, сошки и прочие «украшения» для стальных подруг, соседствующие с уложенными, будто кирпичи, пачками баснословно дорогих патронов — большей частью СП-5 и СП-6. Краска на расслаивающемся промасленном картоне сильно выцвела, но надписи всё ещё читались.

— Впервые наблюдаю столько счастья под одной крышей, — прошептал Стас, облизывая взглядом раритетные стволы. — Куда вам такой арсенал?

— На будущее, — заговорщически улыбнулся Репин. — Ну, разбирайте, у кого к чему душа лежит.

Коллекционер, не мудрствуя, экипировался «Винторезом» и прицепил на бедро изысканный ранее «Пернач», нашедшейся в стоящем тут же деревянном ящике с надписью «Хранение», после чего, блаженно улыбаясь, занялся набивкой магазинов.

Стас забрал свой АК-103 с боекомплектom и ПБ. Бенелли убрал в рюкзак, сменив его на глушённый «Вихрь». Освободившиеся из-под двенадцатого калибра подсумки забил шестью двадцатизарядными магазинами с СП-5.

Павлов, как штатный снайпер, остался при своей СВУ и, в качестве второго оружия, выбрал снабжённый глушителем «Каштан».

Остальные, включая Репина, отдали предпочтение «Валам» в паре с ГМ-94.

— Ну, все готовы? — спросил капитан, глядя на часы, и получил пять утвердительных ответов. — Тогда за мной.

Позвякивая о фурнитуру разгрузок приглянувшимися орудиями борьбы с народонаселением, группа вышла из оружейной и направилась к воротам, где их уже ожидал готовый к отбытию автомобиль.

Тяжёлый трёхосный грузовик на базе КраЗа мерно урчал прогревающимся двигателем. Бортовой кузов, обложенный по периметру мешками, был наполовину, со стороны кабины, закрыт брезентовым тентом, натянутым поверх каркасных дуг. В открытой части расположился установленный на поворотной тумбе «Корд» с массивным трёхгранным бронешитом, призванным укрыть стоящего в полный рост пулемётчика.

— Это наша? — кивнул Стас в сторону машины.

— Точно, — ответил Репин. — Высадимся за три километра от Муром. Всем занять места.

Сержант Дьяченко тут же направился к кабине, остальные полезли в кузов.

— Ай, красотища! — прокричал Коллекционер, перебираясь через борт. — До чего же я люблю богатых клиентов. Тут тебе и стволы, тут тебе и колёса. Разве что только на руках не носят.

— Вынесем, если потребуется, — приветливо улыбнулся Павлов, за что удостоился от охотника лишь косого взгляда с недоверчивым прищуром.

— Сатурн, живее! — махнул рукой Репин, всё ещё находясь за бортом. — Где тебя черти носят?

— Иду, — металлическое бряцание и топот приблизились к грузовику и стихли, сменившись частым гулким дыханием. — Тяжёлая хреновина. Ух.

— Отставить нытьё! Марш в кузов!

— Есть.

С левого борта появилась громадная блестящая от пота голова, окутанная облаком пара, исполинская ручища вцепилась в скобу, и великан, оттолкнувшись от колеса, залез в кузов, чем умудрился ощутимо раскачать его.

— Эй-эй, осторожнее, — возмутился Коллекционер. — Сорвёшь нам автопробег.

— Двиньтесь, — бросил Сатурн усевшимся на левой скамье Злобину с Бакаюровым, и примостился рядом, поставив на пол упакованную в брезентовый чехол с лямками рацию.

Последним в машину забрался капитан, заняв место рядом с водителем.

— Трогай, — скомандовал он, и многотонный агрегат, разгоняя фарами вечерний полумрак, пришёл в движение.

— Что-то многовато на тебе сегодня железа, — Стас оценивающе смерил взглядом Сатурна.

— И не говори, — вздохнул тот, водя ладонями по опоясывающим торс металлоконструкциям. — Выпросил на свою голову.

— Ну, покажи хоть, что за чудо такое.

— Да, — поддержал Павлов, — продемонстрируй инструмент.

Великан попытался изобразить равнодушие, но тщетно. Улыбка предательски заиграла на губах, выдавая ребяческую радость от представившейся возможности щегольнуть новой «игрушкой».

— Вооо, глядите, — вытащил он из-за правого плеча здоровенную железяку, напоминающую скорее автомобильную коробку передач, нежели оружие.

На цилиндрическом корпусе, снабжённом с ближнего к стрелку края вертикальной направленной вверх рукоятью и, возле центра тяжести, прямоугольной скобой для второй руки, крепился вращающийся блок из четырёх стволов перехваченных у дульного среза массивным хомутом. Покоилась эта отнюдь не лёгкая с виду конструкция на подвижном сложно сочленённом кронштейне, крепящимся, в свою очередь, к металлическому корсету, чьи дуги перехватывали, поверх брони, грудь, плечи и пояс «модника», распределяя, таким образом, вес оружия на большую площадь тела. Питание чудовищной машины осуществлялось через жёсткую ленту подачи патронов, тянущуюся справа от корпуса, под локоть и наверх, за спину, где она подсоединялась к ранцевому магазину.

— Бля! Хорош этой хернёй у меня перед носом размахивать! — шатнулся Коллекционер в сторону.

— Не бойсь, — ощерился великан. — Пока не страшно.

Большой палец его правой руки чуть сместился, и предохранительная крышка гашетки со щелчком откинулась вверх.

— Э-э-э! Кончай дурить! — вскрикнул Павлов, инстинктивно пытаясь увернуться от скачущих в такт ухабам стволов.

— Завязывай! — поддержал Стас.

— Ладно-ладно, — сжалился Сатурн, довольный произведённым эффектом, и захлопнул крышку. — Ссыкуны. Вы оцените лучше, красотища какая. Шесть тысяч выстрелов в минуту. Этой крошкой лес можно рубить.

— Дороговато выйдет, — заметил Бакаюров.

— Не дешево, зато душевно.

— И сколько эта «крошка» весит? — поинтересовался Стас.

— Сама-то — не много. Всего девятнадцать килограммов. А вот с патронами, коробом и сбруей — все девяносто.

— Ни хрена себе удовольствие, — присвистнул охотник. — Это какой же у неё боекомплект?

— Две тысячи, — проурчал от удовольствия Сатурн, нежно похлопывая коренастое тело своей любимицы.

— На двадцать секунд огня?

— Точно. Но какого огня! Раньше такие игрушки на вертолёты вешали. На лёгкие в

основном. Хотя и Ми-24 комплектовали иногда, в гондоле — пара ГШГ по сторонам, с тысяча восемьсот патронов на брата, плюс один ЯкБ по центру, с лентой на семьсот пятьдесят, или, вместо ЯкБ, «Пламя» с тремя сотнями выстрелов. И всё это одним спуском! Вот бы посмотреть.

— Да, безбедные были времена, — усмехнулся Стас. — А сбруя зачем тебе?

— Без неё никак, — пожал великан нагруженными плечами. — Не удержать в руках, уводит. А со сбруей я сам стрелок и сам станок, — хохотнул он, продолжая нежно поглаживать пулемёт.

— Баловство это всё, — резюмировал Коллекционер скептически. — Пустая трата патронов.

— Не согласен, — возразил лейтенант. — По плотности огня эта штука даст фору роте автоматчиков, а в скоротечном бою на средних дистанциях плотность решает всё, или почти всё. Я видел ГШГ в действии — сплошное поражение. Ему даже прицел не нужен. Ты просто управляешь непрерывной линией огня, которая буквально режет цели. Всё равно, что фонарём водить, только вместо светового снопа свинцовый. А уж как он машины разделяет — словами не передать. Пять секунд и вместо грузовика дуршлаг на колёсах.

— Ну-ну, — покривился охотник. — У богатых свои причуды.

— Тебе раньше-то из неё стрелять доводилось? — обратился к великану Стас.

— А как же? На полигоне пять сотен отстрелял. Непрерывными, правда, не давали, но короткими у меня неплохо выходило. Со ста метров ростовую мишень первым залпом всегда поражал.

— Залп — это сколько?

— Выстрелов пятнадцать-двадцать. Меньше не получается.

— Стрелок, бля, поражатель, — усмехнулся Коллекционер. — Мне двадцати выстрелов на двадцать мишеней хватит.

— Ты не сравнивай, я ж от бедра. И вообще, ГШГ — это тебе не винтовка, ГШГ — это... — Сатурн задумался, и глаза его, прояснившись, блеснули искоркой, — это образ мысли.

— Господи, — вздохнул охотник. — Вот угораздило.

Переезд от форта к месту высадки занял, вопреки ожиданиям Стаса, без малого три часа. Грузовик еле тащился по изрытой колдобинами дороге. Дважды пришлось остановиться и как следует помахать топором, чтобы убирать с пути рухнувший сухостой. Сатурн в расчистке завалов участие принимать решительно отказался, мотивируя это необходимостью охранять группу во время незапланированной остановки и, пока все поочерёдно рубили сосну, с важным видом расхаживал взад-вперёд, грозя непроглядному мраку чащи взятым наизготовку пулемётом.

К окончанию третьего часа пути, машина свернула с дороги и остановилась, углубившись метров на сто пятьдесят в старую лесосеку, заросшую легко сгибающимся, под многотонной массой автомобиля, берёзовым молодняком. Ещё сорок минут ушло на организацию некоего подобия маскировки из подручных материалов и установку растяжек по периметру.

В половине первого ночи группа вышла к автозаправочной станции.

— Значит так, — начал Репин, дождавшись, когда все соберутся рядом, — лейтенант.

— Слушаю, — отозвался Павлов.

— Сейчас идёшь к зданию, уточняешь расположение противника и возвращаешься. Мы остаёмся здесь.

— Может и я сгоняю на пару? — предложил Коллекционер. — Карта — это одно, а на месте там сориентироваться посложнее будет.

— Не возражаю, — ответил капитан, чуть подумав. — Только чтоб никакой самодеятельности. Посмотрели и сразу назад, — добавил он напутствие вслед двум уже растворившимся во мраке фигурам.

Спустя семь минут разведчики появились из темноты, так же бесшумно, как и исчезли,

обозначив себя, лишь за пять метров от группы, тихим покашливанием.

— Мать твою, Павлов! — встревожено прошептал Репин. — Сколько раз говорить — не подкрадывайся так. Свои же пристрелят.

— Предположения верны, — сообщил лейтенант, игнорируя критику. — В охране пять человек: двое у входа, трое в патруле.

— Отлично. Нужно будет разделиться. Вы двое, — указал капитан на разведчиков, — берёте на себя вход, снимаете охрану и продолжаете его контролировать. Мы четверо займёмся патрулём. После этого обрабатываем здание с гранатомётов. Сатурн, остаёшься здесь. Если что, отходить будем тем же маршрутом, прикроешь.

— Понял, — кивнул великан.

— Сверимся, — капитан одёрнул манжет. — Без двадцати час. Даю десять минут, чтобы выйти на позицию. Огонь только после меня. Вопросы есть? Нет вопросов. Отлично. Бакауров, выдай респираторы.

Глава 20

— Ну что, друг сердешный, небось, уже и не чаял встретить меня? — Коллекционер, заложив руки за спину, чинно вышагивал по кабинету, под ненавидящем взглядом его бывшего хозяина. — А я вот очень рассчитывал повидаться. О-о-очень. Кстати, говённо выглядишь.

Дикой в бессильной ярости скрипнул зубами, пытаясь высвободиться из пут.

— Тихо-тихо, — осклабился охотник, — не перетруждайся, а то снова блевать начнёшь. Вон, уже сосуд в глазу лопнул.

Этажом ниже послышался скрип дверных петель, топот и звук падения двух тяжёлых предметов на что-то мягкое.

— Шестнадцать, — ухмылка Коллекционера сделалась ещё шире. — Знаешь, за время моего отдыха в «Чёрном закате» я, пользуясь избытком свободного времени, много думал. О разном. В том числе и о тебе. О нашей с тобой дружбе. Сколько мы знакомы?

— Убью, падаль! — процедил Дикой, брызжа слюною.

— Лет пятнадцать, не меньше, — продолжил охотник, как ни в чём не бывало. — Долгий срок. Многие столько и не живут. А какие дела вместе проворачивали. Ты помнишь? Помнишь тот заказ на капитана баржи? Один бы я там не справился. Мы были славной командой, пусть время от времени, но... Я тебе доверял. О, — Коллекционер поднял указательный палец, расслышав повторившиеся звуки внизу, — восемнадцать.

— Ты никому не доверял, — голос Дикого сделался похож на звериное рычание. — И тебе не доверял никто. Чёртов мутант. Думаешь, мне хоть раз было дело до твоей вонючей шкуры? Да срать я на тебя хотел!

— Грубо-грубо, — расстроено покачал головой охотник. — Не такие слова я надеялся услышать. Может передумаешь и повинись, пока есть возможность?

Дикой аж побагровел от негодования. Привязанные к подлокотникам руки затряслись в тщетной попытке схватить обидчика за горло. Но всё, на что хватило сил, выразилось в плевке, который так и не достиг цели, повиснув на скривившихся губах.

— Жалкое зрелище, её богу, — поморщился Коллекционер.

— Сука! Зубами порву блядь!

— Тс-с-с, — охотник снова прислушался. — Двадцать. Прости, я тебя перебил. А за одно и всю твою шайку. Ну ладно, у меня мало времени. Ты собираешься каяться или нет?

— Тварь! — прорычал Дикой, вытягивая шею, будто и в самом деле вознамерился загрызть наглеца, однако, быстро выдохся и, тяжело дыша, поник. — Давай уже, кончай с этим. Заебал своей болтовнёй.

— Таким будет твоё последнее слово?

— Нет, моё последнее слово будет — отсоси.

— Что ж, у тебя был шанс, — «Пернач», не спеша, покинул кобуру и нацелился в

красный покрытый испариной лоб с пульсирующей венной посередине. — Прощай.

Палец нажал на спуск.

Дикой вздрогнул одновременно с ударом бойка о пустой патронник и затаил дыхание, словно всё ещё не будучи уверен, жив он или мёртв.

Дверь из коридора открылась, и в кабинет вошёл Репин.

— Ну что? — обратился он к охотнику. — Закончил?

— Как договаривались, — указал Коллекционер на часы.

— Полегчало?

— Да, спасибо большое. Мне теперь гораздо лучше.

— Ах ты мразь паскудная! — выдохнул Дикой.

Охотник, направляясь к выходу, остановился и молниеносно выхватил пистолет из ещё не застёгнутой кобуры.

Только что отыгранная сцена повторилась один-в-один.

— Надо же, — усмехнулся он, — не надоедает. Можно я через часок загляну?

Репин сглотнул и опустил автомат.

— На сегодня достаточно.

К пяти утра Стас и Бакаюров приняли вахту от Павлова и Дьяченко. Те спустились с высотки, продрогшие до костей, и теперь отогревались трофейным чаем. Обнаруженные в здании запасы спиртного капитан тут же объявил неприкосновенными, пообещав за распитие взыскать по всей строгости.

С собой наблюдатели получили кусок сала, буханку ржаного хлеба, травяной чай в термосе и тяжёлый мощный фонарь для сигнализирования о приближении непрошенных гостей Злобину. Сапёр, закончив минирование периметра, был назначен дежурным у входа, как имеющий самую неброскую внешность и даже, по словам Коллекционера, походивший всеми чертами лица на среднестатистического ублюдка.

Курган битого кирпича у основания высотки поднимался почти вплотную к оконным проёмам третьего этажа.

Стас запрыгнул внутрь и подал руку сержанту.

— Жутковато здесь, — осмотрелся Бакаюров. — Давно он брошен?

— Не знаю, — ответил Стас, проводя ладонью по чудом уцелевшему лоскуту выцветших и изъеденных плесенью обоев.

Они стояли посреди просторной комнаты с большим окном и проёмом балконной двери. Кирпичная пыль и осыпавшаяся штукатурка серым настом устилали пол. Там, где ступала нога, пыль разлеталась, открывая куски замысловатого геометрического рисунка, отпечатавшегося на чёрном паркетном клею. Холодные стены, обросшие за ночь инеем, поблёскивали в свете звёзд ледяными кристалликами.

— Пойдём, нечего здесь разглядывать, — Стас миновал узкий коридорчик и вышел на лестничную площадку.

Железобетонная лестница, к счастью, пострадала не столь сильно, как можно было предположить. Перила давно канули в небытие, срезанные под корень, кое-где бетон раскрошился, куски его висели на погнутой ржавой арматуре, грозя сорваться вниз и прибить редкого прохожего, но всё же восемь пролётов позволяли, хоть и без особого комфорта, перемещаться со второго по шестой этаж. Девятый — верхний — пролёт упирался в глухую стену из обломков рухнувших перекрытий, что, помимо невозможности занять более выгодную для стрельбы позицию, давало лишний повод задуматься о способе доставки груза на двадцатисемиметровую высоту.

Поднявшись на крайний этаж, наблюдатели разошлись по противоположным квартирам — Бакаюров, прихватив сигнальный фонарь и половину выделенного пайка, отправился встречать гостей со стороны западного пригорода, а Стас взял на себя пустырь, отделяющий резиденцию Дикого от восточных трущоб.

Предыдущий наблюдатель за время своего дежурства успел кое-как обжить неудобные

апартаменты. В маленькой комнатке, служащей раньше, судя по всему, кухней, Стас обнаружил приставленный к стене возле окна металлический стул с заменяющим сидушку куском доски и перекинутым через спинку байковым одеялом. На пыльном подоконнике отпечатались следы сошек.

— Спасибо, лейтенант, — поблагодарил он своего предшественника и, накрыв одеялом сидушку, взгромоздился на единственный в квартире, а может и во всём доме, предмет мебели.

К половине восьмого чернильная синь, испещрённая точками звёзд, начала медленно, но неумолимо светлеть. День обещал быть ясным. Хотя ночной морозец всё ещё не отступал. Одеяло не долго пролежало у Стаса под сидалищем, очень скоро переключав на плечи. Без движений тело становилось лёгкой добычей холода. Дрожь не унималась. Выдыхаемые струйки пара оседали на автомате, делая блестящую оксидированную сталь матовой.

— Ну и стужа, — в дверном проёме, одной рукой неся кружку, а второй растирая плечо, появился Бакауров. — Чайку плеснёшь?

— Это можно, — Стас наклонился и вытащил из рюкзака термос. — Подставляй посуду.

— Ого, смотри-ка, прямо кипяток. Хорошо держит.

— Колба стальная, корпус латунный, между ними чистый сука вакуум, — улыбнулся Стас, припомнив слова торговца. — В Арзамасе купил.

— А я вот — поверишь ли? — никогда в Арзамасе не был, — сержант присел рядом на корточки, отхлебнул ароматного напитка и шмыгнул носом. — Правду говорят, что там людей совсем не осталось, только мутанты одни?

— Нет, не правда. Здоровых хватает — бандиты, наёмники, торгаши. То же, что и везде. Где есть нажива, всегда будут и люди. В Арзамасе таких зовут — лац — нормальный. Забавно, да? Муром клеймит больных, Арзамас — здоровых. Кого больше, тот и прав.

— Это ненадолго. Большинство мутантов бесплодны. Пройдёт ещё пара поколений, и они исчезнут. Перестанут рождаться. Чистка генофонда — естественный процесс, — пожал сержант плечами.

— А ваши?

— Что наши?

— Старшие братья. Тоже исчезнут?

— Нет, — усмехнулся Бакауров. — Это совсем другое. Ну ладно. Спасибо за сугрев. Пойду к себе, дальше мёрзнуть.

Сержант поднялся и, шурша подошвами по замусоренному полу, скрылся в темноте коридора.

— Другое, — шёпотом повторил Стас. — Да. Совсем.

Солнце неспешно поднималось из-за горизонта, чтобы совершить очередной вояж, с каждым днём всё более краткий, и снова закатиться, утомившись созерцанием глупого человеческого мирка, существующего благодаря лишь нелепому совпадению, поместившему крошечную планетку на нужном расстоянии от пылающей звезды.

Свет её надвигался с востока, как волна, заливая чёрный лес и трущобы пригорода, осыпая золотыми брызгами убогое скопище лачуг, пробуждая их обитателей к новому дню никчёмной, жалкой, бессмысленной жизни. Вот уже и усталый строительным мусором пустырь начал погружаться в его воды. Янтарный прилив неудержимо двигался вперёд, омывая отмершие ткани города, заставляя их играть причудливыми тенями.

Наблюдая эту картину, Стас прищурился. Одна из теней, возле дороги, двигалась явно быстрее восходящего солнца. Он встал и, подняв автомат, заглянул в окуляр прицела.

По левому краю пустыря, вдоль улицы Жданова, шёл человек. Хотя, в этом трудно было разобраться с такого расстояния. По крайней мере, этот кто-то перемещался на двух ногах и не предпринимал попыток зарыться в землю. Пройдя ещё метров пятьдесят, он свернул в сторону от остатков тротуара и взял курс на высоты.

— Сержант! — крикнул Стас в полсилы, опасаясь, что незнакомец внизу может каким-

то образом его услышать. — Эй! — он поднял с пола кусок кирпича и, забежав в коридор, швырнул через площадку.

Увесистый осколок разбился о противоположную стену, наполнив этаж гулким эхом.

В дальнем дверном проёме появился Бакаюров.

— Ты что?! — крикнул он, так же опасно сбавив громкость.

— Сигналь! У нас гости!

Стас вернулся к окну и снова посмотрел через прицел на движущуюся внизу фигуру.

Человек — сейчас в этом уже не было сомнений — торопливо семенил промеж двух курганов бетонного лома, неуклюже перебираясь через преграждающие путь завалы. Небольшого роста, полноватый, в длинном болотного цвета плаще, он то и дело озираясь, крепко сжимая в руках АКСУ-74.

— Что за...? — шепнул Стас, присматриваясь к выглядывающему из-под капюшона лицу. — Валя. Ах ты пидор жирный. Куда тебя черти понесли?

Бережной тем временем остановился и замер метрах в ста пятидесяти от высотки, будто прислушиваясь, после чего сделал шаг назад, ещё один, развернулся и шустро заработал ногами в противоположном направлении.

— Какого ты творишь? — Стас вжал приклад в плечо. — Вот зараза.

Скрадываемый ПБСом звук выстрела разлетелся над пустырём и, не успев стихнуть, повторился вновь.

Первая пуля ушла мимо цели. Вторая — пробила Валентину правое бедро.

Стас прицелился и снова нажал спуск.

На земле, в считанных сантиметрах от левой ноги упавшего Бережного, взвился пыльный фонтанчик.

Валентин, не издав ни звука, поднялся на четвереньки и припустил за ближайший обломок плиты, с поразительной скоростью перебирая конечностями.

— Бля! — Стас опустил автомат и набрал в лёгкие воздуха. — Сержант! Зови наших, пусть вытащат крысу!

— Не стреляйте! — донёсся снаружи душераздирающий вопль.

«Ксюха» вылетела из-за плиты и упала на землю. Следом показалась поднятая трясущаяся рука.

— Я без оружия! Не стреляйте!

— Заткнись и выходи! — крикнул Стас.

Поднятая рука двинулась влево, за ней появилась голова, втянутая в плечи, насколько позволяло строение скелета, и округлая тушка, опирающаяся на три конечности.

Наконец, Бережной полностью выполз из своего укрытия и остановился, шаря глазами по этажам. Опорная рука, влекомая инстинктом самосохранения, попыталась оторваться от земли, дабы поддержать напарницу в капитуляционном порыве, но всё тот же инстинкт не дал ей этого сделать, чем уберёг нежное лицо Вали от встречи с колотым бетоном.

— Умоляю, не стреляйте! У меня пятеро детей! — запричитал «отец-герой» в своей обычной манере. — Я простой труженик...

— Закрой пасть! — раздался голос капитана.

Стас подошёл к проёму балконной двери и глянул вниз.

На звуки выстрелов и крики, к месту происшествия уже успели подтянуться Репин, Павлов и Дьяченко. Лейтенант обошёл незваного гостя слева и подобрал брошенный автомат, после чего пинком сориентировал Бережного в нужном направлении. Тот кое-как поднялся на ноги и с охами-ахами поскакал к базе.

— Капитан, — окликнул Стас, — я знаю этого типа.

Репин остановился и задрал вверх голову.

— Спускайся, поговорим. Павлов тебя подменит.

Валентин с влажными от слёз глазами жалобно поскуливал, сидя на нарах, в одной из комнат первого этажа, пока Дьяченко обрабатывал ему прострелянную ляжку.

— Ничего серьёзного, — сообщил медик присутствующим Репину и Коллекционеру. — Кость целая, пуля прошла навылет, посторонних предметов в ране нет.

— Что-то он бледный, — нахмурился охотник, глядя на подрагивающие от всхлипов щёки Бережного. — Как бы не сдох.

— Потеря крови не велика, — ответил Дьяченко, пропустив иронию Коллекционера мимо ушей. — Это скорее шок виноват.

— Говорить можешь, карапуз? — обратился охотник к Валентину.

— М... Могууу, — Валины глаза моргнули, вытолкнув скопившиеся слёзы, и округлились по мере восхождения от ботинок до лица появившегося в дверях Стаса. — Как? Станислав?! Здесь? Но... — пухлый палец, всё ещё охваченный дрожью, указал на Коллекционера.

— Это долгая история, — улыбнулся охотник.

— Так вы оба с ним знакомы? — приподнял бровь Репин.

— Оба, — ответил Стас.

— Если вам интересно, — взбодрился Бережной, обратив полные готовности к сотрудничеству глаза в сторону капитана, — вот этот субъект, — снова указал он на Коллекционера, — разыскивал Станислава с целью убийства.

— Да, — развёл руками охотник. — Так и познакомились.

— Занимательно, — нахмурился Репин. — Но мне сейчас интересно другое.

— Конечно-конечно, — Валентин немедленно сунул руку за пазуху и достал небольшой бумажный конверт с сургучной печатью на клапане. — Вот. Только ради этого я сюда и пришёл. Меня попросили... приказали доставить письмо Александру Дмитриевичу Прокофьеву.

— Дикому, — пояснил Коллекционер, отреагировав на вопросительный взгляд капитана.

— Да-да, — закивал Бережной, — этому самому бандиту. Негодяй! Если б вы только знали, сколько я от него натерпелся. Он ведь уже... Мёртв?

— С чего бы это? — пожал плечами Стас. — В соседней комнате чай пьёт. Сейчас позовём.

Подрагивающая улыбка моментально сошла с Валиного лица, а посттравматическая бледность усилилась до такой степени, что начала отливать синевой.

— Шутка, — оскалился Коллекционер. — Прими наши поздравления.

Застывшая кровь вновь побежала по венам, возвращая на щёки Бережного робкий румянец.

Капитан, тем временем, дочитал письмо и убрал вместе с конвертом в карман.

— Что пишут? — поинтересовался Стас.

— Велят бдительность усилить. Сообщают о возросшей активности навашенских бригад, и предупреждают о возможных диверсиях. Подписано Буровым.

— То ли муромские шпионы зря свою пайку жрут, то ли к Александру Дмитриевичу в последнее время доверие упало, — предположил охотник.

— От кого получил письмо? — зыркнул Репин на Валентна, спугнув с его щёк только начавший возвращаться румянец.

— От эсесовца какого-то, — вздрогнул Бережной и рефлекторно приподнял руки в попытке защититься, хотя капитан даже не шевельнулся. — Мне, думаете, представляется кто из них? Вызвали на проходную и всучили, неси, дескать, бегом. А я что? Я человек маленький. Мне все эти их записульки вот уже где сидят, — похлопал он себя по загривку. — У меня, между прочим, астма бронхиальная и ревматизм, а теперь вот ещё нога испорчена. Ни здоровья, ни денег. Чем семью кормить?

— Жопой, — выдвинул предложение Коллекционер. — Уверен, ты найдёшь не мало клиентов.

— Зачем вы так? — состроил Валентин обиженную гримасу. — Я со всей душой, а...

— Что ещё от тебя требовалось помимо доставки письма? — перебил его Репин.

— Да ничего больше, — пожал плечами Бережной. — Что от меня может требоваться? Пришёл, передал, вернулся, доложил.

— Тааак, — капитан с хрустом размял пальцы. — От этого места давай поподробнее. Кому и когда доложить нужно?

Валентин всхлипнул и подобрался, готовясь принять удар.

— На проходной, тому же эсэсовцу, в полдень.

— Через три с половиной часа, — резюмировал Репин, одёрнув манжет куртки. — Ты, — указал он на Бережного, — сиди здесь, остальные — за мной.

— Я хочу знать ваше мнение об этом типе, — продолжил капитан, когда все переместились в соседнюю комнату. — Можно его завербовать?

— В смысле — напугать до усрачки? — перефразировал Коллекционер.

— Для начала.

— Без проблем, — ответил Стас. — Только Валя совсем не простак. Трус редкостный, это да, но в изворотливости ему не откажешь, потому и жив ещё. Он легко согласится на все наши условия безо всяких угроз. А вот за дальнейшие его действия я бы не поручился.

— У нас всего два пути, — вздохнул Репин. — Первый — пристрелить гада, и возвращаться в Кутузовский, потому как район этот мы, ясен хер, не удержим. Второй — склонить его к сотрудничеству, и ждать, уповая на везение. Понимаю, звучит не особо оптимистично, но других вариантов нет. Что скажете?

— Мне первый путь больше нравится, — ощерился Коллекционер.

— Не сомневаюсь.

— Я попробую убедить Бережного, — взял слово Стас.

— Думаешь, есть шанс?

— Бестолковое дело, — покачал головой охотник. — Положимся на этого пидора — ничего хорошего не дождёмся.

— Бережной не безнадёжен, — продолжил Стас. — Нужны лишь разумные доводы.

— У тебя они есть?

— Пара-тройка найдется.

— Хорошо, — кивнул Репин. — Поговори с ним. Только никакой конкретики, никаких упоминаний о Легионе или о грузе. Особенно о грузе. Понял?

— Само собой.

Валентин сидел на нарах в том самом положении, в каком его оставили. Даже складки покрывала, расходящиеся по сторонам из-под упитанной задницы, не нарушились за время совещания.

Стас взял стул и сел напротив Бережного, облокотившись сложенными крест-накрест руками о высокую спинку.

— Всё плохо? — сглотнув, решился задать вопрос Валентин.

— Это от тебя зависит.

— От меня? А... а что нужно сделать? Что нужно? Вы скажите, я всё сделаю. Всё-всё. Правда. Я не подведу. Пожалуйста.

— Валя, — Стас выдержал паузу, глядя в обильно увлажнившиеся глаза, — не стану врать, мы тебя не ждали, и было бы гораздо лучше, если б ты здесь не появился. Но раз уж так случилось, придётся...

Бережной весь сжался в предвкушении дурных новостей.

— ...нам с тобой перетереть кое о чём, — продолжил Стас, наблюдая как ужас в глазах собеседника, сменяется робкой надеждой. — Скажи, Валя, у тебя в Муроме есть близкие люди? Помимо воображаемой жены и пятерых детей.

Валентин закусил губу и отрицательно помотал головой.

— А не в Муроме? Будет куда приткнуться, если прижмёт? Да какое там «если». Тебя уже прижало — не продохнуть.

Щёки снова заходили из стороны в сторону. Подсохшие было дорожки слёз на них,

заблестели влагой. Бережной всхлипнул и, готовый вот-вот разрыдаться, одарил Стаса взглядом, полным такого отчаяния, на какое только способен человек.

— Умоляю, не прогоняйте. Куда я пойду? Гостиница — это всё, что у меня есть. Я... я не могу. Господи. Да как же... У-у-у-у-у... — Валентин, не в силах больше сдерживать наплыва чувств, заревел, раскачиваясь взад-вперёд.

— Ну-ну, хватит, — доверительно шепнул Стас, предоставив пациенту время как следует проникнуться жуткими перспективами кочевой жизни, и, переборов отвращение, потрепал рыдающего навзрыд Бережного по плечу. — Может всё ещё обойдётся. Хорош уже. Эй, — звонкая оплеуха вывела того из ступора. — Ты меня слушаешь?

— Д... д... да, — сглотнул Валентин.

— Молодец. Я хочу быть уверен, что мои слова не пролетают мимо твоих ушей, потому что они — самые важные из когда-либо тобой слышимых. Понял?

— Д... да.

— Так вот, не вдаваясь в подробности, скажу одно — Муром обречён.

Свежая новость произвела эффект электрического разряда. Валентин вздрогнул и застыл будто изваяние.

— Как? — выдохнул он, наконец. — Когда?

— Раньше, чем ты можешь себе представить.

— Боже мой. А пригороды?

— Сменятся хозяева у Мурома, сменятся и у пригородов. Крови везде будет — залейся. Я хочу, чтобы ты уразумел одну простую вещь, Валя — изменить уже ничего нельзя. Здесь с тобой разговаривают только потому, что не хотят лишних сложностей. Это очень серьёзные люди, за ними стоит такая сила, которая, в случае чего, не посчитается с потерями. Но, пока есть возможность, они предпочитают зря трупы не плодить. Скажу прямо — тебе очень повезло. Ты сохранишь не только жизнь, но и всё своё имущество, если, конечно, согласишься сотрудничать.

— Что требуется сделать? — отчеканил Валентин.

— Ровно то, что тебе поручили — вернуться и доложить. А чтобы ты ненароком не сбился, передашь доклад в письменном виде.

— В письменном? — удивился Бережной. — Но... кто же его напишет? Ведь Александр Дмитриевич...

— Дикой жив. Пока.

— Господи боже.

— Кстати, ты сможешь опознать его подпись?

— Ну, я видел пару раз, длинная такая, размашистая. Думаю, что смогу. Точно смогу. Да-да, я вспомнил.

— Хорошо. А что скажешь про ногу?

Бережной посмотрел на алый бинт и поморщился, вспомнив о простреленном бедре.

— Скажу — выродки ждановские стрельбу устроили по-пьяни. Здесь такое случается.

— Молодец. Сиди тут. Я поговорю с капитаном.

— Ну что? — с порога начал Репин. — Он готов?

— Валя не может быть не готов, — ответил Стас, прикрыв за собой дверь. — Вопрос только в твёрдости его намерений. Я пообещал ему жизнь и сохранность имущества в обмен на сотрудничество, припугнул неминуемой кровавой баней по всему Мурому и пригородам. Потеря гостиницы и потеря жизни, для него — несчастья одного порядка.

— Так я не понял, можно ему доверять или нет?

— Для верности не помешало бы познакомить Валу с Сатурном. Нужно чем-то подкрепить мои увещания о кошмарной силе позарившейся на Муром.

— Чёрт, — оскалился Коллекционер, — я хочу это видеть.

Репин задумался, почёсывая подбородок.

— Ну, в принципе, можно. Сейчас схожу.

Через минуту капитан вернулся вместе с великаном.

— Ты эту хреновину со вчерашнего дня не снимал что ли? — кивнул охотник на торчащую из-за плеча Сатурна рукоять ГШГ.

— Чего надо? — огрызнулся тот.

— Так даже лучше, — смерил Стас великана взглядом. — Нужно произвести впечатление на одного товарища. Справишься?

— Чего делать-то?

— Просто зайди в соседнюю комнату и... ну, не знаю, сделай вид, будто что-то ищешь, а потом выйди.

— Всё? — посмотрел Сатурн на капитана.

— Выполняй.

— Нам нужно письмо от Дикого с автографом, — продолжил Стас, когда широкая спина великана исчезла за дверью. — На Валин язык полагаться не стоит. Начнёт мямлить, запинаться, и пиши «пропало». Кол, сможешь организовать?

— Понадобится медик, — ответил тот без доли иронии.

— Зачем? — нахмурился капитан.

— Чтобы приводить пациента в сознание.

— А без садизма никак?

— Сам попробуй. Может быть, случится чудо, и Дикой поддастся на уговоры.

— Ладно, убедил. Дьяченко!

— Вызывали? — в дверях появился заспанный и не по форме одетый сержант.

— Да. Сон временно отменяется. Нужна твоя помощь в допросе. Проследишь, чтобы задержанный не отрубался. А теперь марш наверх.

— Есть. Только сумку захвачу.

— А я пойду Валу проведать, — направился Стас к выходу. — Что-то там подозрительно тихо.

— Обожди, — остановил его капитан. — Дай нашему гостю время на размышление. Присаживайся. Куришь?

— Нет.

— А я закурю, — Репин достал кисет, ловко скрутил папиросу и, сунув её в рот, чиркнул зажигалкой. — Вот дурное дело, да и накладное, а бросить не могу. Ты сам-то откуда?

— Из Владимира.

— Не бывал. Большой город?

— Тысяч тридцать, или меньше.

— Нда, — причмокнул капитан, раскурив самокрутку. — А ведь когда-то числился областным центром, полмиллиона человек проживало. Хотя, Владимиру ещё повезло. Большинство ему подобных городов просто исчезли. Тридцать минут войны, и страна с многовековой историей перестала существовать. Но ничего, это дело поправимое. Главное что люди уцелели, а государственность мы восстановим. Обязательно восстановим.

Стас взглянул на Репина и усмехнулся.

— Что? — правая бровь капитана вопросительно поднялась. — Не веришь?

— С трудом.

— А зря. Народ созрел. Давно. Только вот идти ему не за кем было. Кругом царьки, уцепятся за власть в городишках и сидят. Грицук тот же — сколько лет он Муромом рулит? Больше тридцати! И что он успел сделать? Стену построил да войну развязал с Навашино. А за что воевали? За железнодорожное имущество. Отобьют цех-другой, станки вывезут и дальше. Как хомяки, всё к себе в нору. А что мешало ему тогда в два, в три раза больше народу под ружьё поставить, да и прибрать всё на корню вместе с городом, с заводами, с судоверфью? Но нет, слишком крупно для Грицука оказалось. Лишние хлопоты. Таким царькам вполне раздольно на своём пяточке, о большем и не мечтают. Но теперь всё изменится. Муром — только начало. Скоро под стяги Легиона встанут десятки, сотни тысяч, и нас будет уже не остановить.

— А кто не встанет, с ними как?

— Найдутся и такие, — кивнул капитан. — Но они просуществуют не долго. Работа на рудниках и лесозаготовке не оставляет много времени для вольномыслия.

— Единство через террор?

— Разумеется. Становление государств не бывает бескровным. Только массовые расстрелы спасут Родину. Знаешь, кто это сказал?

— Кто?

— Владимир Ульянов, известный так же как Ленин — идеолог, вдохновитель и организатор революции тысяча девятьсот семнадцатого года, которая повернула всю российскую историю в иное русло. Там дело тоже было на исходе мировой войны, Первой мировой. А потом началась война гражданская. У нас промежуток, конечно, побольше, но очерёдность та же. Думаю, что и результат получим сопоставимый. А вообще...

Вопль боли, приглушённый перекрытиями, донёсся с верхнего этажа, нарушив мысль капитана.

— Чёрт побери. Что там происходит?

— Похоже, у Дьяченко сегодня будет много работы, — улыбнулся Стас.

— Да, — хмыкнул в ответ Репин. — Ну, так я к чему разговор-то веду — присоединиться к нам не желаешь?

— К Легиону? А разве у вас личный состав не...?

— Вижу, Сатурн много чего рассказал.

— Он не виноват. Когда-нибудь научится врать. Так что, теперь и со стороны берёте?

— Давно берём. А в ближайшем будущем и вовсе планируем массово зачислять. Сейчас в наших рядах около сотни бывших наёмников.

— Наёмники бывшими не бывают.

— Ошибаешься. Раньше я так же считал. Но эти люди стали частью Легиона. Они приняли наши идеи и встали с нами на один путь. Сегодня этот путь единственно верный. Я не прошу давать ответ немедленно. Ты подумай. Полное довольствие, никаких скитаний в поисках заработка, всегда есть крыша над головой и поддержка за спиной. Кроме того, наши бойцы могут рассчитывать на долю трофеев. Так что и в деньгах не проиграешь.

— Хм, а я думал, у вас только идейных набирают.

— Правоту идей иногда нужно подкреплять золотом, — усмехнулся капитан.

По коридору со стороны лестницы застучали приближающиеся шаги.

— Готово, — Коллекционер в сопровождении неуверенно ступающего Дьяченко перешагнул порог и вручил Репину бумагу. — Целых две строчки накалякал. Признаюсь — добиться этого было не просто, но приятно.

Репин взял письмо и зачитал:

— Вас понял. Посты усилим. Бдительность среди населения повысим. На данный момент происшествий в районе не зафиксировано. Число. Подпись.

— Годится? — спросил охотник.

— Вроде неплохо, — кивнул капитан и, нахмурившись, перевёл взгляд на стоящего у двери медика. — Сержант, что у тебя с формой? Чем куртка изгваздана?

Дьяченко склонил голову, пытаясь рассмотреть предмет командирского недовольства.

— Сблеванул малость, — пояснил Коллекционер. — Ничего страшного.

— Разрешите взглянуть, — протянул Стас руку к листку бумаги.

— Держи, — отдал письмо Репин. — Что-то не так?

— Хочу Вале автограф продемонстрировать. Он его по-другому описывал, не похоже на этот.

— Вряд ли Дикой сейчас хитрить станет, — поделился мнением охотник.

— Я бы не стал, — поддержал его сержант.

— Вот и убедимся.

Зайдя в комнату к Бережному, новоявленного почерковеда Стас не обнаружил. Койка была пуста, по синему одеялу расплзлось круглое тёмное пятно.

— Валя, — позвал он, заглядывая под кровати.

— Станислав?! — откликнулся возбуждённый дрожащий голос.

Бережной сидел через три ряда от места последней дислокации, прячась за прикроватной тумбочкой. Приняв позу зародыша, он обхватил колени руками и, судя по красному пятну, упёрся в них лбом. Боль в бедре Валентина уже не тревожила, страх заглушил её полностью.

— Ты что тут делаешь? — поинтересовался Стас, изобразив удивление.

— Здесь был... Здесь был... — залепетал Валя, и снова уткнулся лбом в колени. — Господи. Я подумал, что он пришёл за мной. Я уже...

— Ну всё-всё, поднимайся, — Стас ухватил всхлипывающего Валентина под локоть и усадил на койку. — Кого ты видел? Верзилу с пулемётом?

Бережной поднял глаза и судорожно затряс головой из стороны в сторону.

— Это не человек, Станислав. Не человек. Чудовище!

— Да, я знаю. Его зовут — Сатурн. Это один из бойцов, которые скоро будут штурмовать Муром. Рота таких богатырей выглядит ещё внушительнее. И лучше оказаться с ними на одной стороне. Но я к тебе вообще-то пришёл не страсти всякие рассказывать, а по делу. Вот, — протянул Стас бумагу. — Узнаёшь почерк?

— Узнаю, — кивнул Валентин. — Рука Дикого.

— Верно. А подпись?

— А подпись... — Бережной задумался, рассматривая закорючку. — Нет. Он её изменил. У него размашистая такая, широкая.

— Спасибо. — Стас забрал бумагу и вернулся в соседнюю комнату. — Автограф не годится, — констатировал он присутствующим. — Нужно переписать.

— Что ж, — пожал плечами капитан, глядя на охотника. — Нужно, значит нужно.

— Сегодня мой день, — расплылся Коллекционер в улыбке и, излучая оптимизм, направился доделывать неоконченную работу. — Веселее, сержант, — приобнял он поникшего медика. — Я дам тебе такой опыт, какого и в полевом госпитале не наберёшься.

Дьяченко удручённо вздохнул и поплёлся следом.

Спустя тридцать минут, Бережной, переодетый в чистые штаны, снаряжённый АКСУ-74 и запечатанным конвертом, уже стоял снаружи, выслушивая последние напутствия.

— Валя, — Стас положил руку ему на плечо, словно прощался с хорошим другом, — говори как можно меньше. Если не спрашивают, то лучше вообще помалкивай. Отдай конверт, отсидись до темноты, и дуй обратно. Понял?

— Угу, — потряс щеками Валентин.

— И самое главное — не забывай, на чьей ты теперь стороне, позаботься о своём будущем сегодня. Ну всё, ни пуха.

— К чёрту, — пискнул свежееперевёрбованный агент и, прихрамывая, отправился на встречу судьбе.

— Как думаешь, вернётся? — спросил Капитан, провожая Бережного взглядом.

— Ему больше некуда идти, — ответил Стас.

— Я приказал Сатурну запросить подкрепление. Из Кутузовского не пришлют, боятся оголять тылы. Но передовые отряды уже форсировали реку и один из них направлен сюда.

— Как скоро ждать?

— Сутки примерно.

— Долго. Если Валя сглупит, то максимум через три часа нас возьмут в клещи, и мы примем бой.

— Значит, так тому и быть.

Однако, спустя три часа, никаких признаков активности вокруг района высоток не обозначилось. Капитан распорядился сменить Павлова с Бакаюровым, и Стас занял прежнее место в служащей наблюдательным постом кухне.

Время шло, но гнетущее чувство подкрадывающейся беды не ослабевало. Оно достигло пика к окончанию третьего часа ожидания и теперь, по прошествии уже семи часов, лишь

едва притупилось, обтерев острые шипы о сердечную мышцу.

«До чего же всё это мерзко, — подумал Стас, вглядываясь в далёкий поворот улицы Жданова, уводящий к восточным воротам. — Кто бы мог подумать — Валя снова рулит ситуацией. А ты сиди, жди у моря погоды. И хрен знает, что у этой жирной сволочи на уме. Зря, зря мы затеяли такую авантюру. Нужно было валить гада, и отходить назад, в Кутузовский. Пусть запускали бы свой беспилотник. Доверился пидорасу, после двух подстав! Это ненормально, Стас. Помешательство, мать его, какое-то. Иначе и не назовёшь. Сколько раз тебя жизнь учила? Нельзя доверять людям. Нельзя, нельзя, нельзя. А тем более пидорасам. Нет, опять в то же говно наступаешь. Правильно Лёха говорил: „Подохнешь от своей доброты“.

Солнце вовсю кренилось к горизонту, а дорога оставалась также безлюдна, как и десять часов назад. Выданные медиком пилюли, после третьего за сутки приёма бодрили уже не с той силой, что в первый раз. Усталость камнем повисла на шее.

Когда местность внизу стала почти неразличима из-за сгустившихся сумерек, Репин отозвал подслеповатых наблюдателей, отправив на их место Коллекционера и Павлова.

— Почти двенадцать часов прошло, — поделился наблюдением Стас, запивая тушёнку чаем. — Где его черти носят?

— Да плевать, — капитан затаился и стряхнул пепел на край стола. — Какая теперь разница? Время играет за нас. Главное — до утра продержаться. Зря мы, наверное, подвал трупами забили. Нужно было их к лесу оттащить.

Стас кивнул и уже собрался выдвинуть предложение по привлечению Сатурна к расчистки им же захламлённого подвала, как входная дверь открылась и из неё в сопровождении Злобина появился Валентин с громадным тюком за спиной.

— Добрый вечер, — поклонился он, шаркая ногами о половики. — Я всё сделал, как вы велели. Конверт передал. Ничего не говорил. И... вот, собственно.

Тюк с шумом опустился на пол.

— Молодец, — похвалил Репин. — А что так долго?

— Ну, как же? Пока вещички собрал, пока ставни железные на окна поставил, а у меня их двадцать четыре штуки, с больной ногой-то, да с ревматизмом, вот и время пролетело.

— Чистый? — обратился капитан к Злобину.

— Только это, — продемонстрировал старшина изъятый автомат, — и два рожка.

— Хорошо, проводи нашего гостя, — распорядился Репин. — А вещи пока останутся здесь, — добавил он, заметив, как пухлая ладошка Бережного потянулась к баулу.

Валентин замер на секунду, виновато улыбнулся и, сдав задним ходом, проследовал в коридор.

— Чёрт, — хмыкнул Стас. — Впервые я так рад видеть Валю.

— Надеюсь, что до утра теперь визитов не будет. Можешь отдохнуть.

Разбудил Стаса топот ног по коридору и беспрестанное хлопанье дверьми. Выйдя из комнаты, он едва разминутся с двумя легионерами, несущими тяжёлый деревянный ящик, и тут же был весьма грубо отодвинут в сторону появившемся из-за спины Старшим братом незнакомой наружности.

— Давно вы тут? — поинтересовался Стас у расположившейся в холле группы камуфлированных товарищей, но ответа не удостоился и, выматерившись себе под нос, пошёл на улицу разыскивать капитана.

Картина вокруг бывшего бандитского логова за прошедшие восемь часов изменилась кардинально. Пустой двор заполнили десятки человек, таскающих из пяти припаркованных рядом грузовиков, к высоткам и в здание, всевозможное имущество, от раскладных стульев, до тяжёлых пулемётов на треногах. Так же в поле зрения Стаса моментально попали два БТР-80, КамАЗ „Выстрел“, БМП-3 и автоцистерна. Старшие братья поправляли броню и звенели пулемётными лентами, время от времени порывая на путающихся под ногами людишек. И всё это без какого-либо намёка на скрытность.

— Совсем рехнулись, — Стас подошёл к одному из руководящих разгрузкой легионеров. — Кто здесь главный?

— Что? — смерил тот Стаса взглядом. — А ты сам-то кто такой? Чего здесь ошиваешься?

— Я из отряда капитана Репина.

— А чего спрашиваешь тогда? Он и есть главный. Мы к вам в усиление приданы.

— Это Репин распорядился тут парад организовать?

— Ну ни я же. Вон твой капитан, — указал легионер рукой в сторону БМП и двух стоящих рядом с машиной человек. — Иди и там возмущайся, не мешай работать.

— Что тут творится? — вклинился Стас в разговор Репина и, судя по промасленному комбинезону, механика-водителя. — Осталось только салют дать из всех орудий. А как же секретность?

— В общем, ты мою мысль уяснил, работай, — закончил капитан с наставлениями, после чего уделил внимание Стасу. — Давай-ка отойдём. Секретность больше не требуется, — продолжил он, удалившись подальше от шума и выхлопов рокочущего дизеля. — Муром в кольце.

— Как „в кольце“? — удивился Стас.

— Основные наши силы уже подтянулись в район Стрелочного завода. Часть техники ещё в пути, но и она скоро прибудет. В трёх километрах от западного пригорода стоит мотострелковый батальон. Владимирский тракт закрыт союзными отрядами.

— И это за одни сутки?

— Сомневаюсь, — невесело усмехнулся капитан. — Хозяин любит всё просчитывать на несколько ходов вперёд. А я не настолько крупный чин, чтобы обладать всей информацией. Но, как бы там ни было, основная фаза началась.

— А кто контролирует северный район с портом?

— Там стоят бригады.

— Близко стоят?

Репин повернул голову в сторону высоток, и Стас последовал его примеру.

На самой верхотуре, раскачивая свисающие до земли тросы, копошились человеческие фигурки, занятые укреплением большого серого контейнера.

— О его содержимом, — продолжил капитан, — здесь знают только семь человек. И все они будут с наветренной стороны.

— Угу. Понимаю.

— Кстати, — Репин достал из подсумка и протянул Стасу красную тряпицу с изображённым по центру белым кулаком на чёрном щите, таким же, какой красовался на бортах машин и нашивках легионеров. — Повяжи и не снимай. В суматохе всякое случиться может. Колу с Бережным я такие уже раздал. Да бери, не бойся, это ж не обручальное кольцо.

Стас усмехнулся и принял знак различия.

— А как в Легион вступают? — спросил он, прилаживая повязку на плечё. — Какой-нибудь ритуал предусмотрен?

— Разумеется. Новичкам дают два стакана самогона и после ставят в круг с тремя инструкторами по рукопашному бою на десять минут. Выживших торжественно зачисляем в наши ряды.

— Ну, я примерно так и думал. Ничего сложного, — пошутил в ответ Стас. — Каковы будут наши дальнейшие телодвижения?

— Укрепим плацдарм, смонтируем оборудование, и будем ждать следующего приказа.

— Оборудование?

— В этих грузовиках, — кивнул Репин на колонну тентованных ЗИЛов, — четыре двигателя от аэросаней. Хозяин не слишком уповаает на бога.

— Тут я с ним солидарен.

Работа вокруг высоток кипела до полудня. Технические бригады равняли грунт и

трудились над постаментами для гигантских вентиляторов, после чего начали сборку. Экипажи боевых машин окапывали технику, насыпая брустверы из кирпично-бетонного крошева. Остальные помогали в меру сил, или дежурили на огневых точках, готовые прикрыть коллег в случае вражеских поползновений. А некоторые просто убивали время.

— Мощная штука? — Коллекционер прохаживался вокруг БТРа, заглядывая в распахнутые люки, и надоедая вопросами без того умаявшемуся экипажу. — Сколько весит? А запас хода какой? Прожорливая скотина. У неё ведь турбонаддув? А я слышал, будто она ещё и плавает. Серьёзно? Ну ни хрена ж себе! А как это четырнадцать тонн на воде держаться? Да пиздижь небось? О, Станислав, — замахал охотник рукой, приметив знакомое лицо. — Иди сюда. Вот ты, как настоящий вшивый интеллигент, ответь мне — может четырнадцатитонная железяка плавать со скоростью девять километров в час? Это ж не лодка какая-нибудь. Это ж почти танк. Танки, я знаю, по дну могут ездить, они герметичные. Но плавать-то как?

— Ну, — потёр Стас подбородок кулаком, — восемь огромных колёс и гидрореактивный движитель — вот залог успеха.

Коллекционер собрался, было, выдвинуть очередной контраргумент, но передумал.

— Сомнительно-сомнительно, — поморщился он скептически. — Я бы на такой дуре в реку не полез.

— Судя по тине, — указал Стас на бурые комья вдоль сварных швов, — именно так эта дура сюда и добралась.

Коллекционер недобро прищурился, чувствуя бесплодность дальнейших пререканий, цокнул языком и отошёл, дав, наконец, труженикам лопаты и лома спокойно заниматься обустройством позиции.

— Ещё немного и они бы тебя побили, — заметил Стас.

— Скучно тут, — вздохнул охотник. — Ни выпить, ни перепихнуться. Даже поговорить толком не с кем. Павлов — скотина — что ни скажи ему, со всем соглашается, или ржёт, как лошадь. К Дикому капитан не пускает. Вот и шляюсь из стороны в сторону, сам себя развлекаю. Может ты хоть, расскажешь чего интересного?

— Муром взят в кольцо.

— Тоже мне новость. Это я ещё в пять утра слышал.

— На севере стоят бригады.

— Вполне ожидаемо. Не своих же Хозяин будет под удар ставить. Им, небось, никто и не сказал, что тут, в самом деле, намечается. Убьют двух зайцев одним махом — и отходы северные на время прикроют, и навашинских проредят. Рулить бригадами всё равно не выйдет, себе дороже. А без этого держать их под боком, какой смысл? Разве что от Святых можно толка добиться. Ты, кстати, не в курсе, они тоже пришли?

— Этого капитан не рассказывал, но заикнулся ещё про какие-то союзные отряды, которые на Владимирском тракте стоят.

— Интересно, — Коллекционер задумался, водя ладонями по лацканам плаща. — Союзные — читай: „чужие“. А кого Легион мог подрядить со стороны? Деревенские на такое дело однозначно не подпишутся. Значит, остаются наёмники или окрестные банды. А этот хозяин — не дурак, нужно отдать ему должное. Представляешь, сколько контактов пришлось наладить, чтобы затем в течение трёх-четырёх суток собрать это разношёрстное отребье в единый кулак? У мужика явный талант. А, Станислав, как думаешь, может и впрямь славная эпоха вольных стрелков к концу близится? Сколотит хозяин армию, да и отмерит, поступью железной, границы нашей Родины. Воцарится закон там, где правила пуля. Придут в дикие земли порядок с процветанием. Тьфу блядь! — охотник сплюнул и усмехнулся. — Того и гляди, жопа от сласти склеится.

— Репин предложил мне вступить в ряды Легиона, — поделился Стас последней новостью.

— И что? Ты согласен? — поинтересовался Коллекционер без особого удивления.

— Не решил ещё.

— А чего тут решать-то? Вступай. Чем больше отряд, тем сочнее кусок. Сытно, надёжно, и доля с трофеев обещает быть немалой.

— Он и с тобой на эту тему говорил?

— Говорил, — кивнул охотник. — Не удивлюсь, если скоро и Валя станет легионером. Легион сейчас всех грести начнёт. Война, брат, штука такая. Расходного материала много требует.

— Они завербовали уже около сотни наёмников. По крайней мере, так говорит капитан.

— Что такое сотня? Времена изменились, Станислав. Посмотри вокруг — пятидесятитысячный город осаждён. Это уже не междоусобная грызня. Всё гораздо серьезнее. Мой тебе совет — не конись, присоединяйся. Иначе рискуешь остаться без работы.

— А ты? Как сам-то поступишь?

— У меня другой профиль, — улыбнулся Коллекционер. — Получу своё золото, улажу здесь дела кой-какие, и двину к Уралу. Туда железная длань Легиона ещё не скоро дотянется.

Остаток дня Стас провёл, лёжа на койке и размышляя о предложении капитана, пока влетевший в комнату боец не прервал вялотекущий ход мыслей.

— Общий сбор! Все к машинам!

Та же команда почти синхронно зазвучала с разных сторон, и коридоры заполнил топот.

Схватив вещи и выскочив из здания, Стас наткнулся на Бакаюрова.

— Началось?! — схватил он сержанта за плечо.

— Скорее! — махнул тот в сторону дальнего грузовика, перекрикивая шум двигателей и лопастей, запущенных на полную мощность вентиляторов. — Только что получен приказ отходить!

В хвосте кузова, заполненного двумя десятками легионеров, уже расположились Дьяченко, Павлов и Коллекционер.

— Плотнее-плотнее усаживаемся! — командовал лейтенант на правах старшего по званию.

Стас с сержантом оказались последними пассажирами и, взобравшись, подняли задний борт.

Едва крепления сели в пазы, машина дрогнула и начала разворот, встраиваясь в замыкаемую двумя БТРами колонну.

— Где капитан? — обратился Стас к Павлову.

— В командирском „Выстреле“, от рации не отходит.

— Из-за чего такая спешка?

— Точно не знаю. Вроде бы переговоры о сдаче города сорвались, теперь будем штурмовать. Ветер как раз подходящий.

— А что с грузом? Без охраны оставим?

— Тс-с-с, — лейтенант придвинулся ближе к Стасу. — Мы тут не одни. А о грузе позаботились. Как только выйдем за периметр, будут активированы минные заграждения. Да и подобраться к нему не так просто.

— Об чём шепчемся, бабоньки? — подключился к беседе Коллекционер. — Уже муромские закрома делим? Без меня?

— Да, — усмехнулся Стас, — Никак не можем решить, чьих дочурок осчастливим в первую очередь, Грицука или Бурова. Кстати, ты про друга своего, Александра Дмитриевича, не забыл?

— Обижаешь, — охотник вынул из-за пазухи брезентовый мешочек и продемонстрировал содержимое — облепленный солью большой палец правой руки. — Дикой, вообще-то, левша, но тот палец больно уж неэстетично выглядит, сломан два раза и без ногтя.

Сидящий напротив Коллекционера Дьяченко отвернулся и сделал несколько глубоких вдохов.

— Тебе ведь за него не платили, — напомнил Стас. — Как же место присуждать будешь в своей коллекции?

— Для друзей, Станислав, — ухмыльнулся охотник, — место всегда найдётся.

Через восемь минут колонна остановилась. Слепящие фонари позади идущего БТРа свернули налево, описывая круг световыми снопами.

— Всем покинуть машину, — скомандовал лейтенант и личным примером увлёл за собой бойцов.

— Молодец какой, — язвительно похвалил Павлова охотник, выскочив следом. — Тебе бы батальоны в атаку поднимать.

— Не исключено, что такая возможность скоро представится, — улыбнувшись, ответил тот. — Занять круговую оборону!

Грузовики заглушили двигатели. Боевые машины закончили перестроение. Личный состав быстро рассредоточился по обочинам широкой дороги.

— Где мы? — Стас покрутил головой, тщетно пытаясь сориентироваться в кромешной темноте, разбавляемой только далёкими отсветами муромских прожекторов.

— Владимирский тракт, — ответил Репин. — Мы вон с той стороны приехали, — указал он на едва различимый за лесом силуэт высотного здания.

Стас присмотрелся и вздрогнул от неожиданности, когда на самой верхушке обглоданного временем каменного столба вспыхнула яркая точка, а через секунду раздался хлопок.

Сердце ёкнуло, нервный озноб встряхнул мышцы, желудок сжался, наполнив рот горечью.

— Они всё-таки сделали это, — прошептал сидящий рядом на корточках охотник. — Мать вашу ети. Не могу поверить. Они убили Муром.

Узкая белёсая линия подсвеченного прожекторами неба начала расти, становясь шире и плотнее. Подхваченное ветром аэрозольное облако двигалось на город. Медленно, бесстрастно и неотвратно.

Стас молча наблюдал разворачивающуюся картину, не находя сил чтобы вымолвить хоть слово. Да и в голову не приходило ничего, соответствующего моменту. Прошлые раздумья, в которых он рисовал себе этот миг, разом поблекли, сделавшись ничтожными и глупыми. Слишком быстро всё произошло. Слишком буднично. Без громких речей и бравурных маршей. Одна лишь вспышка вдалеке, за черным лесом, и смерть открыла счёт. Кошмарная, не разбирающая жертв, не знающая пощады. Там, в считанных километрах, люди корчились, слушая хруст собственных позвонков, вывернутых чудовищными спазмами. Тысячи людей. А ему видна была лишь светлая дымка, простирающаяся всё дальше и дальше.

— Станислав.

Чья-то рука легла на плечо и с силой встряхнула.

— Эй! Оглох что ли? — перед глазами появилось наполовину скрытое капюшоном лицо. — Может, водички глотнёшь?

Стас пошатнулся и упал, не удержавшись на затёкших в присяде ногах.

— Всё нормально, — поднял он руку, за которую тут же был схвачен и переведён в вертикальное положение.

— Уверен? — переспросил Коллекционер.

— Да. Просто... — Стас потёр слегка онемевшее лицо. — Я в порядке.

— Что-то не похоже. Десять минут без движения на карачках просидел. Я собирался ещё понаблюдать, но сомнение одолело — жив ли ты вообще, да и грузиться скоро. Мы присоединяемся к батальону возле западного пригорода, а через три часа входим в Муром. Каково? — охотник расплылся в кривом оскале. — Честно скажу — не рассчитывал на такой исход. Жопой чувал — что-нибудь пойдёт вкривь. Ан нет! Вот думаю заглянуть в эсесовское управление, прихватить сувенир на память о Бурове.

— Ты так и не рассказал, на что собираешься потратить своё золото.

— А тебе, в самом деле, интересно?

— Да, интересно.

— И ржать не будешь?

— Обещаю.

— Хм, — Коллекционер подошёл ближе и, понизив голос до шёпота, продолжил: — Я хочу построить аэростат. Серьёзно. Здоровенный, мать его, воздушный шар. Всю жизнь о таком мечтаю, с самого детства. Я уже и продумать всё успел. Купол и стропы в Иваново закажу, а горелку с корзиной местные смастерить помогут. Соберу всё это добро, загрузюсь топливом, провизией, балластом, и полечу на восток, к Уралу, а может и дальше. Охота мир посмотреть. Представляешь, какой он оттуда? — охотник улыбнулся и кивнул вверх, в звёздное небо.

— Нет, — покачал головой Стас, — не представляю.

— А то, может, вместе махнём?

— Убиться не боишься?

— Ты же знаешь, я — фаталист. Судьба одна, и её не изменишь.

— По машинам! — раздался приказ.

— Ладно, побазарим ещё, — Коллекционер зашагал к грузовику, но остановился на полпути и обернулся. — Ты чего? Поехали, — окликнул он Стаса.

— Езжай, — ответил тот, оставаясь на месте. — Я вас найду. Прогуляюсь немного.

— Ну, смотри.

Колонна развернулась, подняв клубы пыли, и очень скоро превратилась в вереницу далёких огоньков.

Стас постоял ещё минуту, глядя им вслед, вышел на середину Владимирского тракта, повернулся лицом к городу, сел, скрестив ноги, и закрыл глаза.

Тишина октябрьской ночи нарушилась приближающимися звуками шагов. Идущих было много. Десятка два или больше. Их топот перемежался разговорами и смехом. Скрипели телеги, фыркали лошади. Шли не спеша, не таясь, без опаски.

— Смотри-ка, — раздалось за спиной, метрах в пятнадцати. — Это что ещё за хрен с горы?

Шаги стихли. Перед Стасом в овале света возникла его собственная тень.

— Эй! Козлина! Чего расселся посреди дороги?

— Слышь, обмудок! К тебе обращаются!

— Молчать, — спокойно и вкрадчиво произнёс знакомый голос. — Наёмник?

— Да, — ответил Стас, не оборачиваясь.

— У тебя хороший автомат.

— Самый лучший.

— И я его уже видел. Моя фамилия — Звягинцев.

— Я знаю.

— И обещание моё не забыл?

— Помню.

— Что ж, тогда пора платить.

— Пора.